А. П. СМИРНОВ

ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Выпуск XIX

А. П. Смирнов

ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

МОСКВА * 1951

Редактор С. П. Толстов

Рисунки карандашом художника Д. И. Архангельского
Обложка художника З. Р. Коварской

ВВЕДЕНИЕ

История волжских булгар — одна из значительных и интересных страниц нашего прошлого.

Объединив многие племена среднего Поволжья, Булгарское государство сыграло немалую роль в процессе этногенеза народов Поволжья. Без знания истории волжских булгар нельзя написать историю казанских татар, чуваш, мордвы, мари, удмуртов и коми. Нельзя забывать, что волжские булгары явились основой, на которой сформировалось Казанское ханство и, наконец, история волжских булгар тесно связана с историей древней Руси, особенно с историей Владимиро-Суздальского, Рязанского и Московского княжеств.

Тесные культурные взаимоотношения булгар с Русью характеризуют период X—XIV вв. и вместе с тем этот период наполнен борьбой между русскими и булгарскими князьями за включение племен Поволжья в свою феодальную систему, борьбой, закончившейся присоединением Казани к Москве в 1552 году. Историческое значение Булгарского государства этим не исчерпывается. Его столица «Великие Болгары» являлась международной ярмаркой, где сходились купцы из разных стран тогдашнего цивилизованного мира — Руси, Византии, Арабского халифата, Хорезма и Китая. Все это делает понятным наше внимание к истории булгар.

Возникновение Булгарского государства обычно связывают с появлением в Поволжье в VII веке нашей эры кочевых булгарских племен, до этого обитавших в Приазовье. Об этом событии сообщают византийские источники, упоминающие о племенах булгар, родственных утургурам и кутургурам. Но этот весьма фрагментарный материал не позволяет воссоздать всю историю сложения Булгарского царства, и мы оказались бы бессильными в этом вопросе без привлечения данных археологии.

Изучение археологических материалов среднего Поволжья и нижнего Прикамья, начиная с I тысячелетия до н. э. и кончая булгарскими, указывает на существование в культуре булгар многих элементов ранних культур края,— обстоятельство, позволяющее заключить о большой роли местных племен в формировании Булгарского государства.

В такой плоскости вопрос о возникновении царства волжских булгар был поставлен нами в 1938 году [1]. В старых исследованиях только иногда кратко упоминается о подчинении местных оседлых племен пришлой булгарской орде, как, например, в работах Н. Фирсова [2], Ю. Готье [3] и В. Смолина [4]. Недостаточное внимание к этому вопросу объясняется тем, что письменные источники крайне скудны, а археологические, несмотря на большое их количество, изучены были еще слабо.

За исключением небольшого числа отрывочных свидетельств византийских и армянских историков, наибольшее количество письменных до-

кументов относится ко времени после X века, когда булгарская государственность уже сложилась. Скудость письменных документов по ранней истории булгар делает основным материалом для освещения этого периода памятники археологические. Однако наибольшее количество таких памятников на территории Булгарского царства являются пока анонимными. Городища, грунтовые могильники, курганы — только зарегистрированы; в лучшем случае мы можем отнести памятник, и чаще всего условно, к той или иной эпохе по случайному материалу, найденному при рекогносцировке [5]. Очень часто отдельные памятники относят к эпохе булгаро-татар на основании одних только местных преданий, хотя несомненно, многие из них могли существовать еще задолго до возникновения Булгарского царства. В работах К. Невоструева [6] и С. Шпилевского [7] целый ряд поселений отнесен к интересующей нас эпохе без достаточного обоснования. Иногда городище более древней эпохи датируют эпохой булгаро-татарского княжества только на основании показаний крестьян, якобы находивших «кирпичи», считающиеся принадлежащими татарской эпохе, но которые при внимательном осмотре оказываются кусками глины из обожженного вала. Такое состояние вещевых источников сильно затрудняет детальное изучение исторического процесса, приведшего к образованию в бассейне Волги и Камы Булгарского государства.

Как уже отмечено, археологические памятники булгар и татар воспринимаются как одно целое. Это обусловлено большой трудностью определения материала. Большинство городищ, особенно крупных, существовавших в эпоху Булгарского царства, хотя и были разрушены во время нашествия монголов, но после быстро отстроились и продолжали существовать еще значительное время, а некоторые пережили и расцвет, как, например, город Великие Болгары. Необходимо вместе с тем учесть, что еще в ту эпоху их жизни, благодаря постоянным перестройкам и связанным с ними земляным работам, более древние наслоения перемешивались с более поздними, причем, естественно, перемешивались и вещи. В этом одна из причин, затрудняющих распределение вещей стратиграфически по эпохам, более ранней булгарской и поздней татарской.

Здесь могли бы оказать большую помощь могильные комплексы, но, к сожалению, этот отдел археологии разработан еще очень слабо. Впрочем в археологической литературе мы имеем несколько работ, выделяющих из вещественного материала булгарские вещи. Например, можно назвать работу В. Гольмстен [8] по керамическому материалу городищ Самарской луки, наиболее серьезное и удачное из всех имеющихся пока исследований. Но, конечно, окончательные выводы будут возможны только после больших раскопок городищ, особенно из числа существовавших только в булгарскую или золотоордынскую эпоху. Только тогда можно будет окончательно разрешить этот вопрос.

Причиной того, что большинство исследователей не стремилось разграничить друг от друга булгарский и татарский материал, было то, что культура народов Поволжья, входивших в Булгарское государство в период монгольского владычества, оставалась местной; в городах попрежнему работали булгарские ремесленники, а на полях те же крестьяне; монголы не принесли с собой новой культуры, наоборот, они сами многое восприняли от булгар и культура Золотой Орды имеет много булгарских элементов.

Такое состояние материалов позволяет определить территорию и границы Булгарского царства в разные эпохи только приблизительно. В раннюю эпоху Булгарского царства его северным рубежом являлась река

Кама. В Закамье вещи булгарские (в частности керамика) встречаются в очень незначительном количестве. Большинство памятников, городища и могильники типично туземные. Здесь, в Закамье, мы знаем ряд исследованных городищ по Ижу — Тойме, по которым эту границу можно проследить довольно точно. Такие памятники, как Кашан [9] и «Чортово городище», находящееся около Елабуги, носят уже иной характер, по остаткам построек и по бытовому материалу являясь своего рода форпостом булгар [10].

Западная граница охватывает восточную часть Чувашии, северо-западная же ее часть лежала вне границ Булгарии, хотя население находилось под сильным влиянием булгар. Археологические исследования, проведенные в Чувашии за советский период, открыли на территории республики ряд булгарских городищ. Наиболее важным из них является крупное городище четырехугольной формы, расположенное в бассейне р. Булы, около деревни Большая Тояба. Оно окружено мощным валом от 6 до 10 м высоты. Точная его датировка установлена Третьяковым [11] на основе керамического материала. Находка гончарной посуды булгарского типа из красной глины с характерным зубчатым орнаментом заставила П. Н. Третьякова отнести этот памятник ко времени волжских булгар. Близ этого городища экспедицией Государственной Академии истории материальной культуры в 1931 году было открыто у деревень Большой Яльчик, Байбатырево, Байтериково и Рабузи несколько селищ, давших точно такую же керамику; она представлена большими округлыми горшками с поперечными ручками и гладкими кувшинами с одной ручкой. Наряду с этой гончарной булгарской посудой встречается грубая, лепленая из теста с примесью толченых раковин, украшенная веревочным орнаментом. Эта керамика, как можно судить по памятникам Самарской луки, всегда встречается вместе с типично булгарской.

Городище этого же типа известно также около д. Гагашево. Оно окружено мощной системой обороны из трех рядов валов. Подобные городища [12] встречаются и далее на восток и в большом числе известны по р. Свияге; описание их можно найти в работе С. М. Шпилевского. В этом районе встречаются также надгробия с надписями арабским шрифтом, датируемые временем Золотой Орды. Весьма интересны земляные валы на территории Чувашии и на западе Татарской АССР.

На Волге памятники булгарской культуры встречаются на Самарской луке, около Ульяновска и в некотрых местах Куйбышевской области, южная же граница намечается приблизительно в пределах Саратовской области; до этой черты мы встречаем довольно большое количество вещественных памятников булгар. Юго-восточный угол границы определяется свидетельством русской летописи: «Того же лета (1229)... Саксин и Половци възбегоша из низу к Болгаром перед Татары и сторожеве Болгарьскыи прибегоша бьени от Татар близь рекы, ей же имя Яик» [13]. Из этого указания видно, что где-то близ р. Урал проходила южная граница Булгарского царства. Граница на востоке, повидимому, пройдет по р. Белой, так как на правом берегу не известны ни могильники, ни городища, которые мы могли бы отнести к булгарской культуре.

Такова приблизительно территория волжской Булгарии.

Основной проблемой, привлекавшей внимание большинства исследователей, была проблема этнической принадлежности булгар. Вопрос этот подробно разобран в работах Н. Шишманова [14] и В. Смолина [15], где дан подробный перечень всей литературы.

Еще не так давно одним из господствующих мнений было утверждение родственности древних булгар и современных чувашей,— точка зрения, в настоящее время уточненная.

Истории Булгарского государства, несмотря на значительный интерес, проявляемый к этому впросу, посвящено лишь небольшое количество работ. Большинство из них рассматривают период с X века до 1236 года суммарно. Одними из весьма серьезных работ являются исследования А. Френа [16], в которых автор разобрал и дал правильную оценку нумизматического материала, оценку, сохранившую значение до наших дней [17].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. П. Смирнов. О возникновении государства волжских булгар. «Вестн. древн. истории», № 2, М., 1938, стр. 7.

[2] Н. Н. Фирсов. Прошлое Татарии. Казань, 1926.

[3] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 159.

[4] В. Ф. Смолин. Археологический очерк Татреспублики. Материалы по изуч. Татарстана, т. II, Казань, 1925, стр. 32.

[5] А. П. Смирнов. Очерки из истории волжских булгар. Труды ГИМ, в. XI, М., 1940.

[6] К. И. Невоструев. О городищах древнего Волжско-болгарского и Казанского царств. Труды I Археол. съезда, т. II, М., 1871, стр. 521.

[7] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань. 1877.

[8] В. В. Гольмстен. Материалы по археологии Самарской губ. Керамика древних поселений Самарской луки. Бюлл. О-ва археол., ист., этногр. и естествозн. при Самарском унив., № 3, Самара, 1925, стр. 5.

[9] П. А. Пономарев. Булгарский город Кашан. Казань, 1893, стр. 6.

[10] А. А. Спицын. Прикамский край. Матер. по археол. восточн. губ. России, в. I, М., 1893. Что булгарское государство в X веке не распространялось вглубь области по правому берегу Камы, доказывается фактом отсутствия там крупных населенных пунктов. Все известные города относятся к монгольской эпохе, как, например, город Керменчук. Он впервые упоминается в русских летописях под 1399 годом, все найденные в нем археологические и эпиграфические материалы — поздние. (См. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губ., стр. 145, 242, 244; ЖМНП, 1878, март, стр. 44; Известия IV Археол. съезда, № 4 и 7; Е. Т. Соловьев. Где был древний булгарский город Керменчук). Город Кашан, как установлено изысканиями П. А. Пономарева,— булгарский город Кашан (См. Изв. О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XI, в. 2, Казань, 1893). Он существовал с XIV в. Памятник с арабской надписью, находившийся у дер. Гордино на Чепце, давший право некоторым исследователям вводить Чепецкий край в орбиту булгарского государства, относится тоже к XIV веку. (См. Али-Рахим. Болгарские памятники в Вятском крае. Материалы по охране, ремонту и реставр. памятников ТАССР, в. 4, Казань, 1930, стр. 49).

[11] П. Н. Третьяков. Средневековые феодальные поселения ЧАССР. Сообщения ГАИМК, № 5—6, 1932, стр. 26.

[12] В. В. Гольмстен. Доисторическое прошлое Самарского края. «Краеведение», Самара, 1924, стр. 150—173.

[13] ПСРЛ, т. I, Л., 1926, стр. 453.

[14] Н. Шишманов. Критичен переглед на вопросе за происхода на прабелгарите. Сборник «За народни умотворения», т. XVI—XVII, София, 1900.

[15] В. Ф. Смолин. К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар. Казань. 1921.

[16] А. Френ. О новейшей монархии волжских булгар. СПб., 1816.

[17] Краткий разбор исследований дан в работе А. П. Смирнова «Очерки по истории волжских булгар». Труды ГИМ, в. XI, М., 1940, стр. 125.

ГЛАВА I

ДОФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

История среднего Поволжья и нижнего Прикамья достаточно хорошо изучена начиная с эпохи I тысячелетия до н. э. Это время, названное в археологии ананьинской эпохой, известно по материалу городищ и могильников. Ряд сводных работ по памятникам этого времени, из которых отмечу исследования А. А. Спицына [1], А. В. Шмидта [2], А. М. Тальгрена [3] и А. В. Збруевой дают основание утверждать, что эта культура генетически связана с культурой предшествующей эпохи, которая испытала воздействие южной срубной культуры.

Большой интерес представляет антропологический материал этого времени. При раскопках Луговского могильника было извлечено 36 черепов. Исследованиями Т. А. Трофимовой установлен резко выраженный монголоидный их характер, хотя у некоторых из них отмечена слабо заметная европеоидная примесь. Т. А. Трофимова в своей работе [4] указала, что монголоидный тип, представленный в погребениях Луговского могильника, отличается относительно низким и очень плоским лицом с крайне слабо выступающим носом, и обладает резко покатым лбом с сильно развитым надбровьем. Более южные памятники срубной культуры дают иной материал. Два могильника у Маклашеевки и Полянок позволили тому же автору установить европеоидный тип населения этой части Поволжья (район нижнего течения рек Майны и Утки). Он характеризуется мезокефалией, относительно широким (для европеоидных групп) лицом, умеренно выступающим носом и среднеразвитым рельефом черепа. Т. А. Трофимова отмечает, что эти черепа сближаются с аналогичным материалом этого времени степей Украины, Поволжья и Западной Сибири. В этом сходстве нет ничего необычного, так как оба отмеченные могильника относятся к срубной культуре и расположены на северной ее границе. Т. А. Трофимова полагает, что смешение европеоидных и монголоидных типов в Прикамье началось в ананьинскую эпоху. Но эти черты прослежены у населения времени X — XIV вв. и у ряда современных народностей Волгокамья и Приуралья — мари, чувашей, удмуртов, коми, татар, башкир [5]. Эти выводы антропологов имеют существенное значение для решения вопроса формирования народов Поволжья.

Для восстановления физического облика человека ананьинской культуры могут иметь значение и две могильных плиты с фигурами мужчины и женщины, найденные в Ананьинском могильнике и хранящиеся в собрании Госуд. Исторического музея, у которых, несмотря на

весь схематизм изображения, может быть констатирована некоторая монголоидность.

Установленное антропологами смешение монголоидов с европеоидами с ананьинской эпохи шло, с одной стороны, за счет проникновения некоторой части населения с юга из области срубной культуры, а с другой стороны за счет пришлого населения с востока, из Сибири, из области Енисея, где обитали племена, которых китайцы называли динлинами. Этот приток населения с востока довольно хорошо подтверждается археологическим материалом из Ананьинского могильника и разных мест Молотовской области. Так, можно указать характерный в этом отношении клевец с плоским обушком и с головкой хищной птицы, помещенной в углу между втулкой и боевым выступом клевца; этот тип широко распространен в области Енисея среди памятников тагарской культуры [6]. К таким же вещам можно отнести бронзовые и железные кинжалы с плоским навершием и с перекрестием в форме крыльев бабочки.

Из числа случайных находок в Молотовской области, изданных И. Аспелиным, необходимо отнести к тому же разделу бронзовые фигуры оленей с подвернутыми ногами и длинными ветвистыми рогами, прижатыми к спине, навершие с фигурой горного козла с закрученными рогами и бронзовые кинжалы с прорезной рукоятью.

Трудно допустить, чтобы эти рядовые вещи, аналогичные которым производились в области племен ананьинской культуры, могли попасть сюда в результате одних только торговых связей. Вероятнее всего здесь было также и проникновение самого населения. Не исключается возможность, что военные отряды динлинов ходили в далекое Прикамье и здесь частично могли остаться.

Проникновение сибирского элемента продолжалось и позднее, в эпоху пьяноборской культуры. Достаточно указать на большое сходство Подчеремских находок с вещами Ишимского клада и сходство вещей звериного стиля Уфимского могильника с аналогичными вещами с Енисея. Однако этот сибирский элемент в нижнем Прикамье был не особенно значительным.

Гораздо большая связь намечается с западным Поволжьем. Сравнивая материал могильников первых веков нашей эры типа Кошибеевского с могильниками пьяноборской культуры, мы видим одну и ту же форму косника, состоящего из полуцилиндриков и заканчивающегося рожками, одни и те же типы шейных гривен, тот же венчик из ремня с узкими штампованными пластинами. Сюда же надо отнести близкие по форме ажурные застежки и коньковые привески.

Археологический материал позволяет говорить о проникновении отдельных групп населения из племен левобережья на правый берег и наоборот. Об этом свидетельствуют скорченные погребения в Пьяноборских могильниках первых веков н. э., характерных для эпохи бронзы юга и сохранявшихся на правобережье Волги до XIV в. н. э. Проникновение чужеземцев было облегчено ослаблением родовых отношений и начавшимся процессом сложения территориальной общины. Повидимому, в первые века нашей эры племена обеих областей Поволжья входили в один союз племен, а это неизбежно вело к тесному сближению населения.

Магические и культовые предметы пьяноборской эпохи также свидетельствуют о смешении племен в этот период. Фигурки зверей, характеризующие в основном тотемистические представления и существовавшие в ту эпоху в виде пережитка, имеют черты, позволяющие говорить о смешении в одних и тех же изображениях черт, свойственных различ-

ным животным. Так, среди предметов из Гляденовского костища имеется фигура лося с мордой хищника, возможно волка [7]. То же самое можно сказать относительно вещей Подчеремского клада, где имеются фигурки лошадей (с петлями для ношения), у которых хорошо передана морда лошади, но хвост и туловище мелкого хищника. Такого же рода явления изучал проф. В. А. Городцов на сибирском материале. Им была высказана мысль, что подобное соединение в одном изображении особенностей различных животных отражает отношения между людьми, т. е. говорит о смешении родов и племен и их слиянии.

Все эти факты показывают, что в пьяноборскую эпоху в Прикамье складывались союзы племен — первый шаг к формированию народов.

Самым древним письменным документом, упоминающим о булгарах, является свидетельство сирийца Мар-Абаса-Катину, жившего в III веке н. э., о том, что булгары, обитавшие к северу от кавказских гор, в 149—127 гг. до н. э. вторглись в Армению [8].

Это сообщение передано автором VIII века Моисеем Хоренским [9]. Ему принадлежит и следующее упоминание о булгарах: «Восемнадцатая страна, азиатская половина Сарматии, граничит восточными оконечностями гор Рипия, рекой Танаисом, морем Меотис, проливом, соединяющим его с Понтом Евксинским, далее на восток берегами того же моря (Понта) до впадения в него реки Каракса (т. е. Ингира), далее Кавказскими горами, прилегающими к Грузии и Албании до Камийского моря и до впадения в него реки Соянос (Сунджи). О такой реке нигде не слыхать. В Сарматии лежат горы Кераунские и Гиппийские, которые выпускают из себя пять рек, впадающих в Меотийское озеро. Из Кавказа текут две реки: Валданис (т. е. Кубань), текущая до горы Кракс, которая начинается у Кавказа и тянется на северо-запад между Меотисом и Понтом. Другая река Псевхрос отделяет Босфор от тех мест, где находится городок Никопс. К северу от них (нее) живут народы турков и болгар, которые именуются по названию гор: Купи-Болгар, Дуги-Болгар, Отхондор, Бикарпишельцы, Чда-Болгар»...

Другое свидетельство, также одно из самых древних, интересное тем, что разделяет болгар и гуннов, принадлежит византийцу Феофану [10]. «В сем году (506 год до н. э.) Ватвиан, занявши всю Фракию, Скифию и Мизию со множеством гуннов и болгар, покорил Ахиян и Одиссополь, равно как поразил Кирилла, военачальника Фракийского и, опустошая все, дошел до самого Константинополя...».

Под 671 годом у Феофана говорится: «В это время народ болгарский вступил во Фракию. Здесь необходимо сказать о древности Унно-вундов, Болгар и Котрагов. По ту сторону на северных берегах Евксинского Понта, за озером, называемым Меотийским, на восточных берегах Меотийского озера, за Фанагорией, кроме евреев живут многие народы. За тем озером, выше реки Куфиса, в которой ловят болгарскую рыбу кепст, находится древняя Великая Болгария и живут соплеменные болгарам котраги. Во времена Константина на западе Кроват, обладатель Болгарии и Котрагов, скончался, оставив пятерых сынов, которым завещал никогда не расходиться, ибо таким только образом могли они всегда владычествовать и остаться не порабощенными от другого народа. Но не в продолжительном времени по кончине его пять сынов пришли к разногласию и разошлись все, каждый с подвластным ему народом. Старший сын по имени Ватвиан, соблюдая завещание отца, поныне остался в земле своих предков, второй сын, брат его, по имени Котраг, перешедший за Танаис, поселился насупротив старшего брата... Когда

они таким образом разделились на пять частей и стали малочисленными, то хазары, великий народ, вышедший из Верзитии, самой дальней страны первой Сарматии, овладели всею Запонтийскою Болгарией до самого Понта и, сделавши данником старшего брата Ватвиана, начальника первой Болгарии, поныне получают от него подати».

Имеется упоминание о Болгарии и у Константина Багрянородного: «И Болгария, и самый Истр, и знаменитая гора, называемая Гемос, идущая до самого моря, суть части Фракии, теперь же чужие. Эта часть Фракии поставлена была во власть константинопольского императора и в ней до сего времени не было правителя. А с тех пор как ненавистное богу болгарское племя перешло через реку Истр, сам император вторжением скифов и болгар вынужден был ввести порядок в эту часть Фракии и поставить в ней правителя. Произошел же переход варваров через Истр реку в конце царствования Константина Погоната. Тогда и это имя сделалось известным, прежде же их называли оногундурами» [11].

В византийской истории Никифора Грегора [12] говорится о болгарах, как одном из скифских племен: «Теперь я объясню, откуда получила имя Болгария. Есть страна, лежащая по ту сторону и севернее Истра, а река через нее протекает Волга, от нее и сами туземные жители получили название болгар, а сначала были они скифы. Оттуда с детьми и женами переселились они сюда в то время, когда язва иконоборства нападала на благочестивых. Перешли они реку Истр в громадном числе и распространились по обеим Мизиям». Далее, говоря о скифах, Грегора пишет: «Названия различные дают им древние мудрецы: Гомер называет их киммерийцами, Геродот разнородными скифами, Плутарх — кимврами и тевтонами»... ...«Так и скифы — те, которые поселились ближе всех к древней скифской земле, сохраняли неизменным свое название, ибо и сами называются скифами, и земля, питающая их, зовется скифской землей».

Упоминания об этих племенах встречаются в работах Прокопия, Агафия и Менандра, для которых они известны под именем утургуров и кутургуров.

Из перечисленных свидетельств древних авторов явствует, что болгары были автохтонами степей Приазовья и входили в число алано-сарматских племен, долгое время по литературной традиции называвшихся скифами [13].

Византийские историки разделяли котрагов и болгар точно так же, как не смешивали гуннов и болгар (свидетельство Феофана), считая их самостоятельными народами.

Археологический материал III—IX вв. нашей эры весьма однохарактерен для большой территории юго-восточной Европы. Одни и те же памятники встречаются и у Харькова, где был открыт Салтовский могильник, и на Северном Кавказе, где известны могильники той же культуры у аула Чми, Кумбулта, и аналогичные памятники по р. Кубани. Эта культура связывается обычно с аланскими племенами. Болгарские племена по занимаемой территории и по характеристике, данной им византийскими историками, должны быть отнесены к этой группе племен, генетически связанной с сарматами.

История I тысячелетия н. э. в северном Причерноморье представляет картину постоянных столкновений между отдельными племенами. Читая хроники византийских историков можно на коротком отрезке времени наблюдать смену названий господствующих племен. Это положение может быть объяснено только тем, что слагавшиеся в северном Причерно-

морье союзы племен, как союзы оборонительные и наступательные, быстро возникали и быстро распадались в зависимости от политической обстановки.

В III веке н. э. в Восточной Европе возник союз племен, возглавлявшийся военными отрядами пришлых готских племен, появившихся из Прибалтики, известный в истории под именем «царства Германариха». Этот союз, развивавший наступательную деятельность, заставил не вошедшие в него племена степей Причерноморья объединиться в целях обороны и создать другие союзы. В IV веке возникли союзы антов и гуннов, вступившие в борьбу с готами. В 375 году гунны разбили готов. Позднее, в V веке, возникает союз племен, возглавляемый болгарами. Только этим можно объяснить появление имени болгар в сочинениях западных писателей [14]. Этот последний союз племен предпринял ряд военных походов во Фракию (482, 499, 502 гг.). В VI веке он достиг могущества и его имя стало широко известно византийским писателям. Распад этого могущественного союза племен можно связать с сообщением о смерти Кровата и о расселении его сыновей.

Военные столкновения между племенами и образование Хазарского каганата заставили часть булгарских племен откочевать к северу.

Так могли кочевники-булгары из группы алан-сарматов вместе с остатками гуннов и других кочевников появиться в среднем Поволжье.

Среди керамического материала городища Великие Болгары встречается немало обломков посуды, напоминающих по фактуре, форме и орнаменту посуду салтовского типа и сарматскую. Особенно интересны ручки в виде животных, повторяющие сарматские из района р. Кубани. Этот факт крайне знаменателен и косвенно свидетельствует о приходе на среднюю Волгу с юга значительной и однородной по этническому составу группы, сумевшей сохранить на новом месте в продолжении длительного времени среди чуждых племен свои этнографические признаки.

В числе откочевавших племен были булгары, давшие свое имя городу Болгару, и савиры или савары, упоминаемые Птолемеем, автором II века н. э., смешавшиеся с оседлыми племенами среднего Поволжья и основавшие город Сувар или Сивар.

Появление в среднем Поволжье кочевников не было новым явлением. На несколько веков раньше здесь кочевали сарматы, о чем можно судить по раскопкам сарматского могильника близ сел. Киишки, Башкирской АССР, открытого экспедицией Государственной Академии истории материальной культуры под руководством П. А. Дмитриева и относящегося ко времени III—II вв. до н. э.[15].

После распада болгарского союза племен часть их перешла на Дунай, где они ассимилировались с славянами, а часть осталась в области Меотиды.

Значительно позднее, в X веке, в сочинении Абуль-Хасана Али ибн-Хусейна аль-Масуди, эта последняя часть булгар упоминается иногда вблизи Черного и Азовского морей. Его сведения относятся к этим остаткам булгарских племен, черным болгарам, а не к волжским. Этим и объясняется сбивчивость и кажущаяся ошибочность сообщений аль-Масуди.

Археологический материал, характеризующий волжских булгар, достаточно хорошо известен по раскопкам ряда городищ. Изучение его дает возможность установить тесную связь между булгарскими памятниками и более ранними городищами края с «рогожной» керамикой и с

пьяноборской культурой. В нижних слоях булгарских городищ находят керамику, сделанную от руки, напоминающую керамику ранних городищ края и более северной пьяноборской культуры. Такая связь наблюдается и в других вещах, в частности в украшениях. Подобные связи имеются и с аланской культурой. Все это заставляет видеть в культуре булгарских городищ продолжение культуры предшествующих эпох.

Сарматская культура южных областей за длительный период своего существования не оставалась неизменной. В эллинистический период она имела много точек соприкосновения со скифской, что заметно в обряде погребения, в форме могильной ямы и в вещах. Позднее, в III—IV вв. н. э., появляются новые типы погребений, что сказывается в ориентировке покойника головой на север, в форме могильной ямы с подбоем, в деформации черепов и новых типах вещей. Между ранними и поздними погребениями можно установить генетическую преемственность [16].

Тогда же, в позднюю стадию, в нижнем Поволжье, наряду с сарматскими, появляются небольшие курганы с трупосожжениями, датируемые IV—V вв. н. э., которые, однако, не принадлежат сарматам [17]. Можно полагать, что эти немногочисленные памятники оставлены антами, у которых, судя по материалу Приднепровья и Дона, господствовал обряд трупосожжения.

Наряду с этим нужно отметить курганы, в которых некоторые исследователи склонны были видеть гуннские погребения. Это курганы №№ 2 и 3 близ станции Шипово [18], давшие несколько особый обряд погребения в узких глубоких ямах, где среди вещей были найдены деревянные изделия, обложенные золотыми пластинками. Технический прием изготовления этих вещей заставляет вспомнить некоторые вещи из раскопок Радлова и С. В. Киселева. Весьма вероятно, что в этих курганах похоронены или сарматизированные гунны, о чем свидетельствует деформация черепов, характерная для сармат, при несколько необычном обряде погребения, или, наоборот,— сарматы, испытавшие влияние гуннов. Эти погребения пока немногочисленны и не дают оснований для обобщений.

От последующей эпохи в нижнем Поволжье остались курганные погребения. Одно из них находится близ Зиновьевки на р. Узе, другое открыто около Саратова в 1934 году. Оба они датируются VI—VII вв. н. э. Эти погребения связываются с хазарской эпохой и принадлежат аланам. Культура эта, судя по отдельным находкам, заходила далеко на север, в область нижнего Прикамья.

Генетическая связь между булгарскими археологическими памятниками и более ранними заставляет привлечь весь археологический материал для уяснения некоторых вопросов ранней истории булгар. При этом его фрагментарность требует несколько расширить хронологические рамки работы и использовать весь известный материал первого тысячелетия нашей эры.

Археологические памятники с территории Булгарского царства того времени, к которому относятся приведенные выше свидетельства Моисея Хоренского и Феофана Византийского, делятся на две культуры. Первая культура занимает лесную часть области, это культура оседлого населения, а вторая — сармато-аланская, простиравшаяся на всю степную часть края,— культура кочевников и земледельцев.

Лесная область была занята культурой городищ «рогожной» керамики. К поздним стадиям этой культуры необходимо отнести и могильники типа Армиевского и Иваньковского. Это положение, принятое рядом исследователей, например, А. Спицыным [19] и В. Гольмстен [20], не

вызывает сомнений. В самом деле, городецкая культура рогожной керамики на своей поздней стадии теснейшим образом связана с могильниками типа Армиева и Иванькова.

Городища этой культуры весьма однообразны. Почти во всех случаях они расположены по берегам рек, с двух сторон ограждены оврагами, а с напольной стороны защищены одним или двумя валами [21]. Эти городища продолжали существовать весьма долго; на некоторых из них встречаются даже вещи золотоордынской эпохи. Например, на городище близ селения Березняки, против озера Поганая Яма, в верхнем слое встречены фрагменты татарской посуды, в то время как нижний слой дал вещи, обычные для ранних городищ [22]: небольшую зернотерку, глиняные грузила и керамику с рогожным орнаментом. Несомненно, что такое состояние материала затрудняет выяснение исторического процесса, и поэтому ряд весьма важных деталей остаются неосвещенными.

Отмеченные выше городища не характеризуют собой какую-то новую, принесенную со стороны культуру, а являются следствием развития более ранних стадий местной культуры. На эту мысль наводит присутствие на городищах этой культуры нижнего слоя с архаической керамикой, приготовленной из промешанного глиняного теста с примесью дресвы и пресноводных раковин. Стенки сосудов толстые, дно плоское, поверхность сглаженная. Подобная керамика имеет широкое распространение в пределах нижнего и среднего Поволжья.

К сожалению, ничего нельзя сказать о характере поселений раннего времени. Раскопками не установлено, соответствовал ли этот нижний слой открытому поселку или укрепленному городищу. В данном случае мы можем делать предположения, только опираясь на аналогичный материал родственной дьяковской культуры, хорошему знанию которой мы обязаны исследованиям В. А. Городцова, А. В. Арциховского, О. Н. Бадера и П. Н. Третьякова.

Большую часть найденного при рекогносцировках материала составляет керамика. Вся она резко делится на два типа. Первый тип — это посуда, украшенная рогожным орнаментом. Она дает в большинстве сосуды крупных размеров, приготовленные из глины без примеси, или же с небольшой примесью песка или дресвы высокого но неравномерного обжига, чем объясняется и неравномерная окраска поверхности. Второй тип — гладкая посуда небольшого размера с плоским дном. Посуда хорошего обжига, приготовленная так же, как и первый тип, вручную, без выточки на гончарном круге. Такая посуда обычно украшена по верхней части или веревочным или точечным орнаментом. Необходимо отметить, что большинство обломков принадлежит гладким сосудам. Некоторые сосуды сделаны из глины с примесью толченой раковины.

Соотношение разных типов керамики на разных городищах различно. На некоторых подавляющее количество принадлежит рогожной керамике, второй же тип, с гладкой поверхностью или украшенный веревочным или точечным орнаментом, представлен в незначительном числе [23]. Находки в других городищах дают совершенно иную картину соотношения этих типов и материал их содержит меньше рогожной керамики [24].

По наблюдению, сделанному Л. А. Евтюховой [25], а позднее П. Н. Третьяковым [26] над материалом Дьяковских городищ, рогожная посуда соответствует более древним стадиям культуры и исчезает на более поздних этапах развития.

Аналогичную картину мы имеем и в Поволжье. Так, в некоторых культурных слоях, относящихся ко времени Булгарского царства, наряду с керамикой булгарского типа мы встречаем керамику несколько модернизированную, а иногда и аналогичную гладкой посуде городищ рогожной керамики. То же можно сказать и относительно материала самого городища Великие Болгары. Явление, установленное для Дьяковских городищ Московской области, может считаться подтвержденным и для Поволжья. В результате мы получаем, правда, несколько условное деление городищ на хронологические этапы, от более древних через более поздние, к городищам Булгарского царства. Никакого перерыва между «древними городищами рогожной керамики» и «болгарскими», как это утверждает В. Гольмстен [27], на территории Поволжья не было.

На городищах находят также каменные тёрки для размола зерен, грузила от рыболовных сетей, костяные и железные стрелы, шлаки, ножи, напрясла, кости животных (лошадей, овец, коров). Этот материал сходен с материалом дьяковской культуры. На городищах открыты круглые ямы — землянки. Они обнаружены как на самой площадке городищ, так и вне укреплений. На некоторых городищах землянки расположены по краю поселения [28], аналогию чему можно указать в Городецком городище [29]. Землянки имеют круглую или четырехугольную форму, диаметром до 17 м и глубиной до 75 см [30]. Наряду с такими крупными землянками встречаются землянки небольших размеров. Нахождение в землянках керамических материалов, аналогичных городищенским, дает право отнести землянки ко времени и культуре городищ. Кроме землянок на некоторых городищах были открыты жертвенники в виде глиняных куч, аналогичные открытым Ю. Гендуне [31].

Наряду с городищами, которые могут быть определены как укрепленные деревни, встречаются и открытые селища. Они известны в районе гор. Хвалынска, где М. Радищев открыл в лесу группы ям-землянок с культурным слоем [32]. Отмечены они В. В. Гольмстен и в Куйбышевской области. Таковы селища близ деревни Новинки, селище близ дер. Винновки на берегу оврага Ближний Крутенький, селище в 5 км от г. Куйбышева близ Кирпичных Сараев, селище близ селения Царевщины, недалеко от Куйбышева [33]. Наличие большого числа рогожной керамики, характерной для древней стадии культуры, позволяет определить эти памятники как открытые поселки, предшествующие появлению укрепленных деревень.

Другой характер имеют селища, находящиеся в Кузнецком районе, в бассейне р. Узы; там близ селения Армиева, недалеко от могильника V века, рядом с городищами экспедицией Нижневолжского института краеведения открыто в 1928 году несколько селищ. На одном из них раскопками обнаружены землянки 8—9 м в диаметре. Это селище примыкает к городищу, которое имеет несколько наслоений, показывающих его долговременное существование. Нижний слой содержит рогожную керамику, а верхний гладкую керамику, аналогичную открытой на могильнике. Та же керамика обнаружена и на селище. Таким образом, поздний характер этого селища можно считать установленным. Аналогичное селище было открыто около второго Армиевского городища.

Весь этот материал позволяет пока притти к следующим выводам. Вначале появились городища, расположенные на малодоступных местах и укрепленные рвом и валом, т. е. городища, являвшиеся в основе укрепленными деревнями, и, наконец, началось расселение родовых групп по открытым селищам и превращение укрепленных деревень в городища-

убежища, куда население приходило только в случае опасности. Последний этап падает приблизительно на время существования Армиевского могильника, т. е. на V—VI вв. Этот этап продолжался весьма долго; во всяком случае и в булгарскую, и позднее, в татарскую эпоху, существовали поселения этого же типа. В качестве примера можно привести селище между деревнями Выползовой и Подгорами у подножья горного массива, селище близ селения Сосновый Солонец, селище близ д. Валы, селище между деревнями Александровской и Моркваши, селище между деревнями Мордово и Кольцовой на южном берегу р. Лерки [34]. Из городищ-убежищ булгарской эпохи отмечу Кармалинское, городище близ селения Торновой, городище на Мангихе и др. [35].

Несомненно, все эти изменения в характере поселений были обусловлены изменениями в хозяйственной и общественной жизни населения.

Широкое распространение открытых поселков явилось показателем сложения союзов племен, прекративших враждебные отношения между племенами, что содйствовало объединению этих племен и дальнейшему развитию их хозяйственной деятельности.

Могильники типа Армиевского теснейшим образом увязываются с поздними стадиями развития поселений. Таких могильников изучено несколько, в том числе Иваньковский [36], исследованный П. Ефименко, и затем Армиевский могильник близ селения Армиева, недалеко от г. Кузнецка, в районе двух рек Узы и Суры. Первый могильник датируется III—VII вв. н. э. и в своем инвентаре обнаруживает полное сходство с могильниками Борковским, Курманским и Кузьминским. Второй могильник относится ко времени около II — V века н. э. и, как Иваньковский, дает в своем инвентаре черты, сходные с рязанскими могильниками. Оба могильника относятся к одной эпохе и имеют близкий характер. Первая черта, бросающаяся в глаза при анализе Иваньковского и Армиевского могильников, это наличие богатых и бедных погребений,— факт, свидетельствующий об отживании родовых отношений. Материал Иваньковского могильника не особенно велик (вскрыто 19 погребений). Как отмечает Ефименко большинство могил в нем бедны, очевидно, потому, что сохранилась только окраина древнего могильника. Все же экспедиции удалось вскрыть одно погребение (№ 10), оказавшееся весьма богатым.

Гораздо больше материала дает Армиевский могильник. Наличие экономического неравенства устанавливается здесь несомненно [37]. Надо полагать, что богатые погребения таких могильников характеризуют выделение родовой аристократии и указывают на то, что общество того времени находилось на стадии развития, которую Ф. Энгельс называл военной демократией [38].

На основании всего археологического материала можно утверждать, что к началу нашей эры основным занятием населения являлось оседлое скотоводство, охота и мотыжное земледелие. О скотоводстве можно говорить по костям домашних животных — коров, лошадей, овец, свиней. Удельный вес охоты трудно определить, но, во всяком случае, наличие стрел и костей диких животных дает право говорить о развитии и этой отрасли хозяйства. Земледелие было мотыжным, чему соответствует находка мукомольных зернотерок на городище Ахматском [39] и близ селения Березняки [40]. Такие примитивные зернотерки в северо-восточной Европе сопутствуют мотыжной системе земледелия. Уже ранние поселения открытого типа, например, близ селения Винновки на берегу оврага Ближний Крутенький. или у д. Новинки на берегу р. Воложки,

дают материал, указывающий на наличие скотоводства, которое при дальнейшем развитии создало богатство, потребовавшее защиты. Появление первых укреплений деревень-городищ рогожной керамики было прямым следствием этого процесса.

Учитывая, что скотоводство и охота, являвшиеся главной основой хозяйства, находились в руках мужчин, а женщина играла небольшую роль в хозяйственной жизни, и учитывая также широкий процесс распада родовых отношений, можно предполагать наличие патриархата у этих племен.

Одновременно шел процесс перехода средств производства, прежде всего скота и пашни, во владение отдельных семей, который и породил экономическое неравенство, сначала незначительное, но в дальнейшем все более увеличивающееся, что прекрасно отражено в материале могильников Иваньковского и Армиевского. Процесс этот связан с начавшимся отделением ремесла, о котором свидетельствуют погребения кузнецов-литейщиков в Армиевском могильнике.

Развитие производительных сил шло главным образом по линии развития скотоводства и связанного с ним земледелия. Изменение формы поселения, замена укрепленных деревень селищами и тесно связанными с ними городищами-убежищами, свидетельствует о прогрессе земледельческой техники, который в корне изменил отношения внутри возникающей патриархальной семьи. Если сначала мотыжное земледелие, являясь подсобным в хозяйстве, до некоторой степени давало возможность женщине принимать участие в производстве, то переход к плужной обработке земли и подсечной системе в лесной местности передал в руки мужчин и эту отрасль хозяйства, отстранив тем самым женщину от участия в производственной жизни и оставив за ней только домашнее хозяйство. Этот переход способствовал укреплению патриархального строя и усилению власти мужчин. Появление открытых селищ, судя по материалу Армиевского городища, датируется временем Армиевского могильника, т. е. приблизительно V—VI вв. н. э.

Переход к более высоким формам земледелия привел к освоению плодородных земель левобережья Волги. Последние работы экспедиции Казанского филиала Академии наук СССР в районе рек Ахтая и Бездны под руководством Н. Ф. Калинина привели к открытию в нижних слоях на ряде городищ керамики того же типа, которая встречается в верхних слоях городищ рогожной керамики.

Интересно селище, открытое на городище Болгары в 1947 году. Там на площадке, известной под именем Бабьего бугра, в нижних слоях была открыта стоянка, давшая керамику того же облика — битрапецоидные напрясла, характерные для этой культуры, и красную пастовую бусину типа, встречаемого в ранних окских могильниках. В этом же слое была открыта землянка, в значительной части разрушенная, имеющая форму прямоугольника, со стенками, облицованными досками. Эта землянка аналогична Городецкой, исследованной В. Городцовым [41]. Весь материал позволяет отнести это селище, как и слои ряда городищ по Ахтаю и Бездне, к поздней стадии городищ рогожной керамики. Появление таких селищ на левом берегу Волги свидетельствует о расселении племен правобережья. Открытое селище на Бабьем бугре относится к середине I тысячелетия н. э. Несколько более поздним временем датируется курганный комплекс с примитивным ральником и вещами салтовской культуры VIII — IX вв. [42]. Этот ральник доказывает наличие плужного зем-

леделия у племен левобережья Волги уже к VIII веку н. эры.

Таким образом, уже ко времени образования Булгарского княжества, этот край был в основе земледельческим. Таким его знают и арабские путешественники. Ибн-Русте отмечает: «Болгаре народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, както: пшеницу, ячмень, просо и др.» [43]. Как мы знаем, булгары мололи из зерна муку с помощью ручных мельниц (табл. I, рис. 1).

То же говорит и ибн-Фадлан, участник посольства арабского халифа Муктадира в страну булгар: «Главной пищей их служит просо и конина, хотя их поля с избытком дают ячмень и пшеницу». О большом развитии земледелия говорят и русские летописи под 1024 годом: «Бе мятежь велик и голод по всей той стране, идоша по Волзе вси людье в Болгары и привезоша жито, и тако ожиша» [44].

В булгарскую эпоху мы встречаем уже развитые земледельческие орудия, точная датировка которых пока еще дело будущего, но которые во всяком случае бытовали уже в X веке. Переход к плужной обработке земли потребовал большого количества железных орудий — топоров и сошников. Это содействовало еще большему развитию металлургии (рис. 2—5).

Итак, в середине I тысячелетия н. э. племена, занимавшие лесную часть края, находились на стадии военной демократии. Распад рода на противостоящие ему отдельные семьи, экономическое неравенство этих семей, военные дружины, находившиеся в лучшем экономическом положении и в силу

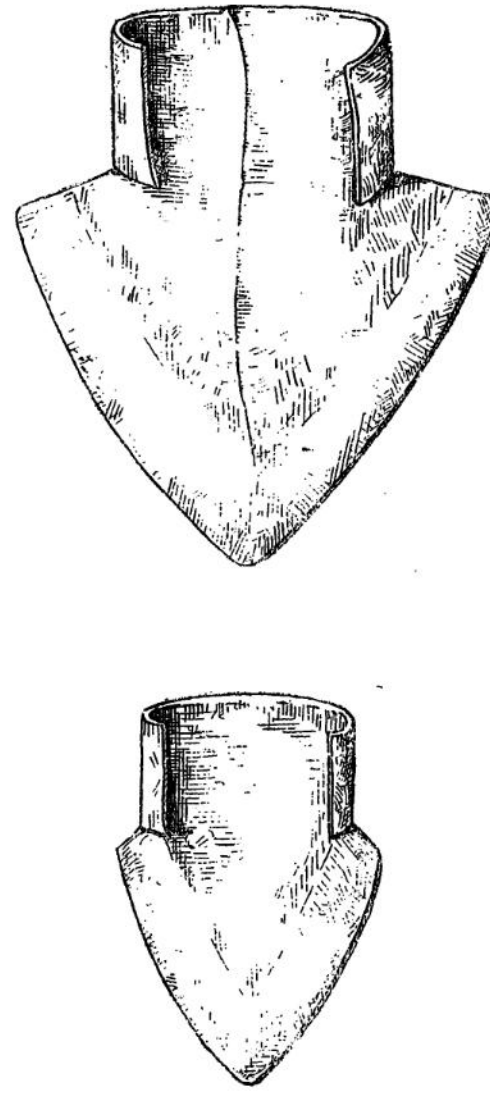

Рис. 2-3. Булгарские сошники.

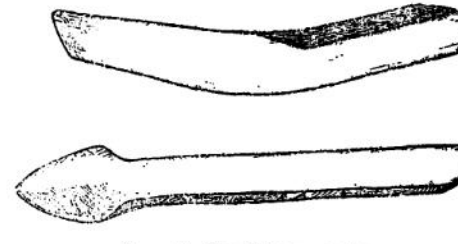

Рис. 4. Плужные ножи.

этого служившие опорой нового института частной собственности на средства производства,— все эти явления подводят нас к порогу классового общества.

Ту же картину классообразования мы наблюдаем и у кочевников, занимавших степную часть среднего Поволжья и генетически связанных с более поздними булгарами. Эти кочевые культуры Поволжья начала н. э. довольно однохарактерны и определяются в археологической литературе общим термином «сарматы», объединяющим разные племенные образования. Античные писатели начала н. э. именем сармат также называли различные племена.

В первые века н. э. кочевники переживали стадию распада родового строя. Несмотря на кажущееся однообразие, инвентарь погребений дает право говорить о наличии экономического неравенства. В качестве примера можно привести Сусловский могильник, погребения сармат по р. Колышлея, Аткарского района [45], погребения под Бугурусланом и Куйбышевым. К числу особо богатых могил можно отнести могильный комплекс близ д. Федоровки, Бузулукского района [46]. На основании имеющегося материала можно говорить о полукочевом образе жизни этих племен. На некоторую их оседлость указывает наличие культурных слоев, как, например, в могильнике близ д. Тонкошуровки Саратовской области, давших типичную для сармат керамику и вещи. Основой хозяйства являлось скотоводство — разведение мелкого и крупного скота [47].

Патриархальные отношения сложились здесь раньше, чем в более северных районах. Показательны в этом отношении захоронения рабынь-женщин вместе с другим имуществом в могиле умершего мужчины. Примером может служить курган № 16 Сусловского могильника, где было обнаружено два костяка: один мужчины лет 30, лежавший в вытянутом положении на спине (длина костяка — 1,57 м), другой девочки лет 12 (молочные зубы сменялись на постоянные), лежавший в вытянутом положении, причем голова ее лежала на кисти правой руки мужчины. Другим примером может служить погребение в кургане № 46, где посреди могилы лежал костяк мужчины зрелого возраста в вытянутом положении, а слева от него, на расстоянии 18 см, в западном подбое на дне могилы лежал костяк женщины средних лет, тоже в вытянутом положении, а непосредственно под костяком мужчины, лежавшим на досках, оказался костяк подростка 15 лет.

Здесь может быть установлено и наличие патриархального рабства. В качестве примера приведу могилу около селения Тонкошуровки, где рядом с основным костяком найдены были кости человека, сложенные в специальной выемке рядом с погребенным покойником. В кургане же № 49 Сусловского могильника раб был похоронен в особой могиле. Основным погребением этого кургана было погребение воина с мечом и другими вещами, но в том же кургане было впускное погребение с костяком мужчины в вытянутом положении, ориентированным к северо-северо-востоку; в черепе этого костяка оказалось отверстие, следы пролома круглой формы; вещей при этом костяке не было. Впускное погребение, несомненно, свидетельствует о насильственном умерщвлении человека, на что указывает пробитый череп, а отсутствие вещей говорит о его низком социальном положении. Предположить в данном случае погребение человека, погибшего в бою, нельзя; как бы он ни был беден, при нем должны были положить некоторый необходимый

инвентарь. Достаточно проглядеть дневники раскопок, чтобы убедиться в этом — в самых бедных погребениях всегда есть какая-нибудь железная пряжка и один или два сосуда. Полное отсутствие вещей говорит об иной социальной группе.

Развитие скотоводства у сармат, приведшее к распаду родовой организации, явилось стимулом к зарождению родовой аристократии. Археологический материал свидетельствует о наличии военных дружин. Это видно из того, что военное оружие встречается не во всех мужских погребениях. Так, погребения №№ 4, 17, 19, 22, 25, 29, 56 и др. не имеют никаких предметов вооружения, часть же мужских погребений носит ярко выраженный военный характер: с покойниками лежат мечи, боевые секиры, стрелы и колчаны. Таковы в Суслювском могильнике курганы №№ 16, 23, 27, 42, 49 и др. И такой же характер носят и другие сарматские кладбища. Мы имеем поэтому полное право сделать вывод о существовании обособившихся военных дружин [48].

Перед нами типичная картина заката родового строя. Этот процесс распада родовой организации был несколько ускорен благодаря тому, что население Поволжья было втянуто в торговый обмен. Шкуры, скот и меха шли отсюда на далекий юг. Однако значение этой торговли не приходится переоценивать. Импортные вещи встречаются не часто. Золотые бляшки, бусы, римские фибулы,— все это вещи очень дешевые, массового производства, их находят далеко не во всех погребениях.

Этот процесс классообразования у кочевников наблюдался в первые века нашей эры, причем, судя по части погребений, он усилился позднее IV века.

Более поздние эпохи представлены слабо. Во всяком случае позднесарматская культура, правда, в очень фрагментарном виде, прослеживается еще в VII—VIII вв. н. э. Например, в районе рек Суры и Узы вскрыто одно такое погребение. Позднесарматские погребения были исследованы также близ города Аткарска [49], но они сильно отличаются от более ранних и их вещи по характеру своему близки уже к вещам Салтовского и Борисовского могильников.

Нужно учесть, что с IV—V вв. н. э. в Поволжье появляются новые волны кочевников с юга, которые накладывают на местные кочевые племена свой отпечаток и смешиваются с ними. Среди них были и булгары. Исторические источники называют также гуннов, которые пришли из Азии [50], пройдя по южной части приволжских степей. Гунны, несомненно, в некоторой части смешались с сарматами. Это движение гуннов произвело некоторую перегруппировку среди сарматов-алан, что и нашло свое отражение в известиях византийских историков (Феофана и др.). В языке современных чуваш, которых связывают с древними булгарами, мы видим немало гуннских слов [51]. Таким образом, смешение древних обитателей приволжских степей сарматов с гуннами является несомненным фактом.

Итак, еще до времени возникновения Булгарского княжества лесостепная часть Поволжья была занята оседлыми племенами, а степная— кочевыми и оседлыми, включавшими в свой состав и булгар. И те и другие переживали последний этап распада родового строя.

Каковы же были взаимоотношения этих племен? Конечно, между ними происходил постоянный обмен продуктами производства. Достаточно ознакомиться с Армиевским могильником V—VII вв. н. э., чтобы увидеть, что обитатели городищ находились в тесной связи с сарматами, отдавая им предметы сырьевого сбыта и получая от них украше-

ния, посуду и оружие. Этот обмен выходил за рамки Поволжья. Достаточно вспомнить археологические материалы Закамья, чтобы убедиться в том, что украшения и оружие шли туда с юга и с юго-востока, вероятно через тех же кочевников. В коллекции, добытой при исследовании Гладеновского костища, имеется громадное число золоченых стеклянных бус и найдены восточные монеты I века н. э. Позднее, уже в сасанидскую эпоху, количество восточных вещей в Прикамье возрастает. Интерес к пушнине на юге с самого начала нашей эры был большой. Эта потребность в мехах стимулировала рост в Закамье пушного промысла. Точно так же, как и в Поволжье, охота здесь носила в значительной мере промысловый характер.

Таким образом, торговые связи шли с юга на север, и эти связи, чем дальше, тем все более укреплялись. По волжскому пути на юг и на восток (в последнем случае — караванным путем) шла пушнина еще задолго до образования Булгарского царства. Но, конечно, было бы неправильным предполагать, что такие взаимоотношения были мирными и спокойными. Нужно помнить, что кочевники-скотоводы на данной ступени развития нуждались в рабской силе для обслуживания своего хозяйства. Это обстоятельство, как и обмен, в тех условиях неизбежно носивший грабительский характер, порождало военные столкновения, о которых ясно говорит археологический материал. В саратовском Заволжье был найден костяк с сарматскими вещами, в бедре которого торчал костяной наконечник стрелы того типа, который обычен в городищенской культуре [52].

Пережитки сарматской культуры прослеживаются до позднего времени. Рассматривая материал булгарских городищ X—XIV вв., как левобережья, так и правого берега Волги и Прикамья, и сравнивая его с материалом сарматской культуры, мы можем констатировать, что керамика позднего времени сохранила черты, присущие сармато-аланской культуре. Так, мы видим лощение сосудов, известное со времени сарматов, причем самый характер лощения полосами остался таким же. Форма сарматских сосудов с невысоким горлом, раздутыми боками и ручками, часто имитирующими фигуру животного (рис. 6), сохранилась в булгарскую эпоху в виде крынок с высоким горлом, с сильно раздутыми боками и с выступами на ручках,— далекий пережиток ручек, трактованных в виде фигур зверей. Таковы же миски, сохранившие древнюю форму до XIV века. Помимо керамики можно указать ряд других вещей из Прикамья, точно воспроизводящих вещи аланских могильников. К их числу надо отнести привески в виде круга или колеса с выступами по краям. Одни из этих привесок довольно простые, другие же более сложные, ажурные [53]. К этой же категории относится плоский круг, украшенный точечным орнаментом и по внешней стороне четырьмя головками хищных птиц — предмет, имеющий аналогии среди вещей аланской культуры Северного Кавказа. Близкие по форме вещи распространены и на территории самой волжской Булгарии. Большое сходство некоторых типов сарматских украшений с современными татарскими заставляет заключить о преемственной связи этих категорий вещей.

В качестве примера можно привести курган близ слободы Гусевки, Сталинградской обл., где в разграбленном погребении были найдены золотая серьга с гранатами и зернью, ушко от значительного по размерам зеркала, черепки от сосуда и блюда с черной лощеной поверхностью (рис. 7—8) [54]. Несомненно, что ряд татарских серег XVIII—XIX вв. представляет позднейшие варианты, восходящие к этим прототипам.

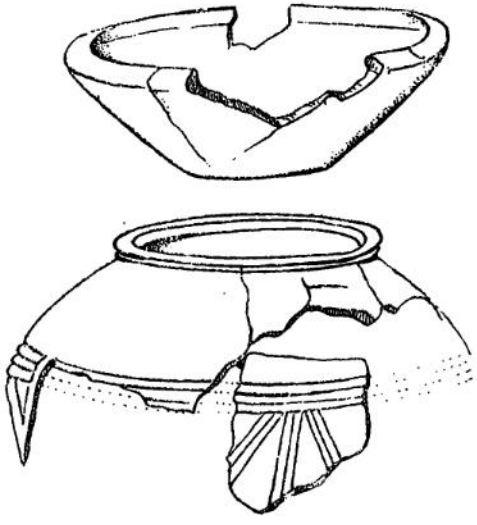

Рис. 7.

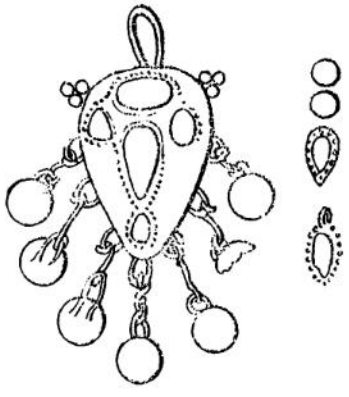

Рис. 8.

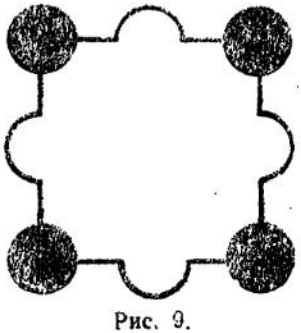

Рис. 9.

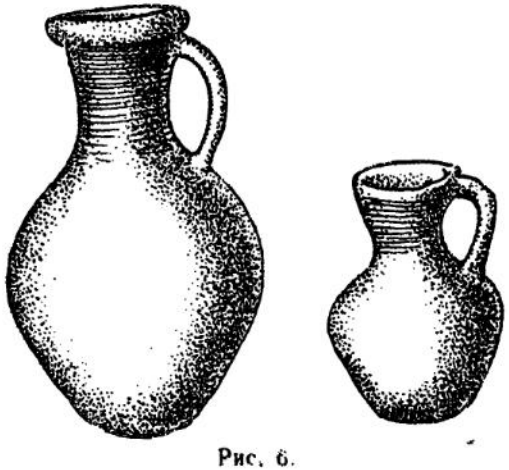

Рис. 6.

Рис. 5. Булгарский топор XI—XV вв —*Рис. 6.* Сарматская посуда из Сусловского могильника в нижнем Поволжье.—*Рис. 7—8.* Блюдо, фрагменты сосуда и золотая серьга из сарматского погребения в нижнем Поволжье. —*Рис. 9.* План укрепления на Чортовом городище близ Елабуги.

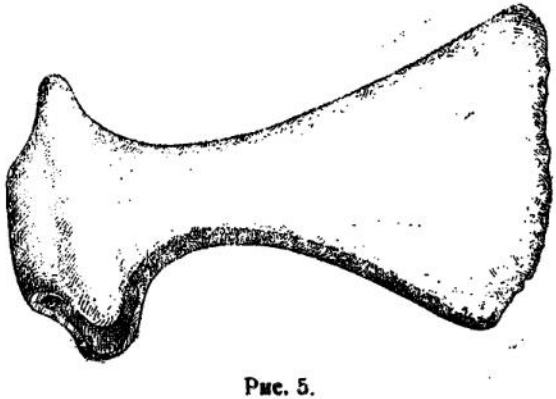

Рис. 5.

Наконец, нередкими в нижнем Прикамье являются серьги аланского типа. Все это подтверждает сведения византийских историков о приходе на нижнюю Каму булгар, входивших в состав аланских племен.

Сарматские черты прослеживаются и в антропологическом материале XII—XIV вв. н. э. Т. А. Трофимова в своей монографии, посвященной народам Поволжья, говорит, что изученная небольшая серия черепов из раскопок А. П. Смирнова в Суваре, относящихся к той же эпохе, что и описанные Г. Ф. Дебецом, позволяет констатировать намеченные им типы и одновременно отметить, что европеоидный тип суварской серии выступает более в брахикефальном варианте, напоминающем брахикефальные типы населения сарматской эпохи из нижнего Поволжья [54а].

Период с VII по IX век является временем развития и расцвета Хазарского каганата. Хазары подчинили себе значительную часть племен Восточной Европы, и в первую очередь среднее Поволжье. В эту эпоху прототюркский элемент проник в значительной части на территорию Булгарии. Незначительная примесь таких элементов, как отмечено выше, связана еще с гуннской эпохой.

До половины X века булгары находились в зависимости от хазар. В записке ибн-Фадлана приведено сообщение о том, что булгарский царь платит дань хазарскому царю, и сын первого находится в качестве заложника у второго. Приводятся сведения о военных походах хазар на булгар. Все это дает основание относить первое крупное проникновение сюда прототюркских элементов, следы которого сохранились в языке современных татар и чуваш с VI—X вв.

Булгарское государство, возникшее в X веке, было многоплеменным. Уже в эту эпоху можно было говорить о сильном смешении племен. Наряду с местными племенами, оставившими нам городища с рогожной керамикой, мы видим пришлую булгарскую орду из числа аланских племен, видим сильное влияние хазар и проникновение с ними прототюркского элемента, наконец, мы встречаемся с представителями многочисленных народов, осевших в Поволжье. Здесь, как и южнее, в памятниках Цимлянского городища, была сильна славянская струя. В Цимлянском городище раскопками последних лет открыто большое число чисто славянских погребений, а о руссах в Болгарах много говорят арабские источники.

Если мы обратимся к более раннему времени и возьмем степи Приазовья, откуда откочевали булгары в область нижней Камы, то увидим, что их соседями являлись многочисленные племена антов, расположенные в основном на территории лесостепи, откуда они распространялись дальше на юг, доказательством чего служит упоминание имени антов в боспорских надписях. В этой области позднее сложилось Тмутараканское княжество. Являясь соседями утургуров, анты были тесно связаны с последними, втянутые силой византийской политики в борьбу племен северного Причерноморья и Фракии. И те и другие, повидимому, нередко входили в одни и те же союзы племен, и совершенно естественна некоторая славянизация булгар еще в степях Приазовья. Этот процесс славянизации предполагал Маркварт в отношении западных булгар [55], это же предполагал и М. И. Артамонов и убедительно обосновал С. П. Толстов [56].

Имя антов, упоминаемое у Прокопия [57], Маврикия, Менандра и Агафия Схоластика, позднее начала VII века почти не встречается. Это

объясняется тем, что в это время в Приазовье большую роль играл Хазарский каганат, подчинивший себе многие племена степной и лесостепной полосы Восточной Европы.

Археологический материал также свидетельствует о проникновении черт славянской культуры в булгарскую культуру еще до появления булгар на нижней Каме. Так, в отношении некоторых деталей устройства жилищ булгар мы найдем аналогии в материале Роменских городищ, находящихся на антской территории. Их жилища представляли собою полуземлянки прямоугольной формы с небольшой глинобитной печью на полу. Эта печь, обычно располагавшаяся близ стены, была круглая в основании, размером около 70 см — 1 м в диаметре и приблизительно такой же высоты. С одной стороны печи устроено отверстие, ограниченное аркой в 30 × 30 см. Свод имеет толщину стенок около 20 см. Внутренность обожжена докрасна и закопчена сажей. Аналогичного устройства печи известны и в более раннюю эпоху. Так, В. А. Городцов на Бельском городище открыл глинобитные печи, относящиеся к скифской эпохе. В других областях, кроме юга, подобные сооружения неизвестны.

К более поздним типам глинобитных печей, восходящих к основному скифскому прототипу, принадлежит большая печь, открытая Б. А. Рыбаковым на Вщижском городище, старорязанские печи, исследованные В. А. Городцовым, и печи, открытые в Суваре. Все эти поздние печи расположены не на полу, а на постаменте из деревянных столбов и настила или сруба, как на Вщижском городище. Однако тип их все тот же. Если мы обратимся к материалу культур нижнего Прикамья и среднего Поволжья, предшествующих образованию государства булгар, то мы не встретим там подобных сооружений. Единственно возможное объяснение появления глинобитных печей у булгар может быть дано, если мы учтем, что булгары попали в среднее Прикамье сильно славянизированными и в какой-то мере ассимилированными антами. С этими булгарами попала в нижнее Прикамье и глинобитная печь, где она получила дальнейшее свое развитие.

За счет тех же этнических групп можно отнести и каркасные дома, обмазанные глиной, обычные в более ранних памятниках алан и антов и широко распространенные на Северном Кавказе, в области скифской культуры, и на более поздних Роменских городищах.

О наличии славянского элемента можно судить также по группе курганов с трупосожжениями в с. Балымерах, Куйбышевского района Татарской АССР. Эти курганы, давшие местный рядовой материал, отличны от другой группы курганов, известной по раскопкам А. Штукенберга. Эти Балымерские курганы исследовались неоднократно.

В 1870 году группу курганов куполообразной формы раскапывал некто Стоянов, давший отчет о своих раскопках в «Приложениях» к протоколам заседаний (21 апреля 1871 г.) Общества естествоиспытателей при Казанском университете.

Раскопки Стоянова дали неопределенные результаты: обнаружено было, что все шесть насыпей, раскопанных им, состояли из смеси песка и чернозема с некоторым количеством золы, углей и обгорелых костей животных.

Позднее, в 1882 году, раскопки курганов в окрестностях селения Балымеры производил П. А. Пономарев. Особенно удачной в смысле находок была раскопка одного кургана Пономаревым и Лихачевым,

обнаружившая оружие, доспехи покойника (причем труп был сожжен) и некоторые другие вещи.

«Таким образом, раскопка кургана довольно определенно выяснила следующую вероятную картину погребения: на поверхности земли раскладывается большой продолговатый костер; после сожжения на нем трупа погребаемого продукты горения несколько сгруживаются к центру, так что костище суживается и укорачивается; затем на образовавшейся кругом него расчищенной полосе, сохранившей только отчасти следы пепла, в определенном порядке раскладываются оружие и прочие вещи, и в заключение над местом погребения насыпается курганообразный холм» [58].

К числу вещей, найденных в этих курганах и хранящихся в Государственном музее ТАССР, принадлежит коллекция В. В. Егерева, состоящая из наконечника копья, двух медных золотоордынских монет, ральника, трехгранного наконечника стрелы, наконечника широколопастной стрелы с полукруглым дугообразным лезвием, металлической пластинки, костяной иглы, двух бусин, двух напрясл и небольшого сосуда.

В коллекции Казанского общества археологии, истории и этнографии имеется несколько обломков сосуда из красной глины высокого обжига, напрясло и фрагмент восточного зеркала со следами орнаментации [59].

При обследовании кургана Шолома в 1924 году В. Смолиным было собрано 26 обломков посуды из желтоватой темной глины с примесью крупнозернистого песка, плохого обжига. При исследовании в 1925 году в этом же кургане было обнаружено 30 костищ и найдено большое число обломков посуды с грубой бугристой поверхностью, с сильно утолщенным дном. Глина буровато-темная, с примесью крупнозернистого песка. Обжиг сосудов низкий.

Наряду с посудой этого типа, составляющей 95 проц., найдено незначительное число обломков посуды высокого обжига из хорошо промешанного теста, сделанной на гончарном круге. Удалось установить среди посуды горшки, чаши, кувшины, миниатюрные сосудики. Помимо этой посуды была найдена янтарная подвеска. Вероятнее всего, что этот курган представляет коллективное кладбище, существовавшее в период IX—XII вв. По своему характеру он напоминает ранние славянские курганы с трупосожжением. Отличием является отсутствие погребальных урн.

Есть все основания считать эти курганы в Поволжье свидетельством проникновения славян. Заметим попутно, что местные обряды погребений более ранней пьяноборской культуры, как и сарматские погребения и погребения могильников армиевского типа, представляют трупоположения, причем, кроме сарматских, могильники некурганные.

Вместе с тем вещи, найденные при костищах, надо считать местными. Особенно хорошо это видно по керамике, аналогичной посуде верхних слоев городищ рогожной керамики и раннебулгарской. Поэтому мы не можем говорить в этих случаях о погребении какого-нибудь купца русса. Здесь мог быть похоронен или славянизированный булгарин или славянин, пришедший с булгарами и ассимилированный местным населением, но погребенный по обряду своего народа.

Это наличие антского (славянского) элемента среди местного населения может служить объяснением, почему восточные писатели, характеризуя булгар, отмечают сходство языка булгар с русским. Так, Хад-

жи-Хальфа говорит, что язык и нравы булгар похожи на язык и нравы Руси, а ибн-Фадлан считал булгар славянами. Этот факт весьма интересен и может быть объяснен только славянизацией самих булгар. Следует отметить однако, что ибн-Фалдан отличал булгар от руссов. Воспринявшие многие элементы славянской культуры еще в Приазовье, булгары в нижнем Прикамье испытали сильное влияние соседних русских княжеств. Повидимому, руссы, привлеченные торговлей, имели среди булгар многочисленные колонии и в какой-то степени могли ассимилироваться с местным населением. В то же время известно, что булгары также уходили в русские земли, в частности во Владимиро-Суздальское княжество.

Нельзя пройти также мимо армянской колонии в Болгарах; она хорошо известна для эпохи XIII—XIV вв., но бесспорно существовала и раньше. Бартольд считал, что именно к волжским булгарам относится известие о «государе славян», к которому наравне с государями греков и хазар обратились с просьбой о помощи в 852 году бежавшие от арабов армяне [60]. И, наконец, в булгарских городах осели также представители окрестных чудских племен, что хорошо прослеживается на археологическом материале. При исследовании Сувара среди керамического материала было найдено несколько интересных предметов, выходящих из рамок булгарской культуры, это — фрагменты посуды черного цвета из глины с примесью раковин, лепленой от руки, без гончарного круга, и украшенной веревочным и зубчатым орнаментом, и обломок чаши с закругленным дном, украшенной веревочным орнаментом, типичным для Закамья. Вещи эти можно приписать выходцу из Закамья, осевшему в городе Суваре.

Интересен и другой сосуд баночной формы, с грубой от примеси крупнозернистого песка поверхностью и с широким отогнутым венчиком, имеющий близкие аналогии в керамике позднегородецкой культуры и в керамике мордовских могильников. Этот памятник точно так же говорит о пришельце с правобережья Волги, переселившемся в Булгарию с своими культурными навыками.

Наконец, на территории Булгарского царства находят большое число украшений, свойственных племенам среднего и верхнего Прикамья. В качестве примера можно привести коньковую привеску из города Болгара [61] и более позднего типа из Биляра [62]. Подобных предметов довольно много в коллекции Государственного музея Татарской АССР в Казани. Из других украшений можно отметить шумящие привески, умбоновидные и в виде парных спиралей. Все эти материалы свидетельствуют о наличии финноязычных племен на территории булгар. Картину смешанного населения в булгарских городах дали исследования не только Сувара, но и Биляра, где наряду с чисто булгарской керамикой, генетически связанной с сармато-аланской культурой, найдено значительное число фрагментов посуды, характерной для племен Приуралья. Наконец, нельзя обойти молчанием некоторый прилив населения из Средней Азии. Из записки ибн-Фадлана можно установить, что еще до приезда посольства халифа Муктадира в Булгарии проживали ремесленники из Средней Азии. После же установления связей, возникших в результате посольства 922 года, количество мастеров разного рода увеличилось. Эти ремесленники значительно усилили среднеазиатский элемент в Булгарском государстве.

Останавливаясь на разборе археологических материалов эпохи Булгарского царства, проливающих свет на формирование народов По-

волжья, нужно оговориться, что наибольший прилив населения из соседних областей, в частности тюрок из Средней Азии, испытали области городов Болгара и Сувара, т. е. центр Булгарского государства. Но и здесь бо́льшая тюркизация и влияние хорезмской культуры падает на городское население, которое непосредственно было втянуто в экономические связи с Хорезмом и Аббасидским халифатом. Деревня испытала влияние новой среднеазиатской культуры в меньшей мере, и еще меньше коснулось оно периферии царства.

Эти материалы свидетельствуют о том, что процесс формирования народов среднего Поволжья в булгарскую эпоху был весьма сложным.

Классовые отношения в среднем Поволжье сложились и оформились на большой территории и у кочевников и у оседлого населения края. Образование государства происходило в атмосфере ожесточенной борьбы, которая одновременно велась и внутри племени, между сторонниками родовых начал и новой социальной верхушкой, и выходила из рамок племени, причем более слабо организованные племена неизбежно должны были признать владычество сильных победителей. Победителями являлось не все племя, а только его верхушка и военная дружина, на которую, естественно, опирался новый господствующий класс.

Об этой борьбе между булгарами и другими племенами рассказывает ибн-Фадлан. Он отмечает, с каким трудом булгарский царь Альмас объединял в единое государство разрозненные области. У него было четыре подчиненных царя, но не все булгары повиновались царю Альмасу. Следующее место из свидетельства ибн-Фадлана рассказывает об этом: «Он (ибн-Фадлан) сказал: и переехал царь от воды по имени Халджа к реке, называемой Джавашир, и оставался около нее два месяца. Потом он захотел (снова) переехать и послал к людям, называемым Саван, приказание ехать вместе с ним. Они же отказали ему, и они разделились на две группы: одна группа с некиим родом, над которым как-будто был царем (человек) по имени Вираг (?). Царь же (Булгара) послал к ним и сказал: «Воистину Аллах могучий и великий уже облагодетельствовал меня, давши мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, так что я раб его, и это (дело?) возложил... кто(?) будет мне противоречить, то я встречу его с мечом». Другая группа была с царем из некоего племени, которого называли царь Аскал. Он (Аскал) был в повиновении у него (царя Булгара), но только он (Аскал) еще не принял ислама. Итак, когда он (царь Булгара) послал к ним это послание, то они побоялись его намерения и поехали все в целом вместе с ним (царем Аскалом) к реке Джавашир...». Отмечу, что Саван, или, как комментатор определяет, Сувар или Сивар — крупнейший город. Два города — Сивар и Болгар позднее чеканят монеты; это самые сильные в экономическом отношении города и не случайно они борются за политическое господство.

Различные города сложившегося Булгарского государства принадлежали первоначально разным племенам. Об этом достаточно ясно говорит лингвистический материал [63], это явствует и из сопоставления этого материала с историческими данными. Сувар, с одной стороны название города, с другой — имя крупного племени. Это верно точно так же и в отношении города Болгара, и в отношении города Ошеля, сопоставляемого с племенем эсегел. Кочевники, представленные племенами, входившими, судя по памятникам материальной культуры, в число сармато-аланских племен, являлись булгарами, т. е. одним из племен, входивших в

булгарский союз племен, по которому они и могли получить свое имя, передав его в свою очередь одному из городов по Волге. Более высокая военная организация кочевников дала им перевес над оседлыми соседями, и то обстоятельство, что все государство именовалось «Булгарским», показывает, что булгары подчинили себе все окрестные племена.

В лингвистике существует мнение о многочисленности племенного состава Булгарского государства. Установлено, что татарский язык, как и его носители татары, оформились на базе неоднородного материала. Татарский язык характеризуется многочисленными мелкими языками тюркской системы, вошедшими в его состав. Процесс оформления татарского языка происходил при доминирующей роли булгаро-кипчакских элементов [64].

Итак, в формировании Булгарского государства участвовали многие племена. Археологический материал Поволжья дает право говорить, что в Булгарское царство вошли незначительной частью племена, связанные генетически с ананьинской и пьяноборской культурами, древние удмурты, коми, мари, а основную массу составили племена культуры городищ рогожной керамики и могильников типа Армиевского и Иваньковского, культуры, связанные с мордвой и чувашами, и, наконец, кочевники булгары.

Понятно, почему арабские писатели давали различную характеристику языка булгар. «Язык булгар сходен с языком хазар»,— пишет ибн-Хаукаль [65], того же мнения придерживается и аль-Балхи [66]. Напротив, ибн-Фадлан [67] сторонник другого мнения. Он отмечает, что хазарский язык не похож на остальные, а Хаджи Хальфа, автор XVII века, пишет, что язык и нравы булгар похожи на язык и нравы Руси [68].

К X веку кочевники булгары окончательно переходят к оседлому образу жизни и в эпоху ибн-Фадлана кочевка сохранялась у них лишь в виде пережитка. Это сказывалось в том, что на лето булгары оставляли города и переходили на кочевой образ жизни. Абуль-Каснм аль-Балхи, автор X века, и ибн-Хаукаль отмечают это [69]. «Булгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город — Сивар, где находится главная мечеть. Мусульманский проповедник болгар сказал, что число жителей обоих городов простирается до 10 000, что там долгие дни и короткие ночи, а зимой короткие дни и длинные ночи. Дома деревянные и служат зимними жилищами, летом же жители расходятся по войлочным юртам».

Ибн-Фадлан, описывая встречу послов халифа, отметил: «Они поставили для нас шатры, в которых мы и остановились», и далее: «мы остановились в раскинутых для нас палатках до среды». Такая смена зимнего оседлого образа жизни на летний кочевой была свойственна еще древним сарматам, у которых, как говорилось выше, обнаружены остатки селищ. Подобную картину можно было наблюдать и позднее, в приволжских степях, при Батые и его преемниках. Точно так же и Тимур охотнее жил летом в поле, чем в Самарканде.

Период формирования Булгарского государства проходил под властью Хазарского каганата. До начала X века различные племена еще не были объединены и непосредственно подчинялись Хазарскому кагану. Об этой эпохе мы можем судить по письму Хазарского царя Иосифа (в пространной редакции): «Ты еще настойчиво спрашивал меня касательной моей страны, и каково протяжение моего владения. Я тебе сообщаю, что я живу у реки по имени Итиль, в конце реки Г-р-гана. На-

чало этой реки обращено к востоку на протяжении четырех месяцев пути. У этой реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных (стенами) городах. Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-нтр, С-вар, С-л-вина. Каждый народ не поддается точному обследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань» [70].

Среди перечисленных имен некоторая часть относится к названию булгарских племен и перечисление свидетельствует об их непосредственном подчинении хазарам. Это письмо, хотя оно и написано в половине X века, несомненно отражает отношения более раннего времени, когда племена среднего Поволжья еще не были объединены и каждый вождь сам платил дань хазарскому царю.

С большой долей вероятия можно полагать, что эти отношения характерны и для IX века, так как еще в VIII веке, по свидетельству аль-Фазори, арабского писателя того времени, булгары были еще самостоятельными [71]. Объединение племен Поволжья царем Альмасом привело к изменению взаимоотношений с хазарами. Альмас сам платил дань и дал заложника, повидимому, за все подчиненные ему племена. Об этом говорится в записке ибн-Фадлана: «...Булгарский царь платит натурой дань Хазарскому царю, и сын первого находится при последнем в качестве заложника...» [72]. Об этом же косвенно говорит и Мукаддеси, включающий город Болгар в число хазарских городов.

Этот ранний этап булгарской истории может быть реконструирован только по археологическому материалу, так как имеющиеся письменные документы характеризуют эпоху только начиная с X века, а «История Болгарии», написанная по сведениям арабов кади города Болгары Якуб-ибн-Нушаном во второй половине XII века, не сохранилась до нашего времени [73].

Археологический материал домонгольской эпохи довольно полно характеризует хозяйство булгар и их быт. Особенную ценность для определения общественных отношений имеют городища, позволяющие проследить классовый характер населявшего их общества.

Среди городищ домонгольской эпохи обращают на себя внимание небольшие городища, обнесенные мощной системой обороны. Эти городища не могут быть отнесены к детинцам по своему незначительному размеру, а предположить, что они являлись убежищем небольшой родовой группы — нельзя, так как постройка солидных укреплений была бы не под силу небольшому коллективу. Эти городища могли быть лишь замками князей; их укрепления — свидетельство труда подневольного населения.

Из таких городищ следует отметить Майинское [74], расположенное между реками Уткой и Майной, в 15 км от города Болгар, Уткинский городок, расположенный около селения Кандалы, обнесенный двумя рядами валов и имеющий в окружности 600 м, городище близ д. Кашкиной, окруженное валами до 10 м высоты и имеющее в окружности около 600 м, Жукотинское, в котором обнаружены остатки каменных построек [75], елабужское Чортово городище, представляющее детинец, захваченный каким-то князем [76].

Характер городищ-убежищ меняется и в некоторых из них вырастают замки и пригороды, как убежища крестьянского населения. Эти городища-убежища являлись вначале сооружениями, принадлежавшими роду. За стенами укреплений всегда можно было отсидеться от неприятеля. И не случайно в момент, когда складывались феодальные отноше-

ния, новая верхушка общества стремилась захватить городища, этот оплот родовой организации.

Примером может служить Чортово городище, расположенное на берегу реки Тоймы, на высоком каменистом мысу. На площади городища в боковой восточной его части сохранились остатки укрепленного четырехугольника, окруженного башнями (рис. 9). От него уцелела до настоящего времени только часть одной из башен (табл. I, рис. 10).

Городище исследовано недостаточно полно. Материал, добытый раскопками, дает возможность заключить, что оно возникло раньше Булгарского княжества и существовало весьма долго [78]. Об этом свидетельствует находка мукомольных плиток и керамика «котлювского типа». Расцвет городища относится ко времени Булгарского княжества, так как находок этого времени больше всего. Конечно, городище могло существовать и после падения княжества. Первоначальное назначение его несомненно. Это обычное для края городище-убежище предбулгарской эпохи, подобное тем, какие были разбросаны в ряде мест по Ижу, Тойме и Каме. Оно имеет значительные размеры при малой насыщенности культурного слоя, как отмечено П. А. Пономаревым и проф. А. А. Спицыным [79], достигающего значительной мощности только на склоне мыса.

Каменное сооружение на площади городища возникло, повидимому, случайно. Оно находится сбоку городища и совершенно не связано с основными его укреплениями — валами.

Что представляет собою это сооружение? Проф. Спицын полагает, что это был или каравана-сарай, или гробница какого-либо святого. «Не есть ли это гробница Амлян-Хаджи и других последователей пророка, которую, по словам Шериф-Эддина, посетил на устье Тоймы Тимур. Во всяком случае, это не цитадель, так как размеры его для такой цели слишком незначительны» [80]. Едва ли это так. Скорее всего здесь была как раз цитадель.

Это сооружение в основе квадратное; каждая из его стен имеет внутри 20 м длины, т. е. общая его площадь равна 400 кв. м. По углам и посредине каждой стены четырехугольник был укреплен круглыми башнями, из которых в настоящее время сохранилась только одна. Башни неодинакового размера, в среднем около 6 м в диаметре. Сооружение сложено из небольших круглых камней-валунов, скрепленных отличным известковым раствором [81]. Весь характер здания, боевые башни по углам и полубашни в центре стен, дававшие возможность защиты стен и поражения штурмующего неприятеля во фланг, и значительная толщина стен (1,8 м) говорят за то, чтобы отнести эту постройку к числу военных сооружений. Да и размеры ее в 400 кв. м достаточно велики для этого. Кавказские боевые башни во много раз уступают укреплению Чортова городища.

Эта была военная цитадель, самый северный пункт Булгарского княжества, за которым начиналась малозаселенная полоса, составлявшая границу с северными племенами. Об этой малозаселенной черте можно судить, сравнив археологическую карту верхней и средней Вятки и Чепцы с притоками верхней и средней Камы, с большим количством городищ и могильников [82],— с областью рек Ижи, Тоймы и нижной Вятки, где археологические памятники того времени встречаются спорадически [83].

Захват городищ-убежищ князьями и создание замков, являвшихся опорными пунктами при экспроприации населения,— типичное явление для возникающих феодальных отношений. При будущих археологических изысканиях на территории Булгарского царства необходимо обра-

тить особое внимание на изучение этих феодальных укреплений и материала по раннему периоду, без чего источники по истории феодализма у булгар будут не полными.

В археологическом материале мы располагаем некоторыми предметами, характеризующими быт верхушки булгарского общества. Это мечи франкского типа, боевые топоры и кольчуги, представляющие вооружение князя; наряду с ними известно более простое оружие — копья и стрелы. Предполагаемой могилой одного из князей является погребение с железным мечом в кургане около дер. Танкеевки. К сожалению, памятники подобного рода изучены недостаточно, чтобы осветить раннюю эпоху княжества до принятия ислама. Погребения представителей господствующей верхушки, открытые в Болгарах в значительном количестве, относятся уже к более позднему времени.

В булгарскую эпоху становятся обычными или отдельные замки с прилегающими поселениями, или города, связанные с замками князей. Типичным примером может служить Болгарское городище на Волге, Билярское на р. Малый Черемшан и другие. Основой экономики края теперь, к X веку, окончательно стало земледелие, о чем говорят нам и свидетельства арабских путешественников, и археологический материал. В связи с этим изменяется и местоположение новых городищ. Прежние укрепленные поселения строились на малодоступных высотах. Переход к плужной обработке земли сразу же изменил положение и с эпохи Булгарского княжества города и деревни располагаются преимущественно на плодородных равнинах, удобных для хлебопашества. Конечно, булгары продолжали пользоваться и высокими утесами, если они удовлетворяли потребностям земледельческого быта и были связаны с долинами.

В X веке возникли и сложились города Болгар, Сувар, Биляр, Ошель и, возможно, Жукотин, Керменчук и другие. Ряд городов, упоминаемых арабами и русскими летописями, еще не могут быть связаны с определенными городищами и, к сожалению, остаются неисследованными. Все перечисленные городища служат показателями многочисленности отдельных княжеств.

Булгарская деревня археологически нам почти неизвестна. Мы знаем лишь, что основой хозяйства являлось плужное земледелие, переход к которому совершился еще до X века. Доказательством служит сошник из кургана Шолома, найденный вместе с грубой посудой. Этот переход булгар к плужному земледелию совпадает по времени со вторым великим разделением труда, коснувшимся исключительно металлургии. Другие отрасли обрабатывающей промышленности оставались еще на стадии домашнего мастерства.

О значении земледелия нам говорят как находки частей плуга — сошников и резаков [84], так и зерен злаков — пшеницы, ржи, ячменя, проса, гороха, и большое количество зерновых ям. Скотоводство в хозяйстве булгар имело тогда большое значение. Ибн-Фадлан, давая характеристику их хозяйства, говорит: «Главная пища их просо и лошадиное мясо, несмотря на то, что в их стране много пшеницы и ячменя. Каждый, кто сеет что-нибудь, берет это себе». Крестьянское население, занимаясь земледелием и скотоводством, платило подать царю продуктами скотоводства.

Развитие земледелия и скотоводства, значительно выросших по сравнению с предшествующими веками, содействовало развитию ре-

месла в ряде отраслей, прежде остававшихся на стадии домашнего мастерства. Отделение ремесла от земледелия, совершившееся в связи с переходом к плужной обработке земли еще в недрах родового строя, коснулось, как сказано выше, только металлургии. Однако в X—XIII вв. отдифференцировались и другие промыслы.

Об истории Булгарского государства до X века мы знаем очень мало. Но уже в эту эпоху из всех городов выделялся Болгар, расположенный на пересечении торговых водных путей по рекам Волге и Каме и сухопутного караванного пути с востока на запад.

Уже в I тысячелетии до н. э. торговля юга и востока с севером шла или по Волге, или сухопутным путем в Закамье. В эпоху сасанидов торговые связи укрепились. Естественно, что Болгар вырос в значительной мере в связи с этим как крупный торговый центр. И совершенно естественно, что князья этого города первыми стали на путь объединения раздробленных княжеств в одно целое. Об этом торговом значении Болгара говорит и свидетельство ибн-Фадлана: «Булгарский царь налагает пошлину на товары из Хазар и Руси в размере 10 проц.» [85].

Зависимость булгар от хазар продолжалась до третьей четверти X века. Более поздних свидетельств об этом мы не имеем.

922 год — знаменательная дата в истории булгар. Пользуясь поддержкой халифа Муктадира, царь Альмас встал на путь окончательного объединения булгар в одно целое. Уже в то время царь Болгара являлся старшим среди многих князей. Об этом можно судить по описанию ибн-Фадланом встречи посольства халифа Муктадира: «Затем, когда мы были от царя славян, к которому мы отправились, на расстоянии дня и ночи, то он послал для нашей встречи четырех царей, которые подчинены ему, и своих братьев и детей».

Став на путь объединения царства, царь Альмас принужден был вести борьбу с князьями-противниками. Одновременно булгары захватили торговый путь на северо-запад, создав торговую факторию в устье р. Оки, на земле мордвы. Глухое упоминание об этом событии имеется у Татищева: «Князь великий Юрий послал воевод своих с войски и велел на устьи реки Оки построить новый град, где издавна был град Болгарский» [86].

Борьба с соседними булгарскими князьями и хазарами была однако весьма трудна. Обращаясь за поддержкой к халифу Муктадиру, Альмас просил о сооружении крепости, в которой он защищался бы от царей-противников. В ответ на это ходатайство в 922 году прибыло посольство от халифа, с которым приехал ибн-Фадлан.

Результатом переговоров явилось номинальное подчинение булгарского государства арабам, халиф же прислал знающих людей для постройки крепости и оказал материальную помощь. Об этой вассальной зависимости можно заключить из описания ибн-Фадлана: «До нашего прибытия в службе поминали царя таким образом: «Господи, дай благоденствие царю и владельцу булгар». Я ему заметил, что только бог есть царь, и что никому непозволительно величать себя так перед богом, особенно с кафедры.— «Сам твой верховный начальник халиф, повелитель правоверных,— сказал я ему — велел, чтобы на всех кафедрах востока и запада поминали его не иначе как: «Господи, дай благоденствие рабу твоему и наместнику Джафару, могучему в боге повелителю правоверных». Царь спросил: «Как же надо говорить?». Я ответил: «Надо, чтобы поминали тебя по имени и отчеству». На это он возразил: «Но мой отец был недоверок, и я тоже не хочу, чтобы меня помя-

нали по имени, когда тот, кто дал мне его, был неверным. Как зовут верхового начальника моего, повелителя правоверных?» «Джафаром»,— отвечал я. «А можно ли мне называться его именем»,— опять спросил царь. «Можно». «Так я принимаю для себя имя Джафар, произнес царь, а отец мой будет отсель называться Абдаллахом (рабом божьим)». И он объявил об этом проповеднику. С тех пор в хутбе стали поминать его таким образом: «Господи, дай благоденствие рабу твоему Джафару, сыну Абдаллахову, эмиру Булгара и клиенту повелителя правоверных» [87].

Разгром хазар печенегами и блестящие победы Святослава над хазарами много содействовали эмансипации булгар. С этого времени можно считать начало самостоятельной истории булгар.

Этот первый период истории Булгарского государства характеризуется борьбой сторонников старых родовых отношений и новых, феодальных. В этот период еще живы были уходящие черты первобытно-общинного строя. По всей вероятности, в какой-то мере существовало и рабство. Однако ведущими были феодальные отношения, о чем свидетельствует наличие княжеских замков. Но эти новые отношения стали господствующими только во второй половине X века.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. А. Спицын. Приуральский край. Матер. по археол. восточн. губ. России, в. I., М., 1893.

[2] А. В. Шмидт. Очерки по истории Северо-Востока Европы в эпоху родового общества. Известия ГАИМК, в. 106, М.—Л., 1925, стр. 13.

[3] A. M. Tallgren. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1929. Эта работа дает в основном описание материалов.

[4] Т. А. Трофимова. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. Учен. зап. МГУ, вып. 63. Труды Антропологич. инст., в. 6, 1941.

[5] «Советская этнография», № 3, 1946, стр. 51.

[6] J. Aspelin. Antiquites du Nord finno-ougrien. Helsinki, 1877, стр. 107, № 402, 403.

[7] Труды Пермской губ. учен. архив. ком., в. XI, Пермь, 1914, табл. III, рис. 19.

[8] П. В. Голубовский. Болгары и хазары. «Киевская старина», 1888, № 7, стр. 25.

[9] К. П. Патканов. Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому. ЖМНП, СПб., 1883, стр. 27.

[10] Летопись византийца Феофана от Диоклитиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С предисл. Бодянского. М., 1890.

[11] Constantinus Porphyrogenitus de thematibus et de administrando imperio recognovit Immanuel Bekkerus. Bonnae, 1940, стр. 45—46. Цитирую по статье Шестакова «Кто были древние болгары». Изв. О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. III, Казань, 1880—1882, стр. 60.

[12] Nicephorae Gregorae Byzantina Historia cura Ludovici Schopeni. Bonnae, 1829, стр. 26—27.

[13] Д. И. Иловайский связывал болгар со скифами. См. его «Розыскания с начала Руси». М., 1882, стр. 171. Того же мнения придерживался и П. Д. Шестаков. См. «Кто были древние болгары», стр. 66—67.

[14] Mommsen. Über den Chronographen vom Jahre 257. Leipzig, 1850, стр. 591.

[15] Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. Изд. АН СССР, 1941, стр. 136—139.

[16] P. Rau. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927.

[17] P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, стр. 72—73. П. Рау. Курганы с кострищами и

костища в курганах Нижнего Поволжья. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 431.

[18] T. Minajewa. Zwei Kurgane bei d. st. Sipovo. ESA, т. IV, Helsinki, 1929, стр. 194—209.

[19] А. А. Спицын. Саратовские древности. Прибавл. к т. XXIX Трудов Сарат. учен. архивн. ком., Саратов, 1912.

[20] В. В. Гольмстен. Доисторическое прошлое Самарского края, ч. I, 1924.

[21] А. П. Смирнов. Очерки по истории волжских булгар. Труды ГИМ, в. XI, М., 1940, стр. 62.

[22] В. В. Зайковский. Еще одно погибшее городище. Труды Сарат. учен. архивн. ком., в. 31, Саратов, 1914, стр. 120.

[23] А. П. Смирнов. Очерки по истории волжских булгар, стр. 64.

[24] Там же, стр. 64—65.

[25] Л. А. Евтюхова. Городище у деревни Прислон. Труды секции археол. РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 216.

[26] П. Н. Третьяков. К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. эры. Л., 1941, стр. 43.

[27] В. В. Гольмстен. Донсторическое прошлое Самарского края. «Краеведение», Самара, 1924, стр. 150.

[28] Имеется в виду городище, находящееся примерно в двух километрах на юго-запад от сел. Подлесного, на утесе Курган. О нем говорит М. Радищев в своей статье «Хвалынские городища». См. Труды Сарат. учен. архивн. ком., в. 31. Саратов, 1914, стр. 167.

[29] В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 378.

[30] Труды Сарат. учен. архивн. ком., в. 31, стр. 159.

[31] Такой жертвенник открыл М. Радищев на городище близ Хвалынска на вершине Каланечного гребня. См. Труды Сарат. учен. архивн. ком., в. 31, стр. 160.

[32] Там же, стр. 159.

[33] В. В. Гольмстен. Доисторическое прошлое Самарского края, стр. 150—173.

[34] Там же, стр. 100—173.

[35] В. В. Гольмстен. Матер. по археологии Самарской губ. Самара, 1925, стр. 12.

[36] П. П. Ефименко. Средневолжская экспедиция 1926—27 гг. Сообщения ГАИМК, т. I, Л., 1927, стр. 318.

[37] А. П. Смирнов. Очерки по истории волжских булгар, стр. 67—68.

[38] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1937, стр. 216.

[39] С. А. Щеглов. Поездка на Ахматское городище. Труды Сарат. учен. архивн. ком., в. 29, Саратов, 1912, стр. 89.

[40] С. А. Щеглов. Предварительные археологические разведки у селения Кошели. Там же, стр. 93.

[41] В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 378.

[42] Коллекции Госуд. музея ТАССР в Казани.

[43] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 263.

[44] ПСРЛ, т. I. Л., 1926, стр. 147.

[45] И. В. Синицын. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья. Сборник Нижневолжск. краевого музея, Саратов, 1932, стр. 56.

[46] В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губ. Труды секции археол. РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 134.

[47] А .П. Смирнов. Очерки по истории волжских булгар, стр. 45.

[48] И. В. Синицын высказал, впрочем, мнение, что сарматские племена Поволжья представляли социально-однородное население (Учен. зап. Сарат. гос. унив., т. XVII, Саратов, 1947, стр. 24), не проведя в подтверждение своих положений должной аргументации.

[49] Сборник Нижневолжского краевого музея, стр. 56, прим. 2.

[50] К. А. Иностранцев. Хун-Ну и гунны. Л., 1926.

[51] Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши. Изв. О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XVIII, Казань, в. 1—3, 1902, стр. 51 и сл.

[52] P. Rau. Rrähistorische Ausgrabunger auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, стр. 52.

[53] J. Aspelin. Указ. соч., стр. 150, № 632—639.

[54] Записки отдел. русской и слав. археол. ИРАО, т. VII, в. 2.

[54а] Учен. записки МГУ, в. 63. М. 1941, стр. 186.

[55] Marquart. Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschrift von Catalar und der altbulgarischen Fürstenliste. См. Изв. Русск. археологического о-ва в Константинополе, т. XV, София, 1911, стр. 11.

[44] М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. М., 1937, стр. 29; С. П. Толстов. Из предистории Руси. «Советск. этногр.», М., 1947, VI—VII, стр. 55.

[45] Прокопий в своей «De bello Gotico» отмечает, что «гунны, славяне и анты, соседи славян, почти ежегодно переправлялись через Истр большими полчищами в римские пределы... Меотида впадает в Понт Эвксинский. Тамошние обитатели известны были прежде под именем киммерийцев, а ныне называются уже утургурами. Дальнейшие края на север занимают бесчисленные народы антов».

[46] Изв. О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXXIII, в. 2—3, Казань, 1926, стр. 117.

[47] Там же, стр. 119.

[48] В. В. Бартольд. Арабские известия о руссах. «Советское востоковедение», т. I, 1940.

[49] J. Aspelin. Указ. соч., стр. 167, № 783.

[50] Там же, стр. 166, № 774.

[51] Н. Я. Марр. Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926, стр. 56.

[52] «Советская этнография», № 3, М., 1946, стр. 92.

[53] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей... СПб., 1870, стр. 188—216.

[54] А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 219.

[55] Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. М.— Л., 1939, примеч. 706.

[56] Д. Хвольсон. Известия ибн. Даста. СПб. 1869.

[57] Там же, стр. 89.

[58] П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Изд. АН СССР, 1932, стр. 98—99.

[59] А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 9.

[60] История Татарии в документах и материалах. М., 1937, стр. 9—10.

[61] Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши. Изв. О-ва археол. ист. и этногр. при Каз. унив., т. XVIII, вып. 1, 2, 3, Казань, 1902, стр. 10.

[62] К. И. Невоструев. О городищах древнего Волжско-болгарского и Казанского царства. Труды I Археол. съезда, т. I, М., 1871, стр. 540—541.

[63] Город Жукотин по всем данным, археологическим и историческим, относится главным образом к монгольской эпохе (см. П. А. Пономарев. Владения литвогорских князей. Изв. О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. X, в. 5, Казань, 1892; В. Ф. Смолин. Клад золотых предметов из болгарского города Джукатау). но, тем не менее, есть данные, позволяющие предположить его возникновение в дотатарскую эпоху. У Татищева (см. История Российская с самых древнейших времен..., стр. 465) сказано, что в 1236 году «пришли татаре на Великий Болгар, всю землю их попленили, град Великий и Жукотин, по жестоких боях взяв, мужей и жен порубили, а младших попленили и все земли их обладали».

[64] К. И. Невоструев. О городищах древнего болгарского и казанского царства. Труды I Археол. съезда. М., 1871, т. I, стр. 540 и сл.

[65] С. В. Киселев. Поселение. Труды секции теории и методологии РАНИОН, в. 2, М., 1928, стр. 35.

[66] План городища приведен К. И. Невоструевым в Трудах I Археологич. съезда, т. II. М., 1871, стр. 589: план Четырехугольника имеется в работе А. А. Спицына «Приуральский край». (Материалы по археол. восточн. губ. России, в. 1, М., 1893, табл. 6, рис. 38).

[67] А. А. Спицын. Приуральский край, стр. 89.

[68] Там же, стр. 88.

[69] Там же, стр. 87.

[70] Там же, стр. 88; Н. Г. Первухин. Опыт археол. исслед. Глазовского у., Вятской губ. Материалы по археол. восточн. губ. России, в. 2, М., 1897, стр. 13; К. Кривощеков. Пермь великая, ее живая старина и вещественные памятники. Матер. по изуч. Пермского края, в. 4, Пермь, 1911, стр. 90.

[71] А. А. Спицын. Приуральский край, стр. 87; Материалы археол. экспед. сектора археол. ГАИМК 1931 г. и МОГАИМК 1932 г. в архиве ИИМК АН СССР.

[72] Из старых работ см. А. Штукенберг. Земледельческие орудия древних болгар. Учен. зап. Каз. унив., т. VI, Казань, 1896, стр. 41.

[73] История Татарии в документах и материалах. Казань, 1937, стр. 9.

[74] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен... Кн. 3, М., 1774, стр. 428.

[75] Путешествие ибн-Фадлана на Волгу.

ГЛАВА II

ФЕОДАЛЬНАЯ БУЛГАРИЯ. ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Вопрос о социальном строе булгар стал во всю широту только в советский период. Старые работы археологов и историков в значительной части были посвящены этнической проблеме булгар, вопросам их культуры и обзору внешнеполитических событий. Это объясняется отчасти большой фрагментарностью данных по этому вопросу. Большинство исследователей считали нужным подчеркнуть торгово-промышленный характер Булгарского государства, не вдаваясь в оценку его социального строя. В свое время профессор Казанского университета И. Н. Смирнов ограничился замечанием, что социальный строй булгар неясен. В 1925 году В. Ф. Смолин высказал предположение о феодальных отношениях у булгар уже с X века, указав, что в это время камско-волжская Булгария представляла ряд отдельных княжеств, подчиненных главному булгарскому хану. Эту же точку зрения пытался обосновать и автор настоящей работы [1]. Основанием для этого явился учет уровня развития производительных сил булгар и косвенные данные, указывающие на наличие феодальных отношений. В 1945 году академик Б. Д. Греков в своей статье «Волжские болгары в IX—X вв.» [2] высказал новую точку зрения. Он указал, что в эпоху X века феодальные отношения у булгар еще не сложились. По его мнению, булгары того времени являлись дофеодальным государством, а феодальный строй возник у них позднее, в XIII—XIV вв., когда единое государство булгар распалось на два княжества — Булгарское и Жукотинское.

Однако критическое изучение археологического материала, разработка которого значительно продвинулась в результате систематических раскопок последних лет, и сопоставление письменных источников с вещественными позволяет иначе охарактеризовать общественный строй волжских булгар.

Производительные силы племен среднего Поволжья к X веку достигли высокого уровня. Об этом мы знаем из ряда источников. Страной плужного земледелия рисуют нам булгар арабские источники. Такой встает перед нами Булгария и по археологическим данным. Уже в VIII—IX вв. плужное земледелие существовало в среднем Поволжье. Доказательством служит находка в курганном погребении железного ральника раннего типа [3]. К X веку относится целый ряд сошников различного типа, легких и тяжелых; последние изготовлялись даже с резаками для подрезки дернового слоя. По материалам раскопок прекрасно известны злаки, которые культивировали булгары. Исследовано гро-

мадное число хранилищ для зерна. И, наконец, русские летописи не оставляют никаких сомнений в том, что волжская Булгария были страной плужного земледелия.

Значительно хуже обстоит дело с изучением вопроса о землевладении. Нужно впрочем сказать, что этот вопрос вообще слабо поддается изучению. Даже значительно лучше изученная история Киевской Руси, опирающаяся на большое число документов, в том числе на «Русскую Правду» — документ юридического значения, на ряд договоров между Византией и Киевской Русью и, наконец, на многочисленные сведения из русских летописей, все же оставляет неразрешенными и спорными ряд вопросов, в том числе и вопрос о землевладении. В некоторых случаях приходится разрешать эти проблемы гипотетически. Естественно, что вопрос о землевладении у булгар, прошлое которых мы узнаем только из арабских или русских источников, где речь идет почти исключительно о внешней политической истории государства,— остается трудно разрешимым. Поэтому нам не следует пренебрегать косвенными данными, в частности археологическим материалом.

Выше были отмечены некоторые городища, являвшиеся княжескими усадьбами. Эти княжеские усадьбы и их укрепления были, очевидно, созданы трудом крепостного населения [4].

Конечно, у нас нет прямых данных утверждать, что эти укрепления строили крепостные, но путем исключений мы приходим к выводу, что их строили именно крепостные. Можно сказать, что в X—XII вв. не могло существовать родовых укрепленных поселений, родовых убежищ. Такие городища мы знаем для более раннего времени, когда еще сохранялись родовые отношения. Надо считать, что в X веке родовые отношения уже являлись пережитком. Все ранние городища имеют иной облик, чем булгарские. Они обычно располагаются на малодоступных местах, ограждены с двух сторон оврагами, а с напольной стороны защищены небольшим валом. Такой облик родовых поселков не похож на булгарские городища. Да и учет исторической обстановки не позволяет согласиться с мнением Б. Д. Грекова, склонного считать городища убежищами родовых групп. Точно так же следует отвести и другое предположение о рабах в качестве строителей этих замков. Ни один источник не говорит о широком применении рабского труда у булгар. Все свидетельства арабов говорят о рабах главным образом как о предмете купли-продажи. Рабов привозили преимущественно для вывоза на Восток. Все исследователи придерживаются в этом вопросе одного мнения. Едва ли в этом феодализирующемся обществе могло существовать рабство в столь широких масштабах. Если бы это было так, то здесь было бы рабовладельческое общество и это бесспорно нашло бы отражение в источниках.

Наконец, нет оснований считать укрепленные замки делом рук свободного населения. Последнее могло бы работать по созданию укрепленной полосы на границах государства, или отдельных крепостей, составляющих одну оборонительную линию. Можно представить, что руками свободного населения по распоряжению государственной власти были созданы такие укрепления, как вал около селения Никольского близ Болгар, или огромный вал значительного протяжения, нанесенный на старых картах между р. р. Бездной и Ахтаем. (Однако Н. Ф. Калинин при своих исследованиях этого вала не обнаружил. Возможно, что вал был нанесен на карты по ошибке). Другой вал известен в восточной части Булгарского царства на р. Шешне. Такие укрепления границ

действительно могли бы создаваться по распоряжению государственной власти руками свободных. Если бы указанные выше феодальные замки представляли какую-то систему обороны государства, то они также могли бы быть созданы руками свободного населения. Но отдельно существующие изолированные городища, не составляющие никакой системы, представляют, конечно, только замки князей. Поэтому не руками свободного населения были насыпаны их мощные валы, а вероятнее всего руками крепостных. Соображения эти не могут быть сброшены со счетов при учете очень скромного материала, характеризующего социальные отношения у булгар. А факты эти, в свою очередь, в какой-то мере заставляют предполагать наличие крупного землевладения, хотя, быть может, не получившего еще большого развития и не ставшего господствующим в начале X века.

Скотоводство в это время было полукочевым. Нужно думать, что такой характер крупного скотоводства сохранился только в хозяйствах крупной знати и царей.

Основным является вопрос о ренте. В моей работе[5] о булгарах было сказано, что натуральная рента взималась соболем. Б. Д. Греков считает это положение неверным. Бесспорно, он прав, что это была не уплата ренты, а дань, которую платили булгары Хазарскому кагану. Два раза упоминает об этом ибн-Фадлан, причем из сопоставлений отдельных мест текста можно сделать единственный вывод о сборе по шкуре соболя с дома для уплаты дани Хазарскому кагану. Однако существуют другие свидетельства, позволяющие судить о характере ренты. Так, ибн-Русте отмечает, что «болгары платят подать царю своему лошадьми и другим». В свое время В. Ф. Смолин высказал правильную точку зрения, что под «другим» можно подразумевать продукты земледелия. Во всяком случае русская летопись дважды говорит об отправке хлеба из Булгарии во Владимиро-Суздальную Русь. В первом случае под 1024 годом сказано: «Бе мятежь велик и голод по всей той стране, идоша по Волзе вси людье в Болгары и привезоша жито, и тако ожиша». Второй раз, в 1229 году, «князь же Болгарский прислал в дар к великому князю Юрию 30 насадов с житами...» Такое большое количество жита и есть вероятно результат тех повинностей, которые несло население в пользу своих князей-феодалов. Таким образом, косвенные данные позволяют думать, что в домонгольский период Булгария была страной с господствующими феодальными отношениями.

Как же рисуется нам общество булгар по описанию ибн-Фадлана? Несомненно, это классовое общество. Там существует знать; об этой знати, о подчиненных булгарскому царю других царях, о феодально-вассальной системе можно судить по следующей записи ибн-Фадлана: «Когда же мы были от царя славян, к которому мы направлялись, на расстоянии дня и ночи пути, то он послал для нашей встречи четырех царей, находящихся под его властью (буквально — под его рукой), своих сотоварищей и своих детей, и они встретили нас... Итак мы оставались воскресенье, понедельник, вторник и среду в палатках, которые были разбиты для нас, пока он не собрал царей, предводителей и жителей своей страны, чтобы услышать чтение письма. Когда же наступил четверг и они собрались, мы развернули два знамени, которые были с нами, оседлали лошадь седлом, доставленным к нам, одели его (царя) в черное и надели на него тюрбан. Тогда я вынул письмо халифа и сказал ему: «Не подобает, чтобы мы сидели, когда читается это письмо». И он встал на ноги, он сам и (также) присутствовавшие знатные лица

из жителей его государства...». То-есть, была собрана знать, и о такой знати ибн-Фадлан упоминает в целом ряде случаев. В другом месте он характеризует одну знатную семью вместе с домочадцами и слугами: «Мы видели у них домочадцев одного «дома» в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже всех принявших ислам, которые известны под именем аль-Баранджар. Для них построили мечеть из дерева, чтобы они молились в ней».

Ибн-Фадлан был в Болгарах тогда, когда страна была еще подчинена Хазарскому кагану. Но Хазарский каганат — это по существу еще не феодальное государство, а то, что Ф. Энгельс называл варварским государством. Оно идентично Киевскому государству — империи Рюриковичей, и не случайно киевские князья при расширении своих границ должны были столкнуться на востоке в первую очередь с Хазарским каганатом.

И вот в недрах этого общества зреет и складывается Булгарское государство. Производительные силы значительно вырастают; булгарский князь становится в центре того объединения, которое позднее выйдет на историческую арену под именем государства волжских булгар; складываются и созревают феодальные отношения, которые хотя еще не господствуют в самом начале X века, но все же знаменуют скорое появление типичного феодального государства. И несомненно, что Булгарское царство стало самостоятельным не только благодаря внешним событиям, не только потому, что киевский князь Святослав в 965 году разбил хазар, но и благодаря внутреннему развитию, благодаря тому, что оно выросло настолько, что могло уже существовать в качестве самостоятельного государства.

Все материалы показывают, что в эпоху ибн-Фадлана феодальные отношения в булгарском обществе получили тенденцию стать господствующими. Сороковые-шестидесятые годы X века можно условно признать датой, отделяющей дофеодальный период волжских булгар от феодального. Уже ко второй половине X века относится целый ряд свидетельств о феодальной борьбе. Таких документов немного, но они доказывают, что к этому времени булгарское общество окончательно стало феодальным.

Об одном таком событии, относящемся к этому времени, мы узнаем по нумизматическому материалу, характеризующему борьбу между двумя крупнейшими городами страны — Болгаром и Суваром. Важное экономическое значение этих двух городов доказывается фактом чеканки там монет. Из суварских монет до нас дошли: монета Наср бен-Ахмеда, чеканенная в 319 году Хиджры, затем монеты Талиба бен-Ахмеда от 337, 338, 341, 347 гг. Хиджры и монеты Мумина бен-Ахмеда от 336 и 370 гг. (одна монета чеканена в Суваре и две других в Болгарах). Этот нумизматический материал и некоторые сведения арабских путешественников дают основание для следующих выводов: повидимому, в половине X века произошло объединение Болгара и Сувара под властью хана Ахмеда. Это подтверждается тем, что восточные писатели того времени, начиная с аль-Балхи, а позднее составитель восточной географии и ибн-Хаукаль дают суммарную характеристику этих двух городов: «Мусульманский проповедник Булгар сказал автору, что число жителей обоих этих городов простирается до 10 000 человек». Это объединение двух областей могло произойти в эпоху Альмаса и его первых преемников Микаила и Ахмеда[6]. После Ахмеда эти области были поделены между его сыновьями Талибом и Мумином, оставившим нам ряд

монет, чеканенных в Суваре в 337, 338, 341 и 347 гг. Хиджры и в Болгарах и Суваре в 366 г. Мысль о том, что Талиб и Мумин были братьями — не нова; она уже была высказана Френом и принята Шпилевским [7]. Борьба между братьями привела к войне и к потере политической самостоятельности Суваром в 976 году н. э. Об этом говорят монеты Мумина, чеканенные в Болгаре и Суваре в 366 г. и в Болгарах в 370 г. Хиджры.

Второй источник, характеризующий феодальную борьбу — это сообщение русского летописца о столкновении русских с булгарами в 1186 году и походе русских на Великий город, которым для XII века являлось современное Билярское городище. Русский летописец подробно описывает движение русской рати, высадку на берег, захват Тухчин-городка и выход к Великому городу. В этом описании упоминается одна деталь, проливающая свет на княжеские усобицы у булгар: «И сторожеве Всеволожи узреша полк в поли и мнеша болгарьский полк, се приехаша от полку того пять человек и удариша челом пред князем великим Всеволодом, глаголюще: кланяють ти ся княже, половци Емякове, пришли есмы со князем болгарьским воевать Болгар, слышахом бо тебе идуща их же воевать»... Эти слова весьма знаменательны. Они свидетельствуют о столкновении интересов отдельных булгарских князей и о том, что в этой борьбе некоторые из них прибегали даже к помощи чужеземцев и приглашали половцев. Весьма возможно, что и перенос столицы из Болгара в Биляр в конце XI — начале XII века, после чего последний и получил имя Великого города, также явился результатом княжеской борьбы. Приведенными фактами исчерпываются наши знания о внутренней истории домонгольской Булгарии. Но факты эти весьма характерны для феодального общества и не оставляют никаких сомнений в том, что в Булгарском государстве феодальные отношения во второй половине X века стали господствующими [8].

Русские летописи неоднократно упоминают разных булгарских князей. Известны, например, князья жукотинские, князья города Ошеля. Так, при описании похода 1220 года Юрия Всеволодовича сказано: «И объят град (Ошель) огнь отвсюду, и бысть буря велиа, и страшно бысть видети, и бысть во граде вопль велик зело. Князь же Болгарьскый выбеже инеми вороты и утече на конех в мале дружине...» [9].

Войско, необходимый институт в каждом классовом обществе, у булгар носило феодальный характер. Целый ряд документов указывает на существование дружин. Дружины выступают и в оборонительные и в наступательные походы и набеги. Ибн-Русте так характеризует эти дружины и их походы: «От земли буртасов до земли этих болгар три дня пути. Последние производят набеги на первых, грабят их, в плен увозят. Болгары ездят верхом, носят кольчуги и имеют полное вооружение» [10]. О дружинах у булгар пишет ибн-Фадлан: «А когда он приказывает отряду отправиться в набег на какую-нибудь страну, то и он получает часть добычи». О дружинном строе у булгар говорят и русские летописи: «Того же лета (1160) князь Андрей Юрьев сын Долгорукого з братом своим Ярославом Юрьевым сыном Долгорукого и с сыном своим Изяславом и со князем Юрьем Муромским идоша на Болгары Воложскиа и Камскиа и поможе им Господь Бог и пречистая Богородица, и избиша множество Измаилтян, а князь их едва утече с малою дружиною» [11]. Ту же картину можно отметить и для XIII века. Таков характер войска, типичный для всякого феодального государства.

Как уже сказано, на 20-е годы X века падает крупное политическое событие — посольство халифа Муктадира к болгарскому царю Альмасу.

Участник посольства ибн-Фадлан указывает, что посольство было вызвано просьбой царя Альмаса прислать такого мужа, который обучил бы его вере и наставил в законах ислама.

Во время посольства царь Альмас, как это явствует из текста ибн-Фадлана, был уже мусульманином и в Болгарах уже жило мусульманское духовенство. Однако ислам в X веке был религией не только правящей верхушки. Это можно утверждать, основываясь на сообщении ибн-Русте: «Большая часть их исповедует ислам и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами. Те же из них, которые пребывают в язычестве, повергаются ниц перед каждым знакомым, которого встречают» [12]. Можно полагать, что «повергающиеся ниц» являлись людьми низшего слоя и поэтому должны были оказывать почет людям, стоящим выше их на социальной лестнице. И это происходило вовсе не потому, что одни были мусульманами, а другие исповедывали старую родовую религию. Религиозная терпимость булгар не может быть подвергнута сомнению. В Булгарах проживали и евреи, и христиане. Что же заставило царя Альмаса заботиться о дальнейшем распространении ислами? Одними внешними политическими интересами этого объяснить нельзя. Для этого, пожалуй, достаточно было бы принятия ислама верхними слоями общества. Повидимому, классовая борьба, о которой до нас не дошло сведений, здесь, как и в других местах, заставила его прибегнуть к помощи религии. Наиболее подходящей системой было единобожие, а окончательный выбор был продиктован политическими соображениями и интересами торговли.

О религии крестьянства материала почти нет. Мы знаем только краткое упоминание ибн-Русте, приведенное мною выше, и небольшой археологический материал, характеризующий родовую религию, по которому все же трудно реконструировать религиозные представления, да этнографические исследования по культу иомзи у чуваш, который несомненно в прошлом был шаманом,— вот и все данные по этому вопросу.

Принятие ислама булгарами имело для их государства большое значение, так как приобщило значительный круг населения к мусульманской культуре, являвшейся в то время передовой культурой Востока. Вместе с тем эта религия, как более отвечавшая новому социальному строю, феодальным отношениям, должна была сыграть некоторую прогрессивную роль в тех условиях.

В X веке, в период наибольшего расцвета, Булгарское государство, являвшееся центром связей с Востоком (рис. 11), сумело обеспечить безопасность караванного пути в восточные страны и тогда особенно интенсивно расцвела у булгар торговля. Все источники, письменные и археологические, рисуют нам город Болгар как центр транзитной торговли, в который стекались товары с востока, из Византии, с севера, с запада и от русских. Но основные торговые связи у булгар были с Востоком. Несомненно, что Арабский халифат, оказавший поддержку булгарскому царю Альмасу в борьбе против врагов, приобрел в его лице торгового агента, а арабские купцы получили возможность широко действовать в пределах царства.

Включение булгар в систему халифата объясняется в значительной мере интересами торговли. И не случайно на эту сторону жизни обращают большое внимание арабские путешественники. Еще задолго до основания Великих Болгар место впадения Камы в Волгу являлось пунктом обмена, на что указывает находка в этих местах большого

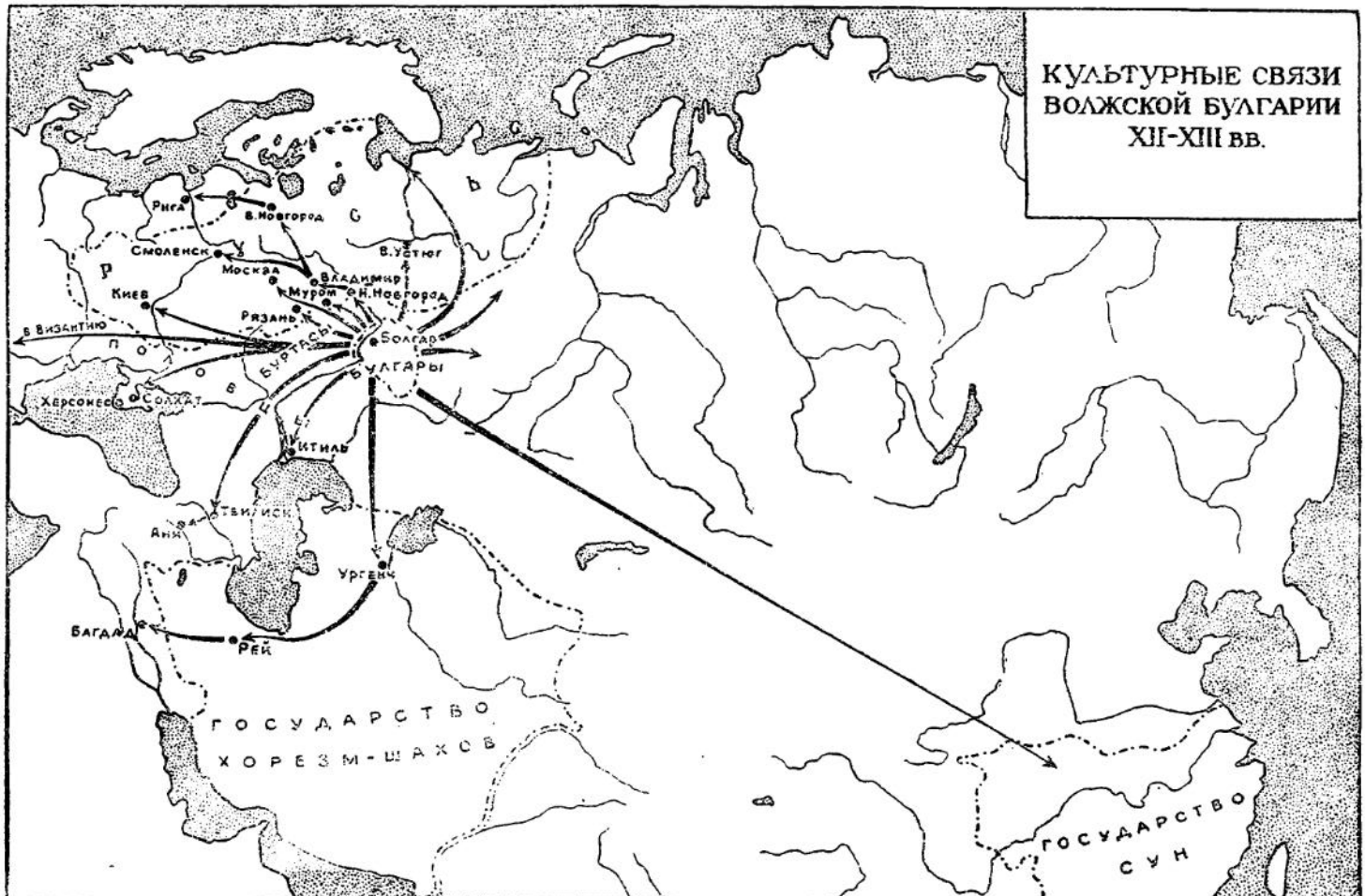

Рис. 11. Карта культурных связей волжской Булгарии с другими государствами в XII—XIII вв.

количества древних вещей. Позднее, в булгарскух эпоху, этот пункт стал своего рода ярмаркой, куда сходились купцы из разных мест. Ибн-Хаукаль сообщает: «Булгар есть небольшой город, не имеющий многих владений, известен же он был потому, что был гаванью этих государств». Археологический материал, находимый на территории Болгара, указывает на целый ряд влияний, шедших с юга, с востока, с запада. Особенно сильно чувствуется хорезмское влияние как непосредственно в привозных вещах, так и в орнаментике собственно булгарских изделий. О широком размахе торговли булгар говорят и свидетельства арабских путешественников и русские летописи.

В. Н. Татищев пишет, что в 1006 году «прислали Болгары послов с дары многими, дабы Владимир позволил им в городах по Волге и Оке торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил и дал им во все грады печати, дабы они везде и всем вольно торговали» [13]. Или о торговле хлебом: «Болгары возили жито по Волге и Оке во все грады русские и продавали и тем великую помочь сделали. Князь же Болгарский прислал в дар к великому князю Юрию 30 насадов с житами, которые князь великий принял с благодарением, а к нему послал сукна, парчи с золотом и серебром, кости рыбы и другия изящныя вещи» [14]. Ибн-Русте сообщает: «Живут же все они в одной и той же местности, Хазаре ведут торг с Булгарами, равным образом и руссы привозят к ним свои товары. Те из них, которые живут по обоим берегам помянутой реки, везут к ним (Булгарам) товары свои, как-то: меха соболи, горностаевы, беличьи и другие» [15].

Одним из весьма ценных товаров были рабы, и в Болгары привозили на продажу из соседних стран захваченных пленников. «Что касается до Руси [16], то находится она на острове, окруженном озерами. Остров этот, на котором живут они (руссы), занимает пространство трех дней пути, покрыт лесами и болотами; нездоров и сыр до того, что стоит ступить ногой на землю, и она уже трясется по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовется Хакан-Русь. Они производят набеги на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их (славян) в плен, отвозят в Хозеран и Булгар и продают там» [17]. О работорговле говорит и ибн-Фадлан: «Они (руссы) приходят из своей страны и бросают якорь в Итиль, которая есть большая река, и строят на ее берегу большие деревянные дома; в одном же доме собирается их десять, двадцать, также менее или более».

Повидимому, большинство рабов вывозилось на восток, как и подавляющее количество других товаров. Ибн-Хаукаль пишет: «Большая же часть мехов и превосходнейшая из них находится в стране Русь, некоторые высококачественные из страны Яджудж и Меджудж приходят к Руссам, по соседству их с Яджуджами и Меджуджами и по торговле с ними. Продавали же они это в Булгаре прежде, чем разрушили его в 358 (969) году...» [18].

Развитие торговли внутренней и внешней вызвало значительный рост ремесла.

Главные города княжества — Болгар, Сувар и Биляр занимали по тому времени громадную площадь. Болгар с пригородом имел в окружности 7,5 км, Сувар около 5 км, Биляр почти вдвое больше, а Ошель около 3 км. Близ городов располагались значительные пригороды ремесленного характера. Их можно указать у Сувара, Жукотина, Болгара, Биляра и других городов.

На территории Болгара и Биляра археологами собраны крупнейшие коллекции самых разнородных предметов, часть которых специально изготовлялась на экспорт в соседние области.

Все исторические свидетельства рисуют Великие Болгары как крупный торговый центр, куда съезжались купцы из разных стран. Всю торговлю востока с севером булгары держали в своих руках и никак не желали допустить восточных купцов на север. Этим и объясняются всякие небылицы, которыми булгары запугивали своих конкурентов. «Что касается Арты, то никто туда не входит, ибо они (жители) убивают всякого чужестранца, путешествующего по их земле, только что они спускаются по воде и торгуют, но никому не рассказывают о своих делах и не допускают никого провожать их»,— пишет Абу-Исхак-аль-Истахри аль-Фарки; то же самое мы находим у ибн-Хаукаля.

В отношении богатства и разнообразия вещественного материала Болгар является почти исключительным памятником. Это богатство — лучший показатель значения этого города, как крупного ремесленного и торгового центра феодальной Европы.

Ясно выраженный торгово-ремесленный характер булгарских городов дал основание некоторым исследователям считать их чисто торговыми и ремесленными центрами. Однако последние раскопки, при которых были найдены вещественные следы земледелия и скотоводства, заставляют считать, что жители городов Булгарского царства, как и других раннефеодальных городов Европы, занимались в некоторой степени, наряду с ремеслами, и сельским хозяйством, разводя скот и возделывая небольшие полевые участки.

Следует заметить, что существует и другая точка зрения, прямо противоположная, отвергающая какое-либо развитие ремесла у булгар. Н. Н. Фирсов в своем исследовании об истории промышленности Поволжья пишет: «Из Болгарии шли предметы разнообразных отраслей промышленности, но болгарский ввоз на Русь не служил показателем промышленного развития Болгарии, ибо болгарский товар был не туземный, а иностранный, привозной, и своим разнообразным составом он указывал на обширность болгарского транзита. Из предметов местного болгарского производства на Русь шел хлеб, которым среднее Поволжье было очень богато» [19]. Но такая точка зрения могла возникнуть только без учета археологических источников.

Приведенные выше материалы дают картину расцвета царства, но внутренняя борьба между князьями, повидимому, продолжалась. Неспокойны были и отношения с соседями. Русская летопись сохранила нам ряд сведений о столкновениях русских князей с булгарскими.

Наиболее ранние из них относятся к X веку. Под 977 годом в летописи записано: «Иде Володимер на Радимици и Болгары и победи их» [20]. Этот поход носил характер случайного феодального набега и не был связан с какой-нибудь определенной враждебной политикой русских по отношению к булгарам.

Позднее, в 985 году, киевские князья идут против булгар совместно с торками, которые раньше, наряду с другими кочевыми племенами, должны были отступить при завоевательном движении булгар в сторону Яика. «В лето 6493. Иде Володимир на Болъгары с Добрынею оуем своим в лодьях, а Торкы берегом приведе на конех, и тако победи Болгары» [21].

Дальнейшие походы Владимира в 994 и 997 гг. были последними походами киевских князей на булгар, о которых упоминает русская летопись.

Можно не останавливаться более подробно на торговом договоре булгар с киевскими князьями. Он еще раз подчеркивает большие торговые интересы булгарских князей.

Для укрепления связей булгарские феодалы роднились с русскими. Женой князя Андрея Боголюбского была булгарка. Об этом свидетельствует Тверская летопись: «Убиен бысть... от своих бояр, от Кучковичев, по научению своеа ему княгини. Бе бо Болгарка родом и дрьжаше к нему злую мысль, не про едино зло, но и просто, иже князь великий много воева с нимь Болгарскую землю и сына посыла и много зла учини Болгаром» [22].

Конец могуществу Булгарского государства нанесен был не Киевом, а князьями Владимиро-Суздальской Руси, которые боролись с булгарами за включение народов Поволжья в свою феодальную систему. Эти войны — обычная для средневековья борьба феодалов, которая не может считаться показателем враждебных отношений между народами.

Пал форпост булгар в мордовских землях, стоявший в устье Оки на месте современного города Горького, о существовании которого мы знаем из фольклорных данных. С XI века торговая деятельность булгар начинает терпеть большой урон. Татищев в своей книге отмечает. «В те же времена были на Волге и Оке разбои и многих болгар торгующих пограбили и побили. Болгары же присылали ко князю Олегу и брату его Ярославу просить на разбойников, но не получа управы, пришед с войски, Муром взяли и пограбили, а села пожгли». Об этом событии кратко сообщает Ипатьевская летопись: «В лето 6596 (1088)... В се же лето взяша Болгаре Муром» [23]...

Повидимому, той же целью руководились булгары и при походе на Суздаль: «В лето 6615 (1107)... Того же лета чюдо сотвори Бог и святая Богородица в Суздалстей земли. Приидоша Болгары ратию на Суждаль, и обступиша град и много зла сотвориша, воююще села и погосты и убивающе многих от христиан. Сущие же людие во граде, не могуще противу их стати, не сущу князю у них, на молитву к Богу обратишася и к пречистой его Богоматери, покаянием и слезами, и затворишася во граде, и всемилостивый Бог, услыша молитву их и покояние... ослепи.:: вся ратная Болгары; и тако изшедше из града всех избиша» [24].

На юге борьба булгар с половцами велась всеми средствами. Под 1117 годом Ипатьевская летопись сообщает: «Тогда же приидоша Половци к Болгаром, и выслa им князь Болгарьскыи пити с отравою и пив Аепа и прочии князи вси помроша» [25].

С XII века, с укрепления Владимиро-Суздальского княжества, начинается ряд походов русских князей против булгар, большею частью удачных. «В лето 6628 (1120). Георгий Володимерич ходи на Болгары по Волзе, и взя полон мног и полкы их победи и воевав приде поздорову с честью и славою».

Эта упорная борьба соседей объясняется не только характером феодальных отношений, но и желанием русских князей положить конец торговой гегемонии булгар.

Энергичное сопротивление булгар заставляло русских князей объединяться, создавать военные федерации: «В лето 6668 (1160)... Князь Андрей Юрьев сын Долгорукаго з братом своим Ярославом Юрьевым

сыном Долгорукаго, и с сыном своим Изяславом и со князем Юрьем Муромским идоша на Болгары Воложскиа и Камскиа, и поможе им Господь Бог и пречистая Богородица...» [26].

Об этом же событии Лаврентьевская летопись сообщает под 1164 годом: «В лето 6672... В то же лето иде князь Андрей на Болгары, с сыном своим Изяславом и с братом Ярославом, и с Муромьским князем Гюргем: и поможе им Бог и святая Богородица на Болгары, самех исекоша множьство, а стягы их поимаша, и одва в мале дружине оутече князь Болгарьскый до Великого города, князь же Ондрей воротися с победою, видев поганыя Болгары избиты, а свою дружину всю сдраву» [27].

Под 1172 годом описывается поход князя Андрея совместно с рязанскими и муромскими князьями.

Военные союзы русских князей встречали иногда отпор совместных отрядов булгарских князей. Но это были скорее не добровольные союзы, а объединения на основе феодальной военной повинности. «В лето 6690 (1182). Околнии же городе Болгарскии, Собекуляне и Челмата, и совокупишаяся со инеми Болгары зовемыми Темтюзи, и совокупившеся их 5 000 идоша насады, а из Торьцького на конех приехавшим на лодье Русское, и вышедъше на остров тот, и поидоша на Русь» [28].

Походы русских князей значительно поколебали силы Булгарского царства. Русские князья доходили не только до Болгар, но и до Великого города на Черемшане — Биляра. «В лето 6691 (1183). Князь великий Всеволод иде на Болгары, а с ним сыновец его Изяслав Глебовичь, и Володимер Святославичь, и Мстислав Давыдовичь, и Резаньстии князи Роман, и Игорь, и Всеволод, и Володимер Глебовичи, и Муромский Володимер; и пришед в землю Болгарьскую, выседе из насада на берег, и поиде к Великому городу, и постоя пришед под Тукчин городок два дни, а на третий день поидоша к городу. И сторожеве Всеволожи узреша полк в поли, и мнеша Болгарьский полк, и се приехаша от полку того 5 человек и удариша челом пред князем великим Всеволодом, глаголюще: «кланяють ти ся, княже, Половци Емякове, пришли есми ко князем Болгарьским воевать Болгар; слышахом бо тебе идуща их же воевать». Князь же великий Всеволод подумав с братьею и со всею дружиною, води их в роту Половецьскую, поем их с собою поиде к Великому городу; и перешед Черемисан, изрядив полки ста со дружиною. А Изяслав Глебовичь со своими полки взем копие и потче ко оплоту, идеже бяху пешци вышедше из града учинили себе тверць оплотом; Изяслав же выгнав оплот ко вратом градным, и ту изломи копие свое, и удариша и стрелою во сердце сквозе броне, и отъиде оттуду еле жив и несоша его во стан. Болгари же из города из Собекуля и из Челмата поидоша в лодиях и из Торцскаго на конех к лодиям Всеволожим, Всеволод же оставил бяше у лодий Белозерьский полк; пришедше же Болгари близ к лодиям, и устремишася на бой, они же Божиею помощию укрепльшеся поидоша противу им; видевше же их Болгари, и устрашишася побегоша, Белозерци же со прочими своими вон погониша их секуще я, они же прибегоша к учаном и начаша метатися в них, и абие учаны опровергошася с ними, истопе их ту боле тысяци» [29].

История булгар на протяжении XI—XII вв. состоит из ряда военных столкновений с русскими князьями. Первые удары приходилось выдерживать булгарским городам по Каме и больше всего самому Болгару. Эти удары, повидимому, и привели к тому, что главная роль в Булгарском царстве перешла в XII веке к другому городу — Биляру.

С начала XII века в сведениях восточных писателей происходит смешение названий Болгар и Биляр. По сведениям абу-Хамида Андалузи, переданным Аашик Мухаммедом в сочинении «Обозрение миров», сказано: «Благочестивый мусульманин назывался Бюлар и по его имени город назывался Бюларом, впоследствии с арабским изменением Болгар». У более древних авторов мы не находим этих указаний. Френ и Хвольсон считают, что названия соответствуют разным городам, и с этим мнением приходится согласиться. Смешение названий могло произойти потому, что главная роль перешла к Биляру — Великому городу, который в XII веке выступает и по русским летописям в качестве главного города Булгарского государства.

Археологические данные говорят о меньшей роли Болгара по сравнению с Биляром в XII веке. Наслоения Болгарского городища принадлежат в основном монгольской эпохе, тогда как слой X—XII вв. в нем сравнительно невелик и вся древняя его часть характеризуется слабой насыщенностью культурными остатками. Дело в том, то в X—XII вв. бесконечные войны с русскими, заканчивавшиеся нередко сожжением города, приводили его часто в упадок. В то же время основной массив наслоения Билярского городища относится к домонгольской эпохе. Этот город, расположенный в глубине страны, находился тогда в лучших стратегических условиях, чем Болгар. Мощность его культурного слоя X—XII вв., свидетельствуя об интенсивности жизни в домонгольскую эпоху, и дает право предполагать, особенно в связи с данными письменных источников, что значение Биляра сохранялось вплоть до XIII века.

Если сравнить территорию Булгарского царства XII века с более ранней, то можно притти к заключению, что его границы несколько расширились к северу и в состав царства постепенно вошло Прикамье и район по реке Казанке.

Походы русских против булгар продолжались с неизменным успехом. Результатом походов в 1186 и в 1205 гг. явилось то, что заглох торговый путь из Булгарии в устье Оки и далее на запад. Это, однако, не нарушило всей торговой деятельности булгарских князей. Торговый путь на восток все еще оставался в их руках, хотя их южные соседи половцы все время тревожили спокойствие государства, как можно судить об этом по сведениям русских летописей [30].

Булгары не раз пытались восстановить путь на запад. С этим может быть связана их военная экспедиция на Устюг в 1219 г. «В лето 6727. Приидоша Болгаре на Устюг, и взяша и лестию, и потом идоша ко Унжи, и Унжане отбишася от них» [31]. Этому предшествовал поход 1209 года в Рязанскую землю, окончившийся полной неудачей.

Эти две экспедиции булгар заставили русских князей снова объединиться. Результатом был поход 1220 года, нанесший сильнейший удар Булгарскому государству [32].

Удар был направлен против города Ошеля, находившегося где-то близ устья р. Камы. Этот город являлся, повидимому, центром области Эсегел, о которой говорят восточные писатели. Точно произношение этого слова не установлено. Бартольд читает его как Искил [33], Маркварт — Аскл или Ашкл [34]. Это последнее, как правильно отметил М. Артамонов, напоминает город Ошель русских летописей [35]. Правда, данные восточных писателей ибн-Русте и Гардизи несколько противоречат возможности видеть в городище Кирельском, отожествляемом с Ошелем, центр булгарской области Эсегел. Так, ибн-Русте пишет: «Между землею печенегов и землею болгарских Эсегель лежит первый из краев мадьяр-

ских». Гардизи, сообщая то же, помещает на место печенегов булгар. В X веке печенеги занимали область к западу от Дона, мадьяры же в это время находились к западу от Карпат. Но, конечно, не исключается возможность, что часть мадьярской орды осталась где-нибудь в нижнем Поволжье. В таком случае Эсегел может быть сопоставлен с Ошелем близ устья Камы.

Значение этой области нельзя недооценивать. Отсюда велось наступление на запад и осваивались земли мордвы. Вполне понятно, что разгром Ошеля русскими явился первым серьезным шагом для включения Поволжья в русскую феодальную систему. В летописи говорится: «В лето 6728. Князь великий Юрьи Всеволодичь посла брата своего Святослава на безбожныя Блъгары, и с ним посла плъкы своя, а воеводство приказа Еремею Глебовичю, а Ярослав посла свои полкы из Переяславля, а Василкови Констянтиновичю повеле Юрьи послати своя полкы: он же из Ростова полк посла, а другий со Устюга на връх Камы; посла же и к Муромским князем, веля им послати сыны своя, и посла Давыд сына своего Святослава, а Юрьи Олга».

Результатом этого похода было взятие Ошеля и ряда других городов по Каме. Войска булгарских князей, объединенные Великим городом, были разбиты.

«На ту же зиму Болгаре прислаша послы своя к великому князю Юрью, моляшеся и мира просяще, и не послушав моления их, и отпусти их, а сам начат наряжатися на них, и посла в Ростов по Василка Костянтиновича и повеле ему ити на Городець, а сам поиде же. И бывшу ему на Омуту, ту приидоша к нему друзии посли Болгарьстии, с молбою и с челобитьем просяще мира: он же, не позрев на молбу их, отпусти их прочь от себе, и прииде на Городець с полкы, а Василко ту же приде к нему. А Болгарьстии посли пришедше, сказаша своим, яко князь Юрьи стоит на Городци, ожидая братьи своей, а мира не дасть, но хощете пакы ити на ны; они же убояшася зело и послаша к нему на Городець третий посол с молбою великою, и с дары многими и с челобитьем, и прият молбу их, и взя дары у них, и управишася по прежнему миру, яко же было при отце его Всеволоде и при деде его Георгии Володимеричи, и посла с ними мужи свои, водити в роту князей их и земли их по их закону» [36].

Военный разгром 1220 года был самым серьезным из всех ударов, нанесенных русскими князьями Булгарии.

Неудачным походам булгар на Устюг и Унжу в 1219 году несомненно предшествовало освоение ими ближнего Закамья, южной части рек Ижа, Тоймы, Вятки и Казанки. О захвате Закамья булгарами свидетельствует помимо археологии и фольклор.

В преданиях, сохранившихся у удмуртов, упоминается о повинностях, которые несли крестьяне-удмурты в отношении булгарских князей: «Сама раковины не поносишь, а ему отдай» — пелось в старинной песне [37].

Иные отношения сложились у булгар с мордовскими князьями. Процесс феодализации у мордвы начал складываться, как можно полагать, основываясь на анализе археологического материала, к XII веку. От X века мы имеем свидетельства арабов; эти свидетельства и археологический материал дают представление о мордве, как об обществе военной демократии. К XII веку относится возникновение городов у мордвы — момент, тесно связанный с формированием классового общества. С самого начала мордовские племена оказались в тяжелом поло-

жении. Находясь территориально между булгарами и русскими, и став ареной борьбы между ими, отдельные мордовские племена входили в различные феодальные государства. Частично мы их видим в составе русских княжеств, например, Муромского, а частично, как показывает археологический материал, в Булгарском. Наконец, мы знаем историю о двух самостоятельных княжествах Пуреша и Пургаса.

Помимо этого мордва испытывала набеги половцев. Об этом свидетельствует большое число курганов, разбросанных на территории Тамбовской и Пензенской областей. Примером могут служить курганы по течению р. Пьяны, два из которых были раскопаны Дружининым и дали кочевнические погребения с конем, ориентированные головой на восток. Эти курганы по обряду погребения принадлежат половцам [38].

Сложившаяся историческая обстановка с самого начала предопределила политическое поведение мордовских князей. Князь Пуреш становится в вассальные отношения к русским, князь Пургас отдается под протекторат булгар. К началу XIII века относятся свидетельства русских летописцев, говорящие об этом факте. Под 1228 годом мы читаем в Лаврентьевской летописи: «Того же месяца в 14 день великыи князь Гюрги, и Ярослав, и Костянтиновичи, Василко, Всеволод идоша на Мордву; и Муромскыи князь Гюрги Давыдовичь вшед в землю Мордовьскую, Пургасову волость пожгоша жита и потравиша, и скот избиша, полон послаша назад а Мордва вбегоша в лесы своя в тверди, а кто не вбегл, тех избиша наехавше Гюргеви молодии, в 4 день генваря. То видевше молодии Ярославли и Василкови и Всеволжи, оутаившеся на заоутрие ехаша в лес глубок, а Мордва давше им путь, а сами лесом обидоша их около, избиша и, а иных изъимаша бежаща в тверди, тех тамо избиша, и князем нашим не быть кого воевати. А Болгарьскыи князь пришед был на Пуреша ротника Юргева, и слышав оже великыи князь Юрги с братьею жжеть села Мордовьская, и бежа прочь ночи; а Юрги с братьею и со всеми полкы взвратишася всвояси добри здорови» [39].

Совершенно естественно, что русские не трогали земли своего вассала Пуреша и неплохо защищали их от Пургаса и от булгар. В худшем положении находился князь Пургас. Булгары не сумели его защитить.

Нигде в летописях прямо не говорится о том, что Пургас был в вассальных отношениях к булгарам, но то обстоятельство, что булгары ходят только на Пуреша и не воюют с Пургасом, а русские наоборот, заставляет сделать вывод о вассальных отношениях этих двух мордовских князей. В русских летописях мы встречаем неоднократно упоминания о военных нападениях на мордву. Например, в 1184 году «князь же Всеволод возвратихся в Володимерь, а коне пусти на мордву». По-видимому, уже с конца XII века князь Пургас признал себя вассалом булгар. Не забудем, что в XII — в начале XIII века булгары сами испытывали постоянные удары со стороны русских княжеств, и поэтому естественно, что они не могли оказать надлежащей помощи своему вассалу. Таким образом, княжество Пургаса в конце XII — в начале XIII века входило в состав булгарского государства.

После разгрома булгар в 1220 году и падения Ошеля, центра этой части Булгарии, русские начали окончательное освоение мордовских земель. В 1221 году был основан русскими Нижний Новгород. Под 1226 годом летописец сообщает: «Того же лета посла великий князь Гюрги Святослава Ивана, брату свою на мордву и победиста мордву и взяста неколико сел и вьзвратистася с победою». Под 1227 годом

Карта Восточной Европы XII—XIII вв. с указанием территории волжской Булгарии.

читаем: «Посла князь Юрий Всеволодович братью свою на мордву; они же взяша множество сел»... Под 1229 г. в Лаврентьевской летописи сказано: «Того же лета победи Пургаса Пурешев сын с половци и изби Мордву всю Русь Пургасову, а Пургас едва в мале оутече». Великий князь Константин Юрьевич владел Нижним Новгородом и Городецким княжеством и повелел русским селиться по Оке, и по Волге, и по Кудьме и на мордовских землях, где кто захочет. Можно полагать, что еще до 1236 года, до татарского нашествия, земли мордовских князей, вассалов булгар, частично отошли к русским.

Помимо открытых военных действий существовала скрытая борьба. Летопись отмечает отравление булгарским князем половецких князей [40]. Другой факт не менее показателен, это убиение Авраамия в Великом городе [41]. Трудно думать, что здесь играла роль религиозная нетерпимость булгар. Вероятнее всего, что Авраамий был агентом владимирского князя и был убит за свою политическую работу.

После двух походов булгар (1209 и 1219 гг.), последний раз пытавшихся восстановить путь на запад, после их разгрома в 1220 году и заключения мира, установились мирные отношения булгар с русскими князьями [42]. В 1229 году последовало подтверждение мира и обмен пленниками: «...князь велики отпусти к ним Измаилтян их, а они отпустиша к великому князю христиан» [43].

Спустя несколько лет произошла битва на Калке. Время этого события различные источники относят к разным датам в пределах от 1223 до 1226 года. Арабский историк ибн-аль-Асир в своей «Всеобщей истории» говорит о том, что после битвы при Калке «...татары направлялись в Булгар. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них (татар), встретились с ними, и, заманив их до тех пор, пока они зашли за места засады, напали на них с тыла, так что они (татары) остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4 000 человек» [44].

Следующий набег монголов, носивший рекогносцировочный характер, произошел в 1229 году. О нем кратко упоминает русская летопись: «Саксини и Половци възбегоша из низу к Болгаром перед Татары; и сторожеве Болгарьскыи прибегоша, бьени от Татар близь рекы, ей же имя Яик» [45].

Этот набег монголов заставил булгар объединиться и они заключают мир с великим князем Юрием Всеволодовичем: «Того же лета Болгаре, глаголемии Казанци, прислаша к великому князю Юрью Всеволодичю о миру: бе бо перемирье промежи их на шесть лет, а люди плененыа быша во обеих странах. И тако умиришася, и по вере обои кождо своей утвердишася, и плененыя люди разпустиша» [46].

Булгары правильно учли обстановку. Победа 1223 года не ослабила их внимания к появившемуся новому противнику. Несомненно, они были в курсе сведений о монгольских завоеваниях в Средней Азии и Закавказье. Разгром русских и половцев на реке Калке также им был хорошо известен. Хорошо было известно и впечатление, произведенное этим событием на русское общество. «Том же лете,— отмечает летописец,— по грехом нашим придоша языцы незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть... и что вера их. А зовутся Татары, а инии глаголють Тауремены, а друзии Печенези; инии же глаголют яко се суть... из пустыни Етриевскыя... Бог един весть, кто суть и отколе изъидоша,

премудрии мужи ведять я добре, кто книгы разумееть; мы же их не вемы, кто суть, и зде въписахом о них памяти ради Рускых князь и беды, яже бысть от них им. Слышахом бо яко многы страны попленишa — Ясы, Обезы, Касогы и Половьчь безбожьных множьство избиша»[47].

Все заставляет предполагать, что булгары, обезопасив свой тыл от русских, все силы бросили на юг, навстречу новому врагу. Монгольское нашествие началось в 1232 году. Об этой дате сообщает русская летопись: «В лето в 6740... Приидоша Татарове и зимоваше не дошедше Великаго града Болгарьскаго»[48].

Монголы встретили жестокое сопротивление булгар и их войско оказалось бессильным пред соединенными отрядами булгар. По прошествии трех лет, в 1235 году, на курултае в Каракоруме, после обсуждения вопроса о походе на юго-восток Европы, монголы отправили новые силы. Рашид-Эддин сообщает об этом: «Принцы, которые были назначены на завоевание степи Кыпчакской и тех пределов: из детей Тулуй-хана старший сын Монке-хан и брат его; из рода Угедай-Каана — старейший сын Куюк-хан и брат его Кадан; из детей Джагатя — Буру и Байдар; Кулькан, брат Каана; сыновья Джучи: Бату. Урда, Шейбан и Танкут, а из вождей более почтенный Субадай-Богадур; все они вместе двинулись разом весной Бичина, год обезьяны, месяцы Джумади в ...633 году. Проведя в дороге лето, осенью они соединились в пределах Булгарских с родом Бату, Урды, Шайбана и Танкута, которые были назначены в те пределы»[49].

На реке Яике сошлись все подкрепления, посланные для покорения Европы. «Потом принцы и вожди собрались зимой у реки Джаян и он (Бату) послал военачальника Субадая с ратью в сторону Асов и в пределы Булгарские. Те (Субадай с войском) дошли до города Кернека и других мест и заставили покориться».

Об этом же говорит и Джувейни: «Когда Каан-хан во второй раз устроил сейм и происходило совещание об истреблении и покорении остающихся мятежников, то утверждено было мнение, чтобы обратиться на пределы Булгара, Аса и Уруса, которые были соседи кочевьев Бату, не были еще вполне покорены и гордились множеством своих богатств. Он назначил в помощь и в замену Бату принцев крови: Монке-хана и брата его...». Из этих сообщений ясно, что первая армия монгол оказалась бессильной против хорошо организованных войск Булгарского царства и им понадобилась новая армия. Только тогда под натиском превосходных сил неприятеля пала волжская Булгария, один из древних культурных центров Европы.

Джувейни далее отмечает, что «в пределах Булгара принцы сошлись вместе; от множества воинов земля стонала и от громады войск обезумели дикие звери и ночные птицы».

Была разгромлена столица Биляр, или, как ее называют летописи, Великий город. «В лето 6744... осени приидоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари, и взяша славный Великый город Болгарьскый и избиша оружьем от старца и до унаго и до сущаго младенца и взяша товара множство, а город их пожгоша огнем и всю землю их пленишa»[50].

Упорное четырехлетнее сопротивление булгар татарскому завоеванию оказалось возможным только благодаря единению всех сил булгарского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Труды ГИМ, в. XI, М., 1940, стр. 55.

[2] Б. Д. Греков. Волжские булгары в IX—X вв. «Историч. записки», № 14, 1945, стр. 3.

[3] Хранится в Государственном музее ТАССР в Казани.

[4] Впрочем, Б. Д. Греков считает, что это не так, и отмечает неправильную интерпретацию памятников. «Тут автор,— пишет Греков,— несомненно, недооценивает силы родового коллектива с одной стороны (мы знаем много хорошо укрепленных пунктов именно родовых), а с другой он ничем не доказывает, что сооружения эти сделаны руками крепостных. Почему они, например, не могли быть сделаны руками рабов или свободных людей, принуждаемых к работе по распоряжению государственной власти, подобно тому, как строили крепости вокруг Киева и Новгорода и церкви в этих и других городах князь Владимир, его предшественники и преемники?

Предположение относительно замков я не отвергаю, но подобные факты говорили бы только о наличии знати, владеющей укрепленными усадьбами, а больше ни о чем. Хотя вопрос о непосредственных производителях, обслуживающих эти усадьбы, и остается для булгарского царства открытым, тем не менее из возможных его решений крепостной труд в качестве основной формы эксплоатации работающего на знать населения исключается. Может тут идти речь лишь о начинающемся процессе закрепощения свободного населения» (Указ. соч., стр. 35).

[5] Труды ГИМ, в. XI, М., 1940, стр. 79.

[6] Имена ханов восстанавливаются по записке ибн-Фадлана и по нумизматическим данным в такой последовательности: Шилки — Альмас — Микаил — Ахмед (середина X века).

[7] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губ. Казань, 1877, стр. 48—52.

[8] В своей статье «Волжские болгары в IX—X вв. («Историч. зап.», № 14, 1945, стр. 3) Б. Д. Греков высказывает предположение, что единство булгарского государства есть твердый признак его дофеодальных отношений, и полагает возможным считать началом феодальных отношений XIII век, когда Булгария распалась на два княжества — Болгарское и Жукотинское. Однако, это утверждение противоречит ряду фактов и некоторым аналогиям из жизни Киевской Руси, аналогиям, которые часто проводит сам Б. Д. Греков. Единство булгарского государства не является доказательством отсутствия феодальных отношений. Международная обстановка для булгар складывалась так, что они не могли стремиться к сохранению этого единства. Напомню, что и Киевская Русь XII века — а для этого времени ни у кого нет сомнений, что там были феодальные отношения,— была единой, и Владимир Мономах пресекал в корне и предупреждал всякие противоречия, принуждая князей быть своими подчиненными. Примеры этого приведены Б. Д. Грековым в его монографии «Киевская Русь», где говорится, что Владимир Мономах, стремясь к сохранению единства государства, распоряжался другими князьями, как своими подчиненными. Князя Глеба Всеславича, который преступил северную границу киевской земли, Мономах в 1116 году быстро усмирил; побежденный минский князь обещал повиноваться Владимиру, но слова не сдержал и тогда Владимир отобрал у него Минск, а его самого перевел к себе (1119 г.) в Киев, где тот и умер. Так же круто расправился Мономах с владимиро-волынским князем. Даже Новгород Великий, стоявший вдали от княжеских усобиц, должен был признать над собою власть Владимира и принять к себе от него посадника. При Владимире и его сыне Мстиславе Киев снова стал политическим центром большого феодального государства. Во всяком случае, отдельные феодальные владетели серьезно считались с ним.

Конечно, булгары, которые испытывали большой натиск со стороны князей Владимиро-Суздальской Руси, должны были также стремиться сохранить свое единство. Но и сохраняя его, они с большим трудом выдерживали натиск русских князей. Поэтому я считаю, что соображения Б. Д. Грекова еще не доказывают отсутствия феодализма у булгар в домонгольский период.

[9] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 127.

[10] Д. Хвольсон. Известия... ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 24.

[11] ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862, стр. 230.

[12] Д. А. Хвольсон. Указ. соч., стр. 23.

[13] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен... Кн. 3, М., 1774, стр. 88—89.

[14] Там же, стр. 454, 455.

[18] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 263.
[19] Там же, стр. 267.
[17] Там же, стр. 263.
[18] Там же, стр. 219.
[19] Н. Н. Фирсов. Из истории торгово-промышленной жизни Поволжья (с древнейших времен до осмотра этого края Екатериной II). Казань, 1898, стр. 9.
[20] ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889, стр. 38.
[21] ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стр. 71.
[22] ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стр. 250—251.
[23] ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стр. 199.
[24] В. Доброхотов. Древний Боголюбов город. М., 1852, стр. 70—71.
[25] ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стр. 285.
[26] ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862, стр. 230.
[27] ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 150—151.
[28] ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стр. 626.
[29] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 96—97.
[30] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, там же.
[31] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 126.
[32] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 128.
[33] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, Петр., 1916, стр. 121.
[34] Marquart. Osteuropeische und Ostasiatische Streifzug. Leipzig, 1903, стр. 30.
[35] М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 102.
[36] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 126—128.
[37] Записано со слов П. Елабужского в с. Вавож того же района, Удмуртской обл.
[38] Отчет Археол. комиссии за 1892 г., СПб., 1894, стр. 45.
[39] ПСРЛ, т. I, Л., 1926, стр. 451.
[40] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 24.
[41] ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 192.
[42] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 128.
[43] ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 98.
[44] История Татарии в документах и материалах. М., 1937, стр. 41.
[45] ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 192.
[46] ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 98.
[47] ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, стр. 39.
[48] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 138.
[49] И. Березин. Нашествие Батыя на Россию. ЖМНП, 1855, май, стр. 171.
[50] ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 196.

ГЛАВА III

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД

История золотоордынской Булгарии тесно связана с историей самой Золотой Орды. Войдя в состав нового государства, Булгария явилась одним из элементов, из которых сформировалась золотоордынская культура нижнего Поволжья. Монголы восприняли старую булгарскую культуру и культуру, принесенную с Востока. В создании городов нижнего Поволжья булгарские ремесленники сыграли большую роль.

Отношения между булгарской знатью и завоевателями по прошествии некоторого времени установились весьма тесные. Великие Болгары в XIV веке считались одним из лучших городов Золотой Орды, «золотым троном» ее ханов. Благодаря более тесному общению Булгария в несколько большей степени подверглась ассимиляции с пришельцами, хотя этот период и не внес ничего нового в культуру булгар.

Захват волжской Булгарии монголами сопровождался разрушением всех ее важнейших городов: Биляр (Великий город), Кернек, Жукотин, Болгар, Сувар были разрушены. О взятии Жукотина вместе с Биляром сообщает Татищев [1]. О разгроме Сувара можно судить по археологическим данным. Раскопки этого городища, произведенные в 1933—1937 гг., дали достаточно материала, позволяющего воссоздать картину взятия города. Слои, относящиеся к концу XII и к XIII веку, содержат разрушенные здания, сожженные деревянные дома и укрепления со стороны реки Утки.

Разгром Булгарии вызвал отлив населения к северу и на запад. В записях Татищева есть указание на уход булгар к русским. «Того же году пришли на Русь и просили, чтоб им дать место. Князь великий Юрий вельми рад сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие» [2].

Булгарские князья признали власть завоевателей и, как об этом можно судить по сведениям Рашид-Эддина [3], были пожалованы ханом Бату прежними владениями [4]. После ухода монгольской армии на запад князья Баян и Динеку подняли восстание. Рашид-Эддин пишет в истории монголов: «Те (Субадай с войском) дошли до города Кернека и других мест и заставили покориться. Тамошние владельцы Баян и Динеку пришли и изъявили покорность принцам; будучи пожалованы, возвратились назад, но опять восстали. Он послал Субадай-Богадура, который и овладел их землей». Об этом факте вторичного завоевания Булгарии сообщает и Патриаршая летопись: «6749. Того же лета Батыевы Татарове взяша Болгары, иже на Волзе и на Каме» [5].

Судя по тексту Рашид-Эддина, Баян и Динеку не являлись старшими князьями. Вероятнее всего, они владели областью города Кернека. Имена этих князей не упоминаются в перечне булгарских князей, приводимом муллой Шихаб-Эддином [6], по сведениям которого завоевание Булгарского царства произошло при Ильгаме, сыне Салима.

Так закончилось покорение волжской Булгарии, население которой долго и упорно сопротивлялось иноземному нашествию. Факты, сообщаемые восточными писателями и русскими летописями о процессе завоевания Булгарии, не позволяют согласиться с мнением В. В. Григорьева, отметившего, что булгары покорились без сопротивления, видя силу татар [7]. В этом вопросе позиция П. В. Голубовского была, несомненно, более правильной [8].

Булгарские князья, признавшие власть татар, получили назад свои владения. Никакой разницы в положении их и русских князей мы не наблюдаем. При описании жития князя Феодора Смоленского и Ярославского в Минеях-Четиях сказано: «Начаша ходити русстии князи и болгаре во Орду ко царю отчин своих просити у царя на столование свое» [9]. С этих пор исчезло единое Булгарское государство и мы встречаем лишь отдельных князей, подчиненных непосредственно золотоордынскому хану.

Вторая половина XIII века явилась периодом экономического восстановления Булгарии. В первой половине XIV века город Болгар, не игравший в домонгольский период большой роли, пережил даже блестящую эпоху расцвета. Старые центры, как Сувар и Биляр, захирели и никогда более не достигали экономического уровня домонгольского периода. В лучшем положении были районы, находившиеся за Камой. Огромное число кладов с монетами и вещами первой половины XIV века, находимых в районе Камы, Казанки и около Болгар, прекрасно иллюстрирует это положение. Время зарытия этих кладов падает на вторую половину XIV века, когда для волжской Булгарии наступил трудный период в связи со смутами в Золотой Орде и нападениями русских князей. Из числа таких кладов следует отметить клад, найденный в дер. Ташкирмен, Лаишевского района [10], железную кольчугу XIV века [11], найденную близ дер. Екатеринославки, Чистопольского р.; клад серебряных джучидских и джагатайских монет XIV века [12]; клад из 542 монет 1310—1360 гг. с именами ханов Токтогу, Узбека, Джанибека, Бердибека и др., чеканенных в Сарае, Болгаре, Новом Сарае, Гюлистане, Азаке [13]; клад из 907 монет 1310—1415 гг.[14], найденный близ д. Сосновки, Казанского р.; клад близ д. Князь-Камаево с монетами Нового Сарая 1359 г. и Гюлистана 1359—1361 гг.[15]; клад из 652 монет XIV века близ дер. Кокрят, Куйбышевского р. (там же, в двух метрах далее, расположены два погребения того же времени) [16]; клад из 669 монет 1310—1365 гг. в двух километрах от Болгара вместе с керамикой обычного типа [17]; клад из 115 монет Джанибека, выпаханный близ д. Горки [18]; в двух километрах от селения Мошей найден клад из 1476 монет XIV века [19], 430 монет XIV века найдено в д. Алексеевской [20], серебряные монеты XIV века найдены близ села Болгары [21]; в 1928 г. в том же селе Болгары к юго-востоку от Малого минарета А. Пичкасовым найдены 252 медных монеты, из которых 221, чеканенные в Новом Сарае, датируются первой половиной XIV века [22].

Оправившиеся булгарские князья, пользуясь покровительством золотоордынских ханов, начали расширять свою территорию. В XIV веке они появились на реке Чепце. Памятником их проникновения яв-

ляются некоторые могильники, известные под именем Бигер-Шай, частично относящиеся к XIV веку, и булгарская плита с надписью 1323 года, до недавнего времени находившаяся во дворе мечети в дер. Гордино, Балезинского района УАССР, позднее перевезенная в Глазовский музей. Надпись представляет могильную эпитафию: «Смерть (есть врата и) все люди войдут (в них). Памятник Яхам дочери... (Да будет) над ним милость божья милостью широкой. Дана (в) семь (сот двадцать) третьем году шестнадцатого дня». Этот памятник был поставлен над женской могилой, что видно из слов «дочь». Язык текста (кроме арабских изречений) обычный древнебулгарский, который расшифровывается посредством сравнения с чувашским языком [23].

Нахождение надписи прежде всего свидетельствует о том, что освоение областей производилось исконным булгарским населением, так как из всех областей Золотой Орды могильные надписи имели распространение только на территории Булгарии. Наиболее южной точкой нахождения такого рода памятников является ограда церкви села Архангельского, Старо-Майнского района Куйбышевской области [24], где была найдена каменная плита с арабской надписью, что указывает на присоединение этих мест к волжской Булгарии и что булгары начали тогда вновь расширять свою территорию.

Литературным памятником пребывания булгаро-татар на Чепце является легенда, записанная Н. Г. Первухиным. «Старики говорили нам, что прежде, чем пришли сюда русские, вотяки жили не сами по себе, а были в подчинении у татар, которыми правил тогда особый царь, которого вотяки называли Кун. Сначала татары брали с вотяков только оброк: известную часть снопов с поля, известную часть птицы и зверя из леса, известную часть рыбы из воды, и вотяки на это не были в большой обиде; но потом татар становилось все больше и больше, они стали требовать, чтобы вотяк, став на четвереньки, подставил свою спину, когда татарину нужно было взлезать на лошадь, и не позволяли жениться ни одному парню на девушке ранее, нежели девушка эта пробудет у татарина 4—5 дней. Наконец вотякам надоело терпеть подобные притеснения: они призвали к себе русских, которые по этому зову пришли и прогнали татар, и стали править вотяками по-своему» [25].

С XIV века погребения булгаро-татар получают широкое распространение в Вятско-Камском крае. Так, около г. Сарапула М. М. Хомяковым было открыто кладбище, которое он определяет как мусульманское. Погребения ориентированы головой на юго-восток [26]. Встречаются подобные погребения и значительно севернее. Н. Н. Новокрещеных открыл близ Рождественского городища в быв. Соликамском у. два поздних могильника. Костяки лежали в ямах на глубине 55 см головой на запад, на правом боку, лицом на юг. В головах и ногах находилось по железному гвоздю [27].

Кроме этих данных, указывающих на проникновение булгар в область Вятки—Камы, мы располагаем еще большим городищенским материалом. К XIV веку относится верхнее наслоение городища Идна-Кар на р. Чепце. Городище датируется весьма точно комплексом вещей X—XI и XII—XIV вв. К последнему времени относится проволочная серьга с бусиной типа, обычного для могильников XIV века, и красная керамика с пористой поверхностью, обожженная в закрытом горне. На Каме поздний материал дают Кадымкорское и Рождественское городища, где кроме поздних вещей были найдены монеты 1251—1259 гг.[28], Искорское городище и ряд других. Вся совокупность материалов показывает, что

булгаро-татары проникали в эти области. Здесь им пришлось столкнуться с Вятской республикой.

Проникновение сюда новгородцев и основание ими города Хлынова относится к XII в., как об этом говорит Вятский летописец. Н. И. Мартынов [29] привел ряд соображений, основанных на истории Новгорода, которые заставили его не согласиться с мнением Спицына и Верещагина об основании Хлынова в XIV веке. В Вятском летописце об этих событиях сказано: «И отделишася половина тех новгородцев и идоша вверх по Каме реке, а другая половина осташася на Каме реке в новопостроенном городке, шедше же вверх по Каме реке и сшедше на гору на страну ону и дошедши реки Чепцы и вниз по ней пловуще пленяюще Отяцкие жилища и окруженные земляными валами ратию взаимлюще и обладающе ими, и егда исплывше тое реку Чепцу внидоша в великую реку Вятку и плывше по ней мало более пяти верст и узревше на правой стороне на высокой прекрасной горе устроен град Чудский и земляных валов окружен от реки ж Вятки ров глубокий, от него ж кругом земляного валу ископанным рвом обведен, называем Чудью Болванский городок иже и ныне нарицается Никулицино по реке Никуличанке, и видевше новгородцы той град на прекрасной высокой горе и возжелаше зайти взяти его и обещашася прародителям своим Российским великим князем страстотерпци Борису и Глебу и заповедаше всей дружине своей постишеся» [30].

Чепецкие городища, о которых сообщает Вятский летописец, расположены главным образом по левому берегу реки. Исследовались они Н. Г. Первухиным, А. А. Спицыным, А. П. Смирновым, С. Г. Матвеевым. Помимо раскопок Н. Г. Первухиным был собран и куплен большой материал. Изучение этих коллекций показало, что временем расцвета городищ были X—XII вв. [31], а к XIV веку относится на Чепце только городище Идна-Кар. Более поздние памятники находятся в стороне от реки.

Сведения Вятского летописца как нельзя лучше объясняют причину запустения городищ. Они были взяты ушкуйникам и разгромлены, а население ушло вглубь лесов. Мартынов в своей работе делает правильное предположение об истреблении туземной знати завоевателями. Об этом можно судить по тому, что все легенды, связанные с богатырским эпосом, относятся к городищам и более поздних вариантов нет.

О событиях того времени очень кратко сообщает летописец: «Во времена же тыя Российсти князи, имеющие отдельные грады, прихождаху на Вятку с различными воинствы в великом собрании кийждо хотяше сторону Вятскую взяти в подданство себе и ничтоже успевающе. Наипаче же от Чуди, Отяков и Черемис и от Агорянского рода разных народов татар и бесермян и нагайцев снизу Волги реки и от Казанских татар и от из Заказанских поселившиеся тии Новгородцы Вятчане многое утеснение имуще и разорение, воюемы многажды» [32]. Повидимому, Хлынов вместе с небольшим числом городов и сел оставался всего лишь русским оазиасом, окруженным удмуртами и мари, в некоторой своей части подчиненными булгарам.

Согласно с данными Вятского летописца, гор. Вятка оставался свободным и первое поражение городу нанес отряд царевича Бектута в 1391 г. «...В лето 6899. Татарский князь Тактамыш посла царевича Бектута на Вятку ратию, он же шед взя Вятку и людей посече, а иных в полон поведе, а иных на откуп отдавал».

В XIV веке булгары продолжали проповедь мусульманства, начатую ими еще в домонгольскую эпоху. Мусульманство у них стало гос-

подствующей религией с X века, как свидетельствуют об этом арабские писатели, но не пользовалось большим распространением, так как были еще сильны родовые верования. Самой восточной точкой распространения мусульманства являются Чишмы в Уфимском районе, где найден камень с арабской надписью, гласящей, что здесь покоится Хусейн Бек, сын Измера бека, 444 г. Хиджры (1052).

Шериф-Эддин-Булгари посвятил много страниц своей работы описанию погребений проповедников мусульманства. Они воспитывались в Бухаре, Багдаде, Болгаре. Их могилы известны в районе Тубулгатау [33], около поселений, расположенных по рекам Шерибуту и Черемшану. Эти могилы относятся к середине XIV века. «А в ауле Кутлу Бугуш,— пишет Шериф-Эддин-Булгари,— могила муллы Нияза, сына Чокмакова. Оба они скончались во время путешествия к святым местам при Бердибек хане».

То обстоятельство, что имена проповедников упоминаются вместе с именем городов Болгара или Биляра, заставляет относить их могилы к той эпохе. Так, Шериф-Эддин-Булгари говорит: «Третий шейх Мухаммед, он был выходец из аула Багане и сын Бай-тирана; пройдя путь в Багдад, он вернулся в Биляр» [34].

Шериф-Эддин упоминает также ряд погребений в северных районах Булгарии, на реках Казанке и Свияге. Это показывает, что мусульманство распростанялось не только в районах, заселенных булгарами, но и среди соседних племен.

Нужно думать, что какой-то успех имело учение Магомета и у мордовских племен. Шериф-Эддин говорит: «В ауле Уржум был Файз-Улла сын Обейд-Уллин. В ауле Кук-Куз был Кай-Мухаммед сын Дин-Мухаммедов. В племени Мелла были Мулла-Гул сын Айдар-Гулов и Нарим-бай сын Аджилов. Теперь могилы их находятся там же». С. М. Шпилевский приурочивает племя Мелла к районам течения р. Иммелла, впадающей в р. Свияту в соседстве с селением Кук-Куз. Километрах в 4½ к западу от речки Иммеллы находится того же имени деревня, называемая иначе Буртасы. В этих же местах находится и озеро, названное на карте Казанской губ. XVIII века Буртасским [35].

Эти весьма серьезные и убедительные доводы С. М. Шпилевского заставляют думать о распространении мусульманства у мордовских племен.

Аналогичную картину мы наблюдаем и среди мещеряков, занимавших значительную часть правобережья Волги. О них упоминает Шериф-Эддин: «В ауле Шурдан, в ауле Тетюш из племени мещерского известны последователи, коих могилы ныне там находятся» [36]. В. В. Вельяминов-Зернов относит мещеру к отатарившемуся населению Горьковской, Пензенской, Саратовской, части Куйбышевской и Тамбовской областей и связывает ее с можарами Царственной книги.

Весьма энергично булгары распространяли мусульманство и в землях башкир. Наличие нескольких тюрбе XIV века на этих землях свидетельствует о распространении здесь ислама в ту эпоху. Один из памятников находится в 45 км от Уфы на левом берегу р. Демы, в 3 км от д. Караякуловой и в 1 км от д. Чишмы. Это тюрбе выстроено по обычному для того времени способу. Квадратный низ посредством восьмигранника сведен на купол. Размеры тюрбе 10 × 10 м, стены, толщиной в 1,6 м, оштукатурены с внутренней стороны. Дверь, как обычно для этого типа сооружений, сделана с южной стороны и имеет в высоту 2,5 м и в ширину около 1 м. К двери примыкает ход, от которого остались снаружи каменные плат-

формы. С остальных трех сторон — северной, восточной и западной установлены окна шириной 70 см и высотой 1,4 м.

Внутри помещения находится могила с надписью на плите: «Праведный в своих предначертаниях ходжа Хусейн-бек, сын великого эмира Омар-бека... Туркестанский,— Господи помилуй его великою милостью своей и почти его оставлением всех грехов его,— скончался в 9-й день разрешенного месяца 742 года (1341)» [37]. Характер памятника, находящегося среди кладбища, на котором встречаются и более поздние погребения, свидетельствует о проповеди ислама булгарами.

Показателем широкого распространения мусульманства в эту эпоху является большое число мусульманских погребений XIV века. Сюда прежде всего необходимо отнести могильные плиты с датой «Лето пришествия угнетения». Расшифровка этой фразы, предложенная Клапротом, затем принятая Эрдманом и Березиным, относит дату плиты к 623 году Хиджры, т. е. к 1226 году. Это чтение вызвало возражения. В 1863 году Хусейн-Файз-Ханов предложил свою формулу и датировал эти памятники 700 годом Хиджры. Им указано, что слова «Тарик джиат джейур» надо читать «джиати джюр», а по-арабски надо было бы читать «джайат джаур», чего на камне нет. «Джиати джюр» соответствует «джити юз», а по-татарски = 7 × 100, т. е. 700. Далее следуют цифры десятков и единиц.

При подобном чтении все знаки находят объяснение, при первом же, предложенном раньше Клапротом, последний знак остается без прочтения. Поправку Хусейн-Файз-Ханова принял И. Ф. Готвальд [38]. Это чтение дает возможность отнести к 1301 году 24 надписи. К несколько более раннему времени относятся три надписи 670 (1271) 690 (1291) и 691 (1291) гг. К XIV в. относится большинство плит. (Они датируются 723, 724, 729, 701, 704, 705, 710, 712, 714, 716, 717, 720, 737, 742, 717, 700, 716 и 711 годами Хиджры).

К этой же категории надо отнести памятники, открытые Артемьевым в долине р. Малой Сюльги и отмеченные Шпилевским в его сводной работе [39]. Там, около деревень Енарускиной и Старой Ильдкряковой находится городище почти четырехугольной формы, защищенное с северной и восточной стороны валом. Высота вала в последние годы XIX столетия не превышала одного метра и он был уже распахан и засеян хлебом. За линией вала находился посад и было расположено кладбище. П. А. Пономарев при исследовании обнаружил здесь камни из серого песчаника, покрытые арабскими надписями. Камни оказались могильными памятниками. Первый «семьсот... пятого года»; второй — «семьсот шестидесятого года благословенного рамазана месяца 5-го дня»; третий — «семьсот восьмого года рибиуль-ахьира месяца 15-го дня». Все эти погребения относятся, таким образом, к первой половине XIV века.

Не случайно мусульманство получило такое широкое распространение в Булгарии и в соседних с нею областях в XIV веке. В это время мусульманское учение было принято в самой Золотой Орде. Берке-хан принял ислам от Шемседдина Эльбахарзи, который жил в Бухаре и послал к Берке предложение принять ислам [40]. Главным распространителем ислама был Узбек-хан, ведший борьбу и с шаманизмом и с буддизмом [41]. Понятно, почему значительное число мусульманских погребений падает именно на XIV век.

Но татары поддерживали не только магометанскую религию. Известно, что в Сарае в 1261 году была организована специальная православная епархия, первым епископом которой был Митрофаний, поставленный

русским митрополитом Кириллом III. Эта епархия включала кроме Сарая и Переяславль (Киевский) и поэтому глава епархии носил титул епископа Сарайского и Переяславского [42]. Известно также, что русские митрополиты ездили с дарами к ханам Золотой Орды.

Эти факты находят объяснение в том, что религия и в ту эпоху выполняла функции, полезные государственной власти. Имея у себя в государстве пестрый этнический состав, ханы неизбежно должны были опираться на силы, призывавшие к покорности властям. Повидимому, именно эти политические соображения заставили Узбек-хана ревностно распространять мусульманство среди золотоордынского общества.

В XIV веке город Болгар занял то положение, какое он занимал в начальный период своей истории, в X веке, когда восточные путешественники писали о нем, что Болгар является главным торговым пунктом этого государства. Правда, значение главного торгового центра он сохранил только в отношении северных областей. На юге в это время основная экономическая роль принадлежала Сараю Берке, куда привозились ценные меха. Рубруквис отмечал: «...Из Руссии, из Москеля, из Великой Булгарии и Паскатира (т. е. Великой Венгрии), из Керписа (эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны, которые им повинуются, им привозят дорогие меха разного рода, которых я никогда не видел в наших странах, и в которые они одеваются зимою» [43].

Не было бы ошибкой полагать, что роль Болгара сводилась к роли посредника между Закамьем и Сараем Берке. В золотоордынскую эпоху Болгар был весьма оживленным городом, куда съезжались купцы всех стран. Аль-Омари в книге «Пути взоров по государствам разных стран» отмечал: «Купцы наших стран, говорил Номан (знакомый автору купец), не забираются дальше города Булгара; купцы булгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят до земель югорских, которые на окраине севера» [44].

В археологическом материале прекрасно отражены эти стороны жизни города. Мы находим в Болгаре в громадном количестве и монеты, чеканенные в южных городах, и восточные вещи, среди которых обычны зеркала, сфероконические сосуды, поливную посуду. Значителен был и вывоз из Китая,— зеркала, монеты (встречаемые единицами) и селадон, изготовлявшийся из беловатой огнеупорной глины; эта керамика высокого обжига покрывалась снаружи поливой оливкового цвета различных оттенков. Встречалась и зеленая поливная керамика из Херсонеса. Известен ряд монет из Индии [45]. В качестве более редких находок здесь встречаются западные монеты. Из Булгарии в обмен на привозимые предметы роскоши вывозились кроме мехов, составлявших основную статью экспорта, кожи, кость, скот и рабы, труд которых в эту эпоху применялся еще очень широко, о чем говорит, в частности, Плано де-Карпини [46]. Сообщает о продаже пленных в рабство и русский летописец: в 1376 году 70 ушкуев под командой Прокофия и Смольянина взяли Кострому разбоем; а было всех разбойников две тысячи... Потом они пошли на Н. Новгород и «пришедше в Болгары и тамо полон христианский продали бесерменом Костромской и Новгородский...», а сами в насадах пошли по Волге на низ...

Широкие торговые связи определили несколько интернациональный характер города Болгара. Нам известна армянская колония, возникшая здесь еще до эпохи монгольского завоевания. Центром ее являлась «Греческая палата», находившаяся на запад от городища и представляющая

развалины христианской церкви. К этому же времени относится ряд армянских надгробий 784, 770 и 757 гг. армянского летосчисления [47] (XIV век н. э.).

В Болгаре проживали и русские, не составляя впрочем отдельной колонии, а живя в массе городского населения. Раскопки последних лет открыли в ремесленном квартале города отдельные дома, принадлежавшие, судя по керамике курганного типа, выходцам из Руси.

Мы плохо знаем внутреннюю историю золотоордынской Булгарии. Этот период для нас еще более темен, чем эпоха X—XII вв. Булгарские князья пользовались своими уделами и были подчинены непосредственно самой Золотой Орде. Весьма возможно, что этот порядок установился после Менгу-Тимура.

На короткое время в XIV веке вырастает значение Биляра, где начали чеканить монету [48]. Однако, у нас нет никаких данных, ни исторических, ни археологических, чтобы говорить о продолжительном оживлении города в XIV веке. Вероятно это был временный подъем. Значительно лучше обстояло дело в Болгаре, где монета чеканилась с 1240 до 1420 года. Чеканка монеты в этом пункте показывает, что Болгар был одним из крупных феодальных центров Булгарии.

Отрывочные летописные данные о внутреннем положении Булгарии позволяют выделить два княжества — Булгарское и Жукотинское. Их центрами были два наиболее богатых города. И не даром новгородские ушкуйники при своих военно-торговых походах главное внимание уделяли именно этим двум городам. Судя по свидетельству Никоновской летописи от 1359 года, жукотинские князья не подчинялись булгарскому царю и имели право непосредственно сноситься с Золотой Ордой.

Другое свидетельство относится к самому началу XV века. Описывая битву при Лыскове, летописец упоминает, как равных, князей болгарского и жукотинского: «В лето 6919... Тое же зимы, месяца Генваря, на память святаго Иоанна Кушника, бысть бой на Лыскове князю Петру Дмитреевичю Московскому и князем Ростовским и Ярославльским с Суждальским со князем Данилом Борисовичем и Нижняго Новагорода, и с его братом с князем Иваном, и з Болгарьскыми князи, и Жукотинским. И бысть межу их сеча зла, и ту убиен бысть князь Данило Васильевичь и иные мнози падоша от обоих стран» [49].

О тех же болгарских княжествах говорит Тверская летопись при описании похода новгородца Анфала в 1409 г. «...Поидоша Новогородци из Завôлочиа по Двине в верх Сухоною, и вышли Костромою в Волгу, и взяша на Костроме кормь, и поидоша к Новугороду Волгою, въюючи, и взяша Новгород Нижний, и потом поидоша на усть Ками на совет Анфалу, и не поспеша. Анфал же пошел задними водами в Каму, князи Болгарские и Жекотстии слаша к Анфалу, и взяша перемирие, и даша ему окупь с земли; Анфал же потому исплошися к ним, они же яша его лестию в Каме, а дружину его изсекоша, а инии разбегошася» [50].

Это свидетельство русского летописца дает основание утверждать, что жукотинские князья были самостоятельными и подчинялись не булгарскому князю, а непосредственно хану Золотой Орды. Основываясь на отсутствии упоминания о других князьях булгарских, можно предполагать, что других самостоятельных княжеств тогда не было.

Итак, Булгария, во всяком случае в XIV веке, разделилась на два самостоятельных княжества: Булгарское и Жукотинское (Джукетау). Каков был удельный вес княжеств? Наиболее сильным все же оставалось

Булгарское, на что указывает чеканка там монет. Меньшее значение имело Жукотинское.

Существование этих двух княжеств прежде всего ставит вопрос о занимаемой ими территорий. Относительно территории, принадлежавшей князьям Джукетау, существуют две точки зрения: первая, высказанная С. М. Шпилевским, который включал в состав Жукотина правый берег Камы до рек Кермени и Шумбута включительно, и вторая П. А. Пономарева, относившего к Жукотину только примыкавшее к нему городище по левому берегу Камы [51]. Едва ли последняя точка зрения основательна. Жукотинское княжество, как рисуют его летописи, вовсе не было столь незначительным. Вероятнее всего, упоминаемое городище Джукетау являлось центром восточной части бывшего Булгарского царства.

Точнее определяется территория Булгарского княжества. Оно включало в свой состав западную, южную и северную части прежнего Булгарского царства. Большое значение имела Казань. Не случайно этот город упоминается часто в русских источниках. Булгары ему придавали большое значение, как наиболее крупной северной точке княжества. Он был пунктом, откуда шло наступление на север, на Вятку. Он был оплотом против Вятской республики, пытавшейся расширить свою территорию.

К сожалению, кроме нескольких строк Вятского летописца, упомянутых выше, мы не знаем ничего, что проливало бы свет на историю этой республики и на ее отношения с южными ее соседями.

Большое значение, которое придавали Казани булгары, вызывалось также и тем, что расположенный вдали, в лесах, этот город мало привлекал внимание русских ушкуйников.

Находка надписи XII века и упоминание казанских булгар русскими летописями в 1157 году указывает на существование булгарских поселений по р. Казанке еще в XII веке. Эта область уже в домонгольскую эпоху стала играть немаловажную роль. Она входила в состав Булгарского княжества и великий князь булгарский был одновременно и ее князем. Отсюда возникла путаница в терминологии, когда один и тот же князь то выступает от имени булгар, то сталкивается с русским по вопросам казанских земель.

Более поздние летописные данные упоминают Казань под 1376 г., называя город Болгар Казанью. «Тое же зимы князь великий Дмитрей Констянтиновичь Суздалский посла детей своих, князя Василья и князя Ивана, на Болгары, рекше на Казань, а князь Дмитрей Ивановичь Московский посла воеводу своего, князя Дмитрея Михайловичя Волынскаго и приидоша к Казани месяца Марта в 16 день. Казанцы же изыдоша из града противу их, стреляюще из луков и из самострелов, а инии гром пущающе з града, страшаще Русское воинство; а инии выехаша на верблюдех, кони Русских вой полошающе. И поможе Бог князем Русским, и вгониша их в град; князи же Казанстии Асан и Маахмат Салтан добиша челом великому князю и даша окуп з града великому князю Дмитрею Ивановичю Московскому тысящу рублев, а великому князю Дмитрею Констянтиновичу Суздальскому и Нижнего Новагорода 1 000 рублев, а воеводам и ратемь 3 000 рублев, и всю свою волю сътвориша, и дорогу, и таможника посадиша в Казани, и возвратившася въ свояси» [52].

Это историческое свидетельство признавалось весьма важным, так как здесь впервые упоминается город Казань. Н. М. Карамзин [53] и С. М. Соловьев [54] полагали временем начала Казани 1376 год. С. М. Шпилевский правильно отметил некоторую несогласованность в этом вопросе

летописных сводов. Под тем же годом Воскресенская летопись, передавая о походе русских князей на Болгар с большими подробностями, чем Никоновская, называет не Казань, а город Болгар: «Тое же зимы посылал князь великий Дмитрей Ивановичь князя Дмитреа Михайловича Волынского ратию на безбожныя Болгары, а князь Дмитрей Константиновичь Суждалский посла сыны своа князя Василиа и князя Ивана, с ними ж боар и воя многи; и приидоша к Болгаром в великое говение марта 16.. Князь же Болгарьский Асан и Махмат салтан добиста челом великому князю и тестю его князю Дмитрию Констянтиновичю двема тысячма рублев, а ратем их тремя тысячма рублев, а дарагу и таможника посадиша князя великого в Болгарех, и отъидоша прочь, много зла створивше поганым, суды их и села и зимници пожгоша, а людей изсекоша»[55]. Так же сообщают об этом событии Львовская летопись и источники Татищева.

Несомненно, что в описании данного события речь идет не о Казани, а о Болгаре. Это следует хотя бы из того, что Болгар еще продолжал играть большую роль, он все еще являлся торговым центром, куда сходились все интересы окружающих государств. По сравнению с Болгаром Казань была незначительным городом и там не было смысла сажать таможенника; и наоборот, были все основания сделать это в Болгарах. Эти соображения заставляют принять точку зрения С. М. Шпилевского[56].

Но сообщение Никоновской летописи все же нельзя сбросить со счетов. Город Казань и булгары-казанцы не в первый раз упоминаются в этом своде. О казанской земле говорит летописец под 1229 и 1232 годами. Все эти материалы показывают, что город Казань, возникнув в XII веке, благодаря удобному стратегическому положению быстро развивался и в XIV веке достиг значительного расцвета. Только этим можно объяснить, что Никоновская летопись путает булгар и казанцев. Нельзя согласиться со Шпилевским, который считал, «что так как ни один источник не упоминает о Казани ранее XIV века, то и свидетельство Никоновской летописи не доказывает существования Казани в 1376 году, но оно объясняет только в позднейшем, современном самому летописцу смысле, их город и землю»[57]. Однако это не совсем верно. Та же Никоновская летопись, описывая более ранние события, не упоминает о Казани и казанцах. Так, под 994 годом мы встречаем: «Ходи Володимер на Болгары, и много ратовав их победи». Патриаршая летопись говорит: «На Воложские и Камские Болгары ходив и победи...». Путаница в обозначениях появляется только с XII века, а С. М. Шпилевский отмечает ее лишь с XIII века. Точно так же нет оснований не доверять сидетельству летописца о походах новгородских ушкуйников в 1391 и 1409 гг. на Казань.

О походе 1391 года Никоновская летопись говорит: «Того же лета Новогородцы и Устюжане и прочии к тому съвокупишася, и идоша в насадех и в вушкуех рекою Вяткою на Низ, и взяша Жукотин и Казань и паки выидоши на Волгу»[58]. Считая, что в данном случае слово Казань стоит ошибочно вместо Кашан, Шпилевский пишет: «По точному смыслу этого места летописи выходит, что Казань вместе с Жукотиным были на Каме, потому что ехавшие вниз Вяткою, взявши эти города, из которых о Жукотине известно, что он был на Каме, вышли на Волгу. Это невольно приводит к необходимости под городом, который назван здесь Казанью, искать другой город. Этот город легко найти в соседстве с Жукотиным, на запад от которого, как было выше объяснено, на Каме стоял г. Кашан, который и должно разуметь здесь вместо Казани. Важным подтверждением этому представляется то, что в двух списках Воскресенской лето-

писи было написано не Казань, а Казнь, только в Карамзинском списке стоит Казань. Невозможно признавать случайностью одинаковую описку, встречающуюся в двух списках. Очевидно, что было написано не Казань, и, может быть, не Казнь, как читает редактор Воскресенской летописи, а Каж, Кашь (Кашан)».

Но если отбросить предположение С. М. Шпилевского и взять свидетельство летописи, отнесясь к нему с доверием, так как нет причин подвергать его сомнению, то получим несколько иную картину. Какие у нас основания искать город, упоминаемый летописью, на Каме рядом с Жукстиным? В тексте сказано о пути вниз по Вятке, о взятии города Жукотина и Казани (причем летописец ни слова не говорит о месте расположения обоих городов), и затем о выходе на Волгу. Ведь путь ушкуйников мог проходить несколько иначе, чем это рисует С. М. Шпилевский. Спустившись вниз по Вятке, они вышли на Каму, взяли город Жукотин и, пройдя некоторый путь по Каме, направились по р. Меше и ее притокам к Старой Казани и оттуда по Казанке могли выйти на Волгу. Такой путь не противоречит данным летописи и совершенно понятен, так как Казань к концу XIV века достигла большой степени благосостояния и могла представлять интерес для ушкуйников.

Помимо исторических и археологических сведений, дающих безусловное право утверждать заселение района Казанки в XII веке, мы располагаем еще фольклорным материалом, касающимся основания Казани.

Легенды, посвященные Казани, разноречивы и относят основание города к разному времени. Довольно распространенным вариантом является предание о возникновении Казани на рубеже XIV—XV вв., связывающее это событие с нашествием Тамерлана. Легенда рисует картину, как после семилетней осады город Болгар был взят и его владетель Абдуллах-хан убит, а сыновья его Гадым-бек и Алтун-бек бежали и спаслись в лесу. После этого они направились в Старую Казань. Другая легенда, записанная в казанской истории неизвестного сочинителя, относит основание этого города к более раннему времени — царствованию хана Саина, который долго искал удобного места для построения города и нашел его на Волге, на самой окраине Русской земли. Место это было «зело пренарочито искато пажитно и всякому и всякими земляными семены родимо и овощмы преизобильно и звериcто и рыбно и всякого угодья житейского полно»...

Взаимная проверка археологических и исторических сведений дает больше оснований доверять второму варианту предания, говорящему о более раннем возникновении города.

Конец XIII — первая половина XIV века были периодом расцвета Золотой Орды. Эпоха ханов Узбека и Джанибека была также периодом спокойного существования Булгарии. Для этого времени мы можем констатировать рост влияния булгар на завоевателей. Булгары, как ближайшие соседи древней Руси и восточных стран и знакомые с их культурой, способствовали под властью Золотой Орды процессу развития городов и ремесел на территории нижнего Поволжья. Являясь центром караванной торговли, территория Булгарии служила ярмаркой для встречного потока товаров, идущих из Руси, Восточной Европы, с Кавказа, из Персии, Средней Азии, Монголии и Китая.

С купеческими караванами в Сарай Берке приходили ремесленники разнообразных специальностей. А. Якубовский уже высказал замечание, что в образовании городов Золотой Орды большую роль сыграли ремесленники из Ургенча, который в начале XIII века достиг высшего рас-

цвета своей торгово-промышленной жизни. Но не одни выходцы из Ургенча способствовали процветанию этого города. Ибн-Батута, наблюдавший в 1333 году жизнь Сарая Берке, отметил национальную пестроту населения города. Там жили татары, асы, кыпчаки, черкесы, русские, византийцы и ремесленники из восточных стран. Правда, мы не можем ставить знак равенства между булгарскими и хорезмийскими ремесленниками, и несомненно, что монголы при завоевании Булгарского государства получили возможность сравнить и по достоинству оценить обе эти культуры. Они прекрасно видели превосходство Хорезма и культурную зависимость от него Булгарии, и совершенно естественно, что обратились к первоисточнику.

Но все же булгарские ремесленники жили в Сарае Берке, и там остались следы их деятельности. Доказательством может служить керамика не поливная, пришедшая в монгольские города, как и в Булгарию, из Хорезма, а простая. Сравнение простой посуды Сарая Берке или Бату с керамикой булгарских городов дает несколько аналогичных типов сосудов, совершенно однохарактерных по фактуре. Мы говорим не о посуде плохо обожженной, с черными в сечении стенками, желтого и черного цвета, встречающейся на довольно значительной территории. В приведенном ниже перечне описано несколько таких типов посуды, которые, встречаясь в материале булгарских городищ X—XIV вв. в большом количестве, попадаются и в коллекциях из золотоордынских городов. К числу их необходимо отнести черную, красную и коричневую посуду с полированной, вернее, лощеной поверхностью, с характерной штриховкой, нанесенной широкой плоской палочкой, оставляющей узоры в виде сетки; этот тип керамики весьма характерен для булгарской культуры, и ее нахождение в золотоордынских городах никоим образом не может быть объяснено только торговлей между городами, так как эта керамика представляла рядовую посуду, привозной могла быть только поливная.

Из других вещей нужно отметить бронзовые замки в виде лошадок, баранчиков и собачек; эти замочки, отливавшиеся в виде двух половинок, являются предметом типичным для булгарской культуры. Они найдены в Биляре и в Болгаре, но обычны также в коллекциях из Сарая Бату, Сарая Берке, Увека и других мест. В золотоордынских городах работали и булгарские ювелиры, о чем можно судить по находкам предметов, украшенных филигранью и чернью. Ювелирные предметы, изготовленные приемами булгарской техники, представлены рядом вещей исключительной ценности; на то, что часть таких вещей изготовлялась в самом Сарае Берке, указывает литейная форма, хранящаяся в собрании Государственного Эрмитажа [59].

К числу вещей, которые можно сравнивать с булгарскими типами, принадлежат также зеркала с растительным орнаментом, поразительно напоминающие булгарские. Приведенный перечень вещей был бы не полон, если бы мы не отметили лемеха булгарского типа, хорошо известного по булгарским коллекциям, и плужные резаки.

Перечисленный материал показывает, что в жизни городов нижнего Поволжья булгарские ремесленники играли довольно большую роль. Наличие их в золотоордынских городах привело к тому, что культура булгарских городов XIII—XIV вв. получила много общих черт с городами нижнего Поволжья. Различие состоит лишь в меньшем богатстве булгарских городов.

Кроме городов Золотой Орды тесные связи были у булгар с населением правобережной Волги — мордвой и чувашами. Напомню, что

еще в XII веке одна часть мордовских княжеств находилась в вассальной зависимости от русских, а другая от булгар. Пуреш был «ротник Юрьева», а князь Пургас — ротник булгарского князя. Тесная связь части мордовских земель с Булгарией продолжалась во всяком случае и в золотоордынскую эпоху. На территории Булгарии, не занятой мордвой, встречаются отдельные погребения, типичные для погребений мордовских женщин X — XIV вв. Это установлено, например, Поливановым для Муранского могильника, где женщины лежат обычно на боку с полусогнутыми ногами; руки в большинстве случаев согнуты, причем кисти рук лежат под висками [60].

Аналогичная картина наблюдалась в Аткарском могильнике. И здесь женщин хоронили на правом (преимущественно) или левом боку с подогнутыми ногами и руками, согнутыми в локте и положенными кистью перед лицом умершей. Мужчины погребались в вытянутом положении на спине, с немного согнутой левой рукой [61]. Такие же захоронения умерших на боку с подогнутыми ногами открыты около дер. Бемер, Казанского района (бывш. Собакинской волости, Казанского уезда) [62].

Подобные погребения были найдены и в самом городе Болгаре. При раскопках «Бабьего бугра» в 1920 году группой студентов Северо-восточного археологического института был обнаружен ряд погребений, в одном из которых костяк оказался в скорченном положении. Он лежал на правом боку, головой на запад, с подогнутыми ногами и руками, причем одна ладонь была положена под правый висок [63]. Погребения в этом могильнике являются обычными погребениями рядовых граждан и не представляют ничего исключительного, так как присутствие мордвы в Болгаре и без того хорошо документируется рядом вещественных находок (сюльгам, височных колец).

Особый интерес представляют исследования Ханской усыпальницы. Это дюрбе, находящееся близ Малого минарета в Болгарах, сохранилось весьма плохо, так что для поддержания его свода пришлось поставить столбы. В 1914 г. Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете были произведены здесь раскопки. Исследованиями выяснено, что дюрбе состояло из ряда отдельных помещений: центрального и примыкающих к нему восточного и западного. Здание было красиво оштукатурено, причем следы штукатурки в то время были еще хорошо заметны. Часть поверхности стен была отделана поливными изразцами, покрытыми геометрическим и растительным орнаментом, перемежающимся с куфическим письмом. Изразцы выполнены в синих, голубых и белых красках. На ряде изразцов имеются арабские надписи с благопожеланиями. Восточная и западная пристройки, как отмечают исследователи, были отделаны с той же роскошью, как и центральное помещение. Восточное здание имело еще дополнительную отделку в виде различных гипсовых налепов.

Внутри сооружения было обнаружено несколько погребений. Три из них находились в центральном здании, восемь — в восточном и семь в западном. Все костяки лежали в ящиках четырехугольной формы, сколоченных из толстых деревянных досок больших размеров. Покойники были положены на спине, лицом вверх, головой на запад, левая рука полусогнута и положена на грудь, правая протянута вдоль тела и кистью лежит на тазовых костях.

Отчет о раскопках дюрбе вместе с тем отмечает и некоторые отклонения, обнаруженные при изысканиях, от основного типа погребений.

Так, в центральном здании один костяк, заключенный в ящик, находился в скорченном положении на правом боку.

Над могилами в центральном помещении были возведены оштукатуренные кирпичные надгробия, каждое из двух горизонтальных рядов кирпичей, лежащих один на другом. Вся обстановка погребений, богатое дюрбе, красиво оформленные надгробия, дают право считать развалины мавзолея усыпальницей каких-то знатных лиц.

Татарские предания говорят, что постройка, находящаяся у Малого минарета, заключала в себе ханские погребения. Роскошная отделка этого здания позволяет признать эти предания достоверными. Дмитриев в своей работе «Древние Булгары и татарские о нем предания» писал, что, согласно легендам, в зданиях у мечети похоронены особо чтимые мужи [64].

Археологические и фольклорные материалы дают полное основание утверждать, что в дюрбе у Малого минарета были погребены знатные люди, ханы. Нахождение в этом дюрбе погребения мордовки указывает на тесную связь булгарских ханов с мордовскими князьями, закреплявших свои политические союзы с мордвой брачными узами.

Если мы имеем крайне скудные и неполные сведения о социально-политической жизни Булгарии X—XII вв., то в отношении золотоордынского периода дело обстоит значительно хуже — мы здесь не располагаем даже отрывочными данными. Русские летописи, говоря о булгарских князьях, косвенно свидетельствуют о развитии феодальных отношений. Можно полагать, по аналогии с другими областями Золотой Орды, что булгарские князья получали ярлыки на княжение и были обязаны выплачивать дань. Вероятно, отношение монголов к булгарам было таким же, каким его рисует Никоновская летопись, говоря о русских: «В лето 6792 (1284). Бе убо обычяй царем Ординским и князем его на всей Русской земле дань взимати; овогда же убо откупаху данъскиа пошлины Русских князей, овогда же сами князи на своих княжениах збираху дани и отвожаху во Орду, овогда же Татарскиа Ордынскиа гости своея ради корысти откупаху дани в Русских княжениах и тако корысть себе приобретаху» [65]. Понятно, что основная тяжесть легла на покоренное крестьянское население. Дань и повинности в пользу своих феодалов привели к тому, что булгарская деревня, поскольку мы можем судить о том на основании пока случайных находок, представляется нам мало прогрессирующей по сравнению с домонгольской эпохой.

Плано Карпини в своей «Истории монголов» пишет: «И вот чего татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества.

Именно, они отсчитывают десять отроков и берут одного, и точно так же поступают и с девушками. Они отводят их в свою сторону и держат в качестве своих рабов. Остальных они считают и распределяют, согласно своему обычаю.

В бытность нашу в Руссии был прислан туда один сарацин, как говорили, из партии Куйюк-хана и Батыя. И этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же согласно своему обычаю просчитал, приказывая, чтобы каждый как малый, так и большой, даже однодне-

ный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умели передать по-латыни, а по-немецки оно называется Ильтис, поляки же и русские называют этого зверя дохорь, и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст того, должен быть отведен к татарам и обращен в их раба...

Баскаков или наместников своих они ставят в землю тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти баскаки возражают им, что они не верны татарам и таким образом разрушают их город или землю» [66].

Подобная обстановка не могла содействовать экономическому и культурному развитию страны. Приведенные слова Плано Карпини прекрасно объясняют причину застоя в булгарской деревне.

Однако в булгарских княжествах замечаются значительные сдвиги. Несмотря на тяжелые политические условия, к половине XIV века Булгария оправилась, что замечается хотя бы по развитию ремесла. Раскопками последних лет на городище Великие Болгары открыты литейные печи, выплавлявшие чугун. Это несомненный показатель роста производительных сил Булгарии в половине XIV века.

Эта новая обстановка несомненно повлекла за собой ряд изменений в положении Булгарии. Стало заметным стремленне булгарских князей к сепаратизму, к эмансипации.

Конец относительного спокойствия Булгарского царства под монгольской властью приходится на время начала смут в Золотой Орде. Как известно, в 1357 году Джанибек был убит в результате дворцового заговора. Его место занял его сын Бердибек, царствование которого продолжалось всего два года, с 1357 по 1359 год. С этого времени и начался период смут в Золотой Орде, когда отдельные эмиры стали править подвластными им территориями совершенно самостоятельно. Так, Хаджичедес завладел окрестностями Астрахани, Урус-хан — своими уделами, Айбек-хан своими. В это время Мамай вступил в Крым, поставил ханом отрока из детей Узбека, по имени Абдуллаха, и двинулся на Сарай [67].

Булгарские князья не остались в стороне и от дворцовой борьбы, которая велась в Золотой Орде. П. С. Савельев, разбиравший монеты 771 года с именем князя Хасана, битые в Золотой Орде, опираясь на свидетельство русского летописца за 1370 год, отметил, что Хасан присвоил себе титул хана и завладел столицей царства Сараем. Свергнутый Мамаем, посадившим на царство «Мамант-салтана», Хасан снова вернулся в Болгары. Против захватчика Мамай организовал экспедицию. В Воскресенской летописи под 1370 годом сказно: «Мамай посади у себе на царство другого царя Мамант-салтана. А князь Дмитрей Констянтиновичь Суждалский посла брата своего князя Бориса и сына своего князя Василия с многими вои, с ними же посол царев Ачихожа, на Болгарскаго князя Асана; Осан же выслa противу их с челобитьем и с многими дары, они же дары поимаша, а на княжении посадиша Салтана Бакова сына и възвратившася в своаси» [68]. Однако, через несколько лет мы снова встречаемся в летописях с именами Осана и Махмат-салтана.

Различные летописные своды связывают имена этих князей и с Болгаром, и с Казанью. Вероятнее всего, что эти князья жили в двух городах — в Болгаре и в Казани, и этим объясняется путаница летописных

сведений. Осан был в Казани, а Мамант-салтан в Болгаре. Я не думаю, что свергнутый и изгнанный из Сарая князь мог так покойно устроиться в центре Булгарского княжества. Для того, чтобы его сбросить, Золотая Орда обладала достаточной силой, а булгары не располагали даже отрядами, способными прогнать ушкуйников. Об этом времени кратко говорят русские летописи, отмечая: «Замятня велика в орде». В этой «замятне» принимали, повидимому, какое-то участие и булгары; может быть их стремление к самостоятельности заставило Булак-Тимура напомнить булгарам времена Батыя. В 1361 г. «Бурлактемирь князь ординский Болгары взял и все городы по Волзе и улусы и отня весь Волжский путь» [69].

Относительно имени Булак-Тимура было высказано несколько точек зрения. Так, В. Григорьев [70] признал возможным считать Булак-Тимура сыном Джанибека или каким-нибудь сильным вельможей, пытавшимся взять власть в свои руки. Он известен еще нападением на русских в 1367 году, когда он совершил поход на Нижегородское княжество. Это нападение не сопровождалось разрушением Болгара, хотя несомненно, что город был взят и в какой-то мере пострадал, но у нас нет никаких оснований говорить о полном его разрушении. Значительное число монет 60-х годов свидетельствует об интенсивной жизни Болгара в эту эпоху.

Булгарская экспансия в Заволжье встретилась во второй половине XIV века с наступательным движением русских. В 1360 году новгородцы открыли целую серию походов на Булгарию, чем положили начало планомерному наступлению русских на восток. Походы сопровождались многочисленными набегами ушкуйников: «Взяша Новгородци Жюкотин и много Бесермен посекоша мужий и жен» [71] — так говорится в летописи.

Выше уже было отмечено, что Жукотин представлял собою богатый город. Эти богатства и интересовали новгородских ушуйников. Поход 1360 года представлял простой набег и не сопровождался ни отнятием территории, ни основательным разрушением города. Джукетау вскоре опять отстроился.

Никоновская летопись сообщает об этом походе более подробно, датируя его 1360 годом. «Из Великого Новагорода разбойницы приидоша в Жукотин и множество Татар побиша и богатьство их взяша, и за то разбойничьство христиане пограблены быша в Болгарех от Татар. Того же лета князи Жуконстии поидоша во Орду ко царю и биша челом царю, дабы царь оборонил себя и их от разбойников, понеже много убийства и грабления от них сотворяшеся беспрестани. Царь же Хидыр посла трех послов своих на Русь: Уруса, Каирбека, Алтынбея ко князем Русским, чтоб разбойников поймали и к нему прислали. И бысть всем князем съезд на Костроме: князь велики Дмитрей Констаньтиновичь из Володимеря, и брат его старейший, князь велики Андрей Константиновичь из Нижняго Новагорода, и князь Константин Ростовьский, и поимаша разбойников и выдаша их всех послом царевым и со всем богатьством их, и тако послаша их во Орду» [72].

Не один раз русские летописи упоминают ушкуйников и разбойников, грабивших булгарские города. Кто были эти люди? В условиях растущей феодальной эксплоатации среди зависимого населения Великого Новгорода, а также и других русских княжеств, были энергичные, смелые люди, не мирившиеся с феодальным строем и уходившие на окраины искать лучших условий жизни. Именно этот общественный элемент присоединил к Великому Новгороду весь север и основал Вятскую респуб-

лику. Эти же люди совершали походы и по Волге, ведя партизанскую войну против татар. Русский летописец стоял в своих толкованиях событий на точке зрения господствующего класса и для него все эти вольные люди, не подчинявшиеся существующему строю, естественно были «разбойницы», за деятельность и набеги которых отдельные княжества и Новгородская республика отвечать не могли.

Несмотря на принятые меры, нападения ушкуйников повторялись неоднократно. Золотая Орда, раздираемая смутами, не могла бороться с набегами, а русские князья были заинтересованы в скорейшей гибели своих поработителей.

Следующий поход новгородских ушкуйников в 1366 году имел тот же характер: «Того же лета приидоша Волгою из Новагорода из Великого полтораста ушкуев с разбойники с Новогородскими, и избиша по Волзе множество Татар и Бесермен и Армен и Новгород Нижний пограбиша... и поидоша в Каму, и проидоша до Болгар такоже творяще и воююще» [73]. Судя по тексту летописи, это был поход не на все побережье средней Волги, а только на торговые гавани.

Никоновская летопись передает некоторые интересные подробности об этом событии: «...И бысть их двесте ушкуев, и поидоша вниз Волгою рекою и избиша Татар и Армен в Новегороде множество, гостей сущих Татарьских, тако же и Новогородцких, и жены и дети их избиша, и товар их бесчисленно пограбиша, и суды их вся изсекоша, и паузки, и кербаты, и лодьи и учаны, и мишаны и бафхты, и струги и все огню предаша...» [74].

Новгородская летопись сообщает и имена руководителей налета: « а воеводы Есип Варфоломеевич, Василий Федоровичь, Александр Аввакумович....». Этот поход вызвал столкновения булгар с князем Дмитрием Московским.

Крупные отряды русских, разбившие булгар и захватившие огромные богатства, широко разнесли славу о своей легкой добыче, и скоро на Каму двинулись новые партии ушкуйников. Под 1369 годом Новгородская летопись отмечает: «В лето 6877... той же осени шло Волгою 10 ушкуев, а инии шли Камою и биша их под Болгары» [75].

Сравнивая положение домонгольской и золотоордынской Булгарии, неизбежно обращаешь внимание на легкость завоеваний, не известную истории X — XII вв., когда с булгарами справлялись только коалиции русских князей. Булгария XIV века, разделенные на два княжества, сильно ослабленная Золотой Ордой, не представляла уже большой военной силы и не могла отражать крупных отрядов ушкуйников. Ей по силам были только небольшие их партии.

Еще об одном походе сообщает Новгородская летопись и в следующем 1370 году: «Двожды шли Новгородци Волгою и много зла сътвориша».

Булгары, не имея возможности отбиться от крупных отрядов ушкуйников, старались откупиться. Так было в 1374 году: «Того же лета идоша на низ Вяткою ушкунцы разбойницы, 90 ушкуев, и пограбиша Вятку и шедше взяшя Болгары, хотеша и город зажещи, и даша им окупа 300 рублев, и оттуду разделишася на двое: 50 ушкуев поидоша на низ по Волзе к Сараю, а 40 ушкуев поидоша вверх по Волзе, и дошедше Обухова пограбиша все Засурие и Маръкваш и перешед за Волгу суды все изсекоша, а сами поидоша к Вятке на конех и много сел по Ветлузе идуще пограбиша» [76].

Новгородцы, как мы видим, не ограничивались разгромом крупных булгарских городов. Их внимание привлекали и новые области булгар. В 1379 году «Новгородцы и Устюжане и прочие к тому съвкупишася, и идоша в насадах и рекою Вяткою на низ и взяша Жукотин и Казань и паки въидоша на Волгу и пограбиша гостей всех, и так возвратишася во свояси со многою корыстью и богатством».

С шестидесятых годов XIV столетия походы новгородцев стали постоянным явлением. Теперь их характеризует стремление к освоению новых территорий, пришедшее на смену поискам добычи. В этом процессе столкнулись интересы двух феодальных государств — Новгорода и Болгара. Победа оказалась на стороне первого, как стоявшего на более высоком уровне развития производительных сил.

Ослабление Золотой Орды сказалось и на взаимоотношениях русских князей с булгарами. Видя полную безнаказанность ушкуйников, их постоянную удачу, русские князья снова поднялись на борьбу с булгарскими князьями, ту борьбу, которая красною нитью проходила через XI—XII вв. На опыте событий 1370 года русские князья выяснили себе наличие враждебных отношений между булгарами и татарскими ханами и в 1376 году вторглись большими отрядами в Булгарию.

Наступление на Булгары, закончившееся крупной победой, было хорошо подготовленным предприятием. Предварительно в 1372 году русскими на реке Суре был выстроен город Курмыш: «Того же лета князь Борис Констянтиновичь постави себе город на реце на Суре и нарече его именем Курмыш» [77].

Откупившись от русских и приняв таможенника, булгары в продолжении нескольких лет жили более или менее спокойно, если не считать набегов новгородских ушкуйников, отношения с которыми они никак не могли регламентировать.

В это время в Золотой Орде произошли крупные события. Дмитрий Донской на Куликовом поле в 1380 году нанес крупное поражение татарам. В том же году Мамая сменил хан Белой Орды Тохтамыш.

Приняв власть, Тохтамыш отправил в Москву посольство с требованием дани. В ответ на молчание Москвы он решил нанести удар русской торговле с булгарами. Об этом событии Никоновская летопись сообщает под 1381 годом: «Царствующу царю Тахтамышу на Вольжском царствии, и поморскими грады обладающу во Орде и в Сарае, и бысть в третие лето царства его, посла Татар своих во град нарицаемый Болгары, еже есть Казань на Волзе и повеле кристианьския купцы избити, а гости Русскиа грабити...[78]. Новгородская летопись об этом событии рассказывает под 1382 г. более подробно: «...Того лета царь Тахтамышь посла слугы своа в град, нарицаемыи Болгари, еже есть на Волзе, и повеле торговци Русскиа и гости крестьянскиа грабити, а соуды их и с товаром оу них отнимати и провадити к собе на перевоз; а сам... поиде изгономъ на великого князя Дмитриа Ивановича и на всю Русь, ведяще же рать внезапу, из невести...» [79].

Взятие Москвы Тохтамышем имело известное значение для булгар, так как русские их не трогали после этого в продолжении 10 лет. Только в 1391 году снова состоялся крупнейший поход против булгар новгородцев и устюжан.

В это время на юге быстро и неуклонно развивались события, которые вели к гибели Золотую Орду. Борьба между Тохтамышем и Тамерланом закончилась победой последнего и взятием в 1395 году Сарая. Персидские историки рисуют яркую картину разграбления золотоордынских

городов [80]. Однако никто, кроме Шериф-Эддина, автора XVI века, да татарских легенд, не говорит о взятии Тамерланом города Болгара. И все же едва ли можно сомневаться в этом. Весьма вероятно, что жажда грабежа увлекла отдельные отряды тамерлановской армии на север, чтобы пограбить этот богатый город, широко известный на Востоке. Наоборот, было бы менее понятно, если бы вожди армии забыли про Болгар.

Шериф-Эддин, очень подробно передавший историю взятия города, рассказывает о богословском споре, предшествовавшем катастрофе: «...Итак господин Аксак-Тимур, услышав упомянутые слова булгарцев, велел своим войскам стрелять из пушек. И сказал: «Клянусь величайшим господом я уничтожу этот город Болгар и уничтожу память о нем», и клялся: в три дня город Булгар он обратит в ничто, как будто и не существовало его. Сколько у него было войска, кроме всевышнего бога никому не ведомо. Приказав разбивать каменные укрепления тараном, бросил их на дно Волги; велел у Бигурихана и двенадцати его визирей отрубить головы, а девиц и женщин, подобных жемчужинам, обратив в рабынь, роздал начальникам войск» [81].

О нашествии Тамерлана до сих пор рассказывают старики татары, передавая легенды о разгроме Болгар, Биляра, Жукотина и Сувара.

Значение этого нашествия для Булгарии было сравнительно невелико, так как почти одновременно, с разницей всего лишь в несколько лет, прокатилась волна русского завоевания. Этому завоеванию предшествовали политические события на Руси. По завещанию Дмитрия Донского, великое княжение перешло к его старшему сыну Василию. Напомню, что это было сделано без ведома татарского хана. Суздальский князь Семен Дмитриевич Суздальский пытался даже, опираясь на татарскую рать, завладеть великим княжением. Его попытка, как известно, не имела успеха, но за нее дорого заплатили булгары.

О нападении суздальцев на Новгород и о последующих событиях рассказывает Никоновская летопись под 1396 годом: «Того же лета князь Семен Дмитреевичь Суздальский из Нижнего Новагорода собра воиства своя, а с ним царевич Ентяк с Татары и прииде к Новугороду Нижнему, и стоя у града долго и града не взял, а тогда... Татарове преступиша роту свою и пограбиша весь Новъград Нижний и возвратишася в свою землю, в Казань, много зла сотворивше» [82].

В ответ на это последовал разгром Булгарии. Летописец сообщает: «князь велики Василей Дмитреевичь Московский и посла брата своего князя Юрья Дмитреевичя с силою многою ратью на Казань; они же, шедше, взяша град Болгары и Жукотинь и Казань, и Кременчюх и иных много градов, и пребыша тамо три месяцы, воююще и пленяще землю их и возвратишася со многим богатством во своаси» [83].

Новгородская летопись, описывая этот поход, отмечает, что «никтоже не помнит, толь далече воевала Русь Татарьскую землю» [84].

Несомненно, что хозяйственная и торговая жизнь страны была основательно нарушена описанными событиями. Они много способствовали отливу населения в Закамье. Центр хозяйственной и культурной жизни стал все больше перемещаться на реку Казанку, к Казани,— «новому Болгару».

В 1409 году новгородцы предприняли еще одну военную экспедицию: «Того же лета Новогородцкий посадник Анфал ходил на Болгары ратью Камою и Волгою. Камою рекой сто насадов, а Волгою рекою полтораста насадов, и Камскиа насады переже поспели, а Волож-

скиа насады не поспели, и приидоша на них Татарове и избиша, а Онфала яша и в Орду отведоша» [85].

В 1411 году булгары снова приняли участие в борьбе Москвы с Суздалем: «Бысть бой на Лыскове,— говорит Никоновская летопись,— князю Петру Дмитриевичу Московскому и князем Ростовским и Ярославским и Суздальским со князем Данилом Борисовичем из Нижнего Новгорода и с его братом со князем Иваном и с Болгарскими князьями и Жукотинским и бысть межу их сеча зла, и ту убиен бысть князь Данила Васильевич, а иные многие падоша от обеих сторон, сташаше на костех князи Новгородские Нижнего Новгорода и князи Казанские».

В этом сообщении упоминаются и князья казанские. У нас нет основания думать, как полагает Шпилевский, что мы имеем дело со смешением понятий о булгарских и казанских князьях. Здесь дело проще: летописец упомянул князей, оставшихся в живых, новгородских и казанских.

Позднее, в 1429 году, летопись говорит о нападении татар на русские владения. «Приходиша Татарове к Галичю, града не взяша, а волости повоеваша; на Крещение же приидоша изгоном на Кострому, и поплениш ю отъидоша на низ Волгою. Князь же великы посла за ними дядь своих, князя Андреа и Констянтина, и с ними Ивана Дмитреевича с своими полкы доидоша же до Нижнего Новагорода, и ту не угонивши их взъвратившася. Князь же Федор Стародубьскы, Пестрои да Федор Константинович утаися у князей да у воевод, и с своими полки погнаша за Татары, и угониша да их биша, Татар и Бесермен, и полон весь отняша, а царевича и князя Алибабы не догониша» [86].

Татищев отмечает, что «приходиша Татарове Казанские». Шпилевский возражал против названия этих татар казанскими, считая правильным называть их булгарскими. И это было бы правильно, если бы речь шла о событиях до занятия Казанского царства сыном Улу-Мухаммеда[87]. Но в данном случае нет никаких оснований не соглашаться с Татищевым, так как к этому времени жизненные центры булгарского населения все больше передвигались в Закамье. Закамье меньше страдало от неурядиц и, естественно, только там могли сложиться отряды, принимавшие участие в междуусобной борьбе русских князей. Участие же в ней этих отрядов показывает, что в то время казанский край был действительно довольно сильным, так как развитие хозяйственной и культурной жизни передвинулось сюда из Болгар.

При великом князе Василии II русские подчинили себе и Булгарское и Жукотинское княжества: «В 1431 году... Тое же весны князь велики Василей Васильевичь посылал ратью на Болгары Волжскиа и Камскиа князя Феодора Давидовича Пестрого; он же шед, воева их и всю землю их плени...» [88]. Осталась самостоятельной только Казань.

Мы не имеем никаких данных — ни исторических, ни вещественных, ни монетных, чтобы говорить о сколько-нибудь крупном значении города Болгара в это время. Уже прекратилась чеканка монет в Болгарах и последние из них относятся к 1420 году. Можно утверждать, что булгарские города к югу от Камы почти перестали существовать. С этого времени русские князья стали считать Булгарию в числе подвластных им земель. Псковский летописец при описании смерти Ивана III отмечает: «...князь великий Иван Васильевич Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Югорский, Пермский, Болгарский, Смоленский и иных земель многих царь и государь всеа Русии...»

Процесс распада булгарского и жукотинского княжества в конце XIV—XV вв. стоит в тесной связи с усилением казанских булгар, которые сумели создать в короткий срок могущественное царство.

Было бы неправильным, как делают некоторые историки, связывать возникновение Казани с именем Улу-Мухаммеда. Булгарские владения на реке Казанке возникли еще в XII веке. Эта область меньше страдала от набегов и, оставаясь от них в стороне, успела укрепиться. В начале XV века Казань уже принимает участие в политической жизни булгар. Не случайно поэтому Улу-Мухаммед обратил внимание на этот край и, заняв Казань своим отрядом (с ведома или без ведома великого князя Московского — это не важно), сумел объединить вокруг себя отдельных князей казанского края и создать государство, которое на сто лет преградило дорогу русским.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. Н. Татищев. История Российская, т. III, СПб., 1774, стр. 456.
[2] Там же, стр. 457.
[3] И. Березин. Нашествие Батыя на Россию. ЖМНП, 1855, май, стр. 171.
[4] Там же, стр. 171.
[5] ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 125.
[6] Шихаб-Эддин. История Казанских татар. См. С. М. Шпилевский. «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губ.», Казань, 1877, стр. 39.
[7] В. П. Григорьев. Волжские болгары. Сборник «Россия и Азия». СПб., 1876, стр. 79.
[8] В. В. Голубовский. Болгары и хозары. «Киевская старина», 1888, т. XXII, июль, стр. 57.
[9] Великая Минея-Четия. Сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869.
[10] Отчет Археол. комиссии за 1882—1888 гг., СПб., 1891, стр. XXIII.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] Отчет Археол. комиссии за 1908 г., СПб., 1912, стр. 185.
[14] Отчет Археол. комиссии за 1912 г., Птгр., 1916, стр. 94.
[15] П. Малов. Городище Старая Казань и город Арск. Записки Археол. о-ва, т. V, СПб., 1835, стр. 116.
[16] Отчет Археол. комиссии за 1912 г., Птгр., 1916, стр. 94.
[17] Отчет Археол. комиссии за 1907 г., СПб., 1910, стр. 119.
[18] Там же, стр. 119.
[19] Там же, стр. 120.
[20] Отчет Археол. комиссии за 1895 г., СПб., 1897, стр. 59—60.
[21] Отчет Археол. комиссии за 1903 г., СПб., 1906, стр. 173.
[22] А. В. Васильев. Последние находки восточных монет в Болгарах. Матер. по охране, ремонту и реставр. памятн. ТАССР, т. III, Казань, 1929, стр. 41—42.
[23] Материалы по охране, ремонту и реставр. памятн. ТАССР, т. IV, Казань, 1930, стр. 52—53.
[24] Известия Археол. комиссии, прибавл. к вып. 42. СПб., 1911, стр. 127. (Плита находится в 28 км от гор. Ульяновска).
[25] Н. Г. Первухин. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского у., IV. «Вятск. губ. ведом.» за 1889 г., № 76, 77.
[26] Известия Археол. комиссии, прибавл. к вып. № 34. СПб., 1910, стр. 75.
[27] Отчет Археол. комиссии за 1897 г. СПб., 1899, стр. 35.
[28] Сборник «Пермский край», т. II, Пермь, 1893, стр. 37.
[29] Н. И. Мартынов. Удмурты в эпоху раннего феодализма. «Историч. сборник», т. I. Труды историч. ком. АН СССР, стр. 49.
[30] Труды Вятской губ. учен. архивн. ком., в. 3, Вятка, 1905, стр. 28—29.
[31] А. П. Смирнов. Финские феодальные города. Сборник «На удмуртские темы». М., 1931, стр. 36.
[32] Труды Вятской губ. учен. архивн. ком., в. 3, стр. 37.
[33] С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 87—88.

[34] Там же, стр. 91.
[35] Там же, стр. 96.
[36] Там же, стр. 97.
[37] В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии. Записки Археол. о-ва, т. XIII, СПб., 1859, стр. 257.
[38] С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 244—245.
[39] Там же, стр. 367.
[40] Б. Греков и А. Якубовский. Золотая Орда. М., 1937, стр. 122—123.
[41] Там же, стр. 121.
[42] Там же, стр. 180.
[43] Вильгельм де-Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перев. Малеина. СПб., 1911, стр. 76.
[44] В. С. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I — II, М., 1884, стр. 240.
[45] Золотые динары индийских султанов были найдены в Болгарах близ сел. Тенишево и на месте города Джукетау.
[46] Историческое сочинение Иоанна де-Плано Карпини, которого папа Иннокентий IV послал послом к татарам в 1242 г. СПб., 1911.
[47] И. Н. Березин. Булгар на Волге. Казань, 1853; Б. В. Миллер. Об армянских надписях в Болгарах и в Казани. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, т. IV. Л., 1925, стр. 65—72.
[48] Имеются монеты, чеканенные в Биляре от 692 года Хджры (1292—1293).
[49] ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 215.
[50] ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стр. 485.
[51] Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. X, в. 6, Казань, 1892, стр. 486.
[52] ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 25.
[53] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V, СПб., 1829, стр. 24—25.
[54] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен..., в. 3, СПб., 1768, стр. 348.
[55] ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 24, 25.
[56] С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 178—179.
[57] С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 179.
[58] ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 126.
[59] Б. Греков и А. Якубовский. Указ. соч., табл. XIV.
[60] В. Н. Поливанов. Муранский могильник. М., 1896, стр. 12.
[61] Н. К. Арзютов. Финский могильник XIII—XIV вв. близ Аткарска. Саратов, 1929, стр. 5.
[62] Известия Археол. комиссии, прибавл. к вып. № 34. СПб., 1910, стр. 75.
[63] В. Ф. Смолин. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926, стр. 75.
[64] Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. VII, Казань, 1889.
[65] ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 162.
[66] Плано Карпини. Указ. соч., стр. 33—35.
[67] Б. Греков и А. Якубовский. Указ. соч., стр. 42.
[68] ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 17.
[69] ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 11.
[70] Записки Археол. о-ва, т. II, СПб., 1850, стр. 51—61.
[71] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 63.
[72] ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 232.
[73] ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 13—14.
[74] ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 6.
[75] ПСРЛ, т. IV, Петр., 1915, стр. 295.
[76] ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 21.
[77] ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 19.
[78] ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 71.
[79] ПСРЛ, т. IV, в. 2, Л., 1925, стр. 327.
[80] Б. Греков и А. Якубовский. Указ. соч., стр. 74.
[81] История Татарии в документах и материалах. М., 1937, стр. 43.
[82] ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 163.
[83] ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 164.
[84] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 102.
[85] ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 211.
[86] ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 94—95.
[87] С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 190.
[88] ПСРЛ, т. XII, СПб., 1901, стр. 9.

ГЛАВА IV

ПЕРЕЖИТКИ БУЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ У КАЗАНСКИХ ТАТАР И ЧУВАШ

Теснейшая связь булгар и казанских татар устанавливается на целом ряде памятников материальной культуры, по антропологическому материалу и по письменным источникам. На тесную связь современных татар с булгарами указывают и те родословные, которые ведутся очень многими татарскими семьями, и которые имеют исходной точкой лиц, вышедших из Болгара[1].

Весь имеющийся материал позволяет утверждать, что завоеватели-монголы не оказали существенного влияния на формирование казанских татар.

Ни в археологическом, ни в антропологическом материале нельзя проследить тот тип монгола, который известен нам по ряду описаний. Например, Плано Карпини так характеризуют монголов: «Они нисколько не походили на других людей. Большее чем у других племен расстояние между глазами и щеками, выдающиеся скулы, приплюснутый нос, маленькие глаза, небольшой рост, редкие волосы в бороде». Этому типу мы не найдем аналогий ни среди современных татар, ни в раскопочном антропологическом материале. Между татарами встречаются люди европеоидного типа с продолговатым овалом лица, мало выступающими скулами, правильным прямым носом, и люди другого, брахицефального типа. Это подчеркивает, что монголы (татары), пройдя огнем и мечом волжскую Булгарию, не осели в среднем Поволжье, во всяком случае они не оказали заметного влияния на формирование физического облика современных татар.

Г. Ф. Дебец в своей работе «Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии»[2] отмечает, что среди древних народов Поволжья был распространен европеоидный длинноголовый и высокоголовый тип, характерный для булгаро-татар XIV—XV вв. н. э., к которому примешаны также черты низкоголового узколицего монголоидного типа. Этот последний встречается весьма часто среди чуваш.

Изученные черепа булгар и чуваш не имеют признаков тюркского типа, характерного для кочевников нижнего Поволжья эпохи Золотой Орды.

Т. А. Трофимова в своей монографии «Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии» (Москва, 1949, стр. 143) отмечает, что большая часть установленных компонентов имеет древнее местное происхождение: «Монголоидные типы центрально-азиатского происхождения, из-

вестные среди татаро-монгол по описаниям современников, среди поволжских болгар XIV—XV вв. не устанавливаются».

Анализ антропологического материала подтверждает точку зрения, выставленную В. В. Бартольдом, что «большинство монголов вернулось в Монголию, а оставшиеся в завоеванных странах монголы быстро утратили свою национальность» [3].

Сами булгары, повидимому, стремились сохранить свое имя и довольно долго и в политическом отношении не сливались с Золотой Ордой, хотя провести различие в культурном отношении между булгарами и монголами Золотой Орды часто оказывается затруднительным.

Перенесение центра Булгарского государства в Казань — «новый Болгар» — и переход власти к Улу-Мухаммеду, создавшему новую политическую и военную организацию, укрепили положение государства. С того времени за населением среднего Поволжья окончательно упрочилось наименование татар. Но эта смена имен долго не была общепринятой, так как сами «татары» продолжали называть себя булгарами, так же называли их и некоторые народы. Преемственная связь современных татар с булгарами сохранилась до настоящего времени. Можно встретить стариков-татар, которые называют себя потомками булгар, памятники булгарской истории, архитектурные сооружения и могильные плиты они считают для себя священными и тщательно охраняют.

Как уже говорилось, XIV век является временем расширения булгарского влияния на соседей. Это прекрасно видно по могильным памятникам булгар этого периода, встречаемым далеко за пределами основной булгарской территории. Мусульманская пропаганда при поддержке хана Узбека приняла тогда большой размах.

Археологический материал дает основание говорить, что в XIV веке Булгария, оправившаяся от монгольского погрома, расширила свою территорию. Булгары появились на Чепце, на верхней Каме. «Бессермяне», повидимому, и представляют собою обулгарившихся древних удмуртов. При расширении основной территории эти народы несомненно оказали свое влияние на культуру и физический облик булгаро-татар. После погрома Булак-Тимура в 1361 году для Булгарии наступила полоса военных неудач. Разрушение городов привело к отливу городского населения на север, содействуя усилению Казани.

Изучая сохранившиеся памятники материальной культуры, можно заметить, что культура булгар золотоордынского времени образовалась на базе местных культур предшествующей эпохи. Если провести сравнение культуры булгаро-татарской с культурой Казанского ханства и современных татар, то не трудно будет убедиться в том, что основой культуры казанских татар является булгарская. За длительный исторический путь, как и культура всякого народа, она изменилась в связи с внутренним процессом развития. При этом она не является чем-либо монолитным на всей площади расселения татар, а дает ряд вариаций, в зависимости от общественного положения людей и местных условий [4].

Большое значение имеют при рассмотрении этого вопроса памятники архитектуры. К сожалению, мы еще почти совсем не знаем архитектуры Казанского ханства, благодаря чему выпадает большой хронологический отрезок. Частично этот недостаток можно будет восполнить изучением архитектуры Касимовского царства, дошедшей до нас в виде отдельных памятников.

Рис. 12. Вход в Малый минарет (Болгары), украшенный веревочным орнаментом.

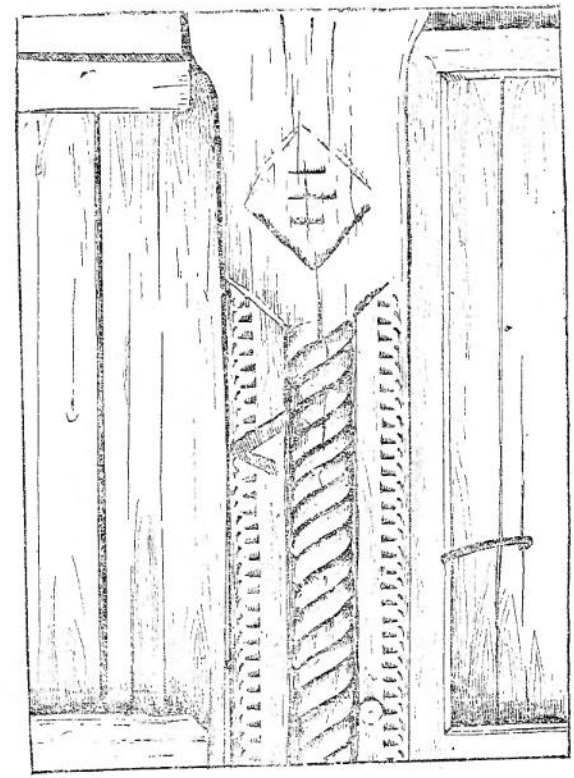

Рис. 13. Столб от ворот современного чувашского дома близ Чебоксар с веревочным орнаментом.

Татарская архитектура, в частности архитектура жилищ, прототипом своим имеет памятники булгар. Жилища древних булгар довольно полно исследованы при раскопках Сувара и Болгара. Среди ряда домов, сохранившихся частично, были открыты здания, позволившие точно установить, что тип жилища, существовавший в булгарскую эпоху, сохранился и в последующее время, хотя в XIII веке, после монгольского завоевания, наряду с ним появился другой. Данные раскопок городищ Сувара и Болгара подтверждаются сведениями восточных писателей.

Древний булгарский дом — это сруб или глинобитное сооружение, в плане близкое к квадрату, с глинобитной печью, поставленной внутри дома на некотором расстоянии от стены. Перед печью устраивался лаз в подполье с двумя ямами-зернохранилищами. Из других деталей удалось установить, что глинобитные дома имели плоскую кровлю. Дома были окружены хозяйственными постройками.

Интересен богатый кирпичный дом, открытый в центре Суварского городища, построенный в X веке, позднее расширенный и неоднократно перестраивавшийся. Первоначально это был дом почти квадратный в плане, с системой подпольного отопления; его окружали хозяйственные постройки и кирпичная стена. Этот дом, судя по его инвентарю, мог принадлежать какому-либо знатному человеку. Повидимому, это была для X века довольно редкая постройка. План дома в основном повторяет рядовые дома граждан и весьма близок дому, открытому В. А. Городцовым при исследовании Старой Рязани. Было ли это сходство результатом влияния булгар на русских или обратно, трудно решить. Вероятнее всего, что на создание общего типа повлияли местные условия, одни и те же для племен, составивших Булгарское царство и Рязанское княжество. Подобные дома продолжали существовать и в золотоордынскую эпоху. Позднее этот дом, миниатюрный дворец, изменился, он получил колонны и облицовку поливными изразцами и в XIV веке представлял продолговатое здание с небольшой пристройкой-вестибюлем и имел, повидимому, два этажа. Этот тип дома позднее перешел в архитектуру Казани, о чем косвенно можно судить по материалам г. Касимова [5], где Палласом был отмечен дом, аналогичный суварскому.

Если взять современную татарскую усадьбу, то мы увидим черты сходства с древними булгарскими жилищами. У татар дом обычно ставится посреди усадьбы и окружен хозяйственными постройками. Вся усадьба обнесена забором, так что улицы представляют бесконечную цепь изгородей. План современного дома близок к квадрату, с печью посредине или ближе к глухой стене. В доме настилается деревянный пол, который опирается, как правило, на столбы. Наряду со срубом в южных районах встречаются дома и бани на половину врытые в землю, представляющие как бы землянки с накатом и плоской крышей [6].

Встречаются жилища и с плоскими крышами, в частности, дома саманные. Рассматривая их, мы увидим, что современные постройки получили развитие от древних булгарских, и что глинобитные дома могут быть сопоставлены с современными саманными постройками. Полуземлянки современных татар заставляют вспомнить о землянках с крышей, напоминающей кровлю христианских храмов, описанных восточными путешественниками. Не останавливаясь на деталях вроде нар и другого убранства, неизвестных по археологии и потому непригодных для сравнения, необходимо подчеркнуть еще одну деталь, характерную для современной татарской архитектуры — полихромию. В орнаментике татарского жилища главным элементом является не резьба, а богатая поли-

хромная раскраска. Как правило, на основном зеленом или желтом поле даются узкие полоски белого цвета, перемежающиеся с синими и красными. Ворота точно так же окрашиваются в зеленый тон, а все детали, как-то планки и розетки, в желтый и голубой тона.

При рассмотрении орнаментики татарского дома невольно вспоминаются дома булгар золотоордынского периода, где мы встречаемся с отделкой зданий полихромными изразцами, причем расцветка современных домов дает тона, аналогичные золотоордынским поливным изразцам. Те данные, которыми мы располагаем, позволяют утверждать, что архитектура современных татар получила развитие от городских построек и городских усадеб древних булгар.

Такую же преемственность можно установить и по другим разделам культуры. Богатый материал для этого дают различные украшения. Эти украшения изготовляются из металла, камней и тканей. Чаще всего употребляется серебро. Золото встречается редко. Медь и другие металлы применяются лишь в качестве подсобного материала. Значительное место в современных украшениях занимают монеты, употребляемые в виде подвесок. Для этой цели еще недавно шли «царские» серебряные рубли. Богатые татары пользовались и золотой монетой, в частности иностранной. В отношении техники изготовления украшений можно сказать, что подвески встречаются как сплошные, изготовленные литьем, чеканом и гравировкой, так и ажурные, изготовленные сканной техникой. Скань бывает различного качества, как по сложности рисунка, так и по технике исполнения. Н. И. Воробьев отмечает, что скань имеет огромное распространение в современных татарских украшениях и является наиболее оригинальной орнаментацией их [7]. Другой особенностью татарских ювелирных изделий являются камни, составляющие в ряде изделий основной орнаментальный мотив. Ряд изделий, как, например, бусы и различные привески, имеют значение амулетов. Наиболее часто из камней употребляются бирюза, сердолик, топаз, яшма, аквамарин. Кроме таких ценных камней широко применяется, особенно бедными татарами, стекло, подделываемое под драгоценные камни.

Можно считать бесспорным, что современное ювелирное искусство татар сложилось и развилось на базе булгарского [8].

Точно такую же зависимость можно установить, анализируя форму украшений. Для примера укажем накосники сердцевидной формы с поверхностью, украшенной растительным узором, браслеты со вставками из камней и стекол, перстни и другие украшения. Сходство идет значительно дальше общих форм; оно заметно в деталях и в орнаментике.

Наконец, можно заметить аналогии и в области керамического производства [9]. Форма сосудов, например, больших корчаг, их лощение и орнамент напоминают памятники булгаро-татарской эпохи.

Если мы возьмем отдельные мотивы орнамента у татар, хорошо известные в народной архитектуре, в различных частях костюма и т. д., то мы опять-таки найдем много элементов, характерных для булгарского искусства X—XIV вв.— трилистники, звезды, круги и стилизованный растительный орнамент в виде отдельных спиралей и кругов [10].

Недостаток археологического материала не позволяет сравнить все категории предметов материальной культуры татар с такими же памятниками булгар. Остается неисследованной одежда, один из важнейших элементов культуры всякого народа. Мы не знаем ни из данных археологии, ни из описаний древних авторов, как одевались булгары и татары

эпохи Золотой Орды. Отдельные заметки, например у Плано Карпини, отметившего, что женская одежда была длинной, с разрезом спереди до земли, а мужская шилась из шкур шерстью вверх, не дают ни малейших оснований для сравнения с современным татарским костюмом. Для более позднего периода не лишена интереса заметка Герберштейна, указавшего на сходство женской и мужской одежды. Поздние авторы описывают тот костюм, который существовал в XVIII, в XIX и в начале XX века, но отмечают черты, которые теснее сближают одежду татарок с чувашской, как бы подчеркивая происхождение обоих народов из одного корня. Н. И. Воробьев отмечает: «Повидимому, татарский костюм сложился, с одной стороны, из какого-то предка современного татарского и чувашского костюма, вероятно, болгарского, с сильным финским влиянием, а с другой — все увеличивающееся количество кипчакских переселенцев в край приносило одежду кочевых турок Азии и южной Европы, описанную, хотя и малопонятно, средневековыми путешественниками» [11].

Отдельные части татарской одежды имеют ту же форму, что и у других народов Поволжья. Так, рубахи татарские аналогичны рубахам народов Поволжья и отличаются лишь тем, что шьются из широкого холста, а не узкого, как у мордвы и мари. Лапти похожи на чувашские.

Особый интерес представляет шапка. В настоящее время у татар известны две разновидности шапок: сферическая и цилиндрическая. Первая часто шьется из сукна или драпа почти всегда черного цвета. Сферические шапки носят обычно крестьяне, особенно старики. Высота этих шапок 15—20 см. Нижний край шапки обшивается опушкой или же остается без опушки, как это делает большинство крестьян. Тип сферической шапки в настоящее время является наиболее распространенным и специфическим для татар, тогда как у других тюркских народностей обычно употребляется коническая шапка с широкой опушкой из меха. Н. И. Воробьев считает, что при «детальном изучении можно с некоторой долей вероятия предположить, что полусферическая шапка произошла из того же источника, как и такья, т. е. из подшлемника, но никак не из персидского калапуша» [12]. Другие исследователи полагают, что шапка эта заимствована у иранцев. С такими взглядами трудно согласиться. Изображение воина на плите из Ананьинского могильника передает тот же тип шапки, близкой сферической. Поэтому этот тип шапки следует выводить от головного убора ананьинской эпохи. Там эта шапка имеет у основания два черты, которые, может быть, передают опушку [13]. Эти данные, общность с чувашской одеждой и ананьинской шапкой свидетельствуют о глубоких местных корнях татарской культуры. Основой ее является булгарская, которая за долгий промежуток времени сильно изменилась.

Не мешает также вспомнить, что одним из самых крупных пережитков древних форм у татар являются остатки кочевнического быта, что опять-таки связывает их с древними булгарами, у которых в быту элементы кочевнической жизни уже в X веке оставались в качестве пережитка, как об этом можно судить по записке ибн-Фадлана. Это сказывается в жилище, где существует печь с котлом, являющаяся компромиссом быта оседлого жителя с бытом кочевника, привыкшего готовить пищу в котле, о том же говорят нары, подушки для сиденья. Такова же и одежда. Широкие шаровары и широкая женская одежда кульмак заставляют говорить о приспособленности их к верховой езде. Пережитком кочевого быта является и конструкция ткацкого станка.

Наряду с пережитками кочевого быта, идущими в основном от булгар, у татар сохранялось немало элементов домусульманских верований, весьма близких родовым религиозным верованиям других народов Поволжья. Интересный материал, указывающий на глубокие местные корни, дает мифология казанских татар. Несмотря на то, что мусульманство известно в крае как государственная религия со второй четверти X века, и что особенно большую активность это вероучение проявило с XIV века, все же в представлениях татар сохранялось много пережитков родовой религии, весьма сходных с представлениями других народов Поволжья и Прикамья [14]. К числу сохранявшихся до недавнего времени верований магометанского происхождения относится, например, вера в джиннов. Однако эта часть мифологии для разрешения настоящего вопроса интереса не представляет. Для нас важнее мифология, сохранившаяся в вятско-камском крае с более глубоких времен. Тут прежде всего надо отметить веру в домового (ой-эже), который изображается стариком с длинными волосами, и веру в хозяина хлевов (абзар-эже), показывающегося людям в виде человека или животного. Как для первого, так и для второго можно найти близкие аналогии в мифологии удмуртов.

К числу мифологических существ у татар принадлежит также бичура. Она имеет якобы вид женщины около 1,25 м ростом, со старинным головным убором на голове. Живет она в подполье или в бане, но некоторые отводят ей особую комнату в доме и ставят ей тарелку с пищей. Из за бичуры иногда бросают дом, или же, наоборот, бичура помогает хозяину разбогатеть. Близко стоит к ней юртаве, богиня очага дома в мордовском пантеоне [15].

У всех народов Поволжья до XX века сохранялась вера и в лешего. В татарской мифологии он живет под именем шуряле в дремучих лесах и похож на человека. Шуряле имеет длинные крепкие пальцы от 3 до 12 см длины. Шуряле любит уводить прохожих в глубину леса, любит кататься верхом на лошади. Сохранилось предание, в котором описана шуряле-женщина: она сидела на лошади лицом назад, без одежды, голову имела маленькую, с короткими волосами, а длинные ее груди были закинуты за плечо [16]. В удмуртской мифологии аналогичны шурялеалида, чатчес-нюня и нюлес-нюня, у мордвы вирь-аве, у чувашей—арсури.

Албасты — злые существа, широко распространенные в мифологии многих тюркских народов, являются людям то в виде человека, то в виде большого воза или стога, скирды, елки. Они могут задавить человека на-смерть, причем пьют у него кровь [17]. Ближайшей аналогией ему по характеру и даже имени является албаст удмуртов, живущий по преимуществу в пустых домах и банях. Чтобы изгнать его оттуда, надо занятые им строения предать огню [18].

Ряд духов, по представлению татар XIX века, жил в воде. Таков прежде всего су-бабасы (водяной дед) — главный хозяин, су-эясе — его сын, су-анасы — аналогичная русской русалке. Су-бабасы весьма близок к ву-мурту удмуртов.

Большой интерес представляла вера в юху — змею-девицу, с чем можно сопоставить некоторые археологические находки. По этому представлению змей живет до 100 лет в своем виде, через 100 лет превращается в дракона и живет в таком виде до 1 000 лет, после чего получает облик человека-девицы (юху), однако может принимать образ коровы, собаки и кошки. В археологическом материале Прикамья изображения змей идут с глубокой древности. Наиболее ранние из них найдены в Гляденовском кóстище, начало которого относится к IV веку до н. э.

Кроме змеиных фигур весьма часто встречаются фигуры драконов. Некоторые из них относятся ко времени около начала нашей эры, примером чего может служить находка в могильнике Ныргинда, где одна ажурная бронзовая пластинка представляет дракона с сидящей на его спине женщиной с ребенком. Отдельные фигуры драконов встречаются и в более позднее время, в так называемую ломоватовскую эпоху. Эти изображения, которые в настоящее время трудно точно интерпретировать, указывают на глубокую древность подобных верований у народов Прикамья и подтверждают местное происхождение татар Поволжья.

Особенно ярко связь татар с другими народами Поволжья подтверждает вера в кереметя. Именем кереметь называлось и жертвенное место, где совершалось языческое жертвоприношение, а затем и сам дух, обитающий по преданию в данном месте. Татары приносили кереметю жертвы, для чего резали скот. Мусульманское духовенство вело упорную борьбу в этим верованием и шариат запрещал моления кереметю.

Вера в кереметь характерна для всех народов среднего Поволжья и Прикамья. Так, у чуваш кереметью или арзамаи называлось и божество, и четвероугольная площадь, огороженная забором, где совершались ему жертвоприношения. В жертву приносили обычно животных, прошедших ряд испытаний [19]. Подобное представление существовало и у удмуртов, которые под именем кереметя или шайтана признавали злого бога, противопоставляемого доброму богу Инмару. Кереметью у удмуртов называлось и жертвенное место, где обычно приносились жертвы этому злому духу. Сохранялось верование в кереметя и у мордвы, хотя и не так сильно распространенное, как среди чуваш и удмуртов. У мордвы существовало кереметь-озек — моление кереметю. Это моление в старые года происходило около Петрова дня в лесу, близ большой березы. На праздник собирались жители окрестных деревень и приносили с собою хлеб, мясо, брагу, вино. Сначала молились, потом пиршествовали и веселились. Второе моление у мордвы, связанное с кереметью, называлось кереметь-озис-сабан — моление сохи-плуга. В некоторых местах это моление называлось сабан-озис. Где поблизости от деревень сохранялись леса или отдельные большие деревья, там и совершались моления. Каждая семья приносила петуха или селезня, которых резали, варили из них похлебку. После моления похлебку съедали [20]. Моление в рощах было известно и у мари, где оно связывалось с именем кереметь-арка. На этом празднике мари также резали скот.

Из приведенного материала ясно видно, что вера в кереметь в наиболее архаичной форме сохранялась у чуваш и удмуртов, в меньшей мере у мордвы, где она сильно видоизменилась и держалась в слабой форме. Несомненно, борьба мусульманского духовенства с верой в кереметь привела к тому, что у татар остались от древних времен только незначительные следы этих верований. Однако бесспорно, что к современным татарам моления кереметю перешли от их предков. Предполагать здесь заимствование от соседей нет никаких оснований.

Итак, процесс формирования татар в районе Поволжья был весьма длительным и сложным. Его нельзя начинать лишь с эпохи монгольского завоевания, как это обычно принято делать. Это время внесло меньше всего новых элементов в этногенез татар.

В наиболее раннюю эпоху нижнее Прикамье, где много позже возникло Булгарское царство, представляло пограничную зону между степью, где обитали племена срубной культуры, и лесом, где существовали стоянки типа Карташихи, Табаево, Вороний Куст, послужившие

основой ананьинской культуры. В I тысячелетии до н. эры произошло внедрение, с одной стороны, представителей племен срубной культуры, а с другой стороны, отрядов племен с далекого Енисея. Это обстоятельство, по мнению антропологов, положило начало сложению нового типа, характеризуемого присутствием европеоидно-монголоидных форм.

В начале нашей эры образовался большой племенной союз, объединивший племена нижнего Прикамья и западной части среднего Поволжья, что привело к ассимиляции всего населения. К этому же времени относится проникновение сарматских племен (могильник близ Уфы). В середине I тысячелетия сюда откочевали болгарские племена, в основе своей сармато-аланские, но, несомненно, испытавшие гуннское влияние. Эти племена ассимилировались с местным оседлым населением, подчинив его себе. Во второй половине I тысячелетия н. э. среднее Поволжье подпало под власть хазарского кагана и испытало первую сильную струю тюркского влияния. В следующий период существования Булгарского государства многочисленные племена среднего Поволжья подверглись воздействию второй волны тюркских племен, в частности половцев. Одновременно здесь появляются руссы, армяне и представители других народов. Монгольский погром не внес новых монголоидных черт в процесс формирования татар, но усилил кипчакский элемент.

В конце XIII—XIV века, с развитием городов Булгарского царства, усилился приток новых ремесленников из Средней Азии, что привело к расцвету некоторых отраслей промышленности.

В начале XV века разгром основной территории Булгарии золотоордынцами, а затем наступление русских послужили толчком к отливу населения в лесное Закамье, что неизбежно вызвало ассимиляцию с местными чудскими племенами.

После перенесения столицы в Казань, туда могли попасть вместе с правящей верхушкой дружинники, как, например, дружина, пришедшая с Улу-Мухаммедом, что также повлияло на процесс сложения местного типа населения.

Несомненно, что в эпоху наибольшего распространения мусульманства, после XIV века, различие в религиозных верованиях русских и булгар явилось значительным препятствием к объединению и ассимиляции этих народов — обстоятельство, не существовавшее в ранний период истории, когда религиозные представления не были столь различны.

Другими наследниками булгарской культуры являются низовые чуваши, населявшие западную часть Булгарии. Северо-западная часть Чувашии, не входившая в состав Булгарского царства, была заселена родственными племенами, сложившимся на базе той же культуры городищ рогожной керамики. Различия в условиях жизни, начиная с X—XI вв., когда образовалось Булгарское царство, определили некоторые различия в культуре и языке населения первой и второй части чувашского народа. Тогда, повидимому, и наметилось разделение на низовых и верховых чувашей. Археологический материал позволяет заключить, что древние чуваши представляли собою автохтонные земледельческие оседлые племена.

Некоторые черты, связывающие современных чувашей с древними булгарами, можно наблюдать в современном быту и в фольклоре чувашей. Особенно интересно в этом отношении предание, записанное Вамбери, в котором говорится, что «чуваши пришли от Черного моря, через горы, и называют своим предком Чуваша»[21]. Эти слова заставляют вспомнить сообщения византийских историков о первоначальной области

расселения булгарских племен в Приазовье, и более широко в причерноморских степях, откуда булгары откочевали на север в районы нижнего Прикамья и средней Волги. От булгар это предание могло перейти к местным аборигенам, с которыми они ассимилировались, и которые усвоили этот взгляд на свое происхождение.

Немало черт сохранилось в современной материальной курьтуре чувашей от глубокой древности, причем некоторые элементы восходят ко времени значительно более раннему, чем появление булгар на средней Волге. Такие черты найдем в устройстве некоторых типов жилищ, к которым относится, например, землянка в виде опущенного в землю сруба того типа, который, по словам Н. В. Никольского, наблюдал Гейкель на берегах Волги и Камы. Это были бани, врытые в береговой склон так, что наружу выступали только покрытые землей крыши, иногда с дымовыми трубами из выдолбленных липовых бревен [22].

Развалины таких землянок встречались лет 30—40 назад в бывшем Ядринском уезде [23]. Старики утверждали, что в этих землянках когда-то скрывались какие-то беглецы, а другие говорили, что тут жили их прадеды и прапрадеды целыми семействами. Землянки имели внутри стены и потолок, углы их были укреплены столбами. Этот тип землянок заставляет вспомнить о жилищах Городецкого городища на Оке, исследованного В. А. Городцовым и находящегося на западной границе распространения культуры рогожной керамики. Жилища эти являются землянками прямоугольной формы, с плоским полом и односкатной кровлей. Посреди некоторых из них были обнаружены очаги примитивной формы. Существующие у чувашей типы полуземлянок, стены которых частично возвышаются над поверхностью земли [24], напоминают также полуземлянки Перемилковского селища V—VI вв. н. эры. Отмечу, что примитивные очаги в виде углубления, обложенного камнями, наблюдал Н. В. Никольский в Кирском и Порусовском лесничествах Чувашской АССР. Эти черты свидетельствуют о глубоких местных корнях современной чувашской культуры.

Более совершенные типы построек имеют аналогии в булгарских постройках X—XIV вв. н. эры. Интересной деталью, установленной раскопками развалин города Сувара, является находка подполья для хранения хозяйственных запасов. Н. В. Никольский отмечает, как характерную особенность чувашских жилищ, устройство подполья и, как следствие этого, высокое расположение пола над землей [25]. Подполье в чувашской избе утилизируется для хранения продуктов, пива, меда, картофеля и др. Иногда подполье служит убежищем для скота в зимнее время [26].

Повидимому, старой традицией, прослеживаемой у булгар и установленной раскопками города Сувара, является планировка усадьбы, огражденной со всех сторон забором. Известно, что в старину чуваши предпочитали отделять от улицы свои дома оградой, и только позднее стали выводить окна на улицу, в старину же каждый двор представлял собою замкнутую вереницу строений, причем фасад дома выходил окнами во двор. Таковы элементы современного жилища чувашей, указывающие на глубокие местные корни их культуры.

Из других элементов местной материальной культуры, восходящих к булгарам, надо отметить орудие для обработки земли — сабан, прототип которого обычен в булгарской культуре, а до недавнего прошлого бытовал и у чувашей. Его металлические части — лемех (терен) и резец (шарт) совершенно аналогичны булгарским, хорошо известным по ряду

собраний Государственного музея Татарии, Государственного Исторического музея в Москве и Эрмитажа в Ленинграде. Несомненно, что тип орудия для обработки земли сложился здесь, на средней Волге, и поэтому он так хорошо приспособлен для тяжелых почв. Вероятнее всего, что земледельческие орудия были заимствованы пришельцами-булгарами при переходе их к оседлости от местных аборигенов края.

Еще не проделана работа по сравнению археологического материала булгарской культуры с памятниками материальной культуры чувашей, но все же можно отметить, что значительная часть орнаментальных узоров последних, предназначенных для украшения одежды, восходит к аналогичным мотивам прикладного искусства булгар.

Пережитки культуры булгар у современных чувашей сохранились кроме того в языке, в элементах мусульманства и в некоторых, державшихся до недавнего времени обычаях. К последним относится особый способ приветствия, который наблюдал еще ибн-Фадлан: «Итак, когда царь едет верхом,—писал этот путешественник,— то он едет один без отрока и с ним нет никого. И когда он проезжает по базару, то никто не остается сидящим, каждый снимает с головы свою шапку и кладет ее себе подмышку. Когда же он проедет мимо них, то они опять кладут свои шапки себе на головы» [27]. Этот способ выражения почтительности составлял непременную особенность чувашских молений, где бы последние не происходили, в поле или дома, в холодное или в теплое время года. Так, Ашмарин [28] в своей работе «Болгары и чуваши» отмечает подобный обряд, наблюдавшийся им в дер. Нижние Шимкусы, Тетюшского уезда, во время моления о дожде, совершавшегося весною около семика: «Когда сварилась жертвенная каша, старик, варивший ее, зачерпнул из котла ложку каши, снял шапку, заткнул ее подмышку и начал молитву, обратившись на восток». То же самое наблюдал он в чувашской деревне Менге, Чистопольского уезда: «Когда таким образом все будет устроено как следует, то человек, знающий молитву, читаемую при обряде, умывается, надевает на себя верхнюю одежду, затыкает шапку подмышку под левую руку, берет в руки блюдо с жертвенным гусем и, обратившись, если он крещеный, к божнице, а если некрещеный, то к двери, начинает молиться». Этот своеобразный прием приветствия старшего, царя или бога не наблюдается у других народов и сохранился лишь у чувашей в их религиозных обрядах от эпохи булгарского царства.

Связывает чувашей с булгарами и обычай ставить надмогильные памятники в виде столба, называемого юба, генетически восходящие к каменным бабам. Последние широко известны в степях юго-восточной Европы со скифо-сарматской эпохи. Они были особенно широко распространены в хазарскую эпоху у сарматов и алан, к которым относятся и булгары. Здесь, в среднем Поволжье, отсутствие камня заставило булгар делать подобные памятники из дерева. В таком виде этот обряд и удерживался у чувашей до XX века.

Важнейшими памятниками древнебулгарского языка, позволяющими заключить о родстве булгарского и современного чувашского языка, являются надгробные надписи, открытые в разных пунктах Булгарского царства. Все памятники хорошо расшифровываются путем сопоставления с чувашским языком. Это обстоятельство заставляет видеть в чувашах одну из основных групп населения волжской Булгарии и, несомненно, довольно многочисленную. Сопоставление данных эпиграфики, позволяющих считать чувашей наследниками древних булгар, с бытовым материалом городищ, показывает, что чуваши являются потомками

аборигенов, оставивших нам городища рогожной керамики и более ранние стоянки. Эти древние племена послужили основным компонентом в формировании чувашского народа, они же составили основное ядро и других народов Поволжья — мордвы и мари.

Таким образом, чуваши, как и татары, сформировались на основе оседлого населения Поволжья, в то же время последние являются наследниками кочевых булгарских и более поздних кипчакских элементов. Пережитки кочевого быта сохранялись у них до недавнего прошлого.

Элементы булгарской культуры хорошо прослеживаются и в прикладном искусстве чувашей. В частности, распространенный у булгар веревочный орнамент характерен и для чувашей (рис. 12—13).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930, стр. 24.
[2] «Антропология», М., 1932, № 1.
[3] В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 17.
[4] А. П. Смирнов. К вопросу о происхождении татар Поволжья. «Советская этнография», в. 3, М., 1946, стр. 44 и след.
[5] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, т. I, СПб., 1773, стр. 43—44.
[6] И. И. Георги. Описание всех обитающих в российском государстве народов. СПб., 1796, ч. 2, стр. 11.
[7] Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 387.
[8] Коллекции Государственного музея ТАССР. См. Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 96.
[9] Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 406.
[10] A. Tallgren. Collection Zaoussailov. Heisinki, 1929, т. II, стр. VIII, рис 2—3.
[11] Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 348.
[12] Там же, стр. 363.
[13] Там же, стр. 402.
[14] Каюм Насыров. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся в результате влияния на их жизнь суннитского магометанства. Записки Русского географич. о-ва по отд. этногр., т. VI, 1880, стр. 241—270.
[15] П. Д. Коблов. Мифология казанских татар. Изв. О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXVI, Казань, 1910.
[16] П. Д. Коблов. Указ. соч.
[17] Там же.
[18] Религиозные верования народов СССР, т. II, М., 1931, стр. 225.
[19] В. Сбоев. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. М., 1865, стр. 88.
[20] М. Т. Маркелов. Мордва. Сборник «Религиозные верования народов СССР», т. II, М., 1931, стр. 199.
[21] Н. В. Никольский. Краткий курс по этнографии чуваш. Чебоксары, 1929, стр. 19.
[22] Там же, стр. 32.
[23] Там же, стр. 32.
[24] Там же, стр. 33.
[25] Там же, стр. 38.
[26] Там же, стр. 38.
[27] Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939 стр. 73.
[28] Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XVIII, в. 1, 2 и 3, Казань, 1902, стр. 51 и след.

ГЛАВА V

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

По времени возникновения Булгарского государства среднее Поволжье принадлежало к числу рядовых областей в отношении военной техники.

Здесь, как и в смежных областях, мы встречаем обычный тип военных отрядов, характерный для союзов племен, защищавших свою территорию от набегов соседей. Среди них на первом месте были конные сарматские дружины, во многом воспринявшие военную тактику скифской конницы.

С X века характерными остаются те же конные дружины, однако многое изменилось в их организации. Дружинники находились уже на службе у своего князя и по его приказу выступали в походы. Тактика оставалась, повидимому, прежней. У восточных писателей имеется несколько кратких заметок, позволяющих судить о военной организации булгар. Археология дополняет эти данные.

Автор X века ибн-Русте отмечает: «Булгары ездят верхом, имеют кольчугу и полное вооружение». То же говорит и ибн-Фадлан. В русских летописях при описании военных действий в ряде мест упоминаются булгарские дружины. Так, под 1160 годом летописец записал: «и избиша множество измаилтян, а князь их едва утече с малою дружиною». Аналогичный момент описан для 1220 года. Летописцем при характеристике похода князя Юрия Всеволодовича отмечены «болгаре со князем своим на конех» и далее: «князь же Болгарьский выбеже инеми ворота и утече на конех в мале дружине».

Археологический материал подтверждает письменные источники. В 90-х годах прошлого столетия близ селения Балымер П. А. Пономаревым и Н. П. Лихачевым был исследован курган с трупосожжением. Там были найдены обломки горшка с плоским дном очень грубой работы, меч с бляхами от пояса, кресало, бронзовые зажимы и несколько вещей неопределенного назначения. Большой интерес представляет меч, искривленный и сильно изогнутый. А. А. Штукенберг [1] полагал, что деформация его объясняется высокой температурой, развивавшейся при трупосожжении. Найденный меч — его длина 90 см и ширина 5 см — принадлежит к числу мечей капетингского типа, широко распространенных в средневековой Европе. Из пределов волжской Булгарии мечей известно восемь. Это довольно большой процент по сравнению с соседними районами. Мечи представляли вооружение тяжелой кавалерии. На территории Восточной Европы аналогичные мечи были известны весьма широко [2].

Помимо таких мечей в том же музее хранятся прямые однолезвийные палаши, распространенные в Восточной Европе с IV века н. э. Особняком стоит сабля с греческой надписью, хранившаяся в Лихачевском отделе Казанского музея, найденная при распашке нови из-под соснового леса в с. Коргалы, Тетюшского района Татарской АССР. На клинке нанесена инкрустацией греческая надпись: «Ты, царю непобедимый, Слово Божие всевластно...» и изображение богоматери «Неувядаемый цвет». А. Лихачев склонен был отнести саблю к X веку. В. Прохоров [3] и Н. Катанов [4] считали ее поздней и датировали не ранее XVII века. С этой датой приходится согласиться. Сабли этого типа выделывались в Греции и были широко распространены на Балканском полуострове в период с XVII до начала XIX века.

Кроме мечей капетингского типа и палашей к числу дорогого оружия относятся боевые железные топоры, покрытые инкрустированным растительным орнаментом (табл. III, рис. 13). Некоторые имеют вычурную форму и фигурки животных на концах. Эти топоры, повидимому, и есть те секиры, о которых упоминает ибн-Фадлан [5].

Лук и стрелы, несомненно, также составляли обязательную часть вооружения. Огромное количество стрел самых разнообразных типов хранится в собрании Казанского музея. Среди них плоские, овальные, треугольные и шиловидные с уплощенным или четырехгранным концом, предназначенным для пробивания кольчуг.

Довольно много найдено бронзовых шестоперов круглой или грушевидной формы с поверхностью, покрытой острыми шипами.

Оборонительным вооружением служил шлем. К сожалению, в коллекциях Казанского музея и Государственного Исторического музея в Москве шлемы представлены только небольшими, крайне невыразительными обломками. Нужно думать, что здесь был распространен пластинчатый шлем, так называемый Spangen Helm, известный и в южных степях.

Тело защищали кольчугой. Фрагменты кольчуг были найдены при раскопках всех крупных городов Булгарского царства. Эта часть вооружения производилась, повидимому, на месте, во всяком случае в степях Восточной Европы. Кольчуги известны с начала нашей эры, когда они были широко распространены у сарматов.

Знакомясь с военной историей булгар нетрудно убедиться, что булгарская дружина была слабее русской. Несмотря на то, что булгарам были известны приемы постройки крепостей, отвечавшие всем требованиям военной техники того времени, защищали они свои города далеко не блестяще. Это последнее обстоятельство, возможно, объясняется тем, что еще в X веке н. э. у булгар сохранялись многие пережитки кочевого быта.

Для характеристики тактических приемов булгар восточные писатели почти ничего не дают. В их заметках не сохранилось ни одного описания битвы. Зато значительно больше сведений сообщают русские летописи.

Несмотря на некоторую тенденциозность летописца в освещении событий, его желание подчеркнуть военное превосходство русских над их противниками, все же следует признать, что коалиции русских князей, выступавших против булгар в XI—XII в., действительно располагали более сильным войском.

Сопоставляя летописные данные, сразу убеждаешься в военном превосходстве русских над булгарами и другими племенами. Почти все столкновения заканчивались разгромом булгарских войск. Булгарам при-

шлось иметь дело с противником опытным и смелым, выработавшим свои тактические приемы.

Не останавливаясь на изложении походов киевских князей, о которых упоминают летописи, приведу здесь только сообщения о походах булгар. Под 1088 годом в летописи кратко сказано: «...В се же лето взяша Болгаре Муром». Под 1107 годом: «Того ж лета чюдо сотвори Бог и св. Богородица в Суждальстей земли: приидоша болгары ратию на Суждаль и обступиша град и много зла сотвориша, воююще села и погосты и убивающе многих от христиан. Сущие же людие во граде не могуще противу их стояти, не сущу князю у них, на молитву к Богу обратишася и ко Пречистей его Богоматери, покаянием и слезами, и затворишася во граде, и всемилостивый Бог услыша молитву их и покаяние... ослепи... вся ратная болгары; и тако изшедше из града всех избиша». Третье сообщение о походе булгар относится к 1219 году: «В лето 6727. Приидоша Болгаре на Устюг, и взяша и лестию, а потом идоша ко Унжи, и Унжане отбишася от них».

Два раза брали булгары русские города, во второй раз применив хитрость. Тактика булгар была рассчитана, повидимому, на внезапность удара. Вести правильную осаду они не умели, как не умели тогда и сами русские. Подойдя к городу, они его окружали—«обступаша град»,— и пытались взять измором, выжигая одновременно окружающие деревни и села. Удар 1107 года был неожиданным для русских, иначе жившее близ города население или спряталось бы за его стены, или же ушло бы в леса. Свидетельство летописца говорит об обратном: «воююще села и погосты и убивающе многих от христиан». Суздальцы сумели отсидеться.

В приведенных описаниях ни слова не сказано ни о приступах, ни о правильной осаде, т. е. о подробностях, часто приводимых в других подобных случаях летописцем. Повидимому, вся наступательная тактика булгар основывалась на внезапности, неожиданности.

Собственные города булгары защищали слабо. Русская летопись много раз сообщает о разгроме булгарских городов. Довольно обычным является такой конец походов русских князей: «...и избиша множество Измаильтян, а князь их едва утече с малою дружиною; они же шедше взяша славный град их Бряхимов на Каме, а друзии гради их пожгоша». Таким же был финал похода 1172 года, когда «и въехаша в поганыя без вести, взяша сел 6, семое город, мужи исекоша, а жены и дети поимеша...». В 1164 году русские «шедше взяша град их славный Бряхимов, а переди 3 городы их пожгоша».

Нужно признать, что археологические данные и русская летопись дают высокую оценку укреплениям булгар. Система их обороны в XI—XII вв. отвечала требованиям тогдашней военной техники. Но сами булгары со своей тактикой кочевников не могли и не умели защищать свои города. В этом отношении особенно показательно подробное описание похода 1183 года на Биляр, приводимое в Никоновской летописи, и похода 1220 года на Ошель. О втором походе говорится: «В лето 6728. Князь великий Юрий Всеволодович посла брата своего Святослава на безбожная Блъгары и с ними посла плъкы своя, а воеводство приказа Еремею Глебову, а Ярослав посла своя полкы из Переяславля, а Василь Констонтиновичъ повеле Юрьи послати своя полкы; он же из Ростова полк посла, а другой со Устыга на врьх Камы; посла же и к Муромским князем, веля им послати сыны своя, и посла Давыд сына своего Святослава, а Юрьи Ольга. И сняшася вси на Волзе, на усть-Оки, в насадех и в

лодиях, и оттоле поидоша вниз; и бывшия им на Исадех противу Ошлю и выидоша на берег. Изряди же Святослав полкы своя: Ростовский по правой руци, а Переяславский по левой, а сам ста с Муромским князи посреди, а ин полк остави у лодей. Сами же поидоша от берега к лесу. И пришедшим им лес, выидоша на поля ко граду, и усретоша их Болгаре со князем своим на конех и поставиша полк на поли. Святослав же поиде к ним вборзе, они же, постоявше мало, пустиша по стреле в наши и возмятився побегоша ко граду».

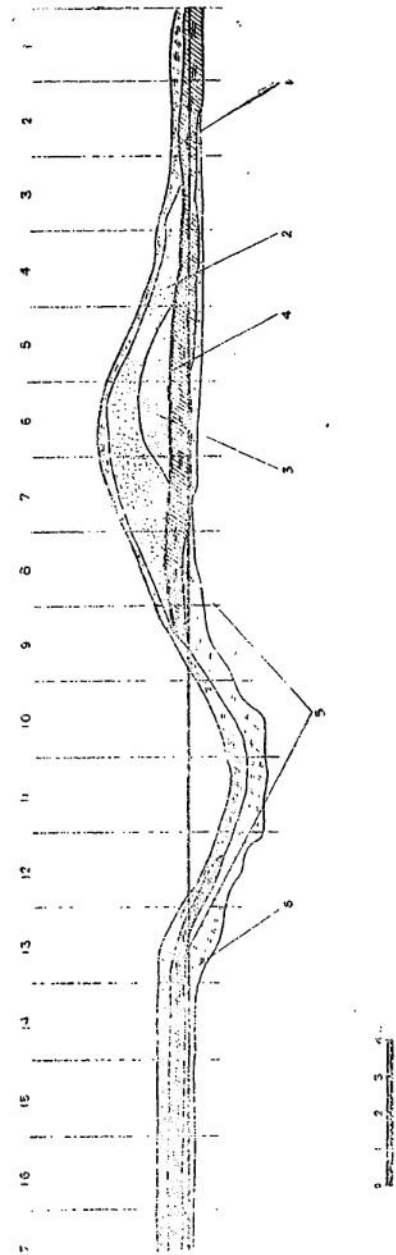

Рис. 14. Профиль западного вала Болгарского городища.

Из этого описания отчетливо виден порядок движения русских, спустившихся по реке. Все силы их были разделены на центр и два фланговых полка, один был оставлен для прикрытия коммуникаций и основной базы. Булгары встретили противника в конном строю и, выпустив стрелы по наступающим, отступили в город, не приняв боя в открытом поле. Это был налет, повидимому, легкой конницы, которая должна была разбить, нарушить боевой порядок русской рати. Дальнейшие события летопись описывает так: «...Бе же острог утвержен около града крепок тын дубов, а затем два оплота и межи има вал ссыпан, и по тому валу рыщуще из затынья биахуся. Князь же Святослав пришед ко городу и наряди люди вперед со огнем и с секирами, а за ними стрелцы и копейники, и приступи ко граду, и бысть брань межи има крепка зело, и подсекоша тын, и разсекоша плоты и зажгоша их, а они побегоша в город, си же гониша их секуще до города, потом же приступиша ко граду отовсюду и зажгоша его, и бысть дым силен зело, и потяну ветр с града на полкы Святославли и не бе видети человека в дыме, и не могуще тръпети дыма и зноя, паче их безводна и отступиша от града, и седоша опочивати от многаго труда. Рече же Святослав: поидем с поветриа на другую сторону града, и пришедше, сташа противу вратам града. И рече им князь: братие и дружино, сего дня двое предлежит: или добро или зло, да потягнем борже; и потече сам князь преди всех ко граду. Видевше же его вои вси устремишася ко граду борже, и посекоша тын и оплоты и с ту сторону и зажгоша, а Болгары побегоша в город, сии же почнаху их секуще, а

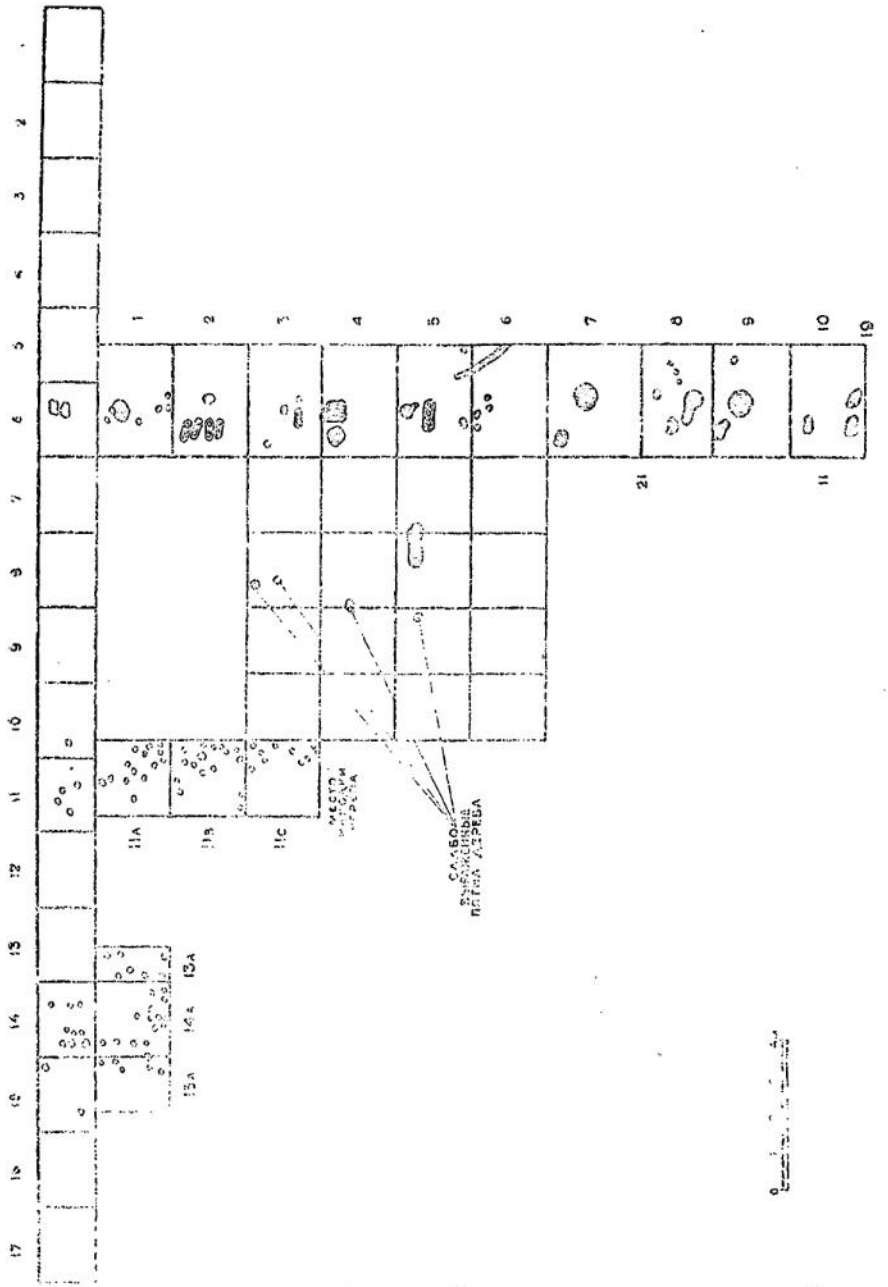

Рис. 15. План раскопа западного вала болгарского городища.

потом зажгоша град отвсюду, и объят град огнь отвсюду, и бысть буря велиа и страшно бысть видети и бысть во граде вопль велий зело. Князь же Болгарский выбеже инеми вороты и утече на конех в мале дружине».

Так кончилась защита Ошеля, бывшего центром племени Эсегел.

Этот факт свидетельствует о военном превосходстве русских дружин. Отступив с поля битвы, булгары не могли удержать ни первого оплота, ни городских стен и бросили город. Когда в других городах узнали о разгроме Ошеля, собрались новые дружины и ополчения. «Слышав же

Болгари в Великом граде и в иных градех, яко город их Ошель взят, и... собрашася вси со князьями своими: овий на конех, друзии пеши и приидоша на брег...». Однако булгары не решались дать сражение и, не отбив попавших в плен, вернулись обратно.

Так же удачно действовал второй отряд русских: «И ту приидоша к нему Боислав Добрынич и Ростовцы Устюжане со множеством полона и с корыстию великой, те бо отпущени бяху преж еще в низ идуще воевати по Каме, и взяста по ней много городов, а сел несколько и пожгоша все, а люди иссекоша, и иныи во плен поведоша».

Наступление русских для булгар явилось неожиданным; повидимому, пограничная охрана не стояла на должной высоте, так как только после взятия Ошеля собрались булгарские князья для отпора, но и тут не решились вступить в борьбу с сильным противником.

Еще одно описание, дающее представление о тактике булгар, которое относится к 1183 году, было приведено во II главе. В нем довольно подробно сообщается о походе русских. Спустившись по Волге, они отправились внутрь страны, оставив для прикрытия у лодок, у своей базы, Белозерский полк. После двухдневной задержки у Тухчин-городка русские, вместе с перешедшим на их сторону булгарским полком, подошли к Великому городу. Булгары не встретили русских в поле, но при их приближении начали строить оплот — вынесенную вперед оборонительную линию. Русские разрушили оплот и загнали булгар в город, после чего осажденные «высылаху к ним с челобитьем». На помощь Великому городу двинулись окрестные булгары. Их отряды пошли на лодках и на конях не к Великому городу, а к месту высадки, где находился Белозерский полк, прикрывавший коммуникации и основную базу русских. Русские отразили удар, рубили булгар и «истопе их ту боле тысячи».

Рассмотренные летописные сведения говорят прежде всего о том, что булгары были слабее соединенных отрядов русских князей. Главным их войском была тяжелая конница, пехота же имела подсобное значение. Конная дружина, как можно судить по битве у Ошеля, выезжала вперед и осыпала врага градом стрел, стараясь нарушить боевой порядок противника.

Нужно думать, что следующим шагом должна была быть атака с фронта, с одновременными действиями конницы на коммуникациях противника.

В этом отношении показательна стычка с Белозерским полком. Тактика, применявшаяся булгарами в столкновениях с русскими, оказывалась несостоятельной. Конница и в основном пешие дружины русских встречали налеты булгарской конницы и, сами переходя в атаку, загоняли булгар за стены их городов. Тактика булгар строилась в рассчете на конницу, не приспособленную к взятию городов.

Она во многом напоминает тактику скифской кавалерии, которая внезапными налетами и обстрелами приводила в смятение противника.

Подобная тактика была применена булгарами и при отражении татар в 1224 году. Из описания этого события (на стр. 49), переданного ибн-аль-Асиром, видно, что против монгол-кочевников булгары удачно применили свои тактические приемы, выработанные в степных же условиях. Прекрасная конница сохранилась у булгар-татар и позднее, в эпоху Казанского ханства. Эту конницу они не раз бросали в тыл русским во время осады Казани в 1552 году.

Но было бы неверным полагать, что крепостное строительство и строительство оборонительных рубежей стояло у булгар на низком

уровне. За длительное время существования Булгарского государства оборона булгарских городов значительно эволюционировала. Позднее, в момент монгольского нападения, они сумели в продолжении трех лет сдерживать натиск монгол, а в период Казанского ханства Казань или, как ее еще называли, Новый Болгар, являлась первоклассной крепостью. Достаточно сказать, что из восьми попыток взять Казань русским только два раза, в 1487 и 1552 году, удалось овладеть этой крепостью. В создании оборонительных укреплений сами булгары были большими мастерами. Несомненно также, что у ряда оседлых племен, входивших в состав царства, крепостное зодчество было сильно развито. Кроме того, им много помогали приезжие мастера с Востока и, может быть, и из Руси, о чем можно догадываться по большому сходству в укреплениях тех и других.

Об укреплениях булгарских городов мы можем судить по археологическим материалам и по летописным сведениям, кое-что дают и исследования городища Великие Болгары (рис. 14—15). Проф. А. С. Башкиров установил наличие деревянных конструкций в земляном валу, окружавшем город. К сожалению, разведочный характер работ не позволил исследователю развернуть работу, и прекрасно начатые раскопки не были продолжены. Раскопки 1946 года показали, что по валу шла стена, напоминающая русские укрепления, а перед рвом расположена была система надолб.

Много дали работы по изучению другого крупного города волжских булгар — Сувара, в результате которых был выяснен ряд интересных деталей устройства укреплений. На основании этих раскопок установлено, что первоначально площадь города была обнесена рвом, по внутреннему краю которого была возведена деревянная стена, состоявшая из ряда срубов, поставленных впритык один к другому. Внутри срубов насыпана плотно утрамбованная земля. Ширина срубов колебалась от 3,5 до 4 м при длине каждого до 5 м. Первоначальная глубина рва достигала 5 м. Ров пришлось рыть в песке, что заставило строителей укрепить его стены горизонтальными слегами, а последние кольями. На дне рва были забиты колья. С южной стороны по склонам рва в одном пункте были замечены остатки толстых бревен, вероятно служивших опорами моста. С наружной стороны рва стоял тын, следы которого прослежены при раскопках. Повидимому, подобным же образом был укреплен вал Билярского городища [6]. Булгарский город Ошель, как можно судить по летописным сведениям, имел подобную же систему обороны: «...бе же острог утвержен около града крепок, тын дубов, а затем два оплота и межи има вал ссыпан» [7]. Такой характер обороны имели и русские города, о чем мы можем судить по летописи [8] и по археологическим раскопкам [9].

При исследовании Сувара были изучены и башни города. Одна из них, восьмигранная, имела в поперечнике 3 м. Вторая башня, угловая, была более значительных размеров. Помимо первой линии укреплений вокруг города шла вторая линия обороны, укрепленная тыном, поставленным на валу.

Данные археологии подтверждают восточные писатели. О деревянных стенах сообщает Абу-Хамид-Андалуси: «Булгар, большой город, стены из дубового дерева...» — пишет он.

Помимо деревянных булгары знали и каменные стены. Указание на это мы находим у ибн-аль-Асира. Отдельные редкие каменные соору-

жения, повидимому, были созданы теми восточными мастерами, которые прибыли с посольством халифа Муктадира. В настоящее время в археологии известно на булгарской территории только одно каменное сооружение крепостной архитектуры. Это так называемая башня Чортова городища близ Елабуги [10].

Необходимость защищаться от русских, довольно рано устремившихся к Волге, заставила булгар не ограничиваться укреплением отдельных населенных пунктов, а прибегнуть к созданию целых оборонительных линий (рис. 16). Такой оборонительной линией является вал, идущий от Куйбышева-Татарского (Спасска) через Куралово, Куйбышевского района, до Бураковского района. Этот вал, длиной около 20 км, занимал полосу между речкой Ахтай и р. Бездной, текущими параллельно с юго-востока на северо-запад. Берега этих рек, довольно болотистые в настоящее время, в древности, при обилии лесов, повидимому были вообще непроходимыми. Пространство между правым берегом Ахтая в нижнем его течении и левым берегом Камы представляет до настоящего времени низкую заболоченную местность с рядом мелких озер. Левый берег Бездны точно также болотист. Река Кама, впадающая в Волгу севернее Ахтая, первоначально впадала значительно ниже, у урочища Ага-Базар. Правда, со времени существования города Великие Болгары, течение Камы изменилось и местность у подножия террасы, где расположено городище, стала представлять отдельные островки, окруженные болотами. Город Болгар, расположенный на высоком берегу, был со стороны Волги в достаточной мере неуязвим, но он мог быть взят или со стороны Ага-Базара с юга, или с севера, от современного города Куйбышева-Татарского.

Описанный вал, который частично занимает в настоящее время территорию города Куйбышева, впервые был описан в 1847 году [11]. С. М. Шпилевский, отметив этот вал в своей сводной работе [12], объяснил его как пограничное укрепление. На линии этого укрепления находится ряд памятников булгарского времени. Так, близ Куйбышева был найден медный кувшин с серебряными вещами IX—XI вв. филигранной техники булгарского производства [13]. Около селения Куралово расположено городище, которое в «Заметках о городищах, курганах и других земляных насыпях в Казанской губернии» отмечено, как находящееся у села Щербеть [14]. Это значительное городище почти четырехугольной формы, 320 м в поперечнике, окружено двумя валами. Немного ниже по реке Бездне между Куйбышевым и Кураловым А. Образцов указывает поселение с кладбищем, на котором были найдены обломки посуды булгарского типа [15]. Известно также городище у сел. Бойкина, четырехугольной формы, площадью около 500 кв. м; там же рядом у сел. Ямкино, на правом берегу, находится другое городище треугольной формы площадью в 1100 кв. м; по соседству в лесу отмечено селение золотоордынского времени [16].

Приведенные памятники никем не раскапывались, но имеющийся подъемный материал (булгарская керамика), а также такие формальные признаки, как треугольная и четырехугольная площади городищ, характерные для булгар, заставляют отнести их к булгаро-татарской эпохе, равно как и вал, соединяющий их по линии от Куйбышева на Куралово до Бураково. Этот вал преграждал дорогу, которая вела, с одной стороны, к городу Болгар, а с другой шла на Биляр, защищая центральную территорию царства. С флангов вал упирался в непроходимые болота. Другого пути от устья Камы до Ага-Базара не было.

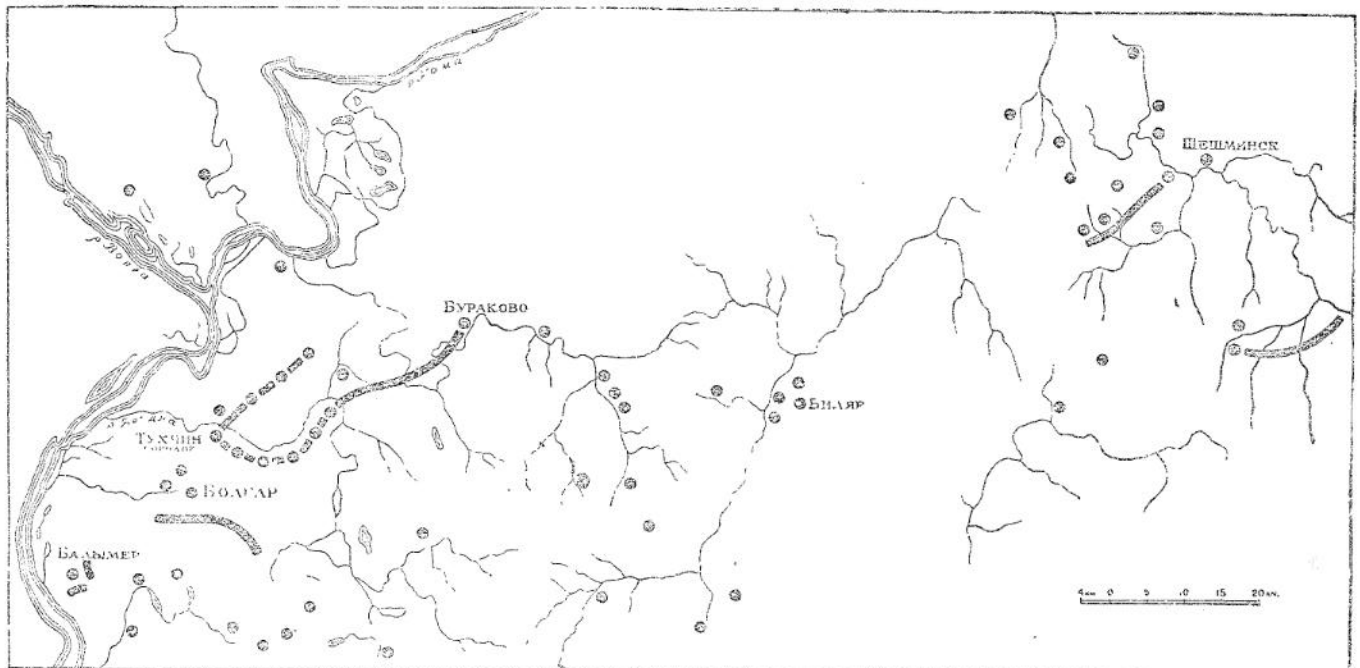

Рис. 16. Карта древних оборонительных укреплений на территории Булгарского государства в XII—XIII вв.

Вторую линию укреплений в том же направлении составляли городища по верхнему течению р. Ахтай, и к югу, в верховьях р. Майны, находящиеся у деревень Караваево, Каргополь, Бабаевы Челны, Ст. Нохраты, Матаки, С. Иштубаево, Рысова Поляна, Ст. Баран. Городища не были соединены между собою валом. Эта линия как бы прикрывала область верховьев р. Черемшана, где находился Биляр, географический центр страны.

Ряд городищ, как городок у с. Караваева, Каргополь, Бабаевы Челны, у Ст. Нохрат и у Матак имеют круглую форму, что объясняется расположением их на открытой местности. Незначительность их размеров свидетельствует о том, что они являлись замками мелких феодалов и представляли своего рода укрепления для защиты территории, лежащей к востоку, от набегов русских. С. М. Шпилевский в своей сводной работе приводит их описание: Каргопольское городище круглой формы, 80 м в окружности [17]; второе — у д. Бабаевы Челны, точно также круглой формы, 80 м в окружности [18]; городок на Ахтае у Матак — круглой формы, около 700 м в окружности, укреплен двумя валами со рвом между ними. Городок на р. Нохрат имеет аналогичную форму и окружность около 670 м [19].

С. М. Шпилевский полагает, что при описании первых двух городищ произошла ошибка, и что на самом деле существует только одно городище. Однако оба они помещены на карте, хранящейся в Государственном Историческом музее в Москве и относящейся к 70-м годам прошлого столетия, причем оба упоминаются в перечислении населенных мест, приложенном к карте в VI томе «Географического описания России», который посвящен среднему и нижнему Поволжью [20]. Раскопкам эти городища не подвергались, но находки, сделанные на их поверхности (керамика), относятся к булгарской эпохе. Нельзя не отметить интересный курган, разрушенный кладоискателями, около этих городищ. Курган содержал скелеты воина и его лошади. Меч из этого кургана поступил в коллекцию Лихачева.

Что заставило булгар создавать укрепленные линии по Ахтаю и Бездне? Несомненно, что в домонгольский период основным противником булгарских князей были суздальские князья, сумевшие объединить вокруг себя ряд других княжеств. Эта коалиция нанесла ряд чувствительных ударов Булгарскому царству и создал угрозу его существованию. Только этим и можно объяснить устройство здесь оборонительного рубежа. Русские все свои вторжения вели обычно с запада от устья Камы. Так было при их походе на Ошель, на Болгар и на Биляр: «Бысть идущим по Волзе на Болгары, поидоша на место, идеже остров, нарицаемый Исади, устье Певце; высед на брег, и тут оставиша все насады..., сами же поидоша на конех в землю Болгарскую, к великому городу серебряных Болгар».

Местоположение острова Исады хорошо определяется из летописного сообщения 1220 года, где сказано: «...и бывшим им на Исадах противу Ошлю...». Ошель, как известно, связывается с крупным городищем около селения Кирельское. Исходя из этого, рекой Певце, о которой упоминается в летописи, будет современная р. Бездна. Путь отсюда возможен только в междуречье Ахтай — Бездна.

Значительно больше об этом событии сообщает Воскресенская летопись под 1183 годом: «...выседе из насада на берег и поиде к Великому городу и постоя пришед под Тухчин городок два дня, а на третий поидоша к городу...». Это сообщение дает основание согласиться с мне-

нием И. Н. Сыраева, который связывает Тухчин-городок с Кураловским городищем [21]. У этой линии русские дружины стояли два дня, после чего вал Куралово—Бураково был сдан булгарами. Падение обороны объясняется, однако, не слабостью этой линии, а тем, что, как уже говорилось выше, в тылу у булгар появились половцы, которых привел булгарский князь, решивший воевать на стороне русских. Появление в тылу защитников вала булгарского полка, перешедшего на сторону русских, и заставило защитников отступить к Великому городу (Биляру). Русские дружины, простоявшие у Тухчин-городка два дня, пошли дальше. Не встречая сопротивления они перешли Черемисан (Черемшан) и появились перед Великим городом, который во второй половине XII века был столицей Булгарского государства [22]. Если подобное объяснение задержки у Тухчин-городка правильно, то нужно признать, что вал существовал уже во второй половине XII века.

Эти укрепления в южной их части между г. Куйбышевым (Спасском) и селением Кураловым были исследованы летом 1892 года А. Обрезковым [23]. Вал, как отмечает автор, распадается на несколько частей. Первый участок ограждает с юга большую площадку, созданную большим кураловским изгибом р. Бездны. Здесь вал идет почти с запада на восток к тому месту, где Бездна меняет южное направление на западное. Получается как бы укрепленная площадка, огражденная с юга валом, а с востока, севера и запада р. Бездной. Со слов одного местного жителя Обрезков записал, что подобный же вал пересекает основание той из двух меньших излучин, которая обращена своей выпуклостью к западу. В настоящее время этот участок, проходивший в направлении с севера на юг, из-за долговременной распашки уже потерял свои очертания. Следующий участок на второй малой излучине, обращенной своей выпуклостью к востоку, пересекается двумя небольшими валами, идущими также с севера на юг. Незначительную площадку, которая замыкается этими валами с запада, местные жители называют городком. Таким образом, в окрестностях этой части р. Бездны находятся три таких городка.

В районе этих памятников на поверхности было обнаружено большое количество керамики. Здесь же был найден клад. А. Обрезков считает, что все три городка представляют собою самостоятельные укрепления, ничем между собою не связанные. Однако это суждение неправильно. Наличие вала между городками ясно свидетельствует о том, что они были частями одной оборонительной системы.

Среди сохранившихся описаний вала ни в одном не упоминаются укрепления на его линии, но на карте 1870 года, которая хранится в Государственном Историческом музее, и где вал показан от Бураково на Куралово и далее до Спасска, он на всем протяжении от Бураково до Куралово не имеет дополнительных укреплений, а от Куралово до Спасска (Куйбышев-Татарский) по левому берегу р. Бездны на этом валу находится пять городищ.

На той же карте показан и второй вал, никем из исследователей не упоминаемый,— от Куйбышева до Печкас. Около этого селения, расположенного на речке Грязнухе, правом притоке р. Бездны, находится городище. Оно интересно тем, что в его валах сохранились остатки боевых башен. С. М. Шпилевский приводит описание городища, сделанное Артемьевым: «Городище четырехугольной формы, на низменном ровном месте, в окружности до 240 саж., окружено валом и рвом с насыпями по углам, башнями в виде курганов. Длина валов и рвов 250 саж., а ши-

рина их 2 саж.» [24]. Эти курганы представляют собою остатки угловых башен. Второй вал укреплен еще двумя городищами, о которых никто не упоминает, но которые показаны на упомянутой карте 1870 года, принадлежащей Государственному Историческому музею. Этот вал не был доведен до конца и значительное пространство между городищем у селения Печкас и берегом р. Ахтая, приблизительно в 5 км шириной, осталось не укрепленным. Повидимому, булгары, начав устройство вала, забросили его и избрали другую линию, проведенную по естественным рубежам. Эта вторая линия от Куйбышева-Татарского (Спасска) проходит к востоку по левому берегу р. Бездны, затем, следуя изгибу реки, поворачивает на север, пересекает один раз р. Бездну и дважды р. Ахтай, образующую здесь петлю, и по левому ее берегу идет до Буракова. Эта линия более неприступна, чем оставшаяся неоконченной у д. Печкас. Перед врагами строители вала поставили естественный водный рубеж, а на небольшом пространстве поля, в излучине притока Бездны, создали городище. В общем вал проходил берегами реки около 15—16 км, а ровным полем не более 4—5 км. Наличие укрепления на этом месте не оставляет сомнения в том, что оно было рассчитано в основном на защиту Биляра. Вероятнее всего его строили уже в то время, когда Великий город на Черемшане (Биляр) стал столицей государства, т. е. в XII веке.

Другим аналогичным сооружением является вал, расположенный к юго-востоку от Болгар, предназначавшийся для защиты этого города с южной стороны. Он тянется от современного сел. Болгар до Красной Слободы и преграждает дорогу в сторону Ага-Базара с юга. Этот путь был хорошо известен в те времена. По нему направлялись в город иноземные купцы. Знали его и русские князья и ушкуйники, не раз приходившие за добычей под стены богатого города.

Следует упомянуть еще о двух валах, расположенных к югу и востоку от Балымерского городища. С. Мельников отметил, что к востоку от деревни тянется большой земляной вал, вероятно окружавший в древности бывший здесь город. Тот же исследователь указал к югу от деревни второй земляной вал. Он склонен был полагать, что городище у Полянок и вал представляют остатки Закамской черты, проведенной Борисом Годуновым. Но С. М. Шпилевский правильно отмечает, что «так называемая старая Закамская линия проведена несколько позднее, в царствование Михаила Федоровича, но здесь она не проходила, начинаясь южнее и идя на северо-восток по Малому Черемшану, следовательно, далеко на восток от берега Волги в описываемой местности» [26]. Длина упоминаемых валов приблизительно по 4 км; расположены они от городища километрах в полутора — двух.

Датировка этих последних валов не представляет особого труда, так как их связь с городищем бесспорна, поскольку валы явно защищают его с юга и востока. Археологический материал, в основном керамический, не оставляет никакого сомнения в том, что этот памятник относится к булгарской культуре. Находимая здесь посуда представлена двумя типами: ранняя — довольно грубая, с шероховатой поверхностью от примеси крупнозернистого песка, и обычная лощеная, булгарская, темнокоричневого цвета.

Рядом с этим городищем, в пределах отмеченных валов, находятся курганы, датируемые булгарской эпохой. Напомню курган, исследованный А. А. Штукенбергом, в котором был найден каролингский меч X века, и курган, известный под именем «Шолом», раскопанный В. Смолиным и содержавший рядовые булгарские погребения [27]. Такие же резуль-

таты дали работы Стоянова [28] (хотя В. Ф. Смолин и назвал их неожиданными), П. А. Пономарева и Н. П. Лихачева [29]. Все эти материалы не позволяют сомневаться в указанной дате Балымерского городища и, следовательно, и обороняющих это поселение валов.

Данные археологии подтверждаются самим названием городища. С. Мельников [30] отмечает, что Балымерское селение в старых документах называется Балымат, что заставляет вспомнить, что город с таким именно названием был отдан князю Федору Ростовскому.

Изучая форму валов, можно заметить одну их особенность, которая особенно ярко бросается в глаза в Балымерском городище: они имеют вид дуги, повернутой к неприятелю вогнутой стороной. Таков и вал от Болгара до Красной Слободы в его восточной части. Указанная форма укрепленной линии имеет ряд преимуществ перед прямой, поскольку дает возможность вести наблюдение во фланг, направлять при стрельбе из метательных машин сосредоточенный огонь, а в случае вылазки с флангов легче охватить противника.

Трудно решить вопрос о времени возникновения этой системы укреплений. Балымерское городище существовало в продолжении весьма длительного времени, и описанные валы могут относиться как к раннему времени, так и к более позднему. Не исключается возможность, что они были построены для отражения набега монголов в 1224 году.

Значительно сложнее определить время постройки последнего участка оборонительной линии близ Екатериновки и Новошешминска. Трудность заключается в том, что эта линия попала в полосу поздних засечных черт, построенных русскими в XVII—XVIII вв. Первая из них, которая возникла при Михаиле Федоровиче, проходит от Волги немного южнее Ульяновска через Ерыклинск, Тиинск, Биляр, Новошешминск, Старошешминск, Заинск, Мензелинск и далее к Каме [31].

Вторая линия была начата постройкой в 1732 году от с. Алексеевского, находящегося к востоку от Куйбышева областного, через Красный Яр, Сергиевск и Тарханский лес на р. Кичуй. Остальная часть линии от р. Шешмы до Камы на протяжении 146 км проходила сплошным лесом и состояла из небольшого участка вновь сделанной засеки между редутами Шешминским и Кичуйским, и старинной засеки, прерывавшейся участками старинного же вала. Ф. Лясковский отмечает, что «местность, по которой шла Закамская линия, представляла обширную, местами низменную равнину, на правом фланге открытую, а на остальном пространстве лесистую, где на протяжении около 100 верст ближе к Каме находились остатки... старинной засеки и вала... Довольствуясь этим, хотя и вполне удовлетворительным прикрытием, правительствующий сенат предложил постройку линии довести на первый раз до р. Кичуя, отлагая дальнейшее продолжение ее до речки Ик, впадающей в р. Каму, до другого времени, но эта часть впоследствии вовсе не была возведена» [32]. Замечание Ф. Лясковского о древнем оборонительном вале особенно интересно, хотя и не исключает возможности, что вал относится не к булгарской эпохе, а к более позднему времени, может быть к старой Закамской черте. Для решения вопроса имеет значение характер крепостей на этой линии. На Закамской черте, построенной в XVII—XVIII вв., укреплениями являлись бастионы четырехугольной формы со сторонами в 200—250 м и с одним равелином; более мелкими укреплениями были фельдшанцы — четырехугольники со сторонами в 110—150 м.

Городищ, связанных с описанным валом, известно несколько. Это прежде всего городище у Екатерининской слободы. С. М. Шпилевский в своей работе приводит описание этого памятника, заимствуя его у Иванина: «Оно имеет от 3 до 6 рядов вала, а рвов еще более; посередине имеет перекоп из двойного вала, сверх того особые ветви вала. Из них одна теряется в лесу, другие две доведены до берега реки, не в дальнем расстоянии от укрепления, а последняя уходит до берега реки у деревни Ивановой (Иваново на р. Секенесе.— См. в «Списке населенных мест Казанской губ.», № 3298), и как в этом месте берег высок и крут, составляя до 30 и более градусов, то все пространство, охваченное этими ветвями и берегом, можно считать как бы внешнею оградою укреплений. Пространство это довольно значительное. Кроме цели усилить оборону, не служили ли эти ветви для прикрытия скота, пригоняемого внутрь их в ночное время?.. Тройной, а местами пятерной ряд валов показывает, что укрепление это назначено было для упорной обороны, перекоп из двойного вала подтверждает эту догадку... Из этого описания можно сделать один вывод. Памятник не может относиться ни к старой, ни к новой Закамской черте. Форма заставляет условно отнести его к булгаро-татарскому периоду» [33].

Второе городище, в двух километрах от Новошешминска [34], имеет круглую форму с площадью около 850 кв. м, обведено двумя валами со рвом между ними. Третье — это Арапов городок, точно так же кругообразной формы, с площадью около 360 кв. м. Все памятники связаны с валом.

Форма этого вала, как и первого, заставляет отнести их оба ко времени значительно более раннему, чем старая Закамская черта. С ними связаны два городища, время возникновения которых по одним внешним формальным признакам определить нельзя, для этого необходимы раскопки. Это городища у Сухой Елховки [35] и при устье речки Елховки. Оба они треугольной формы, с площадью 650 и 800 кв. м, обведенные двумя валами со рвом между ними. Наличие в системе вала трех древних городищ позволяет предполагать, что вал впервые был выстроен в ту эпоху, хотя, быть может, он и подвергался ремонту в более позднее время.

К. Иванин, обследовавший старую Закамскую черту, считает некоторые ее участки более древними, насыпанными значительно раньше. Он пишет: «На осмотренной мною части старой Закамской линии от слободы Екатерининской в Чистопольском уезде до окончания у р. Ика в Мензелинском, кроме укреплений, принадлежащих к ней, найдены мною в Чистопольском уезде еще другие, которые по образу устроения и по виду валов и рвов принадлежат к другой эпохе, гораздо отдаленнейшей от занятия нами этого края. Отличительные черты этих укреплений состоят в следующем: 1) вал их веден не по прямой линии, а неправильными изгибами, подобно нашим проселочным дорогам. 2) ров сделан с обеих сторон вала. Глубокую древность этих укреплений можно вывести из следующего: вал их потерял крутость и превратился в отлогие насыпи, все углы и неровности вала и рва загладились, заросли дерном и приняли точно такой вид, какой принимают скаты отлогих гор или оврагов; рвы этих валов почти совсем засыпались. Между количеством земли вала должна быть соразмерность, объем вала должен быть почти равен объему рва. На старой и новой Закамских линиях это почти на всех профилях видно. Здесь видим противное: величина и ширина оставшихся насыпей показывает, что из рвов должно быть вынуто зна-

чительное количество земли, между тем как рвы едва заметны, и так они должны быть занесены постороннею землею. На ровных местах от воды не может быть больших наносов, потому рвы эти засорились от пыли, нанесенной ветром, от согнивающих растений и древесных листьев и пр., но сколько для этого нужно веков? Само устройство этих укреплений, чуждое нашим понятиям о способе обороны, показывает отдаленную эпоху их устроения. Но к какой эпохе принадлежат эти укрепления? Не булгарские ли они, не составляли ли пограничных их крепостей, а вал — пограничную черту их, изменявшуюся несколько раз?» [36].

Наблюдение К. Иванина весьма ценно; ему удалось выделить древний участок, отличающийся по внешнему виду от старой и новой Закамских черт. Повидимому, этот участок и имело в виду русское правительство, предлагая довольствоваться им и не создавать новых укреплений [37]. Иванин в том же очерке [38] отмечает еще небольшой участок близ Шешмы, общим протяжением около 15 км.

Приведенные соображения заставляют видеть в рассмотренном памятнике булгарское укрепление, линию, устроенную для защиты территории царства с юго-востока. Этот вал должен был защищать столицу Булгарии в XIII веке — Великий город и восточные районы. Он мог быть выстроен или в XIII веке для обороны от монголов, или в X веке, когда на булгар нападали хорезмийцы, о чем пишет ибн-Хаукаль [39]. Удар монголов, как известно, был нанесен именно по этому направлению — на столицу государства, Великий город, и на Керменчук, находившийся на р. Кирмень, правом притоке Камы. Однако некоторые соображения заставляют с большим основанием отнести постройку вала к более позднему времени — к XIII веку. В X веке границы Булгарского царства проходили значительно южнее. В эти границы тогда входила Самарская лука, где найден ряд памятников булгарской культуры, в частности городище у д. Валы, и несколько памятников по Б. Черемшану. Здесь ряд мест носит имя Биляр. Известно также булгарское городище и другие памятники у д. Сульнелеевой. Археологических раскопок по течению этих рек не было, но среди подъемного материала найдено немало булгарской керамики. Все эти данные заставляют отнести сооружение вала к XIII веку. За это говорит и тот факт, что в XIII веке булгарская граница проходила где-то около р. Яика, о чем можно судить по летописному замечанию под 1229 годом, когда произошел второй набег татар на Булгарию: «Саксини и Половци възбегоша из низу к Болгаром перед Татары; и сторожеве Болгарьскыи прибегоша, бьени от Татар близь реки, ей же имя Яик» [40]. Очевидно, не имея сил оборонять далекую степную границу, булгары решили создать укрепленный рубеж в лесах, где и выстроили вал, прикрывший территорию Биляра и восточные районы государства.

В 1232 году начался поход монгольской армии на Европу [41]. Тогда на эту черту и могли наткнуться монгольские отряды в своем движении к столице булгар. Булгары в этот раз оказались на высоте положения. Монголы не смогли пробиться и простояли на месте 3—4 года. Несомненно, в защите вала сыграли большую роль объединенные действия булгарских князей, так как для эффективной защиты такого большого вала понадобились и большие силы. В 1235 году на монгольском курултае в Каракоруме было решено оказать помощь отрядам, отправленным на завоевание Булгарии. Сообщение об этом, которое мы находим у Рашид-Эддина, повторяет и Джувейни. После этого, когда собралась огромная армия, монголы разбили булгар и захватили их города. Же-

стокая расправа с булгарами, о которой говорят источники, косвенно подтверждает упорное сопротивление булгар завоевателям.

Вторая половина XIII века и первая половина XIV века были временем сравнительно спокойного существования булгар. Пользуясь создавшейся политической обстановкой, булгары в половине XIV века сумели восстановить свои города. Крупную роль в этот период стали играть города Болгар и Жукотин.

С 60-х годов XIV столетия снова начались нападения русских. Эпопею военных действий открыли новгородские ушкуйники своим походом 1360 года. По кратким записям летописей трудно судить о тактике булгар. Произошли ли к тому времени какие-либо сдвиги в их военном искусстве — сказать трудно. Единственное свидетельство о походе суздальцев на Казань в 1276 году как будто говорит о прежней тактике булгар, рассчитанной на использование конницы.

Картина, нарисованная летописцем [42], довольно ясна. Татары (булгары), выйдя из города, пытались внести расстройство в ряды русских, обстреливая их из луков и самострелов. С этой же целью была пущена кавалерия на верблюдах, после чего напуганные «кони русских вой полошающе». Однако русские стойко выдержали обстрел и булгары принуждены были укрыться в городе.

Это краткое сообщение весьма напоминает одно событие начала XIII века — взятие Ошеля русскими в 1220 году. Тогда точно так же булгары, обстреляв русских, не приняли боя и скрылись в городе. Это сопоставление как будто говорит о том, что большой эволюции в военном искусстве булгар не произошло, и что булгары, находясь в осаде, пользовались старыми приемами обороны. Судя по источникам, завоеватели-монголы не оказали заметного влияния на военное искусство булгар. Монголы, обладавшие прекрасной кавалерией, в своих китайских войнах уже научились брать города, даже окруженные каменными стенами. Плано Карпини отмечает, что для осадного дела каждый монгол обязан был иметь шанцевый инструмент и веревки для привязывания к сёдлам частей осадных машин. Они знали стенобитные машины-пороки, знали и «греческий огонь». Производя осаду, монголы нередко прибегали к подкопам, умели отводить от городов осажденных воду.

Судя по данным русской летописи, тактика осады городов булгаро-татарами оставалась прежней. Очень показательна осада Нижнего Новгорода в 1396 году, в которой принимал участие казанский царевич Ентяк. В летописи записано: «6904. Того же лета князь Семен Дмитриевич Суздальскыи и Нижнего Новагорода собра воинство своя, а с ним царевич Ентяк с Татары и прииде к Новугороду Нижнему, и стоа у града долго, и града не взял; а тогда... татарове преступиша роту свою и пограбиша весь Новъград Нижний, и возвратишася в свою землю в Казань, много зла сотвориша». В данном случае способ взятия Нижнего весьма напоминает аналогичный приём взятия Устюга «лестию».

Никакого особо ощутимого прогресса в военной тактике булгар не произошло и позднее, в эпоху Казанского ханства, когда казанские татары имели хорошую конницу, а пехота и артиллерия у них были слабы.

Инженерное крепостное дело как у ранних булгар, так и позже, не уступало соседям. Татары являлись хорошими мастерами обороны и умели создавать засады. Интересны их засады, в которые попали флотилии князя Ярослава в 1469 году и князя Палецкого в 1524 году.

Вся военная история булгар показывает, что они уступали русским в полевом военном искусстве, но военно-инженерное дело у них стояло на

должной высоте. Причиной слабости булгар были их тактика, рассчитанная на конницу, мало пригодная в борьбе с русскими, обладавшими прекрасными пешими дружинами. Монголы, применявшие эту тактику в XIII веке, одерживали свои победы главным образом благодаря численному превосходству.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. А. Штукенберг. Древняя курганная могила около дер. Булымер в Спасском у. Казанской губ. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. X, в. 2, Казань, 1892, стр. 159.

[2] Д. Н. Анучин. О некоторых формах древнейших русских мечей. Труды VI Археол. съезда в Одессе в 1884 г., т. I, стр. 243, табл. 1, рис. 1, Одесса, 1886.

[3] В. А. Прохоров. О древних саблях с греческими, славянскими и другими надписями. Труды II Археол. съезда, СПб., 1881, отд. IV, стр. 195—202.

[4] Н. Ф. Катанов. О сабле с греческой надписью. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXVI, в. 1, 2, Казань, 1910, стр. 55—59.

[5] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Спб., 1870, стр. 93.

[6] Материалы по охране, ремонту и реставр. памятн. ТАССР, т. III, Казань, 1929, стр. 26.

[7] ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 83.

[8] Там же, стр. 83.

[9] Д. Н. Эдинг. Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928, стр. 25—36.

[10] План городища приведен К. И. Невоструевым в Трудах I Археол. съезда, т. II, стр. 589, план Четырехугольника имеется в работе А. А. Спицына «Приуральский край». (См. Материалы по археол. восточн. губ. России, в. 1, М., 1893, табл. 6, рис. 38).

[11] Казанские губ. ведомости за 1847 г., № 44.

[12] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Каз. губ. Казань, 1877, стр. 329.

[13] Отчет Археол. комиссии за 1869 г., СПб., 1870, стр. XX.

[14] Изданы в 1874 г. Казанским губ. статистич. комитетом.

[15] А. Обрезков. Следы древнего поселения в окрестностях гор. Спасска, Казанской губ. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. X, в. 2, Казань, 1892, стр.147.

[16] С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 326.

[17] Там же, стр. 327, № 9.

[18] Там же, стр. 327, № 10.

[19] Там же, стр. 328, № 12.

[20] «Россия», полное географическое описание нашего отечества, т. VI, СПб., 1901, стр. 115.

[21] «Россия», т. VI, стр. 115.

[22] А. П. Смирнов. Очерки по истории волжских булгар. Труды ГИМ, в. XI, М., 1940, стр. 90—91.

[23] Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т XI, в. 4, Казань, 1893, стр. 377.

[24] Н. Артемьев. Заметки о городищах Казанской губ. (Предисловие к списку населенных мест Казанской губ., стр. XXXII).

[25] Казанские губ. ведомости за 1858 г., № 14, 15.

[26] С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 307.

[27] В. Ф. Смолин. Раскопки «Шолома» в сел. Балымерах, Спасского кантона ТАССР в 1925 г. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXXIII, в. 2—3, Казань, 1926, стр. 113.

[28] Приложение к протоколу засед. О-ва естествоиспыт. при Каз. унив. 21 апр. 1871 г.

[29] Отчет Археол. комиссии за 1893 г., СПб., 1894, стр. 95—96.

[30] С. Мельников. Замечательные селения по Волге. Казанские губ. ведомости за 1858 г., № 15.

[31] Ф. Лясковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. 1, СПб., 1858, стр. 25.

[32] Ф. Лясковский. Указ. соч., ч. 3, СПб., 1865, стр. 89.
[33] С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 371.
[34] Там же, стр. 373.
[35] Там же, стр. 372.
[36] К. Иванин. Описание Закамских линий. Вестник Географич. о-ва за 1851 г., ч. 1.
[37] Ф. Лясковский. Указ. соч., ч. 3, стр. 89.
[38] К. Иванин. Указ. соч., стр. 75.
[39] А. Я. Гаркави в книге «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (СПб., 1870) приводит следующую цитату из этого автора: «Часть этих товаров доходила до Хорезма вследствие того, что хорезмийцы часто вторгаются в земли болгар и славян, совершая на них походы и набеги и захватывая их в плен».
[40] ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 192.
[41] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 138.
[42] Там же, стр. 133—134.

ГЛАВА VI

РЕМЕСЛА И СТРОИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО

Письменные документы по истории булгар крайне малочисленны, фрагментарны и не позволяют детально изучить многие стороны их политической и культурной жизни. Это заставляет положить в основу изучения вопроса о ремеслах в Булгарии археологический материал, довольно всесторонне освещающий вопросы технологии и отчасти самую организацию ремесленного производства.

Археологические коллекции Государственного музея ТАССР в Казани, Государственного Исторического музея в Москве, коллекция Заусайлова в Хельсинки и собрание Эрмитажа в Ленинграде представляют достаточные материалы по технологии ремесла и позволяют высказать некоторые соображения о наличии у булгар ремесленных организаций.

Булгарское царство было одним из немногих государств средневековой Европы, в котором в наиболее короткий срок создались условия для высокого развития ремесленного производства в ряде отраслей.

И это не было случайностью. Не нужно забывать, что город Болгары являлся крупнейшим торговым транзитным пунктом в передвижении товаров с востока на северо-запад. Здесь не только продавали меха и получали за них привозимые с Востока предметы роскоши, но и сами производили предметы роскоши в большом количестве. Не случайно на территории булгарских городов собраны крупнейшие коллекции самых разнородных предметов, значительная часть которых специально изготовлялась для вывоза в соседние государства и области.

В отношении богатства и разнообразия вещественного материала город Болгары является почти исключительным памятником. Его богатство — лучшее свидетельство крупного ремесленно-торгового значения этого города. Это не только суждение историков, изучавших Болгары по прошествии тысячелетия, но такое же впечатление богатства и большой культурности города Болгара получали и современники: «Рече Добрына Володимеру: съглядах колодник, оже суть вси в сапозех; сим дани нам не даяти, поидем искать лапотников» [1]. В этих словах русской летописи звучит явное признание высокого культурного уровня булгар.

Для освещения широкого размаха торговли булгар можно также привести летописные сообщения [2] и свидетельства арабских путешественников [3]. Все они позволяют сделать вывод о крупном развитии ремесел в известнейших населенных пунктах Булгарии. Болгары, Биляр, Сувар, Жукотин, Брахимов, Ошель — все это довольно крупные города, окруженные ремесленными пригородами.

О Болгарах и Суваре арабские путешественники говорят, как о центрах торговой жизни: «Булгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город — Сувар, где также находится главная мечеть. Мусульманский проповедник Булгар сказал автору, что число жителей обоих этих городов простирается до десяти тысяч». И дальше: «Булгар есть небольшой город, не имеющий многих владений, известен же был он потому, что он главнейший торговый пункт этих государств. Но руссы ограбили его... в 358 году» [3а].

Биляр, столица государства в XII — в начале XIII века, упоминается русский летописью как «Великий город»: «Пришед в землю болгарскую и выседе на берег поиде к Великому городу и ста у Тухчина-городка»... Более кратко упоминаются и другие города без какой-либо характеристики в связи с политическими событиями.

Археологические исследования показали, что города Болгар, Биляр и Сувар имели большие пригороды, населенные ремесленниками. Городской посад, исследованный П. Пономаревым, открыт и около Жукотина.

Первоначальное отделение ремесла от сельского хозяйства, связанное с возникновением городов, стоит на рубеже классового общества, и только одна область ремесла имеет глубокие корни в прошлом — это металлургическая. Раннее выделение металлургии еще в недрах первобытной общины объясняется трудностью и сложностью производственного процесса. Такую картину мы можем наблюдать всюду, как у русских, так и у народов Прикамья [4]. То же самое было и в Греции [5]. Однако в среднем Поволжье металлургическое производство в этоху доклассового общества не было сильно развито. Происшедший к X веку переход к плужному земледелию потребовал от ремесленников большого количества крупных железных орудий.

О широком развитии земледелия в Булгарии можно судить по археологическим материалам и письменным документам (свидетельства арабских путешественников, русские летописи и найденные древние земледельческие орудия) [6]. К сожалению, почти все орудия обработки земли из разных собраний принадлежат к числу случайных находок, и вопрос об их датировке может быть решен только условно. Единственным датированным является сошник, найденный на кургане Шоломе в д. Балымеры, Куйбышевского р. ТАССР, поступивший от В. В. Егерева в Государственный музей ТАССР [7]. Этот тип сошника широко распространен в северо-восточной Европе. В коллекции А. Ф. Лихачева [8] имеется большое количество таких орудий. Поздняя граница даты не совсем ясна, во всяком случае в XIV—XV вв. этот тип продолжал существовать. В коллекции Государственного Исторического музея в Москве хранится поздний сошник из Муранского могильника.

Типы сошников весьма различны по размерам и форме. Мелкие делались из одного куска железа треугольной формы, причем края загибались внутрь, в результате чего получалась трубица для прикрепления к станине плуга. Крупные экземпляры приготовлялись из двух пластин треугольной формы и тогда отдельные пластины склепывались; дальнейшая обработка получавшейся большой пластины производилась обычным путем. Нередко края сошников оковывались пластиной. Такие сошники ставились на тяжелые плуги, предназначенные для степного грунта; необходимой принадлежностью подобных плугов являлись резаки. В коллекции Лихачева резаки известны двух типов: прямые и ко-

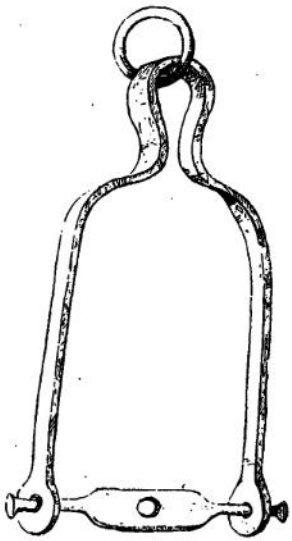

Рис. 17.

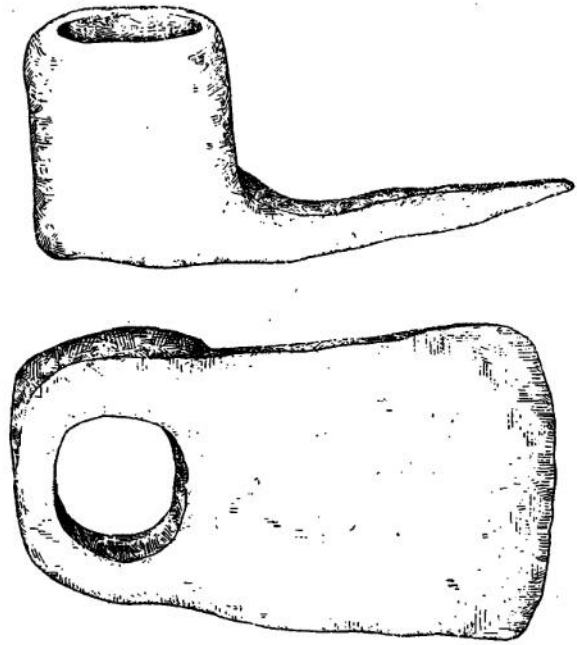

Рис. 18–19.

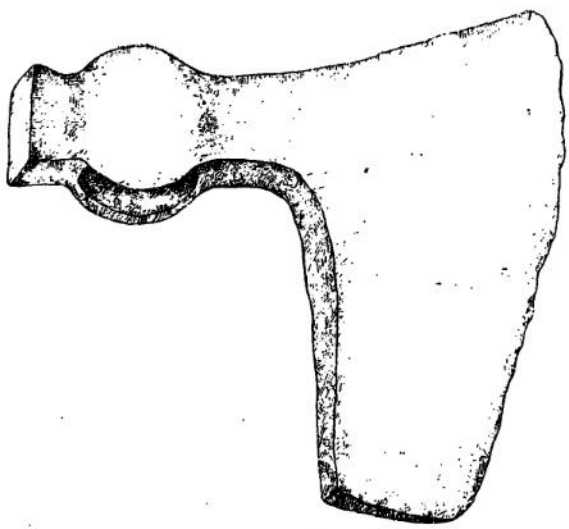

Рис. 21.

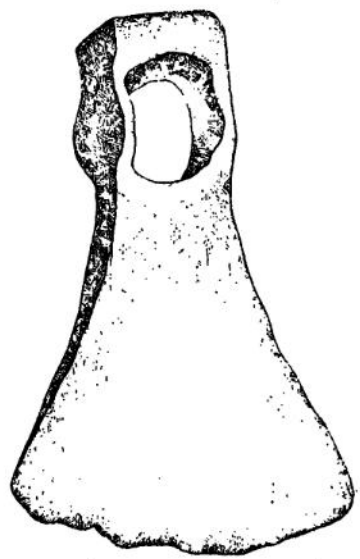

Рис. 22.

Рис. 17. Рамка от плуга для регулирования глубины вспашки.—*Рис. 18—19.* Ручная мотыга (вид сбоку и сверху) для обработки почвы.—*Рис. 21.* Топор XIII—XV вв.—*Рис. 22.* Плотничное тесло.

ленчатые, длиной около 50 см. В той же коллекции хранится кольцо с рамкой для регулирования глубины вспашки (рис. 17). Все эти части, принадлежащие тяжелому плугу для вспашки степной почвы, применялись наряду с сошниками плугов облегченного типа, близкие по форме к пермским, которые, повидимому, употреблялись на более легких лесных почвах [9]. Кроме сошников встречаются и мотыжки (рис. 18—19). К земледельческим же орудиям относятся серпы (рис. 20) весьма развитой формы. А. В. Арциховский выделил особый тип серпа, назвав его «булгарским» [10].

К категории сельскохозяйственного инвентаря надо отнести топоры и тесла (рис. 21—27). Типы их довольно диференцированы, но в основном сводятся к двум: 1) удлиненный, с проухом и щековицами и 2) с широким вислым лезвием (представлен несколькими вариантами). Первый тип датируется находками в мордовских могильниках лядинского типа X—XI вв. Некоторые исследователи считали топоры второго, более развитого типа славянскими. Однако они встречаются и в районах с неславянским населением, например, в Прикамье, в городищах и некоторых погребениях местного населения. По материалам городищ их можно датировать приблизительно начиная с XII века. Появление здесь этих орудий стоит в связи с началом больших вырубок лесов под пашню.

Топоры золотоордынской эпохи в основном иного типа, без щековиц. Они богато представлены в Муранском могильнике [11].

Весь этот развитой ассортимент земледельческих орудий требовал большого количества железа. Для того, чтобы земледелие могло совершить переход от мотыги к плугу, необходимо было высокое развитие добычи металла.

В 1947 г. при исследовании Болгарского городища были открыты горны, так называемые сыродутные (табл. II, рис. 28). Одни из них имели правильную цилиндрическую форму, другие приблизительно бочкообразную, с закруглением от свода, диаметром в середине в 1—1,1 м. Высота их различна — от 0,8 до 1,13 м. Сложены были эти горны из сырцового кирпича размерами $20 \times 22 \times 5$ или $20 \times 20 \times 4$ см и других близких размеров. Внутренние стенки горнов на глубину 5—8 см прокалены настолько, что производят впечатление сплавившейся массы. Пол горнов состоит из нескольких слоев прокаленной глины.

При обработке крицы, получаемой при выплавке металла на костре или в сыродутном горне, требовался тяжелый молот для проковки тестообразной массы и очистки ее от шлака. С этой целью в Прикамье долго пользовались каменными молотами. В качестве примера укажу на такие орудия из собрания Н. Г. Первухина [12], относящиеся к X—XII вв. н. э. У булгар же мы встречаем в это время уже железные тяжелые массивные кувалды в 12 см длины и 8 см ширины (рис 29) [13]. В собрании Лихачева есть несколько штук таких молотов. Из других орудий кузнечного дела отмечу наковальни разных размеров и типов.

Ассортимент орудий дополняют кузнечные молотки разных типов и размеров. Почти все они дублированные, имеют один рабочий край — квадратный и плоский, а другой или в виде острого пробойника, или в виде зубила. Кроме того, встречаются разного размера кузнечные клещи и отдельные зубила для отрезания металлических пластин. Многие из них сильно сработаны (рис. 30—36) [14].

Для более мелких фигурных поделок употреблялись небольшие фигурные наковальни (рис. 37—40); они имеют рабочую часть в виде плос-

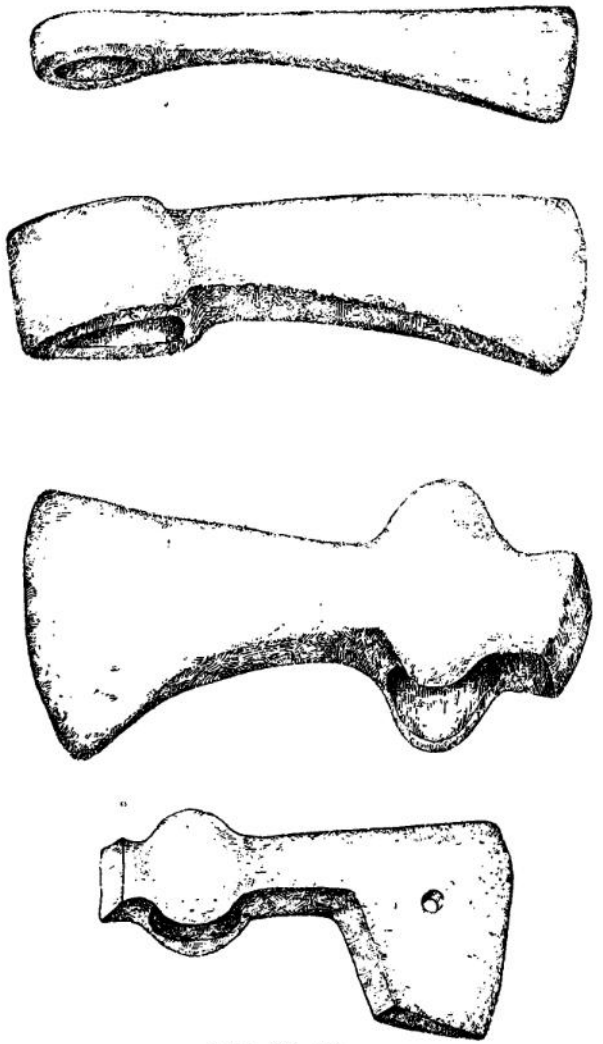

Рис. 23—26.

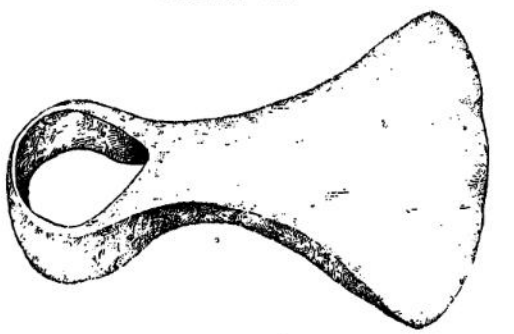

Рис. 27.

Рис. 23—26. Сельскохозяйственные и плотничные топоры XIII—XV вв.
Рис. 27. Плотничное тесло.

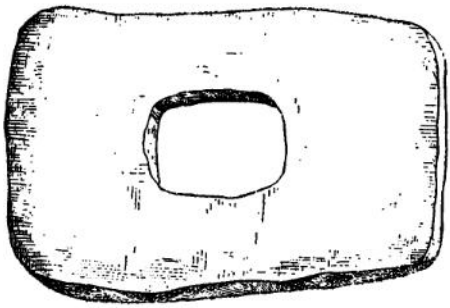

Рис. 29.

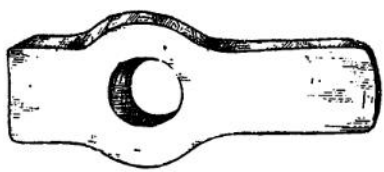

Рис. 30.

Рис. 31.

Рис. 32.

Рис. 33.

Рис. 20.

Рис. 34

Рис. 35.

Рис. 36.

Рис. 20. Булгарский серп.—*Рис. 29.* Железный молот (кувалда) для проковки криц. *Рис. 30.* Кузнечный молоток.—*Рис. 31—35.* Зубила,—*Рис. 36.* Кузнечные клещи.

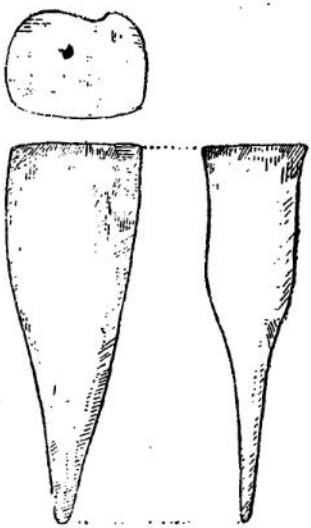

Рис. 37.

Рис. 38.

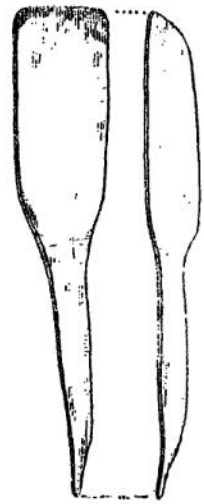

Рис. 39.

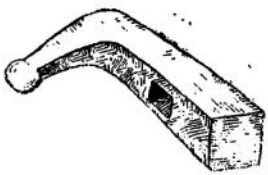

Рис. 43.

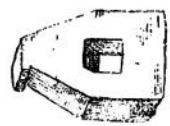

Рис. 44.

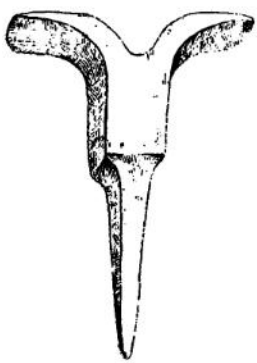

Рис. 40.

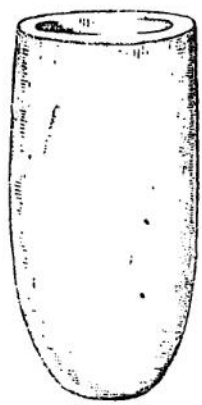

Рис. 42.

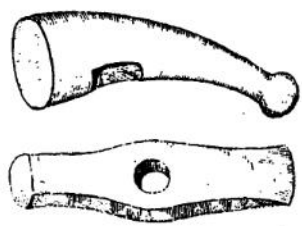

Рис. 45.

Рис. 37. Кузнечная наковальня.—*Рис. 38—40.* Наковальни медников и чеканщиков. *Рис. 42—45.* Тигель и молотки медников, чеканщиков и ювелиров.

кого квадрата или в виде полукруглых пластинок с углублением посредине. Такой сложный набор орудий говорит о большом развитии и высокой технике кузнечного дела.

Весьма интересным предметом, указывающим на высокую культуру быта и производства, является чугунный котёл. Его находка при раскопках 1947 года явилась большой неожиданностью для археологов и вызвала даже подозрение, не попал ли котел в землю в более позднюю эпоху. Однако тщательное изучение культурных напластований, произведенное З. А. Акчуриной, не обнаружило никаких признаков, позволяющих предполагать более позднее нарушение наслоений XIV века. Горизонт культурного слоя над котлом никогда не нарушался, и котел действительно лежал в слое XIV века. Таким образом эта находка является одним из наиболее ранних образцов чугунного литья в Европе.

Вообще находки чугунных вещей в памятниках Поволжья золотоордынского времени не являются редкими. Обломки котлов были найдены в бане XIV века, так называемой Красной палате в Болгарах в 1940 году, подобные же находки известны и в Сарае Берке, и в Увеке, и в других местах. В 1907 году В. А. Городцов нашел обломки литых котлов в Моджарах в слое, относимом к XIV веку [15].

Среди других образцов булгарской металлургии обращают на себя внимание некоторые предметы особенно высокой техники. Таковы, например, боевые или парадные железные топоры с поверхностью, покрытой растительным орнаментом. По форме некоторые из них напоминают типы удлиненных узких топоров X—XI вв. Орнамент их типичен для украшений того времени. Большинство находок фигурных топоров падает на территорию Булгарского царства. Типы их довольно разнообразны. Некоторые украшены на концах фигурками животных и растительным орнаментом; такие топоры датируются XIII—XIV вв. Другие относятся к более раннему времени, XI—XII вв. Большое распространение подобных топоров в Поволжье свидетельствует о местном их производстве. Богато украшенные топоры представляют собою парадное оружие — секиры [16], упоминаемые восточными писателями: «Каждый из них имеет при себе неразлучно меч и секиру, мечи же их суть широкие волнообразные клинки франкской работы» — говорит ибн-Фадлан (табл. III, рис. 13).

Часто встречаются железные стрелы самого разнообразного вида. Известны втульчатые стрелы: плоские, овальные и треугольные; черешковые: плоские, треугольные, многогранные; стрелы типа срезней: вильчатые и плоские. Среди стрел имеются экземпляры с тупым концом. В коллекциях музеев встречаются также копья, дротики, копья с длинной втулкой для пробивания щитов. Большое количество такого оружия говорит, с одной стороны, о развитии военной организации, а с другой — о большом размахе производства.

На территории Булгарского царства нередки находки рогулек или рогаток о четырех острых шипах, разбрасывавшихся на ровном поле для защиты от конницы.

Остановимся на вопросе о кольчугах, найденных на территории Булгарии. Они известны по коллекции Лихачева, где представлены небольшими фрагментами, по которым трудно что-либо сказать о форме кольчуг в целом. Однако можно предполагать, что и кольчуги являлись предметом местного производства. У восточных писателей кольчуга упоминается в качестве обычной части булгарского вооружения: «Они имеют лошадей, кольчугу и полное вооружение...» — говорит ибн-Русте [17]. Нужно отметить, что, характеризуя привозное оружие, восточные писа-

тели делают при этом оговорку. Как отмечено выше, на это обратил внимание ибн-Фадлан, характеризуя вооружение руссов, которых он наблюдал на р. Итиль (Волге) [17]а. Или у ибн-Русте есть замечание: «Мечи у них сулеймановы» [18]. О привозных кольчугах эти писатели совсем не упоминают, а если мы учтем, что кольчуги стали известны в степях с появлением сарматов, т. е. с большой древности, то нет никаких оснований отрицать местное их производство. Это не исключает возможности привоза некоторых кольчуг с востока.

Сабли и мечи, известные в булгарских коллекциях, в большей их части не местного производства. В собрании Лихачева есть три экземпляра этого оружия. На одном из них имеется изображение богоматери и греческая надпись. Меч датируется XVII веком. Второй меч украшен насечками серебром и золотом в виде рун, которые, по мнению Лихачева [19], отчасти напоминают скандинавские. Третий меч происходит из могилы X века около д. Балымер и относится к мечам скандинавского типа [20]. В собрание Государственного Исторического музея в Москве с той же территории поступило несколько мечей франкского типа. Эти факты, а также сообщения арабских путешественников, считавших булгарские мечи привозными и, повидимому, довольно редкими (так как в числе обычного оружия они не упоминаются), заставляет исключить их из предметов вооружения местного производства. Иное дело однолезвийные прямые сабли, известные в Поволжье с IV века. Эти сабли, несомненно, местной работы.

Мукаддес в своей книге «Разделения в познании климатов» отметил в числе вывозимых из Булгарии вещей меха, юфть, мечи, кольчуги [20]а.

Наконец, из предметов вооружения, производившихся булгарскими ремесленниками, надо назвать бронзовые булавы круглой или грушевидной формы, с поверхностью, покрытой выступами. Изготовлялись они путем отливки в сложных формах, о чем можно судить по сохранившимся на их поверхности швам. Тип этих вещей бесспорно местный.

Итак, все оружие, найденное на территории древней Булгарии, за исключением мечей, местного производства. Рассматривая отдельные предметы, можно заметить поразительное их однообразие. Если понятно большое сходство отдельных литых вещей, которое может быть объяснено тем, что вещи вышли из одной формы, то такое же сходство отдельных экземпляров кованых предметов, особенно заметное на парадных топорах, заставляет видеть в этом признак известной унификации их производства. Изучение железных вещей дает право говорить о диференциации кузнечного дела.

Нет оснований полагать, что весь сложный комплекс этих вещей мог изготовляться в одной мастерской. Едва ли парадный топор с инкрустацией, кольчуга и грубый лемех были делом одного мастера. Вероятнее всего, что уже в эту эпоху произошло разделение кузнечного производства на ряд отраслей, т. е. произошла специализация, характерная для городов средневековья. Это разделение началось с X века. На X век указывают датируемые этим временем сошники [21] и другие вещи.

Железные топоры удлиненной формы датируются по аналогичным находкам в Лядинском и Максимовском могильниках. Некоторые типы топоров встречаются и позднее, в XII—XIII вв. Описанный выше набор стрел также определяется X веком и более поздним временем. Кольчуги, имеющиеся в коллекциях булгарских вещей, не могут быть точно датированы, но замечу, что в Закамье, в погребении Юмского могильника X века, был найден фрагмент такой же кольчуги [22]. Известные в большом

количестве парадные боевые топоры, напоминающие топоры удлиненной формы обычного типа со щековицами и четырехгранным обухом-молотком, датируются довольно ранним временем. Их можно указать, например, и в Борисовском могильнике [23], и в ряде грунтовых могильников Прикамья, и в могильниках Лядинском [24] и Томниковском [25]. Орнамент на этих топорах, например на экземпляре из коллекции Заусайлова, состоит из расположенных в два ряда треугольников и спиралей. Это орнамент, часто встречающийся на вещах местного производства в Болгарах и в Закамье в X—XI вв. Эти данные позволяют не согласиться с мнением А. А. Спицына, датирующего парадные топоры XIV веком [26]. Один из вариантов описанных парадных топоров В. А. Городцов датирует XI веком [27], но, исходя из указанных сопоставлений, их следует отнести к X веку. Можно полагать, что именно в то время происходила диференциация производства: выделились черные кузнецы, делавшие замки, пробойники, гвозди, ножи и другие подобные предметы, а вместе с тем появились оружейники и мастера по производству бытовых вещей.

Особо нужно остановиться на выплавке железа. Ею занимались в местах, богатых рудой. Такие месторождения, отмеченные на территории Булгарского царства во многих пунктах, известны в народе под именем чудских копей [28].

Следы древних мест выплавки железа найдены в Татарской АССР по левому берегу Волги, в Куйбышевском р., вблизи д. Балымеры, где встречен культурный слой с содержанием большого количества окалины (шлаков). В долине р. Утки, недалеко от впадения её в Волгу, под дерновым слоем также обнаружен слой шлаков. Самые слои не дали вещей, по которым можно было бы точно датировать оба поселения, но слой шлака в долине р. Утки связан с городищем, известным под именем Уткинского городка, а там найдены вещи и монеты, относящиеся к двум эпохам, к X—XI вв. и к XIII—XIV вв., так что это место выплавки железа можно датировать тем же временем.

Древние места выплавки железа открыты непосредственно близ больших залежей железного колчедана. Весенние воды, размывая овраги, выносили куски колчедана и добыча его здесь не представляла никаких трудностей. Что на таких местах производилась только выплавка железа из руды с проковкой без дальнейшей обработки крицы, доказывает отсутствие находок полуфабрикатов или производственного брака, которые обычно встречаются во всех кузнечных мастерских, как это было видно при раскопках ряда городищ в Прикамье. К сожалению, кузнечные мастерские крупных булгарских городов еще не исследованы и только приведенные выше факты дают право говорить об отделении кричников, работавших в местах добычи руды над выплавкой железа, от мастеров непосредственной обработки готового металла.

Как показали раскопки последних лет, выплавка железа происходила также и в городах. На городище Великие Болгары были открыты сыродутные горны и более поздние плавильные печи XIV века для плавки чугуна.

Ежегодно при раскопках в Болгарах археологи открывают остатки чугунолитейного производства, относящиеся к XIV веку. Было обращено внимание на местонахождения этих остатков, которые были учтены и картографированы. Оказалось, что они залегают в слоях, в которых расположены литейные горны. В 1949 году на участках близ одной литейной печи в том же горизонте было собрано около 10 000 кусков чугунного литья. Это дает право говорить о местном производстве чугуна в XIV ве-

ке В 1949 году остатки чугуннолитейного производства были обнаружены в самом нижнем горизонте золотоордынского слоя начала XIV века, или, может быть, конца XIII века. Открытые чугуннолитейные печи представляют собою глинобитные сооружения боченкообразной формы в диаметре около 1 м и предполагаемой высоты до 3 м (сохранившаяся высота достигает 1,5—1,75 м). Горны имеют покатый пол и систему дутья, расположенную в двух ярусах. В верхнем ярусе количество отверстий достигало 20—26, что позволяло литейщикам получать высокую температуру, при которой и выплавлялся чугун. Одно-два отверстия, сделанные в нижнем ярусе, не позволяли чугуну при опускании вниз затвердевать (мнение инженера Я. С. Голицына). Исследованием Б. А. Колчина установлено, что температура плавления найденного в Болгарах чугуна должна была колебаться около 1 000° (табл. III, рис. 41).

Из чугунных изделий болгарской культуры, хранящихся в собрании Государственного музея ТАССР, интересна одна чаша, напоминающая по форме глиняные сосуды ананьинской культуры. Последняя форма сохранялась вплоть до XIV века. Находка этого сосуда еще раз подтверждает местное производство чугунной посуды.

Большинство кузнецов-ремесленников группировалось вокруг городов, о чем свидетельствуют находки в пригородах Болгара, Сувара и Биляра большого количества остатков кузнечного производства.

Помимо городских ремесленников были у булгар и деревенские кузнецы. Например, при обследовании селища, расположенного в районе р. Бездны между г. Куйбышевым-Татарским и селением Куралово, А. Обрезков открыл наряду с могильником культурный слой, покрывавший могилы. В этом слое, помимо обломков посуды, найдены шлаки [29]. Это селище датируется находками обломков посуды булгарского типа [30]. Другое селище, на котором, судя по данным А. Лихачева [31], существовала деревенская кузница, находится также недалеко от Куйбышева, близ южного конца с. Полянок, по дороге в д. Зеленовку. Там при распашке был вскрыт культурный слой, в котором найдены железные вещи и шлаки. Эти немногочисленные факты указывают на существование деревенских кузнецов. Приходится пожалеть, что булгарская деревня до сих пор не подверглась еще детальному научному изучению.

Медники занимали не последнее место в ремесленном производстве булгарских городов. В коллекции Лихачева, хранящейся в Казани, имеется ряд орудий труда, разнообразных поделок и полуфабрикатов из меди. Целый ряд инструментов медников и кузнецов идентичен и трудно провести между ними грань. Не будет также большой ошибкой включить их в число орудий кузнецов и оружейников.

Прежде всего, известны тигли, один из них крупных размеров, сохранившиеся в виде фрагментов, и другие небольшие в виде конических сосудов; молотки для ковки с концом, напоминающим современные типы; плоские зубила для отрубания кусков меди 6—8 см длины, при ширине рабочего края от 1,5 до 3 см; пробойники конической формы до 10 см длины; кузнечные щипцы с плоским рабочим краем для прихватывания. На типах наковален можно не останавливаться, так как они описаны в инвентаре кузнецов (рис. 42—45).

Главной продукцией медников можно считать металлические котлы, большей частью медные. Делались они из листовой меди и имели цилиндрическую форму с закругленным дном. Дно и стенки котлов в большинстве случаев склепаны. Ушки для ручек обычно ставились железные.

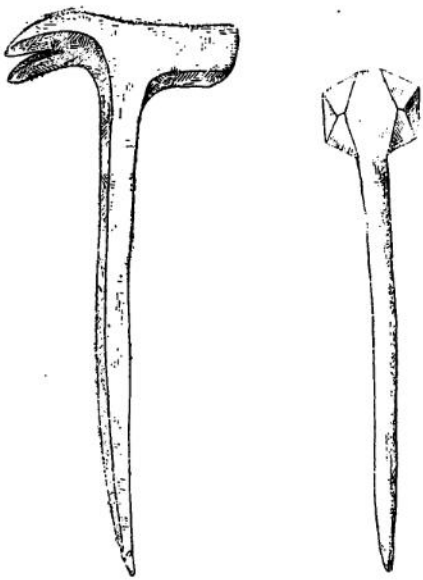

Рис. 52—53. Наковальни ювелиров.

Такие котлы найдены на территории Болгара, Биляра и других городов. Они, несомненно, бытовали и в домонгольскую эпоху. Так как эти вещи не датируются по стратиграфическим данным городищ, то не лишним будет указать аналогии в ранних памятниках — в Лядинском могильнике, в Приладожских курганах, в материале Прикамья IX—X вв. и в других местах.

Говоря о работе медников, которые занимались и литьем меди, необходимо остановиться еще на одной довольно многочисленной категории предметов, имевших широкое распространение в городах того времени, на бронзовых зеркалах (табл. III, рис. 46—51). Большинство зеркал, к сожалению, найдено в фрагментарном виде. Размер их колеблется от 4 до 15 см в диаметре. Одна сторона зеркала обычно тщательно отполирована, другая покрыта орнаментом. Орнамент делался рельефный и получался в литейной форме; сюжет орнаментации различный. Часто встречаются изображения бегущих животных, рыб, растительные узоры. Нередко по краю зеркала делались надписи. Многие из зеркал имеют ободок для предохранения от повреждений орнамента и надписей. Часть зеркал привозилась с Востока и из Китая[32], что доказывается наличием на зеркалах китайских и куфических надписей. Сравнивая восточные и китайские оригиналы с произведениями булгарских ремесленников, можно отметить своеобразие в выборе металла и орнамента для отделки последних. Примером импортных зеркал может служить китайское зеркало с изображением двух рыб[33]. Тщательная полировка и высокая художественная отделка резко отличают это зеркало от других из той же коллекции зеркал с аналогичными фигурами рыб, но трактованных в несколько ином стиле.

Особенно резко бросаются в глаза предметы местной работы, в которых мастера пытались подражать восточным и китайским надписям. Часто, не понимая смысла надписей, булгарские ремесленники просто копировали буквы. Такие подделки сразу выдают местную работу. Судя по количеству находок, большинство вещей производилось на месте еще в домонгольскую эпоху.

Для монгольской эпохи характерны типы зеркал, находимые в золотоордынском слое Болгарского городища и в городищах нижнего Поволжья. Одно такое зеркало украшено с обратной стороны рельефным рисунком, изображающим двух львов, стоящих на задних лапах спиной друг к другу, с головами, обращенными к зрителю (табл. III, рис. 51); хвосты их изогнуты, передними лапами они упираются в крае-

вой валик зеркала; свободное пространство заполнено ветками трилистника. Характер львиных фигур, трактовка мышц, хвоста и почти четырехугольных морд с типичными губами позволяет сближать эти фигуры с аналогичными изображениями более ранних сасанидских памятников, где на ряде блюд со сценами охоты львы переданы в подобной же трактовке, а иногда даже и в подобной позе [34]. Нет ничего удивительного, что в странах Востока так долго удерживались традиции сасанидского искусства. К. В. Тревер отмечает, что даже в Западной Европе, спустя несколько веков после падения сасанидской династии, прочно держался ряд приёмов сасанидского декоративного искусства [35]. По окружности и этого зеркала идет надпись в витиеватом восточном вкусе: «Слава и долгодействие, счастье и блеск, возвышение и хвала, блаженство и высочество, власть и процветание, могущество и божеская милость владельцу сего навсегда» (Перевод П. Савельева).

Описанный тип зеркала является сравнительно редким. Еще одно подобное зеркало было найдено в Болгарах в прошлом столетии [36] и такое же издано П. Савельевым [37]. Можно указать аналогичные предметы среди находок в развалинах золотоордынских городов нижнего Поволжья [38], где зеркала обычно встречаются с вещами XIV века. В раскопках 1938 года в Болгаре такое же зеркало было найдено в одном слое с большим числом монет Узбек-хана и Джанибек-хана.

Второй тип зеркал, также XII—XIV вв., достаточно характерен для работы булгарских ремесленников. Поверхность их покрыта изображениями извивающихся драконов — мотив довольно обычный в орнаментике китайских зеркал. Появление на булгарских зеркалах этих фигур говорит о влиянии китайского искусства на местное производство. Много подобных зеркал хранится в собрании Казанского музея.

Третий тип, представленный одним зеркалом, имеет выпуклый неширокий бордюр и два концентрических валика, покрытые насечками.

Есть еще одно зеркало из случайных находок, характерное подражанием китайскому. Оно имеет на обратной стороне узкий выступающий бордюр и центральный круг, разделяющие поверхность зеркала приблизительно на три равные части. Центральная часть гладкая, не орнаментированная. Площадь между окружностями разделена полушарными выступами на четыре части, заполненные растительным орнаментом. Полушарные выступы — это обычный орнаментальный приём на китайских зеркалах начиная с эпохи Ханьской династии и до Суньской, что заставляет сближать его с китайскими зеркалами. Подобные зеркала встречены также в кочевническом кургане под Херсоном (в раскопках В. И. Гошкевича) вместе с парой серег, характерных для XIV века [39]. Аналогичные зеркала известны и в Китае.

Главными центрами производства зеркал были города Болгар и Биляр. Большинство фрагментов зеркал из коллекции Заусайлова происходит из Биляра. То же самое можно сказать и относительно зеркал из коллекций Лихачева [40], Ешевского и Сиклера [41].

Технологическое изучение зеркал показывает прекрасное качество металла, свидетельствующее о высоком уровне металлургии у булгар. А. Челинцев [42], основываясь на анализе металла зеркал из коллекции Саратовского музея, пришел к выводу, что мастера бронзовых зеркал хорошо изучили сплавы олова и меди, наиболее пригодные для получения твердых, хорошо полирующихся поверхностей. В своих изделиях булгарские металлурги ни в одном случае не переходят через критическую грань примеси к меди не более 33,3% олова, допускаемую современной тех-

никой. Во многих булгарских сплавах умеренный процент олова и соответствующее количество свинца, добавленные к меди, приближают их к современной художественной бронзе.

Помимо китайских зеркал на территории волжских булгар найдены также и другие изделия из Китая. Несомненно, что под китайским влиянием работал булгарский ремесленник, изготовивший чеканную круглую пластинку из Биляра [43] с изображением рыб, переданных в схематической трактовке. Рыбы изогнуты по кругу, центральная часть пластинки покрыта линейным орнаментом, по окружности намечены кружки в два ряда. На другой штампованной круглой пластинке изображены четыре рыбы с изогнутыми хвостами, тоже по окружности. Рыбы эти, как и на первой пластинке, переданы в виде прекрасно выполненных общих очертаний; края пластинки покрыты зарубками, имитирующими веревочку.

Повидимому, сюда же нужно отнести пластинку из Биляра, передающую в схематической форме летящего дракона — сюжет, частый в китайском искусстве [44]. Нередки в собрании Лихачева тонкие штампованные пластинки [45] с изображениями стилизованных драконов и змей в таком же изогнутом состоянии по кругу; свободные места на пластинках заполнены растительным орнаментом. На некоторых пластинках, как и на зеркалах, встречается фигура бегущего зайца, иногда с головой, повернутой назад. Возможно, что это изображение взято из тематики китайского искусства [46]. Вообще влияние китайских мастеров на изделия булгарских ремесленников было довольно значительным. Но еще сильнее заметна роль среднеазиатского хорезмийского искусства. Растительный орнамент на булгарских круглых и фигурных бляхах повторяет аналогичные мотивы Хорезма. Нужно впрочем заметить, что булгарские изделия отличаются своеобразной трактовкой заимствованных сюжетов.

В коллекциях музеев имеется немало висячих замков, железных и бронзовых, булгарского происхождения. Железные замки—кубической и цилиндрической формы, бронзовые — в виде животных. Железные замки указанной формы имели широкое распространение в Европе в X—XI вв. и даже в более позднее время. Что касается бронзовых замков, то они аналогичны херсонесским, отличаясь от последних лишь в деталях, что заставляет видеть в них местную продукцию. Замки в виде животных известны и в Западной Европе. Гампель [47] считает их восточными, но они не похожи на булгарские и сближать эти две группы нельзя. Булгарские замки повторяют форму херсонесских, найденных в византийском слое с монетами Василия I (867—881 гг.) и Константина VIII (905—959 гг.) [48]. Кроме города Болгара подобные замки найдены и в Биляре. В других булгарских городах их не находили в таком большом количестве. В виде единичных находок этот тип встречается в нижнем Поволжье, в городище Большой мечети [49], и в Прикамье.

Бронзовые замки отливались половинками в форме, а затем спаивались. Все они датируются временем с X по XIV век. Большинство замков покрыто циркульным орнаментом, обычным для ряда изделий булгарской культуры. Орнамент покрывает всю поверхность замка, составляя различные узоры. Бронзовые замки можно разделить в основном на два типа: в виде лошади и барана. Как исключение, встречаются фигурки других животных и, возможно, более позднего происхождения фигурки, представляющие стилизацию лошади и барана. Таковы фигуры только с нанесенным ртом, глазами, ушами и моделированными мышцами или без этих деталей, но с поверхностью, покрытой циркульным орна-

ментом. Иногда орнамент расположен так, что изображение глаз приходится не на морде животного. Встречаются также совершенно гладкие плоские замки, или украшенные сплошь циркульным орнаментом.

Отсутствие датированного материала не позволяет установить точно время для различных типов замков, но стилистические особенности фигурок дают возможность отнести стилизованные к более позднему времени, а с реалистическими изображениями к более раннему. Первые, судя по находкам в золотоордынском слое городища Великие Болгары и в городах нижнего Поволжья, датируются XIII—XIV вв., хотя техника изготовления этих замков все время оставалась одинаковой.

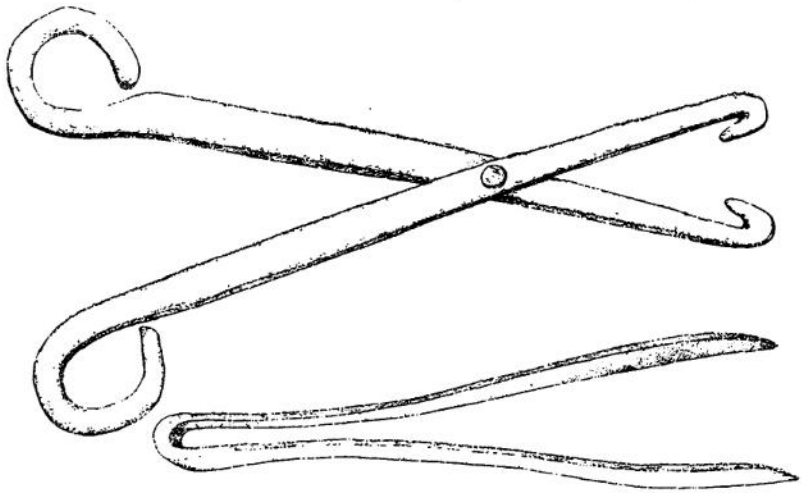

Рис. 54—55. Щипцы ювелиров.

В коллекции музея Татарской АССР хранятся еще не отделанные половинки замков, отлитые в литейной форме. Процесс изготовления замков может быть восстановлен полностью. Производилась сначала отливка в форму, затем спайка половинок и нанесение на них при помощи циркуля и резцов (отдельные экземпляры резцов имеются в коллекции булгарских предметов) кружкового орнамента. Особенно интересен замок из бронзового сплава с арабской надписью, найденный в Биляре. Замок представляет восьмигранную призму с выступом неправильной формы на конце одной грани. С. Малов, издавший этот замок, видит в нем изображение конька или собачки. Изображение весьма стилизованное. Предмет покрыт искусным орнаментом и имеет арабскую надпись: «Работа Абу-Бекра сына Ахмеда. Постоянная слава и мирный успех и счастье всеобъемлющее и величие и благосостояние владетелю сего».

Точная дата замка (1146—1147 г.) придает ему большой интерес. С. Малов, основываясь на анализе орнамента, совершенно справедливо считает замок продукцией местных ремесленников [50].

Внутренний механизм замков также исследован. Он состоит из двух пружинящих пластинок, создающих упор. Ключ, сдвигая их вместе, позволяет вынимать дужку [51]. Теперь мы можем сказать, что центрами производства таких замков были два города — Болгары и Биляр. В других местах замки в виде животных не производились. Датируются они, на основании сопоставления с херсонесским материалом,

промежутком времени от IX—X до XIV—XV вв. К позднему времени относятся, например, сильно стилизованные изображения из городища Большой мечети. Ремесленный, совершенно однообразный характер вещей заставляет предполагать, что в этой области существовало совершенно обособившееся производство.

Железные замки кубической и цилиндрической формы были распространены шире, чем замки в виде животных. В них нет ничего специфически булгарского и центры производства их указать трудно. Время распространения железных замков падает на X—XIV вв. и даже на более позднее время. Ранняя дата устанавливается по датированным комплексам Лядинского могильника и Старо-Рязанского городища, которые относятся к домонгольской эпохе. Этот тип замков известен и в Швеции [52], где они датируются тем же временем.

Следующей, весьма многочисленной по количеству и однообразной по типу категорией изделий являются напрясла или грузики — небольшие, близкие к конической форме предметы. Большинство их происходит из Биляра. Поверхность грузиков покрыта однообразным орнаментом из треугольников, точек и прямых линий, нанесенных наклонно или в виде зигзагов с расположенными между ними точками. Все они литые. Впервые Высоцким было высказано мнение, что эти предметы действительно применялись при ручном прядении. Хотя отверстия у некоторых напрясел небольшие, нет основания оспаривать их такое назначение, так как известны очень тонкие веретена с небольшими маховичками. Впрочем некоторые исследователи склонны считать напрясла гирями. Но большинство их из коллекции Заусайлова имеют самый различный вес и никакой закономерности в этом весе проследить нельзя [53]. Отдельные случаи совпадения в весе можно легко объяснить тем, что напрясла вышли из одной литейной формы.

Весьма многочисленны среди булгарских вещей свинцовые конические палочки 4—6 см длины и 2—3 см в диаметре, которые некоторые исследователи также считают гирьками. В коллекции Лихачева, хранящейся в Государственном музее ТАССР, эти пулевидные предметы имеются в большом количестве [54]. Все они разного размера, диаметра и веса. Никакой закономерности в колебаниях веса и размеров этих предметов заметить нельзя. Скорее всего они представляют собою небольшие болванки металла, подготовленные для выплавки и выделки мелких вещей. Возможно, что из этих болванок делали, например, свинцовые напрясла, описанные выше.

Находка таких палочек позволяет предполагать, что металл для работы ремесленники получали со стороны, а затем в небольших тиглях расплавляли его в своих мастерских. Такие тигли высотой в 2,5—4 см при диаметре 2—3 см хранятся в коллекции Лихачева. В других местах предметы, аналогичные описанным, не известны. Относятся они в основном к домонгольскому периоду. Центром находок был Биляр, хотя отдельные экземпляры встречались и в других местах.

В коллекциях Лихачева, Заусайлова, Сиклера и Ешевского хранятся свинцовые привески различных форм неизвестного назначения [55]. В материалах соседних культур подобные находки не встречаются. Некоторые из них можно считать формочками для лепки каких-нибудь предметов. Возможно, что все такие предметы изготовлялись одними и теми же ремесленниками. Для характеристики развития ремесла они не представляют особого интереса и я отмечаю их только в виду того, что они сравнительно часто встречаются.

Деятельность ювелиров представлена богатым материалом. Сохранились их инструменты и продукция. Ювелиры — почти единственные из ремесленников, которые упомянуты в письменном документе. Правда, документ этот довольно поздний и относится к XIV веку, но все же он может служить для характеристики ремесла домонгольской эпохи, так как техника и характер производства в XIII—XIV вв. оставались теми же, что и в домонгольскую эпоху. Это могильный памятник с надписью, которая гласит: «Он есть живой (бог), который не умирает. Краса молодцов, главный нерв сердец. Почитатель ученых, кормилец вдов и сирых, сын Мусы, золотых дел мастер Шагид-улла (Баш, господи), помилуй, месяца Раби первого в середине лета 717 (1317). (Перевод И. Березина). Это единственный письменный памятник, отмечающий дифференциацию ремесленного производства в волжской Булгарии [56].

Находки инструментов булгарских ювелиров довольно многочисленны. Обычно это небольшие, конической формы тигли для расплавки металла, высотою от 3 до 10 см при диаметре от 2 до 5 см, и маленькие наковальни различных типов, размеры которых позволяют отнести их только к ювелирному производству; длина их вместе с рабочей частью, включая и ножку для закрепления в дереве, колеблется от 9 до 14 см. В коллекции Лихачева представлены три разновидности наковален: 1) небольшая плоская, размером 4 × 3 см; 2) размером 2,5 × 1 см с одной закругленной стороной; 3) с восьмигранной рабочей площадкой со сторонами в 2,5 см (рис. 52—53).

Разнообразны и небольшие молотки ювелиров, начиная от простых, с плоским рабочим концом, со сторонами в 7 см, до дублированных, с одним плоским концом и другим концом в виде зубила. Встречаются также молотки с плоским или закругленным концом диаметром 0,5 см (у некоторых экземпляров закругленный конец изогнут) [57]. К ювелирным же орудиям относятся щипцы разных размеров и типов, начиная от простых кузнечных до пружинных с плоскими концами для захватывания мелких вещей (зерни, проволоки) и в виде ножниц с проволочными, загнутыми внутрь концами для работы с проволокой. Все эти предметы представлены во всех собраниях булгарского материала несколькими экземплярами (рис. 54—55) [58].

Ювелирам принадлежали также мелкие и крупные пробойники для пробивки круглых отверстий, зубила разных размеров с шириной рабочего края от 0,5 до 2 см. Интересны матрицы и штампы в виде гвоздей с четырехугольным концом в 1,5 × 1,5 см и с вырезанным орнаментом. На одном таком чекане из Болгар изображен растительный орнамент, плохо сохранившийся, а на другом, найденном в Биляре, вырезаны два завитка. Матрицы неподвижно закреплялись в дерево, на них накладывалась металлическая пластинка и при помощи ударов молотка на последней получался отпечаток. Судя по орнаменту на матрицах, сходному с орнаментикой бляшек из славянских курганов, наиболее ранние из них относятся к X—XI вв. (рис. 56—64).

К ювелирным орудиям надо отнести и хранящуюся в коллекции Казанского музея дощечку в 2 × 2 см с мелкими круглыми отверстиями. Вероятнее всего, что дощечка служила для вытягивания мягкой тонкой проволоки, применяемой при филигранной технике, весьма распространенной в ювелирном производстве булгар. Сравнение этого набора инструментов с более поздними (XVI—XVIII вв.) показывает, что ювелиры продолжали употреблять те же самые орудия, какими их предки пользовались за несколько столетий раньше [59].

Последняя, весьма многочисленная категория орудий производства — формы для отливки украшений (табл. III, рис. 65—66). Такие формы известны в собраниях Сиклера, Ешевского [60], Лихачева [61].

Техника изготовления украшений у булгарских ремесленников была весьма различной. Все дело было в том, что находились в производстве. Наряду с выпуском украшений, изготовляемых путем простой отливки с последующей небольшой отделкой, главным образом дешевых бронзовых привесок для крестьян, они для дорогих изделий применяли гравировку, чеканку, филигрань и чернение. Все эти приемы находили себе место при изготовлении бронзовых украшений (без чернения) и роскошных вещей из серебра и золота, имевших сравнительно ограниченный сбыт среди феодальной верхушки и купечества.

Если распределить археологический материал Булгарского царства по местам находок, то мы увидим, что лишь сравнительно небольшое количество вещей, главным образом из золота и серебра, можно считать специфически булгарскими (табл. IV и V, рис. 67—76). Остальные имеют широкое распространение и за пределами Булгарии. Таковы, например, так называемые шумящие привески, связываемые с финноязычными племенами и аналогичные привескам, имевшим распространение в Вятском, Чепецком и Среднекамском районах. Такие изделия не представляют ничего характерного для булгарской культуры. Встречаясь во многих местах, они в основном характерны для городищ и грунтовых могильников Оки и Камы. В частности, треугольные и украшенные головами лошадок привески и пронизки встречаются и в Приуралье, в районах Вятки и Чепцы, и по среднему течению Камы.

Чтобы объяснить присутствие этих вещей в булгарских находках, необходимо обратиться к археологическому материалу начиная с пьяноборской культуры, которая, хотя и в незначительной мере, явилась одним из элементов в сложении культуры Булгарского царства. Эта культура и последующие этапы ее развития генетически связаны с материалом более поздних вятских, чепецких и камских городищ и могильников X—XIV вв.

Такая генетичная связь прослеживается в керамике, в орнаментике и в некоторых других вещах [62]. Памятники пьяноборской культуры расположены главным образом по Вятке и по нижнему и среднему течению Камы, но частично они выходили, как показывает материал, и на левое побережье нижнего течения Камы. Нужно думать, что некоторая часть племен, связанных с этой культурой, вошла в состав Булгарского царства, большая же их часть занимала территорию, центрами которой был район Чепцы, средней Вятки и среднего течения Камы.

Разнохарактерный состав булгарских украшений, из которых некоторые можно считать типичными для определенных племен, показывает, что в образовании Булгарского государства приняли участие многие племена. В связи с этим нельзя не коснуться русских вещей, также служивших образцами для булгарских ремесленников. Таковы, например, булгарские украшения, повторяющие по своей форме и орнаменту изделия из известного Рязанского клада (табл. V, рис. 77—78).

Ювелирные вещи из драгоценного металла скорее всего нужно характеризовать как произведения, рассчитанные на сбыт в городе. Они часто встречаются в раскопочном материале Болгарского и Билярского городищ. К их числу надо отнести гривны и браслеты из сравнительно тонкой переплетенной проволоки с концами в виде пластинок. Ряд браслетов заканчивается шатонами с камнями, причем самый шатон отделан зернью. Весьма характерны височные кольца, украшенные жолудя-

Рис. 56—64. Различные виды матриц и штамп для чеканки украшений.

ми из серебра или золота. Встречаются серьги и более сложной конструкции, снабженные в середине кольца фигурой уточки, покрытой сканью; по окружности таких серег расположены три жолудя, украшенные зернью, и еще два жолудя прикреплены на цепочках к центральной бусине.

В этих украшениях поражает прекрасная отделка и тонкая работа, говорящая о расцвете ювелирного искусства булгарских мастеров. Есть все основания утверждать, что рассмотренные височные кольца являются показателем воздействия русской культуры. Одновременно они носят черты сасанидского и сарматского искусства (табл. IV, рис. 79). Характерен набор ювелирных вещей булгарского производства X—XII вв. К этой эпохе относится ряд кладов, показывающих значительное накопление богатств в руках отдельных лиц. Таковы: клад 1869 года, найденный у Болгар, относимый к XI—XII вв.[63], клад 1879 года близ города Биляра, где в глиняном кувшине были найдены серьги и серебряные слитки, клад у д. Куралово 1868 года, клад 1882 года из Биляра, состоящий из двух браслетов филигранной работы и шести перстней, датируемый XII веком [64], клад 1889 года, найденный в дачах с. Шурана, содержавший серебряный браслет и несколько перстней, украшенных чернью [65].

Кроме названных кладов можно указать на аналогичные вещи из коллекции Ешевского, найденные в Биляре и Болгарах [66]. Эти вещи прекрасной ювелирной техники справедливо считаются в археологической литературе характерными для булгарской культуры.

В самом деле, если мы учтем, что подавляющее большинство указанных ювелирных предметов найдено на территории Болгара или Биляра и лишь в качестве исключения в других местах [67], то должны будем признать, что эти вещи принадлежали или феодальной верхушке, или представителям городского купечества. В то же время весь характер вещей, их более тонкая ювелирная техника и драгоценный металл заставляют выделить ювелиров-золотых дел мастеров в качестве отдифференцированного слоя ремесленников; надпись на могильной плите «золотых дел мастера Шагид-улла» — подтверждает это [68].

Помимо описанных украшений из золота и серебра найден ряд ювелирных изделий из серебра и бронзы. Таковы гривны, свитые из двух проволок с тонкой жгутообразной проволокой, с концами в виде пластинок (одна из них с петлей, другая с крючком для застегивания), бытовавшие в XII—XIV вв.[69].

Много серег, в числе которых встречаются калачевидные плоские, в нижней части имеющие выемку, датируемые приблизительно X—XI вв.[70]; серьги калачевидные, но еще богаче украшенные, имеющие как и предыдущие, узкую дужку и пластинку с выемкой, причем самая пластинка покрыта треугольниками зерни, а по краям в несколько рядов имитацией веревочки; в центре пластинки нередко вставлен шатон с камнем; по технике этот тип может быть датирован X—XI вв.[71]; серьги, состоящие из кольца овальной формы, украшенного в нижней части подвеской бипирамидальной формы, состоящей из зерни (табл. IV, рис. 80); на поверхности кольца две такие же пирамидки, датируемые VIII—X вв.[72]; серьги медные, состоящие из овального кольца с грушевидной привеской, украшенной сверху и снизу пирамидками зерни, их дата около X—XII вв.[73].

Бронзовые браслеты встречаются весьма разнообразных типов. Найдены круглопроволочные, с несомкнутыми краями; восьмигранные, с несомкнутыми краями и с расширяющимися концами (браслеты этого типа украшены по граням циркульным орнаментом); с четырехгранной пере-

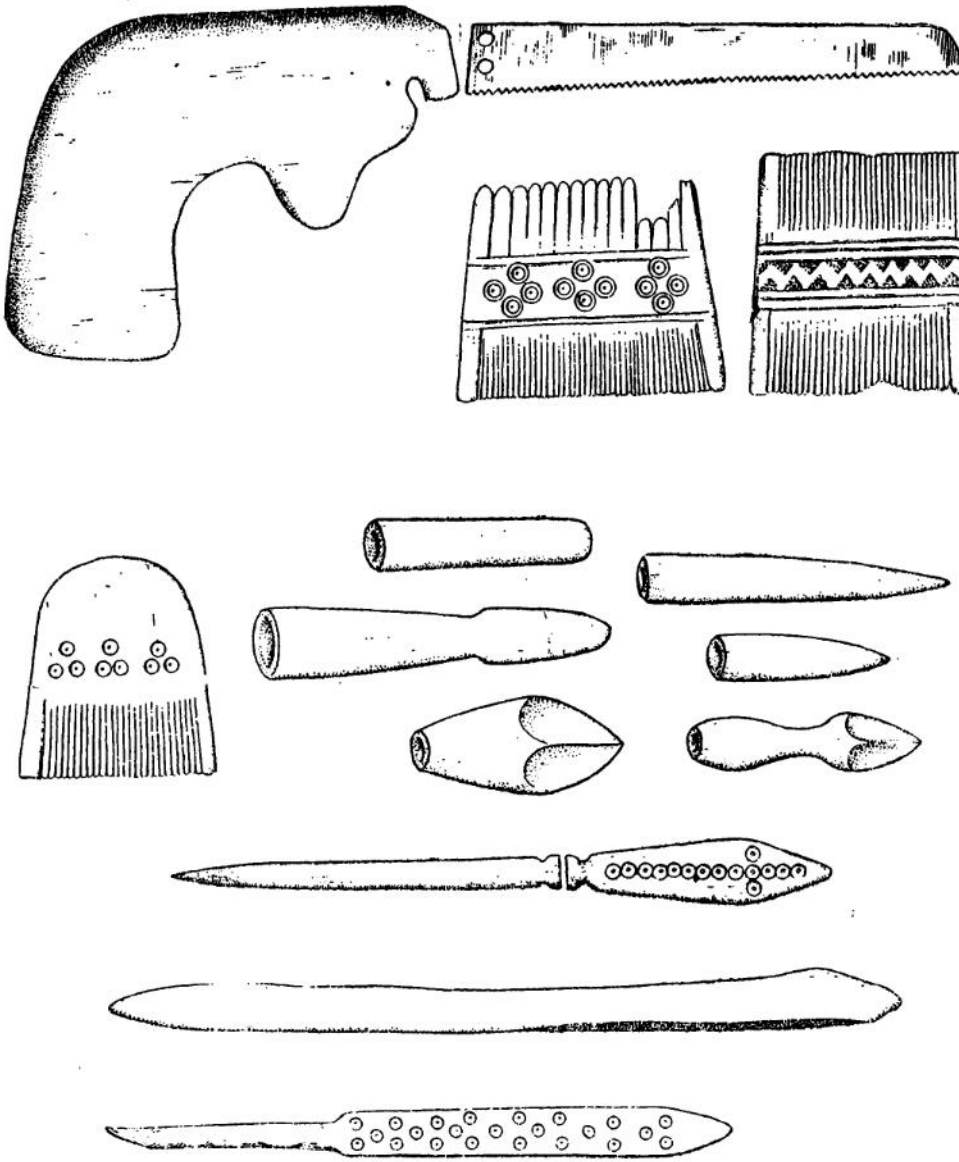

Рис. 81—93. Пилка для распиловки кости и различные костяные изделия булгарских ремесленников: три гребня, шесть наконечников стрел, две проколки и кочедык для плетения лаптей.

крученой проволокой с несомкнутыми краями; пластинчатые, с несомкнутыми краями (поверхность последних в большинстве случаев покрыта точечным орнаментом); литые массивные пластинчатые, имеющие закругленные края, а по краям покрытые нарезками, имитирующими веревочку. Все эти типы браслетов распространены широко и не являются типичными только для булгарской культуры.

Более характерны плетеные браслеты, представляющие бронзовый толстый стержень, заключенный в плетеный футляр.

В золотоордынскую эпоху были широко известны еще с XII века пластинчатые несомкнутые браслеты, украшенные двумя продольными углублениями, а по концам стилизованными человеческими лицами. Некоторые браслеты покрыты орнаментом, напоминающим восточный; орнамент несомненно подражает привозным образцам.

Перстни представлены весьма богато. Среди них есть трафаретные формы, как-то, простые гладкие кольца и щитковые гладкие перстни, украшенные шатонами с камнями или стеклами. Нередки перстни со щитками, украшенными плетеным орнаментом, обычным для Востока. В пределах волжской Булгарии они не были известны до X века, и их можно считать результатом торговых связей с Востоком, хотя и не следует относить к привозным, так как весь облик их местный. Известные нам пределы распространения подобных перстней указывают на бытование их главным образом на территории волжской Булгарии.

Часть более простых украшений местные ремесленники изготовляли путем отливки в формах.

Ряд других вещей, вроде различных пластинок для украшения сбруи и поясов или для отделки деревянных предметов, изготовлялись иногда способом отливки (более массивные), но чаще при помощи чеканки.

Производство привесок и бус, повидимому, было развито довольно широко. В коллекции Лихачева имеется ряд полуфабрикатов: куски горного хрусталя со следами резьбы (Болгары), куски янтаря, из которого выделывались привески, напоминающие привески из кости, недоделанные бусы и привески из сердолика. Все это вещи местного производства.

Гораздо сложнее вопрос о булгарском производстве стеклянных бус. Их находят в очень большом количестве и самых разнообразных типов. Среди них встречаются неправильной формы бусы, которые можно рассматривать как производственный брак или как деформированные в сильном пламени, например, при пожаре. По недостатку материала вопрос о месте производства бус пока разрешен быть не может.

Резчиков по кости можно также считать выделившимися из общей массы ремесленников. Костяные изделия среди археологических находок занимают одно из видных мест. Правда, в эту эпоху кость уже не выступает в качестве материала для орудий, за исключением единичных предметов, например, наконечников стрел и копий. Почти совсем не встречаются костяные тупики для обработки кож. В коллекции Лихачева известно только одно гладило для разглаживания кожи [74]. Целый ряд орудий, которые прежде выделывались из кости, потом стали изготовлять из железа. В феодальную эпоху кость играла роль подсобного материала и пожалуй только с этого времени обработку кости можно считать ремесленным производством (рис. 81—93).

Севернее, в Закамье, кость еще долго служила у населения одним из основных материалов для производства хозяйственных предметов;

там из кости выделывали наконечники для стрел и копий, струги, различные крючки-блоки для ткацких станков и т. д.

Но изготовление костяных вещей не стало ремеслом. Охотники сами резали свои стрелы и делали различные предметы домашнего обихода, что и определяло технику обработки кости. Каждое костяное изделие в Закамье оригинально по своеобразию отделки. Характерна также нестандартность орнамента на закамских костяных изделиях — кочедыках, проколках, шильях. Каждый человек по своему вкусу и умению отделывал эти предметы. Поэтому, наряду с высокохудожественными вещами, например, кочедыками и ухотвертками, украшенными головками лошадей или уточек (из раскопок С. Г. Матвеева с Индо-Карского городища) [75], встречаются вещи, сделанные грубо, покрытые небрежным линейным орнаментом. Эта небрежность очень характерна для стадии домашнего мастерства. Булгарские вещи, находимые в Закамье, резко отличаются от туземных по характеру отделки; в качестве примера можно привести находку булгарской костяной пуговицы на Донды-Карском городище в районе р. Чепцы [76].

Булгарский материал по качеству отделки несравненно выше материала городищ Закамья, да и технические приемы обработки кости несколько иные. По имеющимся в коллекции Лихачева кускам кости и рога со следами обработки можно видеть, что кость обычно обрубалась топором или отпиливалась. В этой же коллекции имеется железная пила с мелкими, до 2 мм высоты, зубчиками, длиной около 15 см, которая вставлена в костяную рукоятку и по общему виду напоминает современную нам ножевку. Такой пилкой можно было пилить кость поперек, пропиливать гребни. Отдельные редкие вещи приготовлялись на токарном станке. Характерно, что все костяные изделия подвергались тщательной полировке, неполированными оставались только незаконченные изделия. После полировки наносился орнамент. Как правило, орнамент четкий, линии намечены совершенно ровно. Господствующий циркульный орнамент на костяные поделки наносился, повидимому, при помощи резца в форме циркуля. Из простых линий, кружков и углов составлялся иногда очень сложный и интересный рисунок. Некоторые узоры подражают восточным образцам. Такова, например, плетенка, обычная для Персии.

Еще одна черта отличает булгарские костяные поделки. Всю их массу можно свести к небольшому числу типов, причем одинаковыми будут не только приемы отделки и общий вид предметов, но и орнамент, его составные части и общий узор. Такой стандарт характерен для булгарских костяных вещей. Вещи из городищ Болгара, Биляра, Сувара и других принадлежат к одним и тем же типам. Совершенно иную картину представляет материал Закамья. Вещи Донды-Карского городища несколько отличаются от вещей Индо-Карского или Кушманского городищ. Да и внутри отдельных закамских комплексов есть масса различий, особенно в орнаментике, так что иногда бывает трудно подыскать совершенно идентичные узоры на вещах [77]. Особенно разнообразен материал Индо-Карского городища близ Глазова, давшего исключительного характера вещи, не похожие в деталях на предметы других городищ.

Большую группу булгарских костяных вещей составляют рукоятки ножей. Они имеются в коллекциях Ешевского, Заусайлова и Лихачева. Почти все рукоятки прямые, овальные в сечении, заканчиваются угольным выступом или же гладким срезом; в таком случае сделаны плоские навершия соответствующего сечения. Рукоятки прекрасно отполированы и покрыты узором. Преобладающий орнамент на них, как и на большин-

стве костяных вещей, кружковый или циркульный. За немногим исключением орнамент нанесен четко и аккуратно. В коллекциях Заусайлова и Лихачева имеются рукоятки, покрытые циркульным орнаментом в шахматном порядке. Чаще же всего циркульный орнамент покрывает предмет со всех четырех сторон, располагаясь в четыре вертикальных столбика. Встречаются также рукоятки, орнаментированные сплошь, причем кружки располагаются рядами. Иногда циркульный орнамент наносился в комбинации с линейным, что создает более сложные узоры, в отдельных случаях с рядом параллельных поперечных линий, как, например, на рукоятках из Биляра. В коллекции Заусайлова хранится рукоятка с более сложным орнаментом из прямых линий в комбинации с рядом углов и циркульным орнаментом, заполнившим свободные места. На некоторых рукоятках циркульный орнамент нашел себе место наряду с плетенкой. Иногда двойной циркульный орнамент сам образует плетенку.

Помимо ножей, овальных в сечении, известны ножи, дающие в сечении ромб. В таком случае циркульный орнамент расположен более или менее правильными рядами. Не часто встречается на ножах спиральный орнамент. Редок и сложный ромбический орнамент с циркульным по углам. В коллекции Лихачева рукояти ножей представлены десятками. Большинство их покрыто рисунком из немногих комбинаций циркульного орнамента и на первый взгляд все они кажутся однообразными, сделанными по стандарту. Только при внимательном рассмотрении можно выделить несколько типов.

Помимо рукояток для ножей встречаются, но значительно реже, прямые рукоятки от шильев, со слегка расширяющимся верхним концом; другие типы редки. Орнаментика их та же.

Гребни, судя по сохранившимся остаткам, применялись в булгарском обиходе двух типов. Один тип — это более грубый, односторонний гребень, покрытый циркульным орнаментом, причем орнамент заполняет всю верхнюю часть гребня в один ряд, или же он украшен треугольниками, также в один ряд. Другой тип гребня двухсторонний с серединой, покрытой циркульным орнаментом, нанесенным в один ряд, или в форме треугольника. Реже встречается на гребнях прорезной зигзагообразный рисунок. Нужно подчеркнуть, что при большом количестве гребней особенно поражает однообразие их оформления.

Часты находки пуговиц полушарной формы 1,5 см в диаметре. На пуговицах чаще всего встречается циркульный орнамент в одну линию или в виде треугольников по краю; реже этот узор комбинируется с линейным. Пуговиц известно много и все они однотипны.

Богато представлены навершия рукояток нагаек. Среди них чаще всего встречаются шаровидные с выступом, имитирующим голову какого-то животного или клюв птицы [78]. Немало застежек в виде круглых палочек прямых или изогнутых. Значительно реже встречаются между ними фигурные. Поверхность всех застежек покрыта цикрульным, линейным или плетеным орнаментом.

Много найдено сделанных на токарном станке наконечников веретен конической формы или конических, с пирамидальным концом. Поверхность большинства из них гладкая.

Известно несколько экземпляров костяных шаровидных булав, покрытых рисунком из поперечных линий.

Из других изделий ремесленников по кости необходимо отметить круглые, с орнаментированным концом, уховерки; прямые, почти одинакового размера и формы пластинки от упряжи с закругленными краями

и с прямоугольными отверстиями по пять и по три на каждой из них; игральные кости с обозначениями, сделанными циркульным орнаментом; различные привески в виде прямоугольника, круга, или фигурные, большей частью украшенные тем же циркульным орнаментом; различные пластинки, трубочки, ложки. Все эти вещи украшены тем же циркульным орнаментом, плетенкой и реже — линейным орнаментом в различных комбинациях.

Коллекции булгарских вещей содержат, кроме описанных, еще ряд единичных предметов исключительно высокого качества как по исполнению, так и по орнаменту. Однако характер обработки не выделяет их из общей продукции.

На некоторых костяных вещах сохранились простые и сложные знаки, вероятнее всего знаки мастеров. Так, на одной пластике из Биляра стоит довольно сложный знак, нанесенный резцом, который никак нельзя принять за орнамент [79].

Весь материал, характеризующий работу резчиков по кости, дает право сделать следующие выводы: 1) техника обработки кости у булгар говорит о большом навыке мастеров, который мог быть приобретен ими только при условии постоянного совершенствования, а это, конечно, значит, что изготовлением костяных вещей занимались профессионалы-ремесленники; 2) начиная с X века у булгар установились свои определенные формы для производства тех или иных изделий, раз навсегда принятые, от которых ремесленники уклонялись редко, что косвенно говорит о наличии ремесленных организаций; 3) большинство находок костяных вещей сделано в Болгарах и Биляре, являвшихся, повидимому, основными центрами всего костяного производства [80].

Могут возразить, что многие поселения в Булгарии совсем мало исследованы и что окончательный вывод делать преждевременно. Да, возможно, что будущие работы археологов и внесут коррективы, но то обстоятельство, что коллекции Лихачева, Заусайлова, Ешевского и Сиклера составлены в подавляющем большинстве из случайных находок, собранных в разных местах, основная же масса костяных изделий найдена в Болгарах и Биляре, дает право считать оба эти города главными центрами производства. В XIII—XIV вв. резчики по кости продолжали свою деятельность, применяя те же приемы и те же орудия.

Вопросы о технике обработки кожи и организации сапожного производства в Булгарском царстве не могут быть решены на основе анализа археологических материалов. В коллекции Лихачева есть только один костяной скребок в форме треугольника с рабочим краем в 5 см, и одно гладило. Последние находки на Бабьем бугре в Болгарах[81] дали право говорить о существовании у булгар кожаной обуви, но о количестве ее судить трудно, так как число находок невелико. Для суждения о том, широко ли была развита обработка кожи в Булгарии, приходится обратиться к летописям и сообщениям арабских путешественников. В приведенной выше цитате из летописи сказано: «...Рече Добрына Володимеру: съглядах колодник, оже суть вси в сапозех, сим дани нам не даяти, поидем искать лапотников» [82], а у ибн-Фадлана: «Каждый, кто сеет что-нибудь, берет это себе, царь же ничего не получает из этого, только они дают ему по бычачьей шкуре» [83]. Оба сообщения указывают на широкое развитие сапожного дела и обработки шкур (подать, несомненно, платилась продуктом, который имелся у населения в большом количестве) и позволяет заключить о том, что в среде булгар имелись также ремеслен-

ники-сапожники. По сведениям восточных авторов, кожи в большом количестве вывозились за пределы государства. Позднее обработкой кож славилось Казанское ханство. Это производство сохранило свое значение и в современной Казани.

Гончарное производство не дает однородной картины. Анализ коллекций керамики показывает, что помимо ремесленников само население изготовляло посуду домашним способом. Поэтому, наряду с прекрасными вещами, сошедшими с гончарного круга, встречаются обломки сосудов худшего качества, вылепленных вручную. В 1948 году О. С. Хованская в районе Голландского озера в Болгарах открыла гончарные мастерские с двухкамерными горнами, близкими по устройству хозарским и русским.

Интересную картину дает орнаментика. Сложные узоры, зигзаги и линии сочетаются на сосудах с веревочным и зубчатым орнаментом. Некоторые исследователи высказывали мнение, что керамические изделия, изготовленные от руки, характеризуют более ранние, добулгарские слои, и что с X века бытовала только посуда, сделанная на гончарном круге. Это положение оказалось неверным. В булгарскую эпоху, начиная с X века, повсеместно в употреблении была посуда, сделанная не только на гончарном кругу, но и ручной выделки. Раскопки В. В. Гольмстен на Самарской луке [84], раскопки в Болгаре, Биляре, Джукетау [85] и Суваре [86] показали, что в одних и тех же слоях встречается одновременно керамика, выточенная на гончарном круге, и лепная. Разница заключается в количественных соотношениях: в нижних слоях больше лепной керамики, а в верхних преобладает керамика, сделанная на гончарном круге. В свете нового материала [87] старые собрания Лихачева, Ешевского, Сиклера и Заусайлова, содержащие смешанный материал, можно рассматривать только суммарно. Конечно, эта суммарность условна, так как все собрания содержат в основном материал из золотоордынских слоев.

В. В. Гольмстен на основе материала городищ Самарской луки выделяет несколько типов керамики. В качестве изделий первого типа она указывает сосуды небольших размеров и различных форм. Глина чистая или с примесью раздробленных раковин. Выработка без круга, обжиг довольно сильный. Орнамент веревочный, покрывающий верх сосуда параллельными линиями. Встречается и резной орнамент в виде косых линий, образующих ряды по плечикам сосуда. Аналогии этой керамике многочисленны. Например, они известны и в пределах Кировской области [88]. Второй выделяемый ею тип, резко отличающийся от первого, встречается всегда вместе с ним в одних слоях. Эта группа представлена сосудами различных форм. Глина чистая, хорошего качества, «не местная». Выработка очень хорошая, на кругу, цвет желто-красный, реже темносерый. В. В. Гольмстен пишет: «факт нахождения керамики IV типа (только что описанный) на болгарских городищах и её сходство, главным образом в отношении форм, с керамикой Средней Азии сасанидского времени (в музее Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания инв. № 165) позволяет считать ее болгарской. Наши находки на Самарской луке подтверждают это предположение, так как эта керамика существует здесь с более ранним туземным типом, а татарская — с более поздним туземным же. Наблюдаемые случаи совместного нахождения того и другого типа не противоречат высказанному предположению. Это может иметь место в тех пунктах, где татарская культура наслоилась на болгарскую и, кроме того, более ранний тип мог перейти в более позднюю культуру. Можно думать, что оба эти

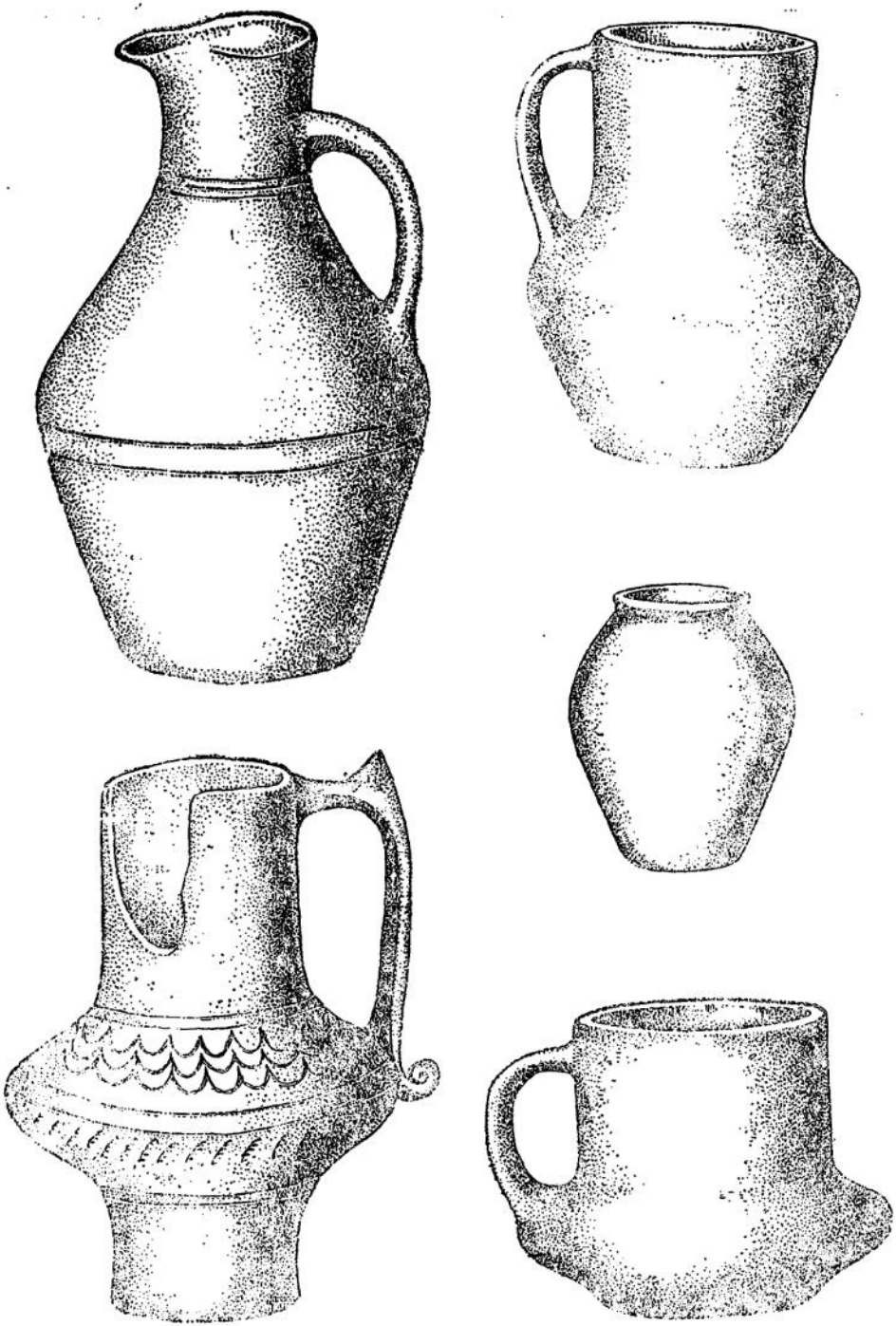

Рис. 94—98. Образцы булгарской глиняной посуды.

типа керамики являются на Самарской луке привозными, так как по указаниям специалистов там не имеется такого рода глины, из которого она вырабатывалась, да и самый способ выработки и обжиг указывают на несравнено более высокую культуру, чем туземная» [89].

Трудно согласиться с мнением В. В. Гольмстен о том, что керамика, сделанная на кругу, является привозной. Во всех случаях посуда ремесленного производства гораздо лучше по выделке и обжигу, чем лепная. Примеров можно привести много. Не нужно также забывать, что можно встретить разные сорта глины на сравнительно небольшой территории, и поэтому решать вопрос о привозном характере изделий на основании анализа местных глин очень рискованно. Материал последних раскопок на территории Биляра и Сувара в основном подтверждает нашу мысль.

В булгарских слоях встречается самая разнообразная керамика.

Во-первых, это керамика из глины с примесью крупнозернистого песка; самая посуда хорошего обжига, лепленая без круга. Форма и назначение сосудов различное: горшки, кувшины, кружки. Техника лепки — ленточная. На некоторых сосудах заметны следы сглаживания. Цвет желтый, местами серый. Посуда найдена в виде фрагментов, покрытых зубчатым или гладким орнаментом. Находят такую керамику в Биляре, Барановском и Белынгузском городищах [90] и на Сосновом Солонце [91].

Известна керамика из глины с примесью песка хорошего обжига, серого или желтого цвета, лепленная вручную с применением ленточной техники. Орнамент зубчатый, покрывает сосуды не сплошь, а только в верхней части, составляя узор из прямых вертикальных отрезков или из зигзагов в одну-две линии, иногда в комбинации с линейным орнаментом. Веревочный орнамент располагается только по верхней части сосудов в виде ряда прямых линий, нанесенных сплошь с интервалами или зонами. Линейный орнамент расположен в верхней части в один или несколько рядов. Волнистый орнамент из одной или двух полос нанесен гребенкой на верхней части сосуда.

Встречается посуда черного цвета с незначительной примесью песка, формованная вручную, среднего обжига. Она представлена горшками и кувшинами разных размеров и плошками. Орнамент линейный, резной, зубчатый, расположенный в виде прямых вертикальных и зигзаговых линий, и веревочный в виде прямых линий, примыкающих одна к другой с незначительными интервалами или зонами.

Известна также посуда желтого и черного цвета, содержащая в тесте примесь толченых раковин. Некоторые сосуды содержат эту примесь в большом количестве, а в некоторых она едва заметна. Эта керамика приготовлена техникой без гончарного круга, обжиг её невысокого качества. Форма сосудов различна, самой распространенной формой являются горшки и банки. Чаще всего в этой группе встречается веревочный орнамент, нанесенный на верхней части сосуда в виде нескольких горизонтальных линий. Значительно реже мы видим другие типы орнамента, например, крупный или мелкий зубчатый из ряда вертикальных отрезов по верхней части сосуда, или линейный и волнистый. Волнистый орнамент то более отлогий, то более крутой и, как правило, расположен зонами. Линейный орнамент узкий, он наносился в несколько рядов (7—12) и иногда сплошь покрывал верхнюю часть сосуда. Широкий линейный орнамент располагается обычно горизонтальными рядами, но встречается иногда и в виде вертикальных отрезков.

Описанные типы посуды, бесспорно, местного происхождения. Все сосуды плоскодонные, леплены вручную широкими лентами. Орнамент

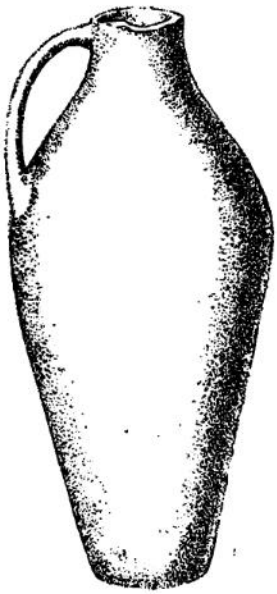

Рис. 102.

Рис. 103.

Рис. 104—106.

Рис. 99—101.

Рис. 107—108.

Рис. 109—111.

Рис. 99—103. Образцы булгарской глиняной посуды.—*Рис. 104—108.* Глиняные пряслица.—*Рис. 109—111.* Грузила для рыбацких сетей.

наносился путем наложения веревочки, зубчатого штампа или резьбой. Все узоры, кроме линейного и волнистого, встречаются и в добулгарских слоях. Новым в этой посуде, несомненно домашнего производства, является горизонтальной линейный орнамент, возникший с появлением гончарного круга. Такой орнамент легко сделать при быстром вращении сосуда на кругу. Поэтому все иные приёмы орнаментики, кроме волнистого, с появлением гончарного круга отмирают. В описанной выше посуде, архаичной по своему характеру, этот тип орнамента говорит о влиянии ремесленного производства на домашнее.

В археологии лепная посуда датируется временем Булгарского царства. В верхних слоях такой посуды мы находим меньше. Такая же посуда, но лучшего качества, встречается и в золотоордынских слоях.

Другую группу составляет посуда, сделанная с применением той же ленточной техники, но уже на гончарном круге. Цвет ее желто-красный или серый. Чаще всего такая посуда дает в изломе черепки с черным внутренним слоем, или же половина стенок в ней желтого, а половина черного цвета, что указывает на недостаточно высокий обжиг. Форма посуды этой группы очень разнообразна. Попадаются кринки разного размера, начиная от 10 см и выше при диаметре горла в 6 см, с одной ручкой и плоским дном. Стенки этих сосудов по большей части гладкие, очень редко покрытые линейным и зубчатым орнаментом. Кроме кринок встречаются кувшины и кубки различных размеров, лампочки, амфоры, плошки, тарелки, горшки и сфероконические сосуды, подражающие привозным образцам (рис. 94—103). Отнести их к домонгольской эпохе заставляет одна и та же фактура, что и у других булгарских сосудов. Встречаются и крышки от сосудов в виде конуса или плоские с вертикальной ручкой [92].

Среди других изделий из глины необходимо отметить детские погремушки. Обычно все они гладкие, без поливы.

Почти вся поливная посуда принадлежит уже к монгольской эпохе и лишь очень незначительная ее часть домонгольского происхождения. При раскопках на месте города Сувара, который, как показывают исторические свидетельства арабских путешественников, существовал с X века, обнаружена неполивная керамика булгарского типа, причем характерных татарских черепков весьма мало. Среди обломков найдено всего несколько черепков поливной керамики. Вероятно, эта керамика была привозной из Средней Азии. Некоторые сосуды изготовлены при помощи выточки на гончарном круге и имеют сглаженные стенки. Самая фактура их и недостаточно высокий обжиг при том же составе глины, что и у посуды, сделанной без гончарного круга, заставляют нас в этом вопросе не согласиться с мнением В. В. Гольмстен и считать булгарскую посуду, изготовленную на гончарном круге, не привозной, а местной.

Большинство гончарной посуды сделано на ручном гончарном круге. При раскопках Сувара было найдено небольшое число сосудов, на днищах которых видны следы среза с гончарного круга при помощи нити, что указывает на применение ножного круга.

Наиболее древние из найденных сосудов этой группы могут быть датированы XII—XIII вв. Обжиг их значительно выше по качеству и производился, повидимому, в закрытом горне. Однако появившийся в XII веке ножной круг не получил преобладающего значения и ручной круг и после этого изобретения применялся весьма долго. Орнамент, покрывающий посуду указанной группы, типичен для керамики того времени.

В керамическом производстве и в его орнаментике сильно чувствуется влияние Средней Азии, откуда в числе других вещей шла в Булгарию поливная керамика и сфероконические сосуды. Местные сфероконические сосуды подражают привозным образцам. Их форма часто неправильна, орнамент проще и грубее, что и выдает туземное их происхождение. Там, где появляются более сложные узоры, сказывается влияние хорезмийского ремесла.

Кроме посуды разных сортов гончары вырабатывали предметы технического назначения. Необходимо прежде всего отметить напрясла для веретен. Все коллекции из Болгар содержат напрясла в большом количестве, а Государственный музей ТАССР в Казани насчитывает их несколько сот. Почти все они одного типа — битрапецоидные, представляющие в продольном сечении две трапеции, сложенные основаниями. Один и тот же тип, одна и та же фактура заставляют видеть в этих напряслах продукцию местных ремесленников. Таковы же грузила для рыболовных сетей: цилиндрические, биконические и бочкообразные[93] (рис. 104—111).

Особое место среди таких изделий занимают керамические водопроводные трубы, находимые в большом количестве на территории Болгар, и кирпичи, напоминающие по общему своему виду и размерам среднеазиатские. Такие кирпичи были найдены при исследовании Биляра и Сувара в зданиях домонгольской эпохи. Этот факт замечателен, он говорит о большой роли гончаров-ремесленников в местном строительстве. То обстоятельство, что для образца в производстве кирпичей был взят среднеазиатский, дает право предполагать, что в качестве гончаров работали и приезжие мастера с Востока. Этот же факт объясняет влияние среднеазиатского искусства на орнаментику булгарской посуды.

Довольно часто встречается керамика, обычная для салтовской культуры, в частности для Цимлянских городищ[94]. Интересны некоторые детали, свидетельствующие о пережитках форм сармато-аланской культуры, доживших до XIV века. Об этом говорит форма кринок и мисок, ручки сосудов и детали булгарской посуды (табл. VI, рис. 112—113).

От булгарских гончаров до нас дошел ряд клейм на сосудах. К сожалению, датировать эти клейма при современном состоянии археологических знаний — невозможно, иначе можно было бы дать ответ на ряд интересных вопросов, например, о переходе профессии от отца к сыну. Клейма мастеров, как и родственные им тамги при переходе по прямой линии от одного поколения к другому обычно усложняются. Если посмотреть на эти знаки под таким углом зрения, то нужно будет признать сравнительную сложность некоторых из клейм, находящихся в коллекции Заусайлова, например, клейма под № № 5949, 4956, 5951 и 5993.

Нельзя не упомянуть кратко еще об одной категории вещей — о скульптурных изделиях. В коллекции Лихачева имеются различные фигурки животных из глины. Недостаточное число таких скульптур не дает возможности решить, являются ли они продуктом ремесленного производства, или нет.

Многие типы керамики более раннего времени продолжали существовать и в золотоордынскую эпоху в XIII—XV вв. Керамический материал этого времени представлен простой и поливной посудой, причем последняя, судя по количеству найденного материала, не имела массового распространения.

Исследования развалин города Великие Болгары, проведенные экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР, Казанского музея и Государственного Исторического музея в 1938—1948 гг.

в ряде пунктов расположения городищ, дали сравнительно небольшой процент поливной посуды. Ее преобладание в старых собраниях наших музеев объясняется очень просто: при сборах обычно привлекали внимание наиболее красочные вещи, которые и отбирались в первую очередь. В материале из раскопок развалин золотоордынских городов нижнего Поволжья неполивная керамика также преобладает.

Поливная керамика не имела большого применения в городах Булгарии XII—XIV вв. Можно с уверенностью утверждать, что ею пользовались там только высшие слои тогдашнего общества. Наиболее распространенными были гладкие и орнаментированные голубые, зеленые, синие и коричневые сосуды. Реже встречаются голубые и синие с рисунком, нанесенным золотой, красной и белой краской. Орнамент на посуде растительный и геометрический, хотя встречаются и изображения животных.

Большое распространение получила строительная керамика. Изразцами покрывались здания снаружи и изнутри. Изразцы изготовляли из пористой и плотной глины. Первая группа изразцов представлена экземплярами из белой и желтой глины; цвет изразцов темносиний, часто с лиловым оттенком, встречаются также голубые, реже красные; иногда под прозрачной стекловидной поливой виден рисунок, нанесенный на синем или зеленом фоне. Вторая группа изразцов имеет такую же расцветку, но более блеклую, отличающуюся от прозрачных тонов первой

Помимо изразцов для украшения зданий широко применялась мозаика из маленьких треугольных и пятиугольных плиток желтого, синего и голубого тона.

Вся поливная керамика аналогична керамике золотоордынских городов нижнего Поволжья [95] и появилась она в Болгарах из одного центра — из Средней Азии [96]. Строительная поливная керамика несколько напоминает отделку самаркандских мечетей [97].

Разбор найденного материала показывает определенную преемственность между керамикой древнебулгарского и золотоордынского времени. Все технические приемы приготовления посуды, применявшиеся в XIII—XIV вв. при монголах, были известны и гончарам булгарской эпохи. В частности, судя по раскопкам Сувара, можно утверждать, что в конце XII века появились уже ножной гончарный круг и закрытый горн, давшие возможность получать керамику высокого качества. Однако ни ножной гончарный круг, ни закрытый горн не получили большого развития в домонгольскую эпоху; не вытеснили они и ручной гончарный круг и обжиг в простой печи и в последующих XIII и XIV вв. Нужно все же отметить, что изготовление выполненной от руки посуды сильно сократилось, хотя ее продолжали выделывать и в золотоордынской Булгарии. Это указывает на продолжение деятельности старых ремесленников. Другое дело поливная посуда — ее производство целиком приходится на долю ремесленников Ургенча и Самарканда, вероятно переселенных монголами в Поволжье при устройстве ими здесь городских поселений.

Существовали ли у булгар плотники в качестве отдиференцировавшегося слоя ремесленников, или у них ставили города и возводили укрепления крестьяне в порядке феодальной повинности — сказать с уверенностью нельзя. По сообщению Эль-Балхи, население Болгар и Сувара жило в деревянных домах, а число жителей в обоих городах достигало 10 000 человек. Это заставляет предполагать, что дома строили специ-

альные рабочие-плотники. Точно так же и характер укреплений городов, весьма мощных, окруженных стенами из срубов, и наличие деревянных ворот в стенах и т. д. подтверждает мысль о том, что у булгар были в то время специалисты-плотники [98]. О деятельности каменотесов свидетельствует ряд письменных источников и остатки каменных сооружений.

Ибн-Фадлан отмечает просьбу булгарского царя Альмаса ибн-Шальки Бальтавара к арабскому халифу Муктадиру о сооружении крепости, в которой он мог бы защищаться от царей-противников, на что халиф согласился [99] и мастера-строители были присланы. К сожалению, все архитектурные остатки в городе Болгары принадлежат к мусульманскому периоду, а из домусульманских известны только отдельные фрагменты на территории Болгарского городища [100], суварская постройка, да полуразрушенная башня Чортова городища на Каме. Здесь стояло каменное сооружение, укрепленное по углам круглыми башнями с забутовкой внутри стен мелким щебнем. Стены были укреплены толстыми бревнами, остатки которых сохранились до настоящего времени. Подобная техника строительства крепостных сооружений известна и в других государствах на Востоке.

Повидимому, часть построек — дворцы князей, мечети, общественные здания возводились из камня, а рядовые горожане довольствовались деревянными домами, о которых и упоминают арабские историки, описывая Болгар и Сувар. При исследовании Биляра и городищ около него, в районе современных сел Биляровки и Арбузова, на поле находили куски известняка и песчаника. В окрестностях этих же деревень известен овраг, в котором попадаются камни клиновидно-удлиненной формы. Н. Аристов отмечает, что это известняковые и песчаниковые плитки, тождественные по форме с камнями, находимыми на городищах. Аристов делает отсюда вывод, что исследованное им поле могло быть местом разработки камня в булгарскую эпоху [101].

В коллекциях Лихачева среди прочих предметов хранится двухсторонняя кирка, которая могла употребляться в каменоломнях и, возможно, в рудниках. Для обработки и откалывания ровных кусков камня булгары пользовались орудиями, напоминающими прямые зубила и скарпели. Они отличаются от обычных современных зубил более широким рабочим краем, представляющим широкую режущую кромку. Поэтому на поверхности камней, обработанных скарпелем более или менее четко, заметны следы правильно нанесенных друг возле друга «дорожек».

Каменотесное дело достигло у булгар высокой степени развития, хотя, повидимому, и не получило широкого распространения. Сохранились исторические известия, что из Болгар привозили во Владимиро-Суздальское княжество материалы для постройки каменных зданий. Татищев указывает, что Юрьевский собор построен булгарскими мастерами. Интересно, что среди бронзовых пластинок, украшенных «звериным» орнаментом, происходящих из Болгарского городища, имеется одна с изображением какого-то полусказочного животного с разинутой пастью и с хвостом в виде распустившегося цветка, заброшенным на спину [102]. Точно так же трактованные звери украшают стены Юрьевского собора. Кто является автором этого мотива, сказать трудно. Им мог быть мастер-булгарин, по своему вкусу декорировавший стены собора, но этим приемом могли воспользоваться и мастера Суздальской Руси, почерпнувшие его из того же источника, что и булгары.

У булгар широко было развито строительство кирпичных зданий.

И в этой отрасли строительного дела ведущую роль сыграли восточные мастера. Постройки, открытые в Суваре и Биляре [103], сложены из квадратного кирпича, причем система кладки и устройство фундаментов типично среднеазиатские.

Вопрос об архитектуре зданий волжских булгар слабо разработан в истории культуры. Выводы, к которым приходят исследователи, основываются на анализе наземных булгарских развалин XIV века, дошедших до нас в сильно фрагментированном виде, к тому же искаженных поздними переделками. Археологические раскопки как самого городища Великие Болгары, так и развалин городов нижнего Поволжья, почти не дали материала для суждения об особенностях архитектуры булгар.

Несколько могут дополнить наши представления по этому вопросу свидетельства восточных писателей, но и они не вносят достаточной ясности. Сильно затрудняет работу исследователей отсутствие зарисовок, фотографий и обмеров древних зданий. До сих пор остаются неизученными многие стороны строительной техники. В ряде отчетов нет описаний характера кладки и материала, шедшего на облицовку и на забутовку стен. Все же в отношении кладки мы имеем довольно согласное мнение исследователей, что стены строились у булгар из мелких необделанных камней на известковом растворе, а затем облицовывались с внешней и внутренней стороны хорошо подогнанными блоками.

Для облицовки применялся плотный известняк в виде блоков [104], а более слабый, повидимому сюкеевский, шел на забутовку. Употреблялся также туф с ноздреватой поверхностью. Из туфа клали верхние части зданий. Наконец, на постройки шел кирпич в виде целых квадратных плит или половинок. Известковые и туфовые блоки имеют хорошо обработанную поверхность с последующей полировкой.

В. В. Егерев в своей работе отмечает стремление древних зодчих обеспечить наибольшую устойчивость стен путем укладки в углах крупных тесаных камней или устройства контрфорсов [105].

Для полной архитектурной характеристики древних памятников Булгарии мало тех кратких замечаний, которые разбросаны по разным изданиям, недостаточно и одного художественно-архитектурного обмера, нужна организация широких раскопочных работ, так как большинство булгарских зданий в древности было окружено различными постройками. Таковы Белая палата, Ханская усыпальница и др. Черная палата имела, повидимому, вокруг себя галерею и ряд пристроек, объединенных с нею в один комплекс. Пока это еще не сделано и проследить развитие булгарской архитектуры поэтому почти невозможно. Поскольку нужных обобщений сделать нельзя, дальнейшее изложение будет носить более или менее эскизный характер.

Установлено, что в образовании булгарского государства большую роль сыграли местные племена. Поэтому естественно, что в булгаро-татарской архитектуре могут встречаться элементы местной добулгарской архитектуры.

Знакомясь с отдельными замечаниями восточных писателей, весьма отрывочно характеризующих сооружения булгар, мы встречаем упоминания о землянках, в которых жители проводят зиму, с крышами, напоминающими собою кровли христианских храмов, и о деревянных домах. Археологические исследования позволяют проследить первый тип жилищ довольно рано. При раскопках Армиевского могильника в Саратовской области было открыто селище, расположенное против городища Ош-Панда. На его площади раскрыты землянки или, вернее, полуземлян-

ки, представлявшие собой круглые в плане углубления с плоским полом, глубиной в 20—30 см при диаметре в 8—9 см, обложенные камнями на высоту 50—60 см. Вокруг стен шли нары. У южной стены, недалеко от входа, помещался очаг. Вход в такое жилище устраивался с юго-восточной стороны. В центре землянки стоял столб, поддерживавший перекрытие.

Итак, это было круглое в плане сооружение с невысокими стенами, обложенными камнем, с конической крышей, подпираемой центральным столбом. Повидимому, следами такого рода землянок следует считать углубления, вскрытые на целом ряде городищ, в частности на Кирельском. Армиевские землянки датируются V—VI вв. н. э., но подобные им существовали и позже, в X веке. Видевшие эти постройки арабы могли сравнивать их кровли с куполами христианских храмов Закавказья.

Наряду с круглыми полуземлянками в среднем Поволжье встречаются и прямоугольные, вроде тех, которые были открыты В. А. Городцовым на Городецком городище и на Бабьем бугре. От таких землянок и произошли, вероятно, деревянные дома-срубы, открытые при исследовании городищ Сувара и Болгара. Одни из таких домов были почти квадратной формы с деревянными полами и подпольем и с ямами для хранения зерна; близ одной из стен стояла глинобитная печь. Систему покрытий этих домов выяснить не удалось, но, повидимому, крыша на них делалась двускатная, характерная для северной части Восточной Европы. Изучение удмуртских жилищ показало, что двускатная кровля является одной из древнейших форм крыши на этой территории.

Второй тип жилого дома в Суваре представляет постройку размером 7,10 × 7,16 м, с деревянным полом и с подпольем глубиной около 70 см. Пол клали на переводины, покоившиеся на балках; близ стены стояла печь, а по бокам ее, в подполье, находились две ямы для хранения зерна. Повидимому, здесь же у печи устраивался и лаз в подполье. Стены такого дома были плетеные, обмазанные с обеих сторон глиной. Труднее судить о крыше, но можно полагать, судя по находке кусков глиняного карниза с небольшой частью крыши, что она была плоской. Плетеные постройки видели у булгар арабские путешественники.

Вот все данные о домах булгар X—XIII вв. В городе это были простые деревянные срубы или каркасные постройки, оштукатуренные глиной снаружи и изнутри. Крыша у каркасных построек делалась плоская. Этот тип дома, весьма вероятно, сложился одновременно с появлением здесь булгар, принесших его с собой с юга, где он был широко распространен у хазар и антов. В деревнях в ту эпоху вероятно долго сохранялись землянки.

С X века булгарская знать начинает создавать более монументальные постройки, которые, однако, первоначально повторяли в своем внешнем облике обычные дома горожан.

Таким богатым домом являлся архитектурный комплекс, открытый и исследованный в 1934 году (см. ниже) на городище Сувар. Он представлял собою двухэтажное здание с несколькими кубическими пристройками и башней. Дом существовал долго и не один раз перестраивался. Археологические исследования позволили установить три строительных периода в истории дома, хорошо датируемые приемами кладки, типами кирпича и данными стратиграфии культурного слоя.

Древнейшая часть здания представляла собою квадратную постройку с башней с западной стороны; гладкая оштукатуренная поверхность юго-западной стены оживлялась двумя пилонами, соединенными вверху

в арку. Здание было выстроено на фундаменте из сырцового кирпича в два приема: стена сначала возводилась вчерне, а затем облицовывалась кирпичем. Технические приемы постройки, форма кирпича, характер фундамента — все заставляет видеть в строителях среднеазиатских мастеров, вероятно из числа прибывших с посольством халифа Муктадира в 922 году. Вокруг дома находился двор, вымощенный плитами и обнесенный кирпичной оградой. Пол дома несколько приподнят над уровнем двора; под ним проходили дымоходы отопления. Крыша, судя по найденному карнизу, была плоской. Устройство этого здания позволяет заключить о появлении в Булгарии в определенный исторический момент новых строительных приемов и о введении нового строительного материала, неизвестного раньше, однако тип постройки местный, напоминающий собою деревянные дома горожан предшествующего периода.

К тому же времени относится еще одна постройка, стоящая особняком,— Чортова цитадель Елабужского городища. Судя по плану, снятому в 1855 году, цитадель представляла собою четырехугольник, близкий к квадрату, площадью 21 × 19 м, с четырьмя круглыми башнями по углам и четырьмя полубашнями между ними, выдававшимися полуциркулем посредине каждой стены. Башни имели в диаметре около 6 м. Стены их выложены из небольших необделанных камней, скрепленных цементом, с заливкой внутри раствором извести и мелкого щебня; фундамент глубиной около 1 м и шириной в 80 см состоял из крупных известковых камней. Цитадель Елабужского городища напоминает укрепление Плиска около гор. Абоба на Дунае, являвшегося резиденцией болгарских ханов [106].

Все сказанное дает право говорить о достаточно высоком уровне строительного дела в Булгарии. И не случайно русская летопись сохранила предание о приглашении булгарских строителей в русский город Владимир. Булгария знала строителей деревянных домов и белокаменщиков. При постройке кирпичных зданий работа обычно разделялась между мастерами, возводившими здание вчерне, и другими, отделывавшими его начисто облицовкой.

С распространением в Булгарии ислама началась постройка мечетей, минаретов и дюрбе — мест погребения знатных мусульман. Все такие сохранившиеся памятники относятся к золотоордынской эпохе. Мечети представлены в городище Болгар Четырехугольником и Черной палатой, минареты — Большим и Малым, дюрбе — Ханской усыпальницей, Монастырским погребом и церковью св. Николая.

Развитие городской жизни потребовало также создания и общественных сооружений, какими были бани — Белая и Красная палаты в Болгарах и караван-сараи, о которых пишут арабские путешественники.

В архитектуре золотоордынского времени мы видим продолжение старых традиций. Был заново отстроен в эту эпоху Суварский дом-дворец. Он получил ряд пристроек и в новом своем виде вероятно напоминал дворцы знатных людей Старого и Нового Сарая. Последние являлись двухэтажными зданиями размером от 40 × 40 м до 60 × 60 м, с рядом богато отделанных комнат квадратной и круглой формы. Здания обогревались системой отопительных каналов, скрытых под полом или в стенах. Поверхность стен отделывалась поливными изразцами, а внутренность комнат украшалась мозаикой, мраморными колоннами и карнизами.

Суварский дворец был значительно беднее. Он представляет собою прямоугольное двухэтажное здание с рядом пристроек кубической фор-

мы. Его фасад украшен полуколоннами и карнизом из двух нависающих рядов кирпичей. Дворец занимал центральную часть города и был окружен двором, огражденным кирпичными стенами.

Сохранившиеся в Поволжье здания X—XIV вв. показывают большую простоту архитектуры. В основе плана лежал квадрат. Кубический объем переходил в восьмигранник и через шестнадцатигранник заканчивался невысоким полусферическим куполом или пирамидой. Таковы Черная палата и три дюрбе города Болгара. Здесь мы видим простые замкнутые объемы с резко выраженным стремлением к геометрически правильным формам. Гладь стен, оживляемых небольшими орнаментальными мотивами вроде неглубоких ниш или оформлений наличников дверей и небольших окон подчеркивает простоту сооружения. Внешнему облику в полной мере соответствуют внутренние объемы.

Интересна Соборная мечеть, так называемый Четырехугольник. Это почти квадратное здание с башнями по углам, с гладкими стенами и величественным порталом с северной стороны, разделенное четырьмя рядами колонн на пять нефов.

Просты Большой и Малый минареты. Оба здания представляют собою куб на квадратном основании, переходящий в восьмигранник и цилиндр, суживающийся кверху, что вместе взятое напоминает опрокинутую колонну.

Те же самые формы мы видим и в гражданской архитектуре. Здесь особенно просты здания X—XI вв. Квадратное здание суварского дворца дает в своем плане всего одну комнату, повторяющую примитивную архитектуру жилищ низших слоев общества того времени.

Изучение развалин городов Поволжья, которые культурно были связаны с Булгарией, дает богатый материал для характеристики декоративной обработки зданий. Сюда относятся восьмигранные колонны, увенчанные простой капителью в форме усеченной пирамиды с растительным орнаментом, небольшие лепные колонки, пилястры и полуколонки, раковины, звезды, сталактиты и другие мотивы орнаментики, украшающие стены и основания куполов внутри зданий. Штукатурка, нередко голубого или красноватого тона, покрывала стены комнат. Наружные стены оживлялись неглубокими нишами, полуколоннами и резьбой. Излюбленными мотивами были плетенка, стилизованный растительный орнамент и жгут.

Для XIII—XIV вв. характерно убранство стен, помимо резного камня, поливными изразцами разных типов. Мы встречаем и квадратные изразцы размером 20 × 20 см, и более узкие для фризов или бордюров. Типичную цветную гамму составляли синий, голубой и белый цвета. Для контуров шла черная краска. Некоторые изразцы покрыты поверх краски прозрачной поливой. Наряду с гладкими изразцами встречаются украшенные растительным орнаментом, перемежающимся с куфическими надписями. Прекрасным образцом майолики является фриз, найденный в Болгаре (на территории современной усадьбы Н. Маслова), где на темносинем фоне изображена бирюзовая ветка с желтыми цветами, переплетающимися с куфической надписью.

Вопросу датировки зданий был посвящен ряд работ, однако до производства точных обмеров эту проблему еще нельзя признать вполне решенной. Все исследователи, начиная с Френа и Пономарева, считали возможным относить названные выше здания к монгольскому периоду. Позднее, в 1913—1914 гг., Хвостов и Кролленберг датировали указанные постройки концом XIV века. М. М. Хвостов видел в булгарской архитек-

туре сходство с памятниками Самарканда, в частности проводил аналогию с убранством мечети Гур-Эмир. Тот же взгляд развивал Б. Е. Кролленберг, сравнивавший найденные в усыпальницах у Малого минарета изразцы с самаркандскими. Он высказал мысль, что на время постройки указывают орнаменты изразцов, имеющие большое сходство с самаркандскими конца XIV — начала XV века [107]. Однако позднее было высказано более правильное мнение, что тогда город Болгары был в значительной степени разрушен и роль столицы перешла к Казани. Кроме того, было подмечено, что самаркандские изразцы не дают полной аналогии с булгарским и отличаются от них присутствием зеленой и красной красок, которых нет в булгарских изразцах, и иным шрифтом надписей [108].

В. Смолин относил постройку части зданий к XIV веку, а некоторых из них к самому концу этого века. К этому именно времени им отнесена пристройка Ханской усыпальницы. «Постройка этих зданий — пишет он — происходила в разное время. Первым по времени было, очевидно, построено центральное здание с пристроем, а затем к нему (возможно, что также в разное время) было пристроено два других» [109]. Время постройки усыпальниц Смолин определяет «по сохранившимся изразцам, где надписи, а главным образом орнаменты, имеющие большое сходство с самаркандскими, уводят нас к концу XIV века. Кроме того, в западной стене центральной части памятника изнутри можно заметить заделанный камень—кусок надмогильной плиты с куфической надписью (в опрокинутом положении), причем на этом куске имеется дата 709 года Хиджры, т. е. относится к XIV в. н. э., но камень в качестве строительного материала мог быть использован только с забытой могилы. Таким образом и этот эпиграфический документ в отношении определения эпохи постройки усыпальницы приводит нас к тому же концу XIV в., с чем хорошо гармонирует и самый стиль описанных зданий».

В. В. Бартольд [110] отметил сходство булгарской архитектуры с хорезмийской, точнее, с постройками Ургенча, относящимися к дотимуровской эпохе. Бартольд неоднократно указывал на связь Поволжья с Хорезмом. Он утверждал, что в золотоордынскую эпоху эта связь была не только экономической, но и политической. Влияние Хорезма сказалось в ряде памятников материальной культуры. Касаясь вопроса о влиянии Хорезма на булгар, Бартольд писал: «Очень вероятно, что сохранившиеся в развалинах Старого Ургенча великолепные постройки первой половины XIV в. имели влияние как на постройки Тимура, так и на постройки в городах золотоордынского ханства, например, в Болгаре. Установить это влияние можно будет только после тщательного изучения этих хорезмийских памятников, в особенности лучшего из них — мавзолея Тюрябек-ханым» [111].

В литературе неоднократно уже отмечалось сходство архитектурных деталей булгарских зданий с золотоордынскими [112]. В частности сходны изразцы, открытые при раскопках усыпальниц близ Малого минарета, украшенные растительным орнаментом и надписями синего, голубого или белого цвета [113]. Сюда же надо отнести мозаичный фриз с надписью, найденный в современном селе Болгары, в усадьбе И. Маслова. Текст надписи был прочитан Катановым [114] и Маловым [115].

Расцвет городов нижнего Поволжья и Болгара относится к эпохе ханов Узбека и Джанибека (1313—1357 гг.), а это дает косвенное указание на датировку булгарских зданий. Точно так же конструктивное сходство дюрбе Мухаммед-шах-Бина близ Бахчисарая с болгарской Черной палатой дает ту же дату середины XIV века. В обоих случаях мы имеем

переход от четверика к восьмерику, к шестнадцатиграннику и кругу. Белая палата (баня), в прошлом одно из наиболее интересных зданий столицы булгар, имеет сходство с баней Биюк-ханым в Карасубазаре в Крыму [116]. Все эти аналогии заставляют принять точку зрения исследователей, относивших основную группу булгарских зданий к первой половине XIV века, к эпохе хана Узбека.

Однако эта датировка не охватывает всех известных построек. Находка в кладке Ханской усыпальницы могильной плиты 1309 года заставляет датировать это здание не ранее второй половины XIV века.

Более точная датировка зданий Болгарского укрепления пока еще дело будущего. Они не изучены во всех деталях и имеют при явном сходстве и ряд отличий от известных памятников Хорезма и Крыма.

Нельзя согласиться с мнением тех, кто считал золотоордынские постройки делом рук одних приезжих мастеров. В результате многолетних работ И. А. Орбели следует считать установленным, что техника резьбы по камню на средневековом Востоке возникла в горной, обильной камнем стране, в Армении. Повсюду от Конии до Самарканда и от Болгар до Багдада носителями лучших традиций резьбы по камню являлись армяне, а по изготовлению изразцов — персы. На постройке крупных зданий, по всей вероятности, работали артели смешанного состава из армянских и персидских мастеров. Указание И. А. Орбели на состав артелей кидает яркий луч на историю булгарских памятников. Нет сомнения в том, что мы имеем дело с заезжими иноземными мастерами-камнетесами, камнерезами и художниками-глазуровщиками. Над кладкой зданий и над резьбой по камню трудились, по всей вероятности, армянские каменщики, а над поливными украшениями персидские художники, что видно также из персидских пометок на изразцах [117].

Однако эта точка зрения правильна и бесспорна только для домонгольского периода, когда мы встречаем среди зданий исконной деревянной местной архитектуры, господствовавшей здесь и являвшейся основным типом архитектуры, небольшое число кирпичных зданий (Сувар, Биляр), выстроенных мастерами, приехавшими с Востока после посольства халифа Муктадира. Изучение кирпичных строений домонгольского периода показывает полное сходство булгарских построек со среднеазиатскими. Это определенно прослеживается и в технических приемах, и в материале.

В ту эпоху в Поволжье лишь начинали строить каменные здания, единственным известным для нас образцом которых является пока башня Чортова городища под Елабугой. Она напоминает по технике кладки здания Болгарского городища, но ее нельзя отнести к продукции персидских и среднеазиатских мастеров, так как там строили из кирпича и камень почти не употреблялся. В то же время и применение камня в качестве строительного материала был широко известно в Закавказье. Во второй половине XI века армяне в большом числе выселились в Восточную Европу и значительная их часть попала в Крым. Повидимому в ту же эпоху они появляются и в Болгарах. Наиболее ранним памятником, свидетельствующим о пребывании армян в Болгарах, является могильная плита 1121 года, обнаруженная у Греческой палаты за пределами городища [118]. Армяне могли принести свои культурные навыки в далекую Булгарию вместе с влиянием сельджукского искусства, получившего распространение в Армении с XI века и хорошо прослеживаемого в памятниках Крыма [119]. К XIII веку в Булгарии выросли свои кадры строителей, но совершенно понятно, что в культовой архитектуре,

где они были связаны определенными требованиями, они не смогли создать своего стиля и питались больше канонами мусульманского искусства. Материал и техника золотоордынских построек Болгара, сложенных из местного известняка и туфа на алебастровом растворе со щебневой забутовкой, определенно связывают булгарские постройки с памятниками сельджукского искусства. Таким образом, булгарская архитектура XIV века представляет переработку искусства Закавказья и Средней Азии.

Вместе с тем мы наблюдаем в этих памятниках и струю местного творчества. В частности на это указывает соединение кирпичной кладки с известковыми блоками. Подобный приём был применен при возведении Белой палаты. Паллас, описавший эту постройку, указал, что северная её часть сложена из больших татарских кирпичей, как и верх южной части здания [120]. Кирпичи были найдены и при исследовании Ханской усыпальницы [121]. Они относятся по квадратной форме и размерам (23 × 24,5 и 24 × 22 см) к кирпичам золотоордынского времени.

О местном искусстве лучше всего говорит резьба по камню капители Четырехугольника и наличника Малого минарета, не имеющая полной аналогии ни в памятниках Ирана, ни в памятниках Ургенча.

Как и все орнаменты, украшения булгарских построек можно разделить на ряд составных элементов, которые мы можем встретить в самых различных местах. В. П. Денике в работе [122], посвященной анализу орнаментики Малого минарета, приведя несколько аналогий с рядом других памятников, указал, что некоторые орнаментальные узоры минарета, например, мотив узлового плетения, более усложнены по сравнению с памятниками Самарры в Месопотамии [123].

Изучение орнаментации булгарского камня прежде всего приводит к мысли, что эти узоры создавались местными мастерами. Такова, например, веревочка, весьма характерная для искусства племен Поволжья и Прикамья; она обычна и в украшениях сосудов, и на металлических привесках. Варианты орнаментации того же Малого минарета встречаются и на металлических пластинках. Все это заставляет считать булгарские постройки созданием местной архитектурной школы.

В рамки конца XIII—XIV вв. укладывается весь известный археологический материал. На средину XIII века указывают многочисленные находки монет золотоордынских ханов, чеканенных в Болгаре [124] с 1240 по 1420 год. При этом надо учесть, что подавляющее большинство старых археологических раскопок было связано с архитектурными памятниками. Таковы раскопки Ивановского и Радлова в 1873—1877 гг.[125], раскопки Белой палаты, произведеные майором Глинским в 1887 году [126], раскопки Четырехугольника, выполненные А. А. Штукенбергом в 1882 году [127] и Малого городища в 1893 году [128], раскопки С. И. Покровского и Б. Е. Кролленберга Ханской усыпальницы в 1914 году, Смолина и Кролленберга той же усыпальницы в 1915 году, раскопки Смолиным Греческой палаты в 1916 году [129]. Несколько иной характер более широкого исследования Болгара носили раскопки А. С. Башкирова в 1919 году.

Все обнаруженные при этом данные косвенно свидетельствуют о постройке булгарских зданий в конце XIII и в XIV веке.

Планирование городов в Поволжье было обычным для этой эпохи. В центре города помещался дворец правителя, соборная мечеть и правительственные учреждения, а кругом располагались жилые кварталы. Близкую к этому типу планировку дает Сарай Берке с его разделением города на кварталы, принадлежавшие знати, ремесленникам, торговцам и заселенные иностранцами. Кварталы разделялись стенами. Подобную же

планировку имел Болгар с той только разницей, что иноземцы в нем селились за чертой города.

Кварталы феодальной знати с их дворцами и улицами, вымощенными каменными плитами, с водными бассейнами, представляли собою красивую картину и резко отличались от скученных, грубо застроенных деревянными домами кварталов, где жили ремесленники.

Интересен один бассейн XIV века, открытый в Болгаре в 1938 году. Это прямоугольный ящик с профилированным краем и гладким парапетом, примыкавший к стене. Бассейн напоминает водоразборные чаны, широко распространенные на мусульманском Востоке.

История архитектуры волжских булгар — дело не близкого будущего. Нужны новые раскопки и обмеры, которые дадут возможность выявить характерные черты стиля булгарских строителей.

Итак, мы можем сделать следующие выводы. В доболгарскую эпоху в области ремесла выделились только кузнецы, являвшиеся одновременно и литейщиками несложных украшений, остальные производства остановились на стадии домашнего мастерства. С X века замечается дальнейшая диференциация ремесленников. К этому времени, в связи с усложнением кузнечного дела, происходит его новое разделение. Добыванием и выплавкой руды стали заниматься кричники, а из массы черных кузнецов выделились оружейники, которые с самого начала обслуживали интересы феодальной верхушки. Черные кузнецы изготовляли лемехи, топоры, косы, мотыги, тесла, гвозди; оружейники занимались приготовлением оружия; из них, может быть, следует выделить кольчужников.

Группа ювелиров была сильно диференцирована. Золотые и серебряные вещи высокой техники встречаются начиная с X века. К XIV—XV вв. относится богатейший клад Джукетау, вещи которого представляют шедевр ювелирной техники [130].

В числе ремесленников мы находим в булгарских городах и плотников, труд которых стал необходимым при постройке укреплений, княжеских замков и более пышных жилищ. Возникла потребность в сапожниках и портных, появились также резчики по камню и по кости.

Однако было бы ошибкой равнять по значению все ремесла. Широко были развиты обработка металлов, дерева, кости, и значительно меньше каменотесное и гончарное дело. Продукция гончаров не имела особенно большого распространения, так как наряду с посудой, изготовляемой ремесленниками, в быту широко применялась посуда, сделанная от руки. К сожалению, мы не можем сказать, как обстояло дело в деревне, существовали там гончары или нет, или деревня довольствовалась только посудой, приготовленной домашним способом. Материалы памятников из района Самарской луки, исследованные В. В. Гольмстен, показывают, что посуда, изготовленная на круге, всегда существовала одновременно с посудой, сделанной от руки [131], а это говорит как будто бы за то, что и деревня знала гончаров.

Продукция золотых дел мастеров, несомненно, имела ограниченное распространение. Характер материала и количество находимых драгоценных вещей говорит за это. Портные, о которых упоминает ибн-Фадлан [132], повидимому, обслуживали только высшие круги общества. Несколько железных ножниц, да костяных игольников — слишком небольшой материал, чтобы на основе его можно было судить о развитии этой отрасли производства.

Хорошо датируемые изделия ремесленников говорят о том, что X век был началом ремесленной диференциации. В это время произошло одно важное событие — заключение договора с халифатом, о чем говорит ибн-Фадлан, участник посольства багдадского халифа к булгарскому царю Альмасу. Ибн-Фадлан в своем сообщении упоминает и о просьбе булгарского царя прислать ему знающих ремёсла людей. «Когда письмо Альмаса ибн-Шальки Балтавара царя словян прибыло к повелителю верных Муктадир Биллахи, в котором (письме) он просит халифа о сооружении крепости, в которой бы он защищался от царей противников, то на все это он, халиф, согласился». Просьба о присылке мастеров-строителей была, повидимому, исполнена. Раскопки [133] на Билярском и Суварском городищах подтверждают это. Кем, как не приезжими мастерами могли быть выстроены там здания техническими приемами, применявшимися в Средней Азии и из кирпичей среднеазиатского типа?

В одном месте ибн-Фадлан пишет: «...Я зашел с портным царя, который был из Багдада, в мою палатку, чтобы побеседовать, и мы остались и беседовали около получаса, ожидая призыва к ночной молитве...». В этом кратком отрывке прямо указывается, что портной был из Багдада, причем по содержанию разговора видно, что портной находился в Болгаре еще до приезда посольства. А если это так, то, очевидно, что ремесленники с Востока приезжали в Болгар и раньше. Это не означает,что там не было своих ремесленников. Местное ремесло, как было выше отмечено, отдиференцировалось с X века и не под влиянием Востока, а в связи с развитием самого Булгарского государства.

Культура городского населения того времени не была однородной Раскопки показывают сильное имущественное расслоение.

Основными центрами торговли и ремесленной жизни Булгарского государства являлись города Болгар, Биляр и Сувар. Археологический материал целиком подтверждает сообщения арабов о торговом значении этих городов и их богатстве. Раскопки Болгара дали большое количество ремесленных изделий местного производства и привозных вещей, равно как и раскопки Биляра. Сувар, к сожалению, не может быть охарактеризован так полно, хотя и он давно стал известен в археологической литературе [134]. Однако раскопки 1933 — 1937 гг. все же дали представление о характере культурного слоя и этого города, о размерах укреплений, о пригороде, растянувшемся на 4 км. Все это позволяет считать Сувар одним из центров ремесленной и торговой жизни страны.

Определение районов сбыта продукции городов может быть сделано путем изучения географического расположения мест, где были найдены украшения булгарского производства. Если распределить по такому признаку известные нам украшения, часть которых, к сожалению, не имеет точных паспортов, то мы узнаем, что большинство находок было сделано на территории, очерченной радиусом около пятидесяти километров вокруг Болгара и Биляра. Хотя небольшая часть таких вещей была найдена в других местах, удаленных на сотни километров от центров ремесленной жизни Булгарии, это не изменяет общей картины.

Города Болгар и Биляр являлись не только местными центрами торговой жизни и ремесленного производства, но и крупными транзитными пунктами. Изделия булгарских ремесленников были известны на Чепце [135], на верхней Каме [136] и на Вычегде [137]. Булгары всю торговлю с севером крепко держали в своих руках и не допускали туда арабов. Булгарские князья выдумывали для арабов всякие небылицы, пугали жесто-

костью северных жителей: «Что же касается Арты, то никто туда не входит, ибо они (жители) убивают всякого чужестранца, путешествующего по их земле, только они опускаются по воде, и торгуют, но никому не рассказывают о своих делах и не допускают никого провожать их». Эта выдумка была определенно рассчитана на то, чтобы запугать восточных купцов.

Для того, чтобы сказать, как были организованы булгарские ремесленники, у нас нет достаточного материала, хотя косвенные данные все же позволяют говорить о наличии ремесленных организаций. Письменные документы отсутствуют, а археологические находки недостаточны, чтобы можно было окончательно разрешить этот вопрос.

Материалы из Болгара, Биляра и Сувара очень мало говорят о планировке этих городов в разные эпохи. Правда, изучение Болгара позволило наметить отдельные кварталы, где были сосредоточены различные производства, но эти кварталы обследованы еще недостаточно. Аналогичную картину дает и Сувар. При исследовании его городища было замечено, что шлаки и куски руды встречаются только на определенных участках, точно так же, как и керамические остатки. Повидимому, ремесленники Булгарского царства селились по кварталам, как это было вообще обычным для средневековых городов. Такую, например, картину мы можем наблюдать в средневековой Москве, в Новгороде, в городах Западной Европы. Это одно уже заставляет предполагать существование и в булгарских городах каких-то организаций ремесленников.

Все исследователи, работавшие над археологическими коллекциями булгаро-татарской эпохи, датируют большинство материала суммарно. Причиной затруднений в датировке является не только то, что городища плохо изучены с точки зрения стратиграфии. Уточнению дат мешает и то обстоятельство, что на протяжении большого отрезка времени некоторые типы вещей существовали почти совсем не изменяясь ни в производстве, ни в быту. Однообразие технических приемов, форм изделий и орнаментики на протяжении долгого времени также говорит о существовании в то время каких-то ремесленных организаций. Такое, например, впечатление остается при просмотре костных вещей или бронзовых замков булгарских ремесленников. Даже вещи, вышедшие не из литейной формы, а вырезанные рукой мастера, настолько похожи друг на друга по форме, размеру и орнаменту, что иногда, встретив второй экземпляр, готов утверждать, что видишь ту же самую вещь. Это сходство, которое идет гораздо дальше, чем сходство типа, говорит о том, что в своей повседневной работе мастера подражали определенным типам вещей, прибегая к одним и тем же техническим приемам и повторяя все, вплоть до орнамента. А это косвенно опять говорит о наличии ремесленных организаций, может быть, напоминающих братства. Исходя из датировки вещей, возникновение организаций ремесленников придется отнести еще к домонгольскому периоду.

Наряду с высокой организацией отдельных ремесл, как мы уже отметили выше, в гончарном деле в одно время с ремесленной посудой долго встречалась и лепная, сделанная домашними средствами. Такое неравномерное развитие различных ремесел было довольно обычным и для ранних феодальных городов Европы, когда в пределах одного и того же города одни цеховые организации возникают раньше других [138]. Очевидно, в этом отношении булгарские города не представляли какого-либо исключения.

Некоторые находки дали весьма интересный материал для характеристики нравов булгарских ремесленников. В кладе, найденном в Биляре в 1882 году, были обнаружены два перстня, украшенные шатонами с сердоликами. При исследовании оказалось, что мастер одного из них, чтобы искусственно увеличить вес золотой оправы, положил под сердолик кусочек свинца весом в 24 доли. В другом перстне с той же целью было положено под камень какое-то вещество, уже разложившееся [139]. Такое же открытие было сделано при внимательном изучении одного височного кольца из Сувара. Внутренний стержень в кольце оказался медным. Очевидно, булгарские ювелиры не отличались особой честностью и ювелирные подделки встречались тогда, повидимому, довольно часто.

Многие исследователи при своих попытках реконструировать булгарские города обычно представляют их исключительно как центры торговой и промышленной жизни. Однако при раскопках Биляра были найдены зерна проса [140], а в Суваре было открыто большое число зерновых ям. Это говорит о том, что жители булгарских городов, как и других средневековых городов Европы, в известной мере занимались и сельским хозяйством. Горожане, в том числе купцы и ремесленники, имели скот, огороды, а может быть возделывали и небольшие земельные участки [141].

Наиболее крупными ремесленными центрами домонгольской Булгарии были Болгар, Биляр и Сувар. В конце XIII в. для разрушенного монголами Болгара снова наступил расцвет. В эти годы он достиг такого развития, какого никогда не знал раньше. Позднее возвысилась Казань. Об остальных городах мы этого сказать не можем. Сувар и Биляр, игравшие большую роль в жизни страны в X—XII вв., потеряли затем всякое экономическое значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 36.

[2] «Прислали болгары послов с дары многими, дабы Владимир позволил им в городах по Волге и Оке торговать без опасений, на что им Владимир охотно соизволил, и дал им во все грады печати, дабы они везде и все вольно торговали и русские купцы с печатьми от наместников в Болгары с торгом ездили без опасения, а болгарам все их товары продавать во градах купцам и от них купить, что потребно, а по селам не ездить тиунам, вирникам, огневтине и смердине продавать и от них не купить» (В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. 2, М., 1773, стр. 88—89).

[3] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 218—219.

[3а] Д. Хвольсон. Известия... ибн-Даста, СПб., 1869, стр. 83.

[4] А. П. Смирнов. Финские феодальные города. Сборник «На удмуртские темы», М., 1931, стр. 36.

[5] Р. В. Шмидт. Металлическое производство в мифе и религии античной Греции. Известия Госуд. Акад. истории матер. культуры, т. IX, в. 8—10, Л., 1931, стр. 7.

[6] «Болгары народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как-то:пшеницу, ячмень, просо и др.» — говорит ибн- Фадлан. «Главной пищей их служит просо и конина, хотя их поля с избытком дают ячмень и пшеницу» — пишет ибн- Даста. «И мятежь велик и голод по всей стране бысть той и идоша по Волзе вси люди в Болгары, и привезоша и жито и ожиша» (ПСРЛ).

[7] В. Ф. Смолин. Раскопки «Шолома» в с. Балымерах, Спасского кантона, ТАССР в 1925 г. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXXIII, в. 2—3, Казань, 1926, стр. 130, табл. I, рис. 2.

[8] Собрания Государственного музея ТАССР в Казани.

[9] Этот тип датируется X—XI вв. н. э. См. А. П. Смирнов. Донды-Карское городище. «Труды Вотского научн. о-ва», т. IV, 1928, стр. 26.

[10] А. В. Арциховский. К методике изучения серпов. Труды секции археол. РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 36—37.

[22] В. Н. Поливанов. Муранский могильник. М., 1896, стр. 31.
[23] Н. Г. Первухин. Опыт изучения городищ Глазовского уезда. Материалы по археол. восточн. губ. России, в. 2, М., 1896, стр. 34.
[24] Коллекции Государственного музея ТАССР в Казани, собрание Лихачева.
[25] Там же.
[26] Труды XIV Археологич. съезда. М., 1911, стр. 180.
[27] Коллекции Государственного Исторического музея в Москве, собрание Ешевского; коллекции Государственного музея ТАССР в Казани.
[28] А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 93.
[28a] Д. Хвольсон. Известия... ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 83.
[29] А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 263.
[30] А. Ф. Личачев. Бытовые памятники Великой Болгарии. Труды II Археол. съезда, т. I, М., 1876, стр. 23.
[31] А. А. Штукенберг. Древняя курганная могила около дер. Булымер, в Спасском у. Казанской губ. Известия. О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. X, в. 2, Казань, 1892, стр. 155.
[31a] Д. Хвольсон. Указ. соч., стр. 181.
[32] Кроме данных, приведенных в работе Ф. А. Теплоухова «Сельскохозяйственные орудия пермской чуди», укажу, что в раскопках ряда городищ Чепецкого края сошники были встречены в слоях с монетами X века (А. П. Смирнов. Донды-Карское городище. Социально-экономический строй восточных финнов IX—XII вв. н. э. См. Труды социолог. секции Ин-та археол. РАНИОН, т. II, М., 1928, стр. 69).
[33] Отчет Археол. комиссии за 1891 г., СПб., 1892, стр. 103—106.
[34] В. В. Саханев. Раскопки на Сев. Кавказе в 1911—1912 гг. Известия. Археол. комиссии, № 56, СПб., 1914, стр. 75.
[35] Материалы по археол. России, в. 10, СПб., 1893, стр. 25.
[36] Там же.
[37] А. А. Спицын. Декоративные топорики. ЗСОРАО, т. XI, СПб., 1899, стр. 222.
[38] В. А. Городцов. Симбирский древний топорик. Труды ГИМ, в. 1, М., 1926, стр. 135.
[39] А. Ф. Лихачев. Бытовые памятники Великой Болгарии. Труды II Археол. съезда, т. I, М., 1876, стр. 5.
[40] А. Обрезков. Следы древнего населения в окрестностях гор. Спасска, Казанской губ. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. X, в. 2, Казань, 1892, стр. 148.
[41] Там же, стр. 153.
[42] А. Ф. Лихачев. О некоторых археологических находках в Казанской губ. Труды VII Археол. съезда, т. II, М., 1891, стр. 109.
[43] А. Ф. Лихачев. Скифский след на билярской почве. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. V, Казань, 1885, стр. 5.
[44] Коллекции Государственного музея ТАССР в Казани.
[45] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 33 и 26.
[46] Там же, стр. XXV.
[47] Отчет Археол. комиссии за 1895 г., СПб., 1897, стр. 60, рис. 139.
[48] Записки Археол. о-ва, т. IV, СПб., 1852, стр. 72.
[49] Труды Сарат. учен. архивн. ком., № 30, Саратов, 1913, стр. 147.
[50] Отчет Археол. комиссии за 1896 г. СПб., 1898, стр. 83, рис. 341.
[51] Коллекции Государственного музея ТАССР в Казани.
[52] Коллекции Государственного Исторического музея в Москве.
[53] А. Челинцев. Химический анализ бронзовых зеркал из коллекции Сарат. учен. арх. комиссии. Труды Сарат. учен. архивн. ком., № 30, 1913, стр. 147.
[54] Собрание Государств. музея ТАССР в Казани, коллекция Лихачева, Биляр, 76.
[55] O. Münsterberg. Chinesische Kunstgeschichte, т. II, 1912.
[56] Собрание Государств. музея ТАССР в Казани, коллекция Лихачева, Биляр, 76.
[57] O. Münsterberg. Указ. соч., т. II.
[58] Hampel Alterthumer frühen Mittelalters in Ungarn, т. I, Braunschweig, 1905.
[59] Отчеты Археол. комиссии за 1891, 1894 и 1897 гг.
[60] Известия Археол. комиссии, № 53, СПб., 1913, стр. 104—105.
[61] С. Малов. Замок из Билярска с арабской надписью. Записки коллегии востоковедов при Арабском музее, т. II, Л., 1926, стр. 155.
[62] Н. И. Третейский. О древних херсонесских замках и ключах. Известия Археол. комиссии, № 42, СПб., 1911, стр. 131 и 149.
[63] Arne. La Suede et l'Orient. Upsala, 1914, стр. 28.
[64] Например: № 5066 весит 24 гр, № 3932—18 гр, № 5062—9 гр, № 5068—17 гр, № 5074—27 гр, № 5065—17 гр, № 5067—12 гр, № 5069—12 гр, № 5070—19 гр.

№ 5071—27 гр, № 5072—27 гр, № 5073—20 гр, № 5074—18 гр, № 5075—15 гр № 5089—9 гр, № 5092—15 гр, № 5093—8 гр и т. д. См. A. M. Tallgren. Указ. соч., т. II, стр. 43.

[54] Коллекция Государственного музея ТАССР в Казани, №№ 23, 28, 35 и др.

[55] A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov. Helsinki, 1929, т. II, табл. VIII.

[56] И. Н. Березин. Булгар на Волге. Казань, 1853, стр. 48—49.

[57] Коллекция Лихачева в Государственном музее ТАССР в Казани, коллекция Ешевского в Госуд. Историческом музее в Москве, коллекция Заусайлова в Хельсинки.

[58] Например, коллекция Лихачева в Государственном музее ТАССР в Казани.

[59] П. П. Дервиз. Техника серебряного производства. Л., 1929.

[60] Коллекции Государственного Исторического музея в Москве.

[61] Коллекции Государственного музея ТАССР в Казани.

[62] А. П. Смирнов. Финские феодальные города. Сборник «На удмуртские темы», в. 2, М., 1931, стр. 36.

[63] А. Ф. Лихачев. Драгоценный клад, найденный в Казанской губ. в 1882 г. Труды VII Археол. съезда, т. II, СПб., 1891. В глиняном кувшине, наполненном серебром, сверху лежали две большие серьги филигранной работы из золота.

[64] А. Ф. Лихачев. Труды VII Археол. съезда, т. II, стр. 169. В кладе найдены: 1) два браслета, плетеные из шести проволок, соединенных в три пары. Концы проволок, как обычно, расплющены в пластинки, на которые напаяны шатоны. Основания шатонов украшены сканью из золотой проволоки, в шатоны вставлены стекла с надписью XII века; 2) два перстня с шариками и площадкой с шатонами, украшенными по основанию зернью, а сверху золотой пластинкой; площадка по краям украшена крупными полыми шариками; 3) два перстня с круглыми шатонами той же техники, что и предыдущие; 4) один перстень с расширением в виде продольной площадки; 5) еще один перстень из толстой золотой проволоки, свернутой спиралью.

[65] Там же, стр. 176, примечание.

[66] Собрание Ешевского в коллекциях Госуд. Исторического музея в Москве.

[67] Известны подобные единичные находки в Пермском крае (Материалы по археол. восточн. губерний России, в. 26) и в Чепецком крае (там же, в. 63). В коллекциях Гос. Исторического музея в Москве имеется пара серебряных замочных колец с изображениями птиц в кольце, найденных в Перми (И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятн. искусства, т. V, СПб., 1897, стр. 97).

[68] И. Березин. Указ. соч., стр. 49, надпись № 2.

[69] Аналогичные гривны найдены были в костромских курганах, раскопанных Ф. Д. Нефедовым и датируемых диргемами X—XI вв. и вещами XII в. (Материалы по археол. восточн. губерний России, в. 3, стр. 244). Подобной же техники кольцо имеется в кладе 1882 г. Браслеты такой же техники найдены в Чимкентском кладе вместе с монетами 949—1040 гг. (Статья А. Спицына в Записках Археол. о-ва, т. VIII, ч. I, 1906). В вятичских курганах Бессонихи (из раскопок Афанасьевского кургана № 5) найдена аналогичная гривна. А. В. Арциховский датирует этот курган XII веком (А. В. Арциховский. Вятические курганы. М., 1930). Браслеты подобной техники известны из Муранского могильника, датируемые татарскими монетами XIV века (Отчет 1891 г., стр. 102; В. Н. Поливанов. Муранский могильник). Перстень той же техники найден в Лядинском могильнике (Материалы по археол. восточн. губерний России, в. 10).

[70] Дата устанавливается по ряду находок. Сюда относится Рябиновский клад, где найдены монеты второй половины X века (А. А. Спицын. Археологическая находка конца X века в Глазовском уезде, М., 1899). В приладожских курганах, в погребении № 117, найдены серьги с гривнами X века и двумя германскими монетами X века (одна аугсбургская, епископа Линшолнерс, 987—996 г., другая зальцбургская, герцога Генриха, 995—1002 гг. Бранденбург. Курганы южного Приладожья, СПб., 1896, табл. IV, рис. 1, стр. 42). Некоторые из серег покрыты кружковым орнаментом.

[71] Датировка устанавливается по вещам аналогичной техники: вещи из клада 1882 года и Гнездиковский клад 1868 года, датируемый 8 сасанидскими диргемами 908—953 гг. (И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, т. V, стр. 62). Проф. В. В. Гольмстен склонна лунницы подобной техники относить ко времени до XII века, по сходству с Казанским кладом (В. В. Гольмстен. Лунницы Государственного Исторического музея в Москве. См. Отчет ГИМ за 1913 г., стр. 93).

[72] Ср. с вещами из Томниковского могильника (Русские древности, т. V, стр. 73, рис. 70) и Салтовского могильника (В. А. Бабенко. Новые систематические исследования Верхнесалтовского могильника 1908 г. Труды XIV Археол. съезда, т. III, 1911, стр. 216).

[73] Подобные серьги известны среди вещей Волынского клада, который относится к X веку (И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, т. V, рис. 65, 66, 67). Вариант такой серьги найден в погребении № 15 могильника Чем-Шай, ко-

торый датируется X — XI вв. (Раскопки А. П. Смирнова 1929). Разновидности описанной серьги, по А. А. Спицыну, датируются X веком (Материалы по археол. восточн. губерний России, в. 26).

[74] Коллекции Государственного музея ТАССР в Казани.

[75] Музей Удмуртской автономной области в Ижевске.

[76] А. П. Смирнов. Донды-Карское городище. Труды Вотского науч. о-ва, т. IV, Ижевск, 1928; Коллекция областного музея в Ижевске.

[77] Н. Г. Первухин. Опыт археол. исследования Глазовского у. Материалы по археол. восточн. губерний России, в. 26. А. П. Смирнов. Донды-Карское городище. Ижевск, 1928, табл. IV—VI.

[78] Собрания Ешевского и Сиклера в коллекциях Государственного Исторического музея в Москве, собрание Лихачева в Государственном музее ТАССР в Казани.

[79] Коллекции Государственного университета им. Ленина в Казани.

[80] Собрание Лихачева содержит в большом количестве костяные изделия из Биляра. В других местах А. Ф. Лихачевым были сделаны единичные находки.

[81] Материалы экспедиций 1947 г.

[82] ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 36.

[83] А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 48.

[84] Материалы хранятся в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

[85] Материалы раскопок находятся в Государственном музее ТАССР в Казани.

[86] Собранные коллекции хранятся в Государственном Историческом музее в Москве и в Государственном музее ТАССР в Казани.

[87] Кроме указанных работ необходимо отметить раскопки В. Ф. Смолина.

[88] В. В. Гольмстен. Материалы по археол. Самарской луки. Бюлл. О-ва археол., ист., этногр. и естествозн. при Самарском унив., № 3, Самара 1925, стр. 7.

[89] Там же, стр. 8.

[90] Материалы Государственного музея ТАССР в Казани.

[91] Материалы из раскопок В. В. Гольмстен, хранящиеся в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

[92] Вопросу о назначении этих ручек (пестов) посвящена некоторая литература. См. А. Ф. Лихачев. Бытовые памятники Великой Булгарии (Труды II Археол. съезда); П. А. Пономарев. Отчет об археол. экскурсии в Билярск в 1916 году; М. Иванов. Глиняные песты из Биляра и Сувара и их значение в болгарской керамике (Казанский музейный вестник, № 1—2, Казань, 1921). Автор последней статьи склонен считать эти предметы рукоятками крышек от сосудов и приводит в пользу своего мнения очень веские доказательства. Им дано описание разных типов пестов. Почти у всех нижний конец обломан, а верхний (известно несколько вариантов) заканчивается то шаровидной головкой, то плоским или же вогнутым кружком. При исследовании Сувара в 1933—37 гг. подобные песты были встречены в большом количестве, причем многие из них имели широкое основание, представлявшее как бы крышку сосуда, диаметром до 25 см. Верхняя же часть, очень длинная и массивная, оканчивалась во всех случаях вогнутым кругом. Как отмечает Пономарев, эти песты характерны для ранних этапов культуры, приблизительно до X — XI вв. Исследования Сувара, действительно, позволяют датировать их этим временем.

[93] О занятиях булгар рыболовством и о большом значении этого промысла в экономике Булгарии можно судить по свидетельствам арабских писателей. Ибн-Фадлан отмечает: «У них нет другого масла, кроме рыбьего масла (жира), которое они употребляют вместо оливкового и кунжутного масла. Почему они бывают сальны» (А. Я. Гаркави. Указ. соч. стр. 91). О торговле булгар рыбой с Востоком говорит и Мукаддеси (Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмета-бен-Омар-ибн-Даста, СПб., 1869, стр. 180—181).

[94] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. М., 1935, стр. 33 и след.

[95] Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. М., 1923, стр. 110—114.

[96] А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. Известия Госуд. Академии истории матер. культуры, т. VIII, в. 2—3, Л., 1931, стр. 28.

[97] С. Дубин. Орнаментика и современное состояние старинных самаркандских мечетей. Известия Археол. комиссии, № 7, СПб., 1903.

[98] Изучение укреплений Сувара приводит к заключению, что город был обнесен двойной стеной из срубов, причем промежутки между срубами засыпались землей. Как известно, точно таким же способом укреплялись в ту эпоху и русские города.

[99] А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 85—86.

[100] И. Н. Березин. Указ. соч., стр. 14.

[101] М. Н. Аристов. О возможности существования каменоломен в окрестностях пригорода Билярска. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. II.

[102] Труды Владимирской учен. архив. комиссии, т. VII, кн. 1, 1899. Бляшка хранится в Государственном музее ТАССР в Казани.
[103] Материалы по охране, ремонту и реставр. памятн. ТАССР, т. III, Казань, 1929, стр. 29.
[104] В. В. Егерев. Ближайшие работы по изучению и охране архитектурных памятников древних болгар. Материалы по охране, ремонту и реставр. памятн. ТАССР, т. I, Казань), 1927, стр. 31.
[105] Там же, стр. 42.
[106] Archeologia hungarica, т. VII, ч. 1, Budapest, 1931, стр. 6.
[107] Отчет о раскопках в Болгарах в июле 1914 г. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXIX, в. 5—6, стр. 32.
[108] Материалы по охране, ремонту и реставр. памятн. ТАССР, т. IV, Казань, 1930, стр. 37.
[109] В. Ф. Смолин. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926, стр. 48.
[110] В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 42.
[111] Там же, стр. 42.
[112] Материалы по охране, ремонту и реставр. памятн. ТАССР, т. III, Казань, 1929.
[113] Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXIX, в. 5—6, стр. 40.
[114] «Казанский библиофил», 1921, № 1, стр. 81.
[115] «Выставка культуры народов Востока». Казань, 1920, стр. 18.
[116] «Крым», 1927, № 2/4, стр. 161.
[117] Материалы по охране, рем. и реставр. памятн. ТАССР, т. IV, 1929, стр. 46.
[118] Н. Высоцкий. Новая антропологич. находка в селе Болгарах. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. VII, Казань, 1889, стр. 1—8.
[119] А. С. Башкиров. Сельджукизм в древнем татарском искусстве. «Крым», 1926, № 2.
[120] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, изд. 2-е. СПб., 1809, ч. 1, стр. 190.
[121] Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXIX, в. 5—6 Казань, 1915.
[122] В. П. Денике. Орнаментация минарета «Малого столпа» в Болгарах. Материалы по охране, ремонту и реставр. памятн. ТАССР, т. II, Казань, 1928, стр. 5.
[123] Там же, стр. 7.
[124] История Татарии в документах и материалах. М., 1937, стр. 57.
[125] Труды IV Археол. съезда, т. I, Казань, 1881, стр. 39.
[126] Там же.
[127] Известия О-ва археол., ист. и этн. при Каз. унив., т. VI, в. 2, Казань, 1888.
[128] Там же, т. X, в. 1, Казань, 1892, стр. 108—110.
[129] Отчет Археол. комиссии за 1893 г. СПб., 1894.
[130] Хранится в Государственном музее ТАССР в Казани, ему посвящена специальная работа В. Ф. Смолина.
[131] В. В. Гольмстен. Керамика древних мест поселения Самарской луки. Бюллетень О-ва археол., ист., этногр. и естествозн. при Самарском унив., № 3, Самара, 1925, стр. 11.
[132] А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 260—270.
[133] Материалы по охране, ремонту и реставр. памятн. ТАССР, т. III, Казань, 1929, стр. 29.
[134] Г. Ахмаров. Экскурсия на место древнего Сувара. Известия О-ва археол. ист. и этногр. при Каз. унив., т. XI, в. 5, Казань, 1893, стр. 478—481.
[135] Н. Г. Первухин. Опыт археол. исследования городищ Глазовского у. Вятской губ. Материалы по археол. восточн. губ. России, т. II, М., 1897, стр. 13.
[136] Н. Г. Первухин. По следам чуди. Материалы по археол. восточн. губ. России, т. II, М., 1897, стр. 96; А. А. Спицын. Древности Камской чуди. Материалы по археол. восточн. губ. России, т. XXVI, СПб., 1902, стр. 26.
[137] Отчет археол. экспедиции Главнауки в 1925 г. в Коми АССР. Архив ИИМК.
[138] И. М. Кулишер. Лекции по истории экономического быта Западной Европы, Птрг., 1920, стр. 121—122.
[139] А. Ф. Лихачев. Драгоценный клад, найденный в Казанской губ. в 1882 г. Труды VII Археол. съезда, т. II, СПб., 1891.
[140] Материалы Государственного музея ТАССР в Казани.
[141] Г. Белов. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. М., 1912, стр. 38—39.

ГЛАВА VII

РУССКИЙ ЭЛЕМЕНТ В КУЛЬТУРЕ БУЛГАР

На сложение булгаро-татарской культуры русские княжества оказали значительно большее влияние, чем Восток, Византия, Кавказ и тем более Китай. Это объясняется целым рядом причин: славяне входили в состав населения Булгарского государства; существовала тесная племенная близость между населением Булгарского государства и населением русских княжеств; Булгарское государство, как центр сношений с Востоком, играло большую роль в развитии русской торговли.

Еще в те времена, когда булгары жили в степях Приазовья, они были тесно связаны с древнеславянскими—антскими—племенами, расположенными в основном на территории лесостепи, откуда они распространялись дальше на юг. Доказательством служит упоминание имени антов в боспорских надписях. На этой территории позднее сложилось Тмутараканское княжество.

Из всех народов средней и северной части Восточной Европы русские больше других были заинтересованы в связях с булгарами и в получении восточных товаров, преимущественно предметов роскоши. Русские издавна были постоянными посетителями булгарского торжища. О многочисленности русских купцов можно судить по описанию путешествия ибн-Фадлана на Волгу. «Я видел руссов, — пишет ибн-Фадлан, — когда они прибыли по своим торговым делам и расположились на реке Атиль... Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле, а это большая река, и строят на ее берегу большие дома из дерева, и собирается (их) в одном (таком) доме десять и (или) двадцать,— меньше и (или) больше и у каждого (из них) скамья, на которой он сидит, и с ними (сидят) девушки — восторг для купцов»... Ибн-Фадлан далее подробно описал одежду, оружие и погребальные обычаи руссов.

Местом остановки руссов в целях торговли можно предположительно считать урочище Ага-Базар в устье реки Меленки, впадающей в Волгу ниже Болгар. При археологическом обследовании окрестностей Болгарского городища в 1938—1940 гг. было открыто поселение булгарской культуры X—XIV вв. Ибн-Фадлан описывает руссов как работорговцев, но, конечно, они привозили с собой не только рабов, но и произведения своей культуры.

Булгары были заинтересованы в торговле с русскими и стремились установить с ними более тесные отношения. Только этим объясняется их вмешательство в религиозные дела русских и отправку в 986 году посольства к киевскому князю Владимиру для пропаганды мусульманства.

Касаясь этого события, летописец отмечает: «Приидоша Болгаре веры Бохъмичи глаголюще: «яко ты князь мудр и смыслен и не веси закона, да веруй в закон наш и поклонися Бохъмиту». Френ считал, что «для булгар должно было иметь важное значение обращение сильных соседей к своей вере и привлечение их этой общею связью к своим ближайшим интересам»[1]. Последняя интерпретация этого свидетельства принадлежит С. П. Толстову[2].

Неудача, постигшая булгар в этом предприятии, не остановила их. В 1006 году они заключили с князем Владимиром киевским торговый договор, по которому им было разрешено, правда, с рядом ограничений, вести торговлю в русских городах. По тому же договору и русские купцы могли «в Болгары с торгом ездить без опасения».

Особенно близкая связь установилась у булгар с Владимиро-Суздальской Русью. Татищев в своих материалах отмечает, что князь Юрий при постройке городов призывал людей из различных государств, предоставляя им ряд льгот. В качестве мастеров приходили и булгары[3]. Это сообщение подтверждается Ипатьевской летописью, где при описании убийства князя Андрея говорится об огромной популярности владимирского князя у булгар[4].

Нельзя не отметить еще один факт, о котором упоминает Тверская летопись, хотя он и не находит подтверждения в других летописных сводах. Это свидетельство о жене князя Андрея, что она была болгарка родом.

Тверской летописец, касаясь убийства Андрея Боголюбского, пишет: «Убиен бысть от своих бояр, от Кучковичев, по научению своея ему княгини. Бе бо Болгарка родом, и дрьжше к нему злую мысль, не про едино зло, но и просто, иже князь великий много воева с нимь Болгарскую землю, и сына посыла, и много зла учини Болгаром»[5].

Напомню свидетельство Татищева о булгарских зодчих—строителях Юрьевского собора: «Церковь сия в Юрьеве Польском доднесь стоит, сделана из белого камени и вся резана, на которой имя князя Святослава Гавриила и той подписи разобрать не без труда». Мастер был булгарский, прибавляет автор. В рукописном житии Андрея Боголюбского отмечено: «...на устье реки Нерли, из собираемых и дволетием из Болгар вывозимых камней для строения во Владимире соборные Успения пресвятые Богородицы церкви...»[6].

Мирные отношения содействовали культурному сближению населения обоих государств, но нельзя оставить в стороне и бесконечную цепь военных столкновений. Пленные и население, угоняемое в рабство, приносили с собою свои культурные навыки.

Русский летописец, описывая осаду и разгром Ошеля в 1220 г., отмечает угон булгар в плен. Булгары во время своих нападений также могли уводить русских в рабство. Все это неизбежно способствовало появлению в булгарской культуре черт, свойственных русским, и в русской — булгарских[7]. Позднее в городах нижнего Поволжья русские играли не малую роль. В столице Золотой Орды— Сарае Берке существовал русский квартал и даже жил русский епископ.

Эти причины объясняют, почему культура волжских булгар, помимо основных элементов сармато-аланской культуры и культуры местного чудского населения, в сильной степени носит следы русского влияния. О последнем достаточно полно свидетельствует известный нам вещевой материал.

Пересматривая археологические коллекции, не трудно убедиться в присутствии в булгарских комплексах русских вещей. Прекрасную иллюстрацию дают клады, найденные близ городища Великие Болгары. Первый из них был обнаружен в 1869 г. при распашке около города Спасска (нынешний город Куйбышев, Татарской АССР). Вещи находились в медном кувшине. Археологическая комиссия передала их в Государственный Эрмитаж [8].

Среди вещей, хранившихся в этом кувшине, были четыре золотых серьги с нанизанными полыми бусами, состоящими каждая из двух половинок, украшенных на месте соединения пояском из крупной зерни и обвитых золотой сканной нитью. К средней бусине прикреплено три кольца для цепочки. Здесь же была найдена одна височная привеска в виде проволочного кольца с тремя нанизанными бусинами, орнаментированными треугольниками зерни. В центре подвески помещается «уточка», укрепленная на стержне. Крылья ее плоские, загнуты на концах и сплошь, как грудь и шея, выложены сканной нитью. В клюве птицы подвеска из шариков и колечек. На крыльях висят мелкие бусины. К нижней бусине на стержне прикреплены украшения в виде желудей с треугольниками зерни. Проволока кольца обмотана нитью.

Далее в кувшине находились: три обрывка цепочки, из них на двух бусы обычной формы, а на третьей орнаментированные зернью кружочки, в центре которых припаяны половинки шариков; пара свитых из проволоки малых серебряных браслетов с расплющенными концами; три массивных браслета, свитых из шести кусков проволоки, на концах которых прикреплены шатоны с вставками граненых сердоликов, окруженных крупной зернью; три перстня, из них один с выгнутым пластинчатым щитком, орнаментированным треугольниками зерни и сканью, второй — с полусферическим щитком, также покрытым зернью, и третий с шестигранным черневым щитком, украшенным растительным орнаментом в виде трезубца.

Кроме того, в кладе была найдена серебряная черневая привеска с орнаментом из завитков и с арабской надписью в центре, одна куфическая монета и сорок семь слитков серебра в виде пластин с загнутыми краями.

Все это типичные булгарские вещи. Таковы, например, браслеты и височное кольцо с уточкой,— подобные изделия нигде не встречались за пределами края. Но в кладе были найдены и такие явно русские вещи, как названные слитки серебра в виде пластин с загнутыми концами, обычные среди находок черниговщины, и один серебряный черневой перстень, украшенный растительным орнаментом. Этот перстень по своей форме напоминает другие изделия этого же рода, бытовавшие у русских и булгар, но орнамент его близок трезубцу, который часто встречается на древнейших русских монетах. Как известно, трезубец — родовой знак Рюриковичей.

А. В. Орешников [9], давший классификацию этих знаков, идя от простых к более сложным, в первую группу отнес знаки с серебреников Ярослава, имеющие в схеме трезубец. Этому трезубцу предшествует знак двузубца, известный по печати из коллекции Н. П. Лихачева [10]. Во вто-

рую группу Орешников поместил знаки с монет князя Владимира и в третью знаки с трех сребреников князя Изяслава, сына Ярослава, и двух его сыновей. Знак на перстне из булгарского клада, найденного в 1869 г. около Спасска, является вариантом по отношению к знакам второй группы классификации А. В. Орешникова. Это дает основание датировать перстень концом XI — началом XII века. К тому же времени относится и захоронение клада.

Второй памятник, весьма важный для разрешения поставленного вопроса,— это клад, найденный в 1888 г. близ села Великие Болгары. В него входят девять серебряных блях, оплечье и бусины от оплечья, четыре серебряных плоских браслета, две серьги и две подвески с уточками. Наиболее интересны бляхи с оплечья. Они серебряные, позолоченные, с обратной стороны гладкие, а с наружной имеют небольшие выступы из двух колец ободка. Узор на лицевой стороне щитка восьми блях состоит из вариантов рисунка расцветшего креста. Эти бляхи близки оплечью так называемого Суздальского клада, открытого Уваровым у с. Исады [11] в Владимирской губ. В числе других вещей клада назовем височные кольца с уточками и плоские браслеты, украшенные по краям стилизованным изображением лица, напоминающим львиные морды на сасанидских блюдах и на поздних булгарских зеркалах.

Из отдельных вещей необходимо отметить найденные в тех же местах серьги звездчатого типа [12], представляющие вариант аналогичных украшений из Старо-Рязанского клада, открытого в 1887 г., и серьги киевского типа в виде кольца с тремя круглыми бусинами, украшенными мелкой зернью. Последние известны в двух экземплярах [13]. На бусинах одного из них изображены кресты. Эти серьги во всех деталях похожи на такую же серьгу из отмеченного выше Старо-Рязанского клада. Из вещей более позднего времени, относящихся к эпохе Золотой Орды, надо отметить лунницы, кресты, найденные в развалинах Сарая Берке, кресты из с. Великие Болгары, складень из Муранского могильника с изображением святых и надписью по наружному краю образка и другие предметы [14]. Профессор Н. В. Покровский склонен датировать этот складень по характеру надписи XI—XII вв. Разбирая сделанное на нем религиозное изображение, он считает форму складня довольно обычной [15]. К той же группе вещей относится массивный перстень из случайных находок на Муранском могильнике с орнаментом по бокам шатона и русской надписью вокруг камня или цветного стекла, вставленного в средину перстня. Надпись на перстне, выполненная вязью, читается: «Константинова печать».

Все эти вещи попадали в различные пункты Булгарии, а позднее и в города Золотой Орды из Руси. Благодаря тесным культурным связям того времени между обоими соседними народами, они оказали свое влияние на сложение булгарской культуры.

Просматривая дальше археологический материал, можно убедиться, что булгарское ювелирное искусство в значительной мере развивалось под воздействием древнерусского. Нам известны булгарские клады ювелирных вещей, которые по технике изготовления и отделке, а в ряде случаев и по деталям и орнаментике близки русским древностям. Здесь можно увидеть общность приемов ковки металла, литья и сканной техники. Основные типы булгарских украшений вообще своеобразны, но внимательно изучив их приходится признать, что некоторые образцы заимствованы у русских. Как мы сказали выше, в булгарских кладах встречаются и типичные русские вещи.

К ранним русским кладам надо отнести Гнездовский, найденный в 1868 г. и состоящий из 108 вещей и нескольких монет. Среди них одна англо-саксонская, одна византийская — Константина и Ирины, две сасанидских 532 и 595 гг., одна сасанидская 748 г. и восемь сасанидских без ушков 908—935 гг. Датируемый концом X века клад этот интересен тем, что среди найденных в нем гривен имеется одна серебряная, сплетенная из трех двойных проволочных дротов, свитых жгутами, близкая по характеру плетения булгарским [16], и вторая, сплетенная из тонкой проволоки [17], повторяющая в точности плетение булгарских браслетов и гривен. Аналогичные вещи вне пределов булгарской территории находили весьма редко. Одна такая гривна была найдена в кладе у села Залевки с вещами XI—XII вв.[18], другая известна из Швеции, где ее нашли в одном кладе вместе с шведскими, арабскими, немецкими и англо-саксонскими монетами [19].

Булгарские клады, содержавшие гривны того же типа, относятся к несколько более позднему времени. Отмеченный выше клад 1869 г. датируется временем конца XI—начала XII века. Клад, найденный в 1888 г. близ Болгар, содержит бляхи от нагрудного украшения XII века. Это обстоятельство, при сходстве технических приемов изготовления блях, дает основание предполагать, что ювелирная техника и формы украшений были заимствованы булгарами от русских, хотя и претерпели значительные изменения.

К числу наиболее характерных для булгар украшений, относятся височные кольца, плетеные гривны и браслеты. Они почти не известны на территории русских княжеств, но встречаются, хотя довольно редко, в среднем и северном Приуралье, т. е. в областях, находившихся под сильным влиянием булгар и частично вошедших в состав булгарского царства.

В качестве примера можно указать на материалы, найденные у села Никитского, в пределах бывшего Верхотурского уезда, Пермской губернии [20]. Клад состоит из обломка одного височного кольца в виде дрота с нанизанными на него тремя бусинами, украшенными зернью, и с фигурой «уточки», а также двух серег, состоящих из двух бусин овальной формы и украшенных треугольниками зерни. Подобные предметы известны и в колллекции Теплоуховых.

Височные кольца волжских булгар, несмотря на различия в деталях, все восходят к одному типу круглого кольца с тремя нанизанными на него бусинами овальной формы. Бусины встречаются или гладкие, или имеют поясок из более или менее крупной зерни, или сплошь покрыты орнаментом.

Дрот между бусинами на кольцах, как правило, обмотан тонкой золотой плетеной проволокой. Эти простейшие украшения представляют собою прототип не раз находимых на территории Булгарии славянских привесок [21]. Примером может служить изданное Кондаковым изображение височного кольца с тремя боченкообразными бусинами, украшенными мелкой зернью.

Есть все основания полагать, что именно славянские кольца этого типа послужили основой, из которой развились кольца с тремя бусинами и привесками, прикрепленными к средней бусине. Самые привески представляют собою такие же бусины овальной формы, сплошь покрытые зернью и прикрепленные к кольцу тонкой проволокой. И, наконец, последний тип, такие же кольца с тремя бусинами, составленными из трех

частей, соединенных при помощи вставок зерни с фигурой «уточки» в центре, завершают рассмотренный ряд, который не является схемой хронологического развития этого типа височного кольца. Как показывает археологический материал, различные типы височных колец, встречаемые в кладах, относятся к одному времени.

Необходимо отметить еще височные кольца, украшенные одной бусиной. В кладе, найденном в 1888 году, имеется одна пара колец с нанизанным одним ажурным кольцом с прикрепленными снизу четырьмя цепочками для бус. Этот тип кольца был широко известен у русских и бытовал одновременно с трехбусинным кольцом. В отличие от булгарского типа, русские кольца не имели цепочек с бусинами.

Рассмотренные украшения принадлежат к числу наиболее богатых вещей. Они изготовлялись только из золота и поражают тонкостью отделки. В ряде случаев дрот сплошь обвит тонкой золотой крученой проволокой. Известен случай, когда золотой нитью была обмотана медная проволока. Такое кольцо найдено в развалинах булгарского города Сувара.

К числу других характерных украшений, имевших распространение почти исключительно в пределах древней Булгарии, относятся гривны и браслеты особого, довольно редкого плетения в виде косы из трех или шести проволок. Как указано выше, подобные украшения очень редко встречаются за пределами Булгарии. Но такую гривну нашли в одном из владимирских курганов, причем по общему виду и по застежке она полностью совпадает с булгарскими [22]. Среди памятников известен еще один браслет подобной же техники плетения, но, в отличие от булгарских, он сомкнутый [23].

А. А. Спицын, описавший этот материал, так характеризует владимирскую гривну: «Гривна из Веси... Плетение скандинавского типа не позднего времени. Среди русских древностей такое плетение можно встретить, кажется, лишь в казанских находках XIII—XIV вв.».

Как показывает материал, широкое распространение браслетов этого типа относится к несколько более раннему времени. Они встречаются в кладах начиная с XI века, когда были широко известны в Поволжье, но в XIII—XIV вв. почти вышли из употребления. В Скандинавии этот тип редок, как и среди русских древностей. Он мог возникнуть вероятнее всего из широко распространенных у славян витых браслетов, где самый характер плетения был различным.

Наиболее близкую аналогию, помимо владимирской гривны, можно найти среди вещей из кургана у дер. Смедова [24]. А. А. Спицын, характеризуя эти браслеты как плетение в виде цепочки, отмечает их сравнительную редкость и относит их распространение к XIII—XIV вв. Он пишет: «Весьма возможно, что витые браслеты описанных типов встречаются и ранее XIII века. Пока невозможно указать время их появления, но время наибольшего распространения может быть отнесено к XIII—XIV вв».[25]

А. В. Арциховский в своей работе, посвященной вятичам [26], также относит период наибольшего распространения подобных браслетов к XIII—XIV вв [27]. Однако появились они значительно раньше. В русских древностях их находили в XII и даже в X веке. В качестве примера можно указать вещи из кладов, где обычны витые гривны и реже встречаются браслеты. Таковы материалы Гнездовского и Невельского кладов, относящихся к концу X века [28].

Этот тип, весьма редкий в славянских древностях, получил широкое распространение у булгар. Там браслеты и гривны изготовлялись из тонкой золотой проволоки, концы которой расплющивались в виде пластинок или же богато украшались шатонами с вставками из камней и цветных стекол, украшенных по основанию зернью и плетеной проволокой.

Мы знаем, что те и другие бытовали одновременно. Например, в булгарском кладе 1869 г. встречены обе разновидности такого браслета. Позднее этот тип вышел из употребления и его заменил обычный витой браслет, известный только в русских курганных древностях и кладах с XII века. Здесь имеются в виду гривны и браслеты, плетеные из толстой проволоки, дополнительно обвитой тонкой проволочкой филигранной техники. Такие браслеты, хотя и получили широкое распространение у булгар, не являются оригинальными изделиями булгарских ремесленников.

Из других булгарских украшений известны различные перстни и привески, богато украшенные филигранью. Эти вещи, сделанные из серебра и бронзы, были очень распространены в Приуралье. Для них можно указать аналогии среди памятников русской культуры. В качестве примера назовем перстни из булгарского клада, найденного в 1869 г.,— один с круглым плоским щитком, разделенным пояском на две части, украшенный треугольниками зерни, и второй, с полусферическим щитком, украшенный в центре крупной зернью и треугольниками зерни, расположенными секторами. Подобные же перстни были найдены в русских кладах, например, в Невельском, открытом в 1892 г.[29], и в ряде курганов. Перстни с плоским круглым щитком были найдены также на территории быв. Лихвинского уезда, Калужской губернии[30]. Однако все эти аналогии не дают права утверждать, что булгарские ремесленники занимались простым копированием заимствованных образцов. Булгарские мастера создавали свои произведения, представлявшие варианты русских. Интересны перстни из Муранского могильника с круглым или овальным щитком, украшенные по краям треугольниками зерни с изображением в центре четырехконечного креста из крупной зерни. Хотя эти перстни относятся уже к золотоордынской эпохе, их форма напоминает перстень из булгарского клада 1869 г., а орнаментика — узор полусферических подвесок с фигурами крестов из крупной зерни, найденных в Невельском кладе. Этот клад, как известно, принадлежит к числу ранних.

Среди вещей из булгарских кладов сравнительно большое место занимают крупные бусины овальной формы, украшенные зернью, расположенной в виде треугольников, и плоские металлические кружки или монеты с приделанными к ним ушками. Кружки, как правило, украшены зернью и сканью. Сравнивая эти украшения с русскими, легко найти им аналогию среди вещей Гнездовского клада, где оказались бусины подобной же формы, усыпанные зернью, и разного размера и узора кружки, богато орнаментированные сканью [31]. Более простые бусины известны в коллекции Теплоухова, изготовленные не филигранной техникой, а литьем.

Рассмотренные типы весьма характерны для булгар, но тем не менее они имели очень узкий круг потребителей среди городского населения, славянские же прототипы таких украшений были распространены весьма широко и встречаются как в городских, так и в деревенских комплексах.

Насколько более сильным было влияние русских в области материальной культуры, показывает появление у булгар особых серег, представляющих собою разновидность колтов. Одной из наиболее поздних является серьга из Болгар, опубликованная Н. Кондаковым в «Русских древностях» [32]. Это литая, плоская, круглая подвеска с широким ушком, окруженная выступами, имитирующими саженый жемчуг. Лицевая сторона ее покрыта растительным орнаментом и имеет в центре три гнезда для камней. Такой орнамент обычен на булгарских вещах XIII — XIV вв., что же касается украшения в целом, то оно по своей форме представляет вариант хорошо известных колтов киевского типа, представленных рядом находок. Колты киевского типа, найденные в 1827 году, более других близки булгарским. Однако, нужно отметить, что сходство это самое общее, в деталях же отделки и в орнаментике булгарская серьга резко отличается от своего прототипа. Вставки из камней напоминают орнаментированные медальоны Рязанского клада, богато украшенные камнями и филигранью. Но здесь сходство только в применении камней. Во всем остальном весьма скромная по виду булгарская серьга совершенно оригинальна.

Иного происхождения серьги, найденные близ Кайбел и в Муранском могильнике. Последняя представляет собою золотое украшение круглой формы около 6 см, высотой при весе в 14,5 зол. Средину выпуклого медальона занимает шатон для камня, впоследствии утерянного. Кругом положены два ряда зерни, а между ними, также в два ряда, треугольники из мелкой зерни. Обе стороны подвески отделаны одинаково. К верхним концам медальона прочно и красиво прикреплены два прямых ушка с отверстиями посредине; ушки покрыты ниткой из той же золотой зерни. Этот крайне интересный памятник был найден крестьянами на площади Муранского могильника и куплен у них в 1888 году В. Поливановым [33]. Подобные же украшения, найденные близ Кайбел в пределах Ульяновской области на левом берегу Волги, были приобретены в 1851 г.[34]. Третья подвеска, которая, по словам Филимонова, происходит из той же местности, была найдена в 1853 г. Кайбельская находка отличается от Муранской только деталями отделки и несколько иным расположение филиграни.

Весьма близка описанному типу серьга из Анапы, датируемая значительно более ранним временем. Первая булгарская серьга, описанная выше, относится к тому же времени. Она представляет более скромный тип по сравнению с серьгами муранской и кайбельской. Зернь на кайбельском колте не может быть сопоставлена с русской. По своему характеру она напоминает аланскую и весьма похожа на украшение уфимского колта, датируемого VI—VII вв. н. э.

Близко стоят к колтам и лунницы — украшения, широко распространенные у славян с X по XIV век. Самые ранние образцы найдены в Гнездовском кладе, но они часто встречаются и в курганах. Лунницы преимущественно литые. От славян они попали в Булгарию, где и получили дальнейшее развитие. Отсюда лунницы широко распространились по Прикамью и Поволжью, находившимися под сильным булгарским влиянием.

В Муранском могильнике найдена небольшая лунница, украшенная по краю двумя рядами скани и треугольниками зерни. Похожая по форме, но еще богаче украшенная лунница, была найдена в Пермской губ. (Молотовской области). Здесь полукруги скани и треугольники зерни

украшают лицевую сторону[36]. Интересна и другая лунница из той же области со срезанными углами и поверхностью, украшенной грубой филигранью.

В Молотовской и Кировской областях были найдены лунницы, названные В. В. Гольмстен «замкнутыми»[37]. В. В. Гольмстен правильно отнесла их к лунницам с сомкнутыми углами. Они богато украшены несколькими рядами скани, а внутри треугольниками. В центре помещается шатон для камня. Кроме того, найдены литые лунницы[38] того же типа, что и филигранные. Поверхность их покрыта орнаментом, подражающим филиграни. Особенно интересна лунница, орнамент которой воспроизводит в центре шатон, хотя никаких следов камня или стекла на предмете нет. Подобные лунницы известны не только на периферии Булгарского царства, но и в центре, о чем можно судить по вещам из коллекции Заусайлова, найденным в Биляре.

В материалах, изданных Талльгреном[39], приведены два обломка литых замкнутых лунниц, не похожих по орнаменту на описанные выше или на их русские прототипы. Одна из таких лунниц аналогична металлическому кружку от кожаной покрышки для зеркала, найденному в северной Осетии, в могильнике близ аула Дзивгис[40], по форме напоминающему лунницу, украшенному двумя грифонами, а по окружности, кроме того, подобием зерни. Комплекс могильника датируется по вещам аланского типа VI—IX вв. н. э.

Возможно, что находки в Биляре относятся к этому же времени; форма замкнутой лунницы происходит от этого типа. Пермские лунницы той же формы украшены орнаментом, подобным русским орнаментам. Вероятнее всего предположить, что последние сложились в Булгарии под влиянием хазар и русских.

Нужно отметить, что изображения птиц встречаются и на булгарских, и на русских вещах. Довольно обычно видеть их на колтах и на различных привесках. Насколько можно судить по одному найденному обломку, весьма близка к булгарской круглая подвеска из курганов Осиповой пустыни[41] с изображением сильно стилизованной птицы с двумя головами. Может быть сближена с булгарской еще одна подвеска из курганов близ дер. Васильково[42] с изображением человеческого лица и двух птиц. Обе курганные группы датируются находками монет X века н. э.

О влиянии славянской культуры на булгарскую свидетельствуют и материалы, применявшиеся при изготовлении пластинок для украшения сбруи. В собрании Государственного музея Татарской республики хранятся матрицы круглой формы с рисунком, в центре которого круг, обведенный точечным узором, на углах матрицы стилизованные пальметки[43], а по краю полоса точечного орнамента. Только на одной из матриц эти пальметки даны сравнительно реалистично, а на других они сильно схематизированы. Среди русских древностей подобный орнамент распространен довольно широко. Его можно видеть на вещах Владимирского клада 1837 г., где он украшает бронзовые вызолоченные бляшки квадратной формы, служившие застежками пояса[44]. Тот же орнамент встречается и на бляшках другой формы.

Из булгарских матриц интересна одна круглая с поверхностью, покрытой точечным орнаментом. В центре изображен круг, вокруг него четыре овальных лепестка, а вдоль борта жгут. Этот орнамент напоминает композицию на бляшках из владимирских курганов, относящихся к XI—XII вв.[45], где в центре изображен круг с четырьмя лепестками.

Из того же собрания Казанского государственного музея интересна матрица с изображением креста, по концам которого точечным орнаментом нанесены листья, а в углах, между концами креста, пальметки в схематической передаче. Рассмотренный орнамент довольно обычен для славянских предметов, найденных во Владимирском кладе [46].

Среди русского материала можно найти аналогии и для булгарской матрицы с изображением в центре розетки, а по окружности стилизованного растительного орнамента [47]. Довольно близка описанной бляшка из собрания Заусайлова [48]. Здесь центральная розетка вписана в круг, по краю которого нанесен точечный орнамент. Розетка нередко встречается в орнаментальном искусстве славян, чему примером могут служить многочисленные вещи из кривических погребений, в частности узор на чашечке медных весов из гнездовских курганов, найденных в погребении № 86, датируемом X веком.

Интересны небольшие поясные бляшки в виде овала или сердца со сложным рисунком из двух человеческих лиц и растительного узора. Узор напоминает бляшки с ажурной резьбой, изображающей сплетенный узел стилизованных голов и лап животных и лент. Эти вещи имеют значительно более раннее происхождение, чем булгарские, и резко отличаются от последних по трактовке. На булгарских орнаментах нанесены резцом два-три штриха и две точки, и это все, чем обозначено лицо. Сходство орнаментов на ряде русских и булгарских вещей очень знаменательно, но степень сходства между ними в отдельных случаях различна.

Рассмотренные выше материалы дают основание для вывода о существовании в древности близких культурных связей между древней Русью и булгарами. Но откуда произошли исходные формы, кто и на кого оказал наибольшее влияние?

Изучая технику изготовления ювелирных вещей, можно заметить, что русские мастера значительно шире использовали ювелирные приемы и дали больше разнообразных вещей. При этом русские клады и курганные материалы датируются несколько более ранним временем, чем булгарские, из которых самые ранние относятся к концу XI — началу XII века.

Формы основных булгарских вещей—височных колец, гривен и браслетов впервые появились в древней Руси, где были распространены весьма широко. Таким образом, имеются основания полагать, что именно русские оказали наибольшее влияние на булгар, а не наоборот. Интересен с этой точки зрения растительный орнамент в форме трилистника, напоминающий знак Рюриковичей на древнерусских монетах. Такой орнамент можно видеть на ряде ювелирных вещей, в частности, на щитках перстней, найденных у села Низкова, в урочище у Светлого озера, быв. Черниговской губ., хранящихся теперь в Государственном Историческом музее в Москве [49]. На щитках мы видим тот же орнамент в нескольких вариантах, что несомненно подтверждает влияние на булгар русской техники.

Наконец, если проанализировать орнаментику булгарских вещей, то придется признать некоторую их упрощенность и схематичность по сравнению с русскими, особенно в растительном орнаменте. На русских вещах и памятниках архитектуры узоры более свежи, сочны и реалистичны. Это, как будто бы, тоже позволяет признать, что булгары заимствовали ряд сюжетов из русского прикладного искусства. Правда, булгары не копировали слепо русские образцы, а перерабатывали их мо-

тивы по своему вкусу, создавая оригинальные вещи. В Поволжье и Приуралье, находившихся под культурным воздействием булгар, сложился свой тип подвески, замкнутой лунницы, заимствованный у хазар и русских. У булгар, наряду с филигранными, появились литые лунницы с той же орнаментацией. Однако некоторые из них украшались несколько иным орнаментом, не характерным для этого рода вещей.

К числу булгарских орнаментальных мотивов, восходящих в прототипам узоров, характерных для древней Руси, надо отнести растительный орнамент, встречаемый на лощеной керамике, которую с большой долей вероятия можно отнести к XIII—XIV вв. Это большие корчаги с хорошо отполированной поверхностью. Орнамент сделан на них резцом с широким рабочим краем. Обычно узор в верхней части сосуда составляют отрезки зубчатого орнамента, нанесенного в две-три линии, ниже которого идет волнистая полоса из растительного, сильно схематизированного рисунка с завитками, имитирующими листья. Еще ниже проходят две-три продольные линии, заканчивающиеся фестонами. Подобные сосуды были найдены в золотоордынском слое Болгарского городища и в верхнем слое Суварского городища.

При характеристике влияния славян на древних булгар нельзя пройти мимо парадных топориков, из числа которых особо интересен найденный в Ульяновске. Этот замечательный памятник поступил в Государственный Исторический музей в Москве в 1921 г. из Ульяновского музея. Топорик бронзовый, с наварным железным лезвием, с язычками и плоским вытянутым обухом. На обеих плоскостях высечены изображения крестов с процветшими кринами, на обухе две рельефные головки зверя и переплет из прямых ленточек в виде неправильной сетки. Близок к нему по отделке самарский топорик с изображением барана и сокола и билярский топорик с фигурой коня. Аналогичные топоры известны среди материалов Владимиро-Суздальского княжества XII века. На одном из владимирских топориков нанесена монограмма в виде буквы А и изображения двух птиц и дерева.

Описанный нами несколько выше ульяновский топорик выполнен техникой, обычной для русских изделий. Крест, крины и рамки обеих лопастей топора покрыты чернью, положенной в желобки. Технические приемы обработки этого топора подробно освещены в работе В. А. Городцова «Симбирский древний топорик» [50].

Особенностью его является неправильное начертание надписей, сопровождающих крест. В. А. Городцов объясняет это обстоятельство тем, что рисунок делал человек, не понимавший символического значения креста и взял его лишь в качестве орнамента. Это позволяет предположить, что топор был сделан в волжской Булгарии мастером-булгарином. Таким образом, и этот памятник достаточно ясно отражает влияние русской культуры на булгар.

В золотоордынскую эпоху русское влияние также сказывалось довольно ощутительно. При разгроме монголами городов волжской Булгарии в 1236—1240 гг. население или погибло или ушло на север, в леса, после чего большое значение приобрела Казань. Она не сделалась еще новым Болгаром, но уже стала центром Закамья. Во второй половине XIII века монголы начали строить города в нижнем Поволжье и восстанавливать город Болгар. Для этой работы в качестве мастеров-строителей они привезли хорезмийцев и русских. Последние и принесли с собой на Волгу новую струю русского влияния.

В Новом Сарае, развалины которого исследуются археологами, существовал целый квартал, где, по сообщению ибн-Батуты[51], проживали русские. Археологические раскопки этой части городища, известной под именем первого квартала, дали материал, действительно позволяющий считать этот квартал русским. Там, по преданию, стояли русские церкви и были погребены черниговские князья Михаил и Федор. В одном могильнике здесь найдено богатое женское погребение в парчевом одеянии с крестом на груди, с золотым кокошником на голове [52], украшенным привесками. Среди других находок имеется много образков и крестиков.

При изучении развалин городища Великие Болгары также можно заметить следы русского влияния. Архитектурные памятники этого городища, относящиеся к XIV веку, сложились в основном под влиянием сельджукской культуры. К их числу относится баня восточного типа, открытая в 1938—1940 гг. близ дюрбе «Монастырский погреб». В своей отделке она носит некоторые черты, позволяющие сближать ее с русскими памятниками. Орнаментика парусов главного купола представляет стилизованный растительный узор, выполненный желтой и красной красками по белому фону. Этот мотив с такой же расцветкой встречается и на памятниках Владимиро-Суздальского зодчества. Фрагмент с частью штукатурки, расписанной аналогичным узором, хранится в Государственном Историческом музее в Москве.

Раскопки последних лет дали новый значительный материал, свидетельствующий о том, что среди жителей города Великие Болгары были и русские.

При раскопках, проведенных отрядом Болгарской экспедиции А. П. Смирнова под руководством А. М. Ефимовой, было открыто в ремесленном квартале города жилище, относящееся к домонгольскому периоду. В нем найдена славянская посуда, шиферные кресты, широко известные среди русских древностей, и медные кресты курганного типа XI—XII вв., богато представленные во владимирских курганах. Там же найдены части височных колец. Этот дом несомненно принадлежал русскому ремесленнику.

Другими отрядами той же экспедиции под руководством З. А. Акчуриной и О. С. Хованской было также найдено при раскопках в Болгарах значительное количество славянской курганной керамики XI—XIV вв.

Очевидно, что в Болгарах проживали вместе с коренным населением русские, изготовлявшие посуду в соответствии со своими привычными вкусами, причем эта посуда находила сбыт в домах русских ремесленников. Нельзя же считать, что славянские горшки привозили в Болгар для русских за сотни километров, и это в то время, когда булгарская посуда по своему качеству была выше русской.

Как видим, приведенные нами многочисленные материалы достаточно полно говорят о большом влиянии русской культуры на сложение культуры волжских булгар в период X—XIV вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] A. Fraen. Drel Müncen der Wolga-Bolgarien. Memoires l' Acad., 1922, сер. IV, т. I, стр. 195.

[2] С. П. Толстов. По следам древне-хорезмийской цивилизации М., 1948, стр. 257—264.

[3] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен..., кн. 3, М., 1774, стр. 79.

[4] Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871, стр. 401.

[5] ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стр. 250, 251.

[6] В. Доброхотов. Древний Боголюбов город, М., 1852, стр. 70, 71.

[7] Одним из еще нерешенных является вопрос о том, в какой мере булгары оказали влияние на сложение архитектуры Владимиро-Суздальской Руси. Сопоставление владимиро-суздальских храмов XII века с дюрбе городища Великие Болгары XIV века — незакономерно. Эти памятники разделяет бурный период в 200 лет, их разделяет эпоха монгольского завоевания, внесшая много нового. Поэтому будет правильнее решение этого вопроса отложить до открытия памятников булгарской архитектуры XII—XIII столетий. Для выяснения вопроса большой интерес представляет один предмет, который свидетельствует о связи Владимиро-Суздальской Руси с булгарами. Это фигура льва с хвостом, заброшенным за спину, на стене Дмитровского собора во Владимире. У булгар этот сюжет встречается на медных печатях, которые, к сожалению, точно датированы быть не могут. Близкое изображение было найдено в Муранском могильнике, где существо среднее между львом и грифоном изображено на пуговице. Сходство фигур свидетельствует о близких связях, но при решении вопроса о влиянии русской культуры на булгарскую этот материал помочь не может, так как мы не знаем, какой из отмеченных образцов был первоначальным.

[8] А. А. Спицын. Клад, найденный в 1869 г. близ Спасска, Казанской губернии. Записки отд. русской и славянской археологии, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906, стр. 264, 265; Н. П. Кондаков. Указатель отдела средних веков Эрмитажа, стр. 261—262; Русские древности, вып. V, стр. 96, 98; А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв., Л., 1936, стр. 80—81.

[9] А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936, стр. 35 и след.

[10] Там же, табл. I, рис. 1.

[11] А. С. Гущин. Указ. соч., стр. 81.

[12] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. V, СПб., 1897, рис. 134.

[13] Там же, рис. 133 и 198.

[14] В. Н. Поливанов. Муранский могильник. М., 1896, стр. 34.

[15] Там же, стр. 34.

[16] А. С. Гущин. Указ. соч., табл. I, рис. 2.

[17] Русские древности, вып. V, рис. 50.

[18] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, СПб., 1887, табл. XXI, рис, 1.

[19] O. Montelius. Antiquites suedoises, т. II, Stockholm, 1875, стр. 168, рис. 609.

[20] А. С. Гущин. Указ. соч., табл. I, рис. 2, 4, 5.

[21] Русские древности, т. V, рис. 133.

[22] А. С. Спицын. Владимирские курганы. Известия археологической комиссии, вып. 15, СПб., 1905, стр. 118, рис. 238.

[23] Там же, рис. 312.

[24] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии. Материалы по археологии России, вып. 20, табл. IV, рис. 5, стр. 46.

[25] Там же, стр. 46.

[26] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

[27] Там же, стр. 138.

[28] А. С. Гущин. Указ. соч., стр. 48.

[29] А. С. Гущин. Указ. соч., табл. V, рис. 2 и 6.

[30] Русские древности, т. V, стр. 71, рис. 68.

[31] А. С. Гущин. Указ. соч., табл. IV.

[32] Русские древности, т. V, стр. 99, рис. 132.

[33] В. Н. Поливанов. Указ. соч., М., 1896, стр. 16.

[34] Там же, стр. 17; Русские древности, т. V, стр. 99.

[35] В. Н. Поливанов. Указ. соч., стр. 17.

[36] Отчет Государственного Исторического музея за 1913 г., М., 1914, рис. 405.

[37] Там же, стр. 93.

[38] Там же, стр. 99.

[39] A. M. Tallgren. Collection Zaoussailow, т. II, табл. VIII, рис. 43, 44.
[40] Материалы археологии Кавказа, вып. I, М., 1888, табл. XI, рис. 4.
[41] Русские древности, т. V, стр. 86, рис. 100.
[42] Там же, рис. 101.
[43] Государственный музей ТАССР, инвентарн. №№ 311, 312, 313, 314, 262, 263.
[44] А. С. Гущин. Указ. соч., табл. XVI, рис. 21.
[45] Известия Археологической комиссии, в. 15, СПб., 1905, стр. 129, рис. 14.
[46] A. M. Tallgren. Указ. соч., табл. VIII, рис. 2, 3.
[47] Собрание Казанского Государственного музея, № 193.
[48] A. M. Tallgren. Указ. соч., табл. VIII, рис. 2, 3.
[49] Отчет Государственного Исторического музея за 1910 г., М., 1911, стр. 7.
[50] В. А. Городцов. Симбирский древний топорик. Труды Гос. Исторического музея, в. II, М., 1926.
[51] В. С. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, стр. 306.
[52] В. Баллод. Старый и Новый Сарай — столицы Золотой Орды. Казань. 1923, стр. 20.

ГЛАВА VIII

ГОРОДА ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

Изучение развалин городов волжской Булгарии не прошло еще первой стадии предварительного обследования, если сравнить степень их изученности с изученностью русских городов. Даже такие города как Болгар остаются почти неисследованными. Вопросы обороны города, его исторической топографии, архитектуры и быта горожан все еще слабо освещены в работах археологов. За исключением прекрасного исторического труда С. М. Шпилевского «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии» и статей П. А. Пономарева о некоторых городах, как Ошель, Кашан и Жукотин найдется очень мало работ, в которых были бы затронуты достаточно подробно вопросы истории городской жизни Булгарии.

Местонахождение города Болгара, известного по русским летописям также под именем Бряхимова [1] и Великого города, в настоящее время более или менее хорошо известно. «Великим» Болгар стал называться с золотоордынского периода. При описании похода 1399 года Ростовская летопись отмечает: «взяша град Болгарский Великий», но, как уже заметил С. М. Шпилевский [2], в Воскресенской летописи об этом событии сказано точнее: «взял Болгары Великие». Это сопоставление не оставляет сомнений в том, что в XIV веке город Болгар именовался Великим. В домонгольский период Болгар никогда так не назывался, а в XII веке этот эпитет прилагался к городу Биляру.

Можно считать установленным и местонахождение городов Биляра, Сувара (Сивара)—центра племени савиров, и Ошеля (Ашли), связываемого с областью Эсегел. К этому списку надо добавить также города Балымер (Балымат), Кашан, Керменчук, Жукотин, Казань. Описание похода 1172 года дает возможность связать Тухчин-городок с Кураловым городищем.

О местонахождении других городов, упоминаемых в летописях, судить трудно, как и о племенных центрах Собекулян, Челмата, Темтюзи. Гипотезы С. М. Шпилевского в этом отношении нельзя признать убедительными [3]. Не можем мы еще связать с определенными археологическими памятниками и такие города, упоминаемые в житии кн. Федора Ростиславича, как Куман, Корсунь, Тура и Горшир. Мнения, высказанные по этому вопросу, разноречивы и неубедительны. Попытки разрешить вопрос по данным топонимики успеха также пока не имели.

Развалины столицы государства волжских булгар принадлежат к числу важнейших памятников нашего прошлого. Однако, несмотря на огромное значение этого памятника для истории не только народов Поволжья, но и более отдаленных областей, несмотря на предметы высокой ценности, находимые неоднократно на поверхности городища и свидетельствующие о былом богатстве и величии погребенного здесь древнего Болгара, городище до советского периода не подвергалось систематическим раскопкам и остается до сих пор почти неизученным.

Археологические раскопки этого памятника, в той или иной мере оставившие след в науке, производились всего девять раз, не считая отдельных поездок, посвященных осмотру городища и собиранию материала на поверхности земли или скупке вещей, найденных местным населением.

В 1877 году[4] Л. К. Ивановский, Б. И. Поповский и В. В. Радлов произвели небольшие, повидимому, однодневные раскопки в честь XV Археологического съезда; в этих раскопках участвовали и члены съезда.

Десять лет спустя — в 1887 году[5] В. В. Глинский и И. И. Ващук раскопали остатки Белой палаты.

В 1892 году Штукенберг исследовал развалины соборной мечети, известные в литературе под именем Четырехугольника; он очистил внутреннюю часть помещения[6] и установил его планировку.

В 1893 году П. А. Пономарев проделал большую работу по изучению курганов, расположенных близ Балымера у Болгарского городища, обследовал урочище Ага-Базар и произвел раскопки Малого городка, где И. Н. Смирновым и А. И. Александровым[7] были расчищены архитектурные остатки.

В 1913 году П. И. Кротов и М. М. Хомяков исследовали восточную часть городища близ Капитанского колодезя, район Голландского озера и Бабьего бугра[8].

В 1914 — 1915 гг. С. И. Покровский, Б. Е. Кролленберг и М. Г. Худяков изучили Ханскую усыпальницу и площадь вокруг нее. В том же году были произведены работы близ Черной палаты и Четырехугольника[9].

В 1916 году В. Ф. Смолин исследовал развалины Греческой палаты и районы близ нее, занятые погребениями[10].

Предпоследняя работа, организованная Самарским государственным университетом в 1919 году, проводилась проф. А. С. Башкировым. Были осмотрены архитектурные памятники, проверены старые раскопки 1914 года и прошурфовано городище с целью изучения культурного слоя.

Только в 1938 году археологическая экспедиция, организованная Государственным Историческим музеем, Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР и Государственным музеем Татарской АССР приступила к планомерному изучению этого замечательного памятника истории.

Разрозненные, не связанные между собой исследования, ни в какой мере не отвечают значению Болгара. Мы до сих пор мало знаем его историческую топографию, архитектуру и культуру.

Болгарское городище расположено в 30 км от устья реки Камы и в 6 км от реки Волги, на краю верхней террасы, возвышающейся над

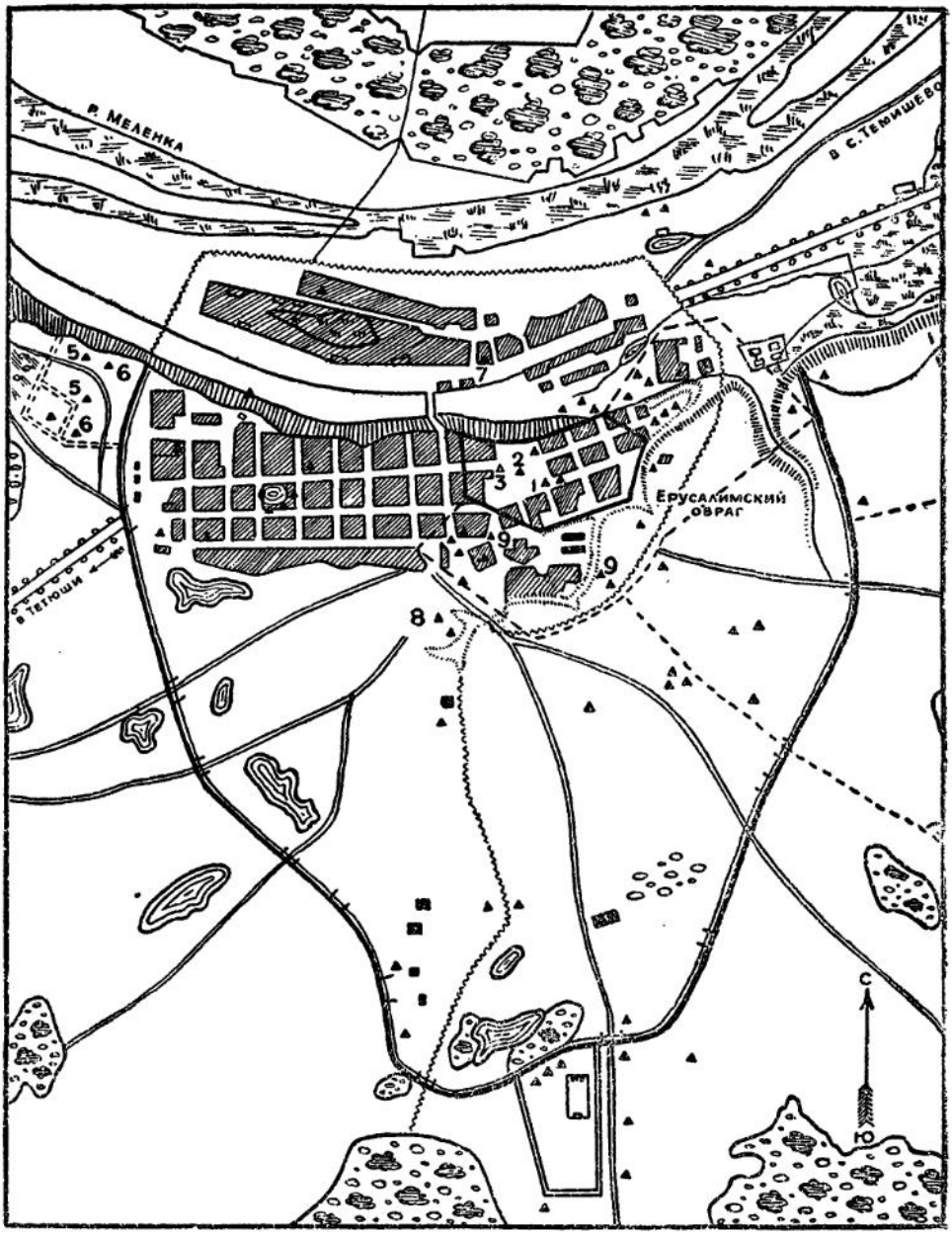

Рис. 114. План Болгарского городища. На плане значками ▲ отмечены развалины отдельных древних памятников, а значками ▬ целые комплексы древних построек.

долиной Волги на 30 м. В настоящее время на месте городища находится село Болгары, Куйбышевского района Татарской АССР (рис. 114).

Городище имеет подобную треугольнику форму, вытянутую с севера на юг и ограниченную с трех сторон валами и рвом, а с севера — берегом речки Меленки, представляющей старицу реки Камы.

Новоерусалимский овраг, прорезающий городище по линии северо-восток—юго-запад, сформировался в древности, повидимому, еще до возникновения города. Основанием для этого утверждения может служить находка Клепиковым в 1940 году древнего булгарского погребения на северо-западном обрыве оврага. От погребения сохранилась часть костей и медный сосуд. Характер культурных напластований, залегающих в ряде мест по склону оврага, также говорит о его древнем возрасте.

Этот овраг отделяет выступ треугольной формы, ограниченный с северной стороны руслом реки Меленки, переходящий на западе в площадь городища, когда-то огороженного валом. Следы его были заметны еще в начале XVIII века. О нем в таких словах упоминает дьяк А. Михайлов, впервые описавший Болгарское городище: «внутри малого окопа, где был царев дом, длиннику 80, поперег 60 саж. трехаршинных» [11].

Внутри «окопа», не сохранившегося до наших дней, находились развалины древних зданий, известные под названием «Четырехугольника», «Монастырского погреба», «церкви св. Николая». Здесь стоял и «Большой минарет», упавший в 1841 году. Та же выпись указывает, что в непосредственной близости от «Четырехугольника» стоял царский дворец: «Да против тех 4 палат (Четырехугольника — *А. С.*), отшед сажен 10, три палаты большие, в которых был дом прежних царей». Это место соответствует теперешней церковной ограде и зданию сельской церкви. Путешественники XVIII и XIX вв. уже не видели указанных зданий. Сохранилась только часть построек—«Черная палата», «Малый минарет» и «Ханская усыпальница», до сих пор оживляющие площадь городища.

Это самая древняя часть городища. Следующей частью, которая может быть выделена по формальным признакам, является квартал к юго-западу от цитадели за «ущельем», примерно до Черной палаты. Вся эта местность, сильно всхолмленная небольшими бугорками и рытвинами, носит теперь название «Черноморье».

Описание Кафтанникова [12], сделанное в 1832 году, отмечает здесь даже улицы города. Позднее, в 1870 году, А. Риттих [13] писал: «Судя по числу отдельных четырехугольных фундаментов, сохранившихся в таком количестве вокруг Черной палаты по направлению к Малому минарету, можно вывести заключение, что тут сосредоточивалось городское население. Внутренние пространства их квадратных оснований все углублены. При раскопках на глубину 1½ аршина в некоторых найдено много угольных остатков и золы... В этих строениях жили самые богатые и сановитные люди гор. Булгара». Раскопки 1915 года подтвердили, что сохранившиеся здесь возвышения являются остатками жилищ [14].

Гораздо меньше видны следы построек на запад от цитадели, где проходят улицы современного села. Здесь известны остатки каменных строений в усадьбах Печенкова, Маслова, Дубова, Солдатова, Семенова (Силантьева) и других. Тут же на северном краю села у обрыва находится «Бабий бугор» с древними погребениями, обследованными только за последние годы.

К югу от цитадели за оврагами расположено городское кладбище. Здесь находится Малый минарет, остатки Ханской усыпальницы, «Роща

святых» и ряд надгробных сооружений, о которых можно судить по раскопкам 1914 и 1915 гг.

На восток и на юг от кладбища простираются сельские поля с дорогами в села Щербеть, Красную Поляну и Три Озера; поля окружены мощным валом и рвами. Здесь виднеется немало небольших возвышений со следами строительных материалов. Это остатки построек, которые в прежние годы гораздо отчетливее выступали среди пашни.

К западу от Черной палаты были видны развалины (фундаменты) бани, называемые теперь «Белой палатой». Неподалеку от нее, к северу, на плане 1827 года помечены «развалины четырехугольной палаты с каменным подвалом». К западу от Белой палаты, у «Голландского» озера, заметны следы гончарных мастерских; тут находили и находят до сих пор множество черепков недоработанной посуды, а в 1948 году были открыты гончарные мастерские. Все это дает основание предполагать здесь гончарный район [15].

За главным валом сохранился так называемый «Малый городок». Это небольшое пространство на южной оконечности городища, окруженное самостоятельным валом и рвом, вмещающими в себе остатки каменных древних сооружений, в которых некоторые исследователи склонны видеть военное укрепление, а весь городок предлагают считать военным фортом у главных южных ворот города.

С северо-запада к городищу примыкают развалины так называемой «Греческой палаты», по соседству с которой старые планы указывают и другие постройки: план XVIII века — столб, а план Шмидта 1827 года — «развалины здания с башнями». Здесь открыты остатки домов армянской торговой колонии.

На северо-восток от городища возвышается холм со следами окопа. На холме собрано немало черепков посуды, встречаются и монеты. На дне оврага, у подошвы холма, найдено много древних предметов. Однако это место совершенно не изучалось археологами, если не считать раскопок Кротова в 1913 году [16].

К северу территория городища круто обрывается к низменности, на которой расположены озерки и болота, остатки русла протекавшей здесь речки Меленки. Эта местность раскапывалась в 1938—1939 гг. На половине склона, где была в древности площадка, сейчас деформированная оползнями, открыта городская площадь с башней. В этом районе, в быв. усадьбе И. Ф. Сидоршина, обнаружены каменные и кирпичные стены, сеть глиняных труб и несколько каменных водоемов [17]. Следы развалин отмечены и в других местах, например, в усадьбе Запевалова и др. Подгорные здания, как показали раскопки 1939 года, сохранились лучше построек верхней площади города, так как были сильнее засыпаны обвалами и покрыты более мощными намывными слоями. О наличии здесь под поверхностными слоями земли значительных каменных кладок говорят и крестьяне. Дальше к северу, за обмелевшим руслом речки, на дюнообразных возвышениях расположена подгорная улица села, где встречаются остатки древних построек. На плане Шмидта здесь показаны «развалины палат с большими круглыми башнями на возвышенном кургане за болотом, где по преданию стоял маяк». Совершенно понятно, что город возник не сразу, и площадь, окруженная восьмикилометровым валом, относится к позднему периоду его существования.

При изучении Великих Болгар одним из первых встает вопрос о достоверности определения места, где был расположен город. Арабские писатели освещают этот вопрос по-разному.

Так, ибн-Фадлан, посетивший город Болгары в 922 году, писал: «...так, что если кто-нибудь из них отправляется на рассвете к реке Итиль, отстоящей от них менее, чем на фарсанг, то доходит до нее только к позднему вечеру...» [18]. Описание ибн-Фадлана, содержащее немало достоверных и ценных сведений о болгарах, точно совпадает с месторасположением рассматриваемого городища.

Иные сведения сообщает Мукаддеси, помещая Болгар на самом берегу Волги: «Булгар лежит у реки Итиль...» [19]. Однако этому автору нельзя особенно доверять, так как сведения его, как касающиеся Болгара, так и других городов,— не точны. Он, например, утверждает, что Болгар «находится ближе к морю, чем к столице». В другом месте, характеризуя город Сувар, он помещает его на Волге, в то время как Сувар находился от нее в 50 км.

Из других авторов этого вопроса касался Абуль-Феда, писавший в 20-х годах XIV века. Он сообщает, что Волга проходит около города Болгара, огибая его с севера и с запада, что не дает оснований ни искать город на самом берегу Волги, ни возражать против такого предположения.

Еще один автор XIV века ибн-эль-Варди помещает Болгар на самом берегу реки и указывает, что прежде он был известен как главный город и гавань страны, пока его не разрушили руссы в 358 (965) г.[20]. Из текста видно, что ибн-эль-Варди сам не был в Болгаре, а заимствовал сведения о нем от своих предшественников, писателей X века.

На Волге помещают также Болгар автор XV века Хумейри и автор XVI века Шериф-Эддин-Булгари [21].

В исторической литературе до сих пор преобладало мнение о расположении города Болгара на самом берегу Волги. Так, Шпилевский [22], основываясь на татарских рукописях и преданиях, помещал Болгар на берегу большой реки, Волги или Камы. Того же мнения придерживались В. Флоринский [23] и Ю. Готье [24], принявшие за истину свидетельство Мукаддеси.

Материалы раскопок 1938—1940 гг. дают основание с доверием отнестись к свидетельству ибн-Фадлана и отвергнуть сообщения других авторов.

При раскопках 1938 года близ места, где в 1936 году колхозники открыли древний водопровод, были произведены дополнительные раскопки русла реки Меленки. Шурф, заложенный на расстоянии 30 м от берега, длиной в 2 м и шириной в 1 м, обнаружил слой торфа толщиной в 4,75 м, состоящий из 5 наслоений: а) растительного, до 30 см толщины; б) слоя в 25 см с остатками кореньев; в) слоя иловатой глинистой массы голубоватого цвета до 13 см со включениями ракушек; г) пласта торфа с прослойками глины толщиной в 70 см; д) массивного слоя торфа бурого цвета с остатками осоки толщиной в 3,37 м. В толще первых четырех слоев на глубину до 1,40 м находили куски дерева со следами обработки и фрагменты булгарской керамики. Глубже 1,40 м культурные остатки не встречались. Все вещные находки могли попасть в торф в результате смыва с верхнего плато городища. В то же время нахождение вещей в верхних слоях торфа и отсутствие их в нижнем дает основание утверждать, что город возник в то время, когда русло реки Меленки представляло спокойное непроточное водохранилище, почему в нем и мог начаться процесс торфообразования.

Несомненно, что на отложение торфа мощностью около 5 м понадобилось не одно тысячелетие, и это позволяет заключить, что город

начал строиться совсем не на берегу Волги или Камы, а на значительном расстоянии от реки, на старице, так как ко времени его возникновения уже успел отложиться слой торфа. Этот слой наблюдается не только по руслу реки Меленки, но и за линией деревни, на значительном протяжении поемной долины Волги.

Другой памятник, подтверждающий данные ибн-Фадлана, это разрушенная стоянка I тысячелетия до н. э., открытая экспедицией на берегу озера Степного, в 2—2,5 км к северу от села Болгары, свидетельствующая о том, что значительная часть теперешней поймы р. Волги в то время была сухою.

На месте этой стоянки было найдено бронзовое долото, несколько кремневых орудий и кремневых пластинок. Бронзовое долото сделано из пластины с сильно раскованной верхней частью. Боковые стороны ее загнуты и образуют трубицу, а нижняя массивная часть откована и имеет внутри трубицы выступ, в который упиралась деревянная рукоятка. Подобное тесло, хранящееся в коллекции Заусайлова в музее Хельсинки [25], Талльгрен относил к ананьинской эпохе. Из трех других орудий одно представляет собою кремневый резец, второе скребок, а третье — обломок пластинки. Все три предмета роднит между собою мелкая, невысокого качества ретушь, характерная для периода кремневой техники, когда каменные орудия вытесняются металлическими. Облик кремневых орудий, весьма близкий поделкам, находимым на ананьинской дюне, позволяет отнести их к тому же времени, что и тесло. Собранный при раскопках материал свидетельствует о заселенности поймы уже в I тысячелетии до нашей эры.

Рядом со стоянкой у озера Степного при разведках были открыты остатки селища с булгарской керамикой.

Все это достаточно ясно говорит о том, что Болгарское городище X века не могло находиться на берегу Волги или Камы, так как эти реки не протекали в то время под городищем и эта полоса была тогда заболочена и заселена в ее сухих местах, о чем и говорят стоянки и селище.

Нужно думать, что противоречивые сведения арабов о местоположении булгарской столицы объясняются тем, что многие купцы принимали за столицу поселение Ага-Базар у устья Меленки, где, по преданию, было торжище древних булгар, и где при археологических исследованиях действительно было открыто поселение булгаро-татарской эпохи. Культурный слой памятника мощностью до 1 м на значительном протяжении содержит черепки посуды, в частности золотоордынской, обломки кирпичей и куски алебастрового раствора, что дает основание предполагать на этом месте значительный поселок. Ибн-Фадлан отмечает, что руссы располагались по реке, где у них была священная роща. Может быть, Ага-Базар и является местом стоянки руссов.

К числу вопросов, долго остававшихся неразрешенными, относится вопрос о раннем периоде жизни Болгара. Большинство находок, происходящих с этого памятника, относится ко времени XIII—XIV вв. Раскопки у Ханской усыпальницы и Черной палаты в Малом городке открыли наслоения золотоордынского времени. Это привело к тому, что время существования Болгара стали относить к XIII—XIV вв., противопоставляя его домонгольским Биляру и Сувару.

Раскопки экспедиции под руководством А. П. Смирнова открыли следующие слои: 1) современный слой, 2) русский слой XIX — XVI вв., 3) слой периода запустения XVI—XV вв., 4) булгарский XIV—XIII вв., 5) булгарский XII в. и 6) самый ранний булгарский XI—X вв.

Исследования 1946—1948 гг. дали новый материал для разрешения этого вопроса. На территории Бабьего бугра, где находится древний могильник, открыто поселение, относящееся к догородскому периоду. Раскопки установили следующий порядок культурных напластований:

1) Современный растительный слой, содержащий ряд вещей, относящихся к жизни современной деревни Болгары.

2) Залегающий ниже на ряде участков, главным образом на первых двенадцати, выкид старых раскопок XIX века в виде светложелтой глины с белыми известковыми включениями. Особенно четко он виден по восточной стенке раскопа.

3) Лежащий еще ниже растительный слой, существовавший до раскопок 70-х годов XIX века и хорошо прослеживаемый по восточному профилю. Эти три слоя соответствуют слою № 2 основных раскопов городища (слой современной деревни).

4) Русский слой, состоящий из довольно рыхлого древесного тлена коричневатого цвета и растительных остатков. Нижние горизонты этого слоя содержат четко выраженные прослойки намывного гумированного песка (слой № 2 основных раскопов городища). В этом слое встречаются как булгарские, так и русские вещи, в основном грубая и поливная посуда и стекло.

5) Под русским слоем только на некоторых участках прослежен синеватого тона песчанистый гумусный слой (№ 3 основных раскопов городища), содержащий кости животных и булгарскую и русскую керамику. Здесь ясно видны горизонтальные прослойки песка и почвы, результат смыва с вышележащего плато городища. Этот слой был изучен в 1938—1946 гг. в ряде мест городища и отнесен к XV — XVI вв., ко времени запустения города Болгара после взятия его войсками Московского князя в 1431 году и до появления здесь русской деревни.

6) Ниже залегает булгарский слой — песчанистый, коричневато-серый, гумированный, на некоторых участках с прослойками угля и дерева. Это — наслоения булгарской эпохи. Слой содержал грубую серую керамику, приготовленную на кругу, коричневато-красную и грубую лепную с примесью дресвы. Из поливной керамики найдена лишь зеленая. Полихромная золотоордынская керамика встречалась только в русском слое. Вещевые находки дают возможность сопоставить данное наслоение со слоями V—VI верхней площади городища.

7) Еще ниже лежит песчаный, слабо гумированный слой, отделяющийся от булгарского довольно четкой темной полоской, проходящей на всем протяжении раскопа. Это слой бледной, слабой окраски, постепенно переходящий в материковый песок. В нем встречаются в виде полос и отдельных пятен остатки угля. Слой характеризуется грубой лепной посудой, найденной в сравнительно небольшом количестве, несколько примитивной по сравнению с аналогичной керамикой из булгарского слоя. В этом же слое встречается посуда тонкостенная, из хорошо отмученной глины, весьма пористая, невысокого обжига. Некоторые черепки украшены орнаментом в виде неглубоких круглых и овальных ямок, и угловым, сделанным лопаточкой. Эта последняя группа напоминает по фактуре пьяноборскую посуду. В слое найдено несколько битрапецоидных напрясел, а на участке, где встречаются булгарские захоронения, красная пастовая бусина, типа обычного для ранних грунтовых рязанских могильников. В нижнем наслоении открыта землянка прямоугольной формы, только частично попавшая в раскоп и сильно поврежденная позднейшими булгарскими захоронениями. Судя по открытой

части, землянка имела прямоугольную форму при ширине в 2,5 м, длине около 4 м и глубине в 40 см; стенки ее были облицованы горизонтально положенными досками (размеры которых не установлены). Доски были закреплены вертикально вбитыми в землю столбами. На площадке землянки найдена та же грубая посуда с примесью дресвы, и булгарская, попавшая сюда при выкопке могил булгарского времени. Землянка ориентировочно относится к средине I тысячелетия н. э., на что указывают найденные здесь керамика и красная пастовая бусина. Подобный слой и такие же землянки в других местах городища не обнаружены. В общей схеме стратиграфии городища этот слой обозначен под № 7.

Этот древний комплекс по керамике и битрапецоидным напряслам относится к городецкой культуре. Керамика такого же типа была обнаружена разведками Н. Ф. Калинина на ряде городищ в районе рек Ахтая и Бездны. Таким образом, здесь, на левобережье Волги, мы встречаем памятники позднего этапа городецкой культуры. Это явление следует, повидимому, связать с переходом к плужному земледелию и с освоением племенами правобережья больших пространств лесостепной и степной полос Заволжья с их черноземными почвами.

Вторым древним участком городища является северо-западная часть, представляющая выступ, ограниченный, с одной стороны, Новоерусалимским оврагом, а с другой — руслом реки Меленки. Этот мыс, как можно судить по ранним описаниям и картам XVIII века, был отгорожен валом. На таких мысах обычно и возникали городища. Нижний из прослеженных здесь слоев состоял из желтого крупнозернистого песка, выше его залегал лессовидный суглинок желтовато-розового цвета, следующим, третьим слоем была плотная желтая глина, а четвертым — древняя почва, подзол, на котором отложились культурные напластования.

Первый культурный слой серый, песчанистый, голубоватого цвета, толщиной в среднем около 30 см, достигающий в ямах до 80 см, был прослежен только на некоторых участках раскопа. В этом слое найдены обломки посуды баночной формы, лепленой от руки из серой глины с примесью крупнозернистого песка. Подобная керамика встречается в поздних дьяковских и городецких городищах, на городищах предбулгарской эпохи, а в мордовских погребениях доходит до XIV века. Интересно, что коричневой лощеной керамики, встреченной в нижних слоях Билярского и Суварского городищ, здесь не найдено. Возможно, что городище возникло несколько раньше X века, может быть, в IX или даже в VIII веке.

Выше залегает значительной мощности золотоордынский слой, хорошо датируемый монетой XIV века и обломками поливной посуды XIII—XIV вв. Над ним всюду, где почва не нарушена поздними работами, лежит слой погребенной почвы незначительной толщины, на большинстве участков без вещей, относящийся ко времени запустения городища. Выше его залегает русский слой XVI—XIX вв., хорошо датируемый найденной здесь керамикой, обломками позднего фарфора и монетами XIX в.

Второй раскоп 1938 года был заложен близ «Монастырского погреба». Полученные там разрезы дали возможность установить характер напластований, близкий к слоям раскопа на Коптеловом бугре. Единственным отличием явилось отсутствие слоя, лежащего на подзоле. Нужно думать, что этот слой уничтожен более поздними напластованиями.

Исследования близ Четырехугольника были продолжены в 1946 году. К западу от Четырехугольника, на незастроенной площади села, между магазином сельпо и столярной мастерской Куйбышевского промкомбината, одним из отрядов экспедиции А. П. Смирнова, руководимым Н. Ф. Калининым, был заложен раскоп площадью в 10 × 10 м, разделенный на 25 квадратов. Разработаны были полностью все культурные напластования, залегающие здесь на глубину до 2,85 м.

Культурный слой этого раскопа состоит из ряда напластований. Верхний слой, в среднем около 10 см глубиной, представлял растительный слой, а в северо-восточной части уплотненную массу современной дороги. Второй слой, русский, состоял из большого числа древесных остатков и прослоек слежавшейся соломы и навоза. Мощность этого слоя неодинакова даже на небольшой площади раскопа—она колебалась от 20 до 80 см, доходя в отдельных местах до 1—1,50 м; там, где современное население устраивало погреба, там культурный слой прорезал нижние булгарские слои и вещи из него выбрасывались вверх при земляных работах. В этом слое встречены остатки деревянных построек—срубы XVIII века, кладовые, серебристо-черная лощеная с обеих сторон керамика, которой в верхних горизонтах почти нет; там же найдены подсвечник, наконечник железной пики и обломок ручки сосуда в виде двух волют, изогнутых навстречу друг другу. Этот мотив заставляет вспомнить аналогичные орнаментальные сюжеты русской архитектуры XVI века и, нужно полагать, что этот предмет датируется тем же временем. Примером могут служить памятники Троицкой лавры, где аналогичные волюты украшают поверхность алтарных абсид Введенского храма. Вторым предметом, имеющим большое значение для датировки слоя, является обломок изразца зеленого цвета глухого тона, украшенный желтой розеткой. Этот предмет относится к XVII веку.

Весь открытый материал позволяет утверждать, что русские появились здесь в начале XVII века, может быть, в самом конце XVI века, по-видимому непосредственно после присоединения Казани. О столь раннем времени свидетельствует еще один предмет, найденный в 1939 году—это крупный обломок монохромного красного изразца XVI века с изображением медведя.

Третий слой прослежен только на некоторых участках. Он непосредственно лежит под русским слоем. Зернистый по строению, распадающийся на мелкие комья синеватого тона, этот слой напоминает чернозем. Мощность его от 10 до 20 см, но достигает в отдельных случаях 25 см. При раскопках 1938 года на Коптеловом бугре этот слой почти не содержал находок. Тщательная проверка слоя и детальная расчистка дали в основном позднезолотоордынский материал. В нем были обломки поливных сосудов, темносиних и голубого тона, кирпично-красная посуда, сфероконус и много лощеной керамики. Такой материал характерен для XIV века, но встречается и позднее в слоях Казани, т. е. относится там к XV веку. Этот же слой в других частях городища датировался также XV веком. Нахождение в нем культурных остатков показывает, что разгром города в 1431 году не привел его к полному запустению и в центре, около булгарских святынь и Соборной мечети, пользовавшихся уважением мусульман, осталось жить население, хотя, по-видимому, довольно немногочисленное.

Под третьим слоем, содержавшим изделия XIV—XV вв., лежали булгаро-татарские слои с большим числом строительных остатков от жилых домов, включая различные ямы. Это значительно нарушило

спокойный характер наслоений, следствием чего явилась некоторая перемешанность вещей. Стратиграфически указанное мощное культурное напластование делится на ряд горизонтов, отличающихся друг от друга окраской, степенью насыщенности и составом.

Верхняя часть четвертого слоя мощностью в 70—80 см состоит из темного гумуса со включением кусков дерева и угля. В нижней его части открыты остатки дома № 1, а в верхней найден нижний камень жернова ручной мельницы. В том же горизонте находился ряд нерегулярных камней от фундаментов домов. К этому дому относится и яма в юго-западном углу раскопа. Этот слой содержит большое число коричнево-красной керамики высокого обжига, поливной из белой глины с голубой поливой и кистевым рисунком зеленоватых и темных цветов, селадон, стекло, витой стеклянный голубой браслет. Вместе с жерновом были найдены бронзовые круглые бляхи типа, широко представленного в Гляденовском костище, и стеклянный витой зеленый браслет, возможно, попавшие из нижних слоев. В развалинах дома № 1 собраны обломки посуды с голубой поливой, черный стеклянный витой браслет и обломок сосуда с темносиней поливой. В этом же слое находился обломок глиняного сосуда с двумя ушками, напоминающего сарматские котлы. Найденный материал дает основание датировать этот слой концом XIII—XIV веком, а дом № 1 отнести к концу XIII или к началу XIV века.

Ниже проходит слой почвы коричневого цвета, что обусловлено большой его насыщенностью деревом. Мощность слоя 35—40 см. В тех местах, где слой не был нарушен поздними наслоениями, например, под домом № 1, состав вещей несколько отличен от верхнего слоя. Здесь прежде всего надо отметить напрясла из розового шифера, характерные для домонгольского периода, поливную керамику зеленого цвета и несколько иную грубую керамику. Почти исчезает кирпично-красная керамика, зато в большом количестве была найдена красно-желтая, желто-бурая и серая. Встречались ручки от крышек билярского типа. Заслуживает быть отмеченным наличие в этом слое керамики желтой и красной, покрытой сложным орнаментом из линий и волют.

Еще ниже залегает узкая песчаная прослойка с примесью светлого гумуса около 20 см толщины с находками, аналогичными предшествующим. В очень небольшом количестве здесь была найдена кирпично-красная керамика высокого обжига, столь характерная для четвертого слоя. Наслоение это отличается от предшествующего только отсутствием большого числа остатков древесины, давшей тому слою характерный коричневый оттенок.

Состав находок побуждает объединить оба последних наслоения в одно. Наличие в нем керамики с зеленой поливой и напрясел из розового шифера датирует оба горизонта XII веком.

Оба эти горизонта XII века составляют пятый слой городища. Они отделены от вышележащих слоев глиняной прослойкой и отличаются от них незначительным числом находок. Ниже залегает песчаный серый слой со слабой примесью гумуса, под ним вторая прослойка глины, а затем снова идет песчаный слой со слабой примесью гумуса, подстилаемый материковой глиной.

Все эти три горизонта, мощностью около 60—70 см, содержали обломки посуды, простой и лощеной, желто-бурого, желто-красного, желтого и темносерого цвета. Кирпично-красная керамика отсутствовала.

Посуда из красной глины с зеленой поливой и двойная бусина лимонного тона, обычная для могильников X—XI вв., дают дату IX—X—XI вв. Подобные бусы в массе встречаются в погребальных памятниках Поволжья и Приуралья и почти отсутствуют в славянских курганах XII—XIII вв. Так как эта бусина была найдена в верхней прослойке глины и датируется X—XI вв., то, следовательно, вышележащий слой следует отнести к XII, а нижележащий к X веку. Можно ли говорить о времени более раннем? Повидимому, нет, так как отсутствует керамика, характерная для предбулгарской эпохи, сделанная вручную из глины с примесью крупнозернистого песка, придающего поверхности шероховатый вид. Аналогичный характер напластований наблюдала З. А. Акчурина при раскопках 1947 года в 100 м к юго-западу от этого раскопа.

Отмечу, что сравнивая места этих раскопов (кроме раскопок на Бабьем бугре) с данными описи, составленной дьяком Михайловым в 1712 году, можно заметить, что все раскопы находятся в границах так называемого Малого окопа. Раскопы, заложенные в других местах городища — у Британкина озера, у Армянской колонии, у Малого городка — дали наслоения только позднего времени, т. е. конца XIII—начала XV века, соответствующие тому слою, который был назван нами четвертым.

Британкино озеро расположено в 325 м к востоку от западного вала городища и в 110 м к югу от северной его границы [26]. Озеро занимает небольшую котловину, не имеет стока и питается в настоящее время исключительно весенними и дождевыми потоками, пересыхая в сухое лето. Место раскопок выбрано было на небольшом бугорке у юго-западного угла озера. Северный склон снижается на протяжении 5 м.

При раскопках была выяснена следующая стратиграфия: слой первый, толщиною в 4—5 см, слой второй имеет среднюю мощность около 20 см, но к востоку он становится толще и в северо-восточном углу 9-го участка достигает 1 м.

Этот слой суглинистый, сильно гумированный, темносерой окраски, местами с небольшим количеством известнякового и кирпичного щебня; в нем встречаются черепки посуды XX, XIX, XVIII и XVII вв. (фарфор, стекло, красная поливная, черная русская), железные предметы и кости домашних животных. Кроме того, здесь попадаются также фрагменты позднебулгарской посуды, характерной для XIV в. — красная толстостенная с линейным гребенчатым орнаментом, белая с голубой или синей поливой и черным рисунком, типичная «булгарская» посуда коричневого тона с лощением, ничтожное количество черепков черной тонкостенной, в 3—4 мм, посуды, имеющей в глине примесь толченых раковин. Последние найдены были на участках 1 и 2 в южном крае раскопа и попали сюда случайно при земляных работах.

Слой второй покрыт поздним выбросом материковой глины из ямы соседнего участка (погреб) и имеет толщину в 8—10 см.

Под русским слоем лежит третий слой, верхний горизонт которого представляет пласт толщиной в 7—8 см, местами он достигает 15—17 см, местами прерывается и к востоку, на участках №№ 3, 6, 8, 9, выклинивается. Это погребенный почвенный горизонт, сильно окрашенный гумусом и в сыром виде трудно отличимый по окраске от второго слоя; при высыхании приобретает синеватый оттенок. Структура его ореховатая. Поздние русские культурные остатки в нем не встречаются и он определяет резкую границу между двумя культурными напластованиями.

Под погребенной почвой залегает позднебулгарский четвертый слой конца XIII—XIV вв. Датирующим материалом в нем служат: красная, хорошего обжига, толстостенная (до 11 мм) посуда с линейно-гребенчатым орнаментом, красная посуда с толщиной стенок в 5—7 мм такого же характера, но часто лощеная, а также белый черепок с сине-голубой поливой и с черным подглазурным рисунком и медная монета XIV века, найденная на границе второго и третьего слоев на участке № 4.

Слой четвертый представляет суглинистую и супесчаную массу серого или желтоватого цвета, с многочисленными включениями углей, золы и скоплений костей с прослойками и линзами глины и подзола. Мощность его около 30 см. В нем были открыты ямы и невыразительные остатки деревянных сооружений.

Аналогичную картину дал район Армянской колонии. На расстоянии 14 м к юго-востоку от развалин Греческой палаты был заложен раскоп площадью в 220 кв. м. Стратиграфия раскопа следующая:

1-й слой растительный, толщиной в 5—6 см; 2-й слой гумусный, темно-серый, толщиной в 20—25 см, относится, судя по находкам, к русской эпохе XVI—XIX вв.; 3-й слой песчаный, с небольшим количеством гумуса бурой окраски, весьма слабый в нижних горизонтах, где он легко сливается с подстилающим песком, толщиной в 20—40 см, датируется по находкам золотоордынской эпохой, в частности монетами золотоордынских ханов 80-х годов XIII и XIV в. Керамика в этом слое представлена следующими типами: а) красной, хорошо обожженной, редко с полосами лощения; б) коричневой, хорошо обожженной, с полосами лощения; в) серой, хорошо обожженной; г) желтовато-розовой, ручной лепки; д) серой, ручной лепки; е) поливной синей и темно-зеленой. На участках №№ 1—4, 11 и 21 обнаружены следы хозяйственной постройки площадью 2 × 2 м в виде котлована до 30 см глубиной, заполненной интенсивно-черным гумусом, углем и древесным тленом. По углам сохранились следы четырех столбов до 35—40 см толщиной. Внизу котлована найдена монета Менгу-Тимура, что позволяет отнести постройку к концу XIII века.

На расстоянии 1,5—2 м к юго-востоку на участках №№ 11 и 21 открыты остатки деревянного жилого дома. Зачистка выявила прослойки гумуса, древесного тлена, куски обугленных древесных балок и скопление кусков глины, потерявшей пластичность (повидимому, остатки печи).

Такую же картину дал и раскоп у Малого городка.

Рассматривая материал из всех раскопок, произведенных в ряде мест городища, мы приходим к совершенно бесспорному выводу, что единственными пока местами, давшими ранние слои, являются Коптелов бугор и районы площади Четырехугольника и Бабьего бугра. Первоначальный Болгар, как видно, был небольшим городом. Этот вывод подтверждается сообщениями арабских путешественников. Эль-Балхи и ибн-Хаукаль, авторы X века, писали, что «...Булгар — маленький город, не занимающий большого пространства»... «Куяба (Киев) больше Булгара» [27].

Исторические и археологические данные позволяют утверждать, что территория городища, окруженная дошедшими до нашего времени валами, относится к XIII—XIV вв., т. е. к монгольской эпохе, периоду вторичного расцвета города. На это указывают и исследования, проведенные в разных местах городища, и в первую очередь в районе опоясывающего его вала.

Сохранившиеся до нашего времени валы и рвы тянутся на протяжении около 8 км, то выпрямляясь, то образуя волнообразную линию. Северная часть городища была защищена естественным рубежом — обрывом верхней террасы р. Камы Систематические раскопки для выяснения характера укреплений почти не производились. Только в 1919 году экспедиция Самарского государственного университета, возглавляемая проф. А. С. Башкировым, произвела расчистку разрезов вала у дорог и констатировала наличие каких-то деревянных конструкций. В 1947 г. был раскопан участок для изучения конструкций вала и рва в западной части городища, в 130 м от бровки верхней террасы, где вал и ров хорошо сохранились. Для выяснения стратиграфии района траншея была продолжена с восточной и западной стороны. При прохождении траншеи на протяжении 34 м на гребне вала, во рву и на западной стороне рва были обнаружены следы деревянных конструкций, в связи с чем были зачищены дополнительно поверхность и склоны рва.

Как показали раскопки, слой почвы покрывает горизонт серого песка (подзол) мощностью от 40 до 50 см, под которым залегает темнокрасный суглинок, сильно песчанистый. С археологической точки зрения Болгарское городище имеет в этой части следующую, ярко выраженную стратиграфию: 1) почва, сливающаяся с русским слоем XVIII—XX вв. и 2) булгарский культурный слой (серый песок — подзол).

Поперечный разрез вала дал резко разграниченные напластования, позволяющие охарактеризовать его строение. Под дерновым покровом идет слой почвы темносерого цвета, толщиною от 8 до 10 см по гребню вала и до 25 см у его подножия, где обнаружено значительное количество вещевого материала. Тут были найдены обломки посуды как русской, так и татаро-булгарской и булгарской; под слоем почвы идет насыпной суглинок серовато-красного цвета (благодаря примеси серого песка, который залегает иногда линзами). Незначительное количество булгарской керамики, найденной при прохождении толщи насыпного суглинка, объясняется материковым происхождением этого наслоения, насыпанного при устройстве рва. На гребне вала, на глубине около 55 см, при зачистке отчетливо выступил ряд темных гумусных пятен, содержащих мелкие кусочки перегнившего дерева. Диаметр пятен от 8 до 12 см, а глубина их залегания 8—10 см. Расстояние между ними неодинаково.

Под шапкой насыпного суглинка лежит куполообразная толща серого песка, взятого из булгарского культурного слоя при рытье рва; толщина насыпного слоя в центральной части не превышает 1 м. Песок изобилует остатками мелких корней. Найдены кости животных, уголь, обломки характерной булгарской керамики коричневато-красного цвета, лощеной и не лощеной. На глубине 1,5—2 м, считая от гребня вала, серый песок разграничивается горизонтальным слоем погребенной почвы. Это поверхность, на которую строители насыпали вал.

Под горизонтом погребенной почвы идет толща серого песка мощностью в 40—60 см (булгарский слой), в которой было найдено большое количество мелких корней деревьев, уголь, кости животных, керамика типа, характерного для всего периода X—XIV вв.

Серый песок налегает на стерильный красный суглинок. Профиль вала вполне характеризует ход работ по сооружению укрепленной линии: вначале был насыпан холм из серого песка, взятого с участка, предназначенного для разработки рва, затем, по мере углубления рва, выбирался суглинок и насыпался на холм серого песка.

Траншея, проведенная через ров, показала, что тут до сооружения рва находился овражек, который и был использован при постройке укрепленной линии, вследствие чего эта линия получила волнообразный вид. Наличие овражка убедительно доказывается падением пластов суглинка и перекрывающего его булгарского слоя на западном склоне рва.

Дно рва покрыто толщей интенсивно-черного гумуса, переходящего постепенно в материковый суглинок. На глубине 22 см обнаружено пять серых круглых песчанистых пятен диаметром от 6 до 12 см, указывающих на наличие каких-то укреплений, находившихся на дне рва. Со стороны поля у рва, на глубине 40 см, были вскрыты следы оборонных сооружений в виде темных гумусных пятен с остатками древесной трухи; в некоторых из них сохранилось дерево с гранями отески. Диаметр бревен от 8 до 10 см.

Напольная сторона рва дала характерную стратиграфию (уч. №№ 14, 15, 16, 17): слой почвы 20—25 см, булгарский слой 45—50 см и под ним материковый суглинок. Вещевой материал, выбранный из рва, смешанный: русский, татаро-булгарский, булгарский, также, повидимому, смытый с гребня и склона вала в верхней части городища весенними водами.

Целый ряд данных говорит за то, что вал и ров были сооружены в один строительный прием. В пользу этого предположения говорит как отсутствие погребенной почвы между серым песком и суглинком, так и слишком большая площадка между рвом и насыпью серого песка (3,5 м).

Площадка, расчищенная по гребню вала, дала достаточно четкую картину надземной части укрепления. На глубине 25 см были открыты темные пятна с остатками древесного тлена и остатки бревна настолько хорошей сохранности, что можно было определить породу — дуб. Размеры пятен сильно варьируют. Небольшие пятна имеют в диаметре от 10 до 15 см, диаметр больших пятен 50—60 см. Эти ямки имеют форму усеченного конуса и уходят в глубину до 75 см. Ширина укреплений, проходивших по валу, не превышала 1,5 м.

На участках VI-4 и VI-5 замечены два резких пятна и рядом с ними следы от лежавшей горизонтально совершенно перегнившей балки, шириной в 10 см.

На дополнительно вскрытом участке против Малого городка обнаружена надземная часть укрепления такой же конструкции.

Трудно восстановить архитектурный облик крепостных стен, так как для полной их реконструкции необходимы дополнительные данные, которые можно получить только при зачистке различных участков вала. Нельзя представить себе оборону города без фланкирующих башен, располагавшихся обычно одна от другой на расстоянии полета стрелы. Вероятно такие башни существовали и в этих булгарских укреплениях, но они не обнаружены еще раскопками.

Как показала расчистка дополнительных участков (11-а, б, с), дно рва было укреплено кольями. На красном фоне суглинка отчетливо выделялись 38 гумусных пятен диаметром в 6—20 см.

На западной стороне рва, на участках 13-а, 14-а, б, вскрыты остатки забитых в землю бревен. Некоторые из них хорошо сохранились. Это были своего рода надолбы.

Реконструируя открытые остатки укреплений, можно представить себе следующий их вид. По валу шла деревянная стена, состоявшая

из забитых на расстоянии около 3 м друг от друга вертикальных стоек, пространство между которыми было забрано стенками из горизонтально положенных бревен, укрепленных в пазах стоек. Таких стенок было две, на расстоянии около 1 м одна от другой. Можно думать, что пространство между ними было засыпано землей. Такая стена напоминает русские тарасы — срубы, засыпанные внутри землей. На дне рва были набиты колья, вероятно острием вверх. Между кольями во рву лежал человеческий череп. С внешней стороны рва шли в четыре ряда надолбы, затруднявшие неприятелю подход ко рву и подвоз стенобойных машин.

Некоторую беспорядочность в расположении открытых деревянных конструкций можно объяснить ремонтом укреплений после набегов русских ушкуйников, особенно частых во второй половине XIV века.

Аналогичную систему укреплений мы открыли и на южном участке вала, влево от дороги в село Три Озера, недалеко от Малого городка. Там при зачистке поверхности вала были найдены остатки бревен, вертикально поставленных на некотором расстоянии друг от друга.

Вал был насыпан на культурном слое XIII—XIV вв. Поскольку нижняя его часть состоит из того же культурного слоя, можно полагать, что он был насыпан не ранее первой половины XIV века, когда уже успели отложиться эти напластования.

Могильник Бабий бугор

На территории описанного выше двуслойного поселка находился могильник, возникший уже после того, как поселок был оставлен жителями. Точно определить это время не представляется возможным, но во всяком случае это произошло в домонгольский период, повидимому, в конце XI века, так как должно было пройти довольно много времени, в течение которого производились открытые здесь многочисленные захоронения; достаточно сказать, что на сравнительно небольшой площади было исследовано 218 разновременных, часто пересекавших друг друга, захоронений.

Все эти погребения однотипны. Они сделаны в неглубоких ямах, куда были опущены колоды или гроба, прямоугольные или в форме ящика, расширяющегося к голове. Умерших клали на спину, головой на запад, лицом к югу или северу. Строгого ритуала в положении рук не замечено. Подавляющее количество погребений было без вещей, и только около некоторых найден погребальный инвентарь.

Датировка захоронений может быть установлена по вещам и на основе изучения стратиграфии. Погребения располагаются на разной глубине в три яруса. Все они совершены из разных горизонтов булгарского слоя. Дно могил находится или в булгарском или добулгарском (VII) слое, или в материке. Разный уровень культурного слоя объясняется процессом смыва почвы с верхних площадок городища, а не нарастанием культурного слоя в процессе жизни. Может быть, частота захоронений и нарушение ранних могил более поздними за сравнительно короткий срок следует объяснять тем, что смываемая сверху земля прикрывала надмогильные памятники и следы могил терялись.

Все захоронения перекрыты погребенной почвой (слой III), отделяющей булгарский слой от русского, или русским слоем. Ни в одном случае не установлено, чтобы погребения совершались из русского слоя. Это дает основание датировать кладбище булгарским временем.

Изучение стратиграфии кладбища позволяет уточнить эту дату. Во всех случаях в материале, встреченном в засыпке могильных ям, была найдена керамика, характерная для булгарского времени X—XIII вв., или же керамика, бытовавшая в течение всего булгарского периода; ни разу не обнаружено вещей типично позднезолотоордынских. Исключение составляет засыпка могилы № 20, где оказалась медная джучидская монета 681—710 (1281—1311) гг.

Для определения уровня, с которого производились захоронения, было обращено внимание, кроме материала из засыпки, на верхние грани ям. Это удалось сделать, хотя не во всех случаях. Так, могила № 110 (двойное погребение) дала профиль ямы, выходящей только в нижние горизонты наслоения, а могила № 116 была отчасти нарушена при устройстве могилы № 110. Следовательно, обе эти могилы относятся к раннему времени, что подтверждается находками в засыпке ям лощеных булгарских черепков раннего типа. Часть могил следует отнести к золотоордынскому периоду. К этому времени относятся погребения нижней площадки, в частности братская могила. Верх этой могильной ямы выходит под коричневатую прослойку XV—XVI вв., отделяющую русский слой от булгарского, т. е. могила относится ко времени конца существования города. В ней, повидимому, были погребены одни из последних защитников города.

Количество могил с вещами крайне ничтожно. Это объясняется, повидимому, мусульманским обрядом захоронения, чему не противоречит ориентировка захороненных головой на запад и лицом на юг, в сторону центра мусульманства — Мекки. У части покойников лицо повернуто к северу. Это как будто свидетельствует о пережитках старого обряда захоронения.

Обряд погребения на могильнике Бабьего бугра не соответствует описанию погребения булгар, данному ибн-Фадланом [28], совершенно определенно говорящему о могилах с подбоем, которые восходят в своей основе к поздней стадии сарматской культуры. Простые же неглубокие могильные ямы характерны для местных могильников Поволжья, например, Армиевского, Кошибеевского, более ранних погребений Малого бугра и Ново-Мордова и т. д. Погребения Бабьего бугра принадлежат, следовательно, местным земледельческим племенам, составлявшим значительную часть населения Булгарского царства.

Найденные в могилах Бабьего бугра вещи весьма интересны и дают возможность судить о булгарских украшениях не по дорогим городским ювелирным изделиям, известным по кладам, а по рядовому материалу.

В могиле № 9 найдена серебряная пуговица сложного плетения, представляющая как бы узел. Подобные плетеные в узелок бусины известны на височных кольцах из владимирских курганов [29], найденных в поселке Вознесенском, Шуйского уезда [30]. Такие же бусины были найдены с вещами XII века и в Волхове. А. А. Спицын отмечает, что подобные серьги очень обыкновенны в древностях XII—XIV вв., особенно татарско-мордовских, но начало свое они ведут с XII, а может быть и с конца XI века [31].

А. В. Арциховский в «Курганах вятичей» описывает в числе трехбусинных височных колец тип узловатых; он отмечает их среди материалов среднерусских племен новгородцев, кривичей, владимирских и костромских вятичей, дреговичей, родимичей и северян и относит этот тип к XI—XII вв., к первой стадии своей хронологической классификации.

Следует отметить, что вещи такого плетения встречаются в ранних славянских комплексах. Плетенка, как орнаментальный прием, известна на вещах из Гнездова и из Старорязанского клада, где плетенка украшает пластинку; она обычна и на скандинавских фибулах X— XI вв. Этот мотив переплетения, иногда соединенный со звериным стилем, характерен для русского искусства XI—XII вв. Сама по себе плетенка довольно широко распространена в культуре того времени. Она известна и на Кавказе, и в Сибири, и в Малой Азии. Не решая вопроса о том, откуда появилась в Болгарах эта манера орнаментации, все же, сравнивая ряд русских и булгарских памятников, можно высказать мнение, что этот мотив является одним из показателей влияния древней Руси на булгарскую культуру.

В погребении № 40 были найдены вещи совсем иного характера. Это богатое женское погребение содержало овальные серебряные серьги, украшенные вставками янтаря с филигранной полосой по краю. Сверху серьги заканчиваются круглыми полушарными вставками с тонкими змейками по бокам. В этом же погребении найдены два крючка, небольшое зеркало с крестообразным орнаментом и небольшим ушком посредине, нож и железный предмет неопределенного назначения. Такого типа зеркала довольно обычны в поздних памятниках Северного Кавказа X—XIV вв., встречаются они и в кочевнических погребениях того же времени. Серьги также могут быть датированы X—XII вв. Такие украшения не известны ни в ранних, ни в более поздних памятниках золотоордынского времени, однако общий облик и характер орнамента позволяет сопоставить их с орнаментом на концах серебряных браслетов, украшенных овальными, вернее, грушевидными вставками из пасты или камней, окруженными перекрученной в виде веревочки проволокой. Концы таких браслетов украшены полушарными вставками, что дополняет сходство с нашими серьгами. Подобные же браслеты, найденные на юге СССР, датируются XI—XII вв. [32].

Манера украшать вещи вставками из камней известна с раннего времени. Она была широко распространена в алано-хазарскую эпоху, чему примером может служить материал могильников Кумбулта и Чми. Вещи того же стиля распространены и севернее. Их можно указать в комплексе вещей, найденных в Уфе и относимых к VII—VIII вв. Отзвуки этого стиля известны даже на Каме. В булгарских кладах XII века мы встречаем ряд вещей, украшенных вставками камней, причем они не всегда окружены полосками зерни. Эти соображения, при учете стратиграфических данных, дают основание датировать найденные серьги XI—XII вв. Этой дате не противоречит и зеркало.

Из частей костюма найдены куски ткани. Они были обработаны ученым реставратором Е. С. Видоновой. В их числе оказались куски шелковой ткани красновато-золотистой окраски, представляющие остатки кафтана. Интересен пояс длиною около 1 м, изготовленный из полосы золотистого шелка, орнаментированного розеточками. Этот мотив представляется далеким отзвуком сасанидского искусства [33].

В могиле № 35 найдены остатки обуви. Одна туфля на гладкой подошве (или нижняя часть сапога) сохранилась достаточно хорошо. Ее реставрация была произведена М. А. Рождественской под руководством Е. С. Видоновой. По общему виду она напоминает обувь, известную по находкам в Новгороде и по изображениям в лицевых сводах. Носок туфли острый и несколько загнут кверху.

Наконец, в том же могильнике на Бабьем бугре была найдена при археологических раскопках бронзовая небольшая чашечка полушарной формы, диаметром в 6 см. Такие чашки известны в довольно широких хронологических границах, но здесь отмечу лишь одну, правда, богато орнаментированную, изданную Н. Феттихом [34], относимую к IV веку. Подобная же серебряная чашечка была найдена близ дер. Малая Шокшера (Чердынский музей) вместе с гривнами глазовского типа, которыми она датируется IX—X вв. Такие чашки известны и в моршанских могильниках (Елисавет-Михайловский могильник, раскопки П. П. Иванова), где они датируются IX—X вв. Близкие варианты можно указать и среди памятников русской культуры, относимых к домонгольской эпохе [35], и в материале восточного серебра, изданного Я. И. Смирновым. Но близкие по форме чаши имеются в то же время и в памятниках XIV века. Примером может служить Белореченский могильник.

Итак, весь этот материал, при учете данных стратиграфии, дает основания датировать нижние горизонты могильника на Бабьем бугре домонгольской эпохой. Таким образом, раскопки 1947—48 года, проведенные весьма тщательно А. М. Ефимовой, привели к открытию первого датированного булгарского могильника домонгольской эпохи. Добытый краниологический материал позволит антропологам уточнить ряд вопросов, связанных с изучением этногенеза народов Поволжья.

Армянская колония

За описанным нами выше валом, к западу от городища, метрах в 150 от него, находились развалины здания, называемого, по преданию, Греческой палатой. Впервые они были описаны в 1712 году дьяком Михайловым, который отметил, что «за валом к Волге реке палата четвероугольная без сводов, мерою длины 5 саж. с аршином, а поперек 3½ сажени, вышина сажень, вход в ту палату в одни двери..., та палата была наперед сего церковью, потому что около ея многие есть кладбищные каменья с надписью, а подписи походили на армянские письмена».

Последующие путешественники XVIII—XIX вв. не видели уже этих развалин, расхищенных населением на постройки, а в XX веке той же участи подвергся и фундамент.

В районе этого памятника в начале XVIII века при Петре Великом были найдены армянские надгробия с христианскими эпитафиями. В 1722 году армянин Васильев сделал перевод их на русских язык. Изданные первоначально Лепехиным, они позднее, в 1862 году, вновь переведены были Броссе, который установил дату, отнеся их к 784 (1335) и 770 (1321) гг.

Большой интерес представляют раскопки Греческой палаты, произведенные В. Ф. Смолиным в 1916 году [36]. В своем кратком отчете, изданном в 1919 году, он описал погребения, открытые внутри здания и к востоку от него. Все они одного типа. Покойники лежали в гробах на спине вытянуто, головой на запад, с небольшим количеством вещей.

Самая Греческая палата оказалась прямоугольным зданием, с двумя парами пилястр по северной и южной станам и с входом с западной стороны. Здание ориентировано по линии восток—запад.

Значительно больше, чем этот отчет, дают архивные материалы В. Ф. Смолина, хранящиеся в библиотеке Казанского университета [37].

Полевые его дневники рисуют план здания в виде прямоугольника с двумя парами пилястр по северной и южной стене. Там даны также

профили стен и приложен план раскопок, из которого видно, что В. Ф. Смолин заложил несколько траншей внутри здания. Однако он, повидимому, считал свои раскопки незаконченными, так как в напечатанном отчете он отмечает недостаток средств, отпущенных на исследования [38].

Разведки в районе Греческой палаты установили следующий порядок культурных слоев. Сверху под растительным слоем (№ 1) залегает русский слой XVI—XIX вв. (№ 2), хорошо датируемый лощеной серебристо-черной керамикой XVI—XVII вв., фарфором и монетами XIX века. Под ним находится булгаро-татарский слой конца XIII—XIV вв., датируемый голубой и синей поливной посудой и монетами того же времени. Ниже залегает грунт. Слоя погребенной почвы, обнаруженного в других местах, здесь не установлено.

Большую роль в решении вопроса датировки Греческой палаты сыграл раскоп № 1, заложенный в 30 м к юго-востоку от здания [39], так как он позволил сопоставить дневную поверхность Греческой палаты с уровнем культурного слоя № 4, относящегося к XIII—XIV вв.

Профили раскопа дали возможность установить следующий порядок наслоений. Под растительным и гумусным русским слоем XVI—XIX вв. залегает песчаный, с небольшим количеством гумуса, татаро-булгарский слой (№ 4). Окраска четвертого слоя небольшой интенсивности, особенно в нижних горизонтах, где он легко сливается с материковым песком. Мощность его от 20 до 40 см. В западной части раскопа (участки №№ 5 и 9) слой менее интенсивен как по мощ-

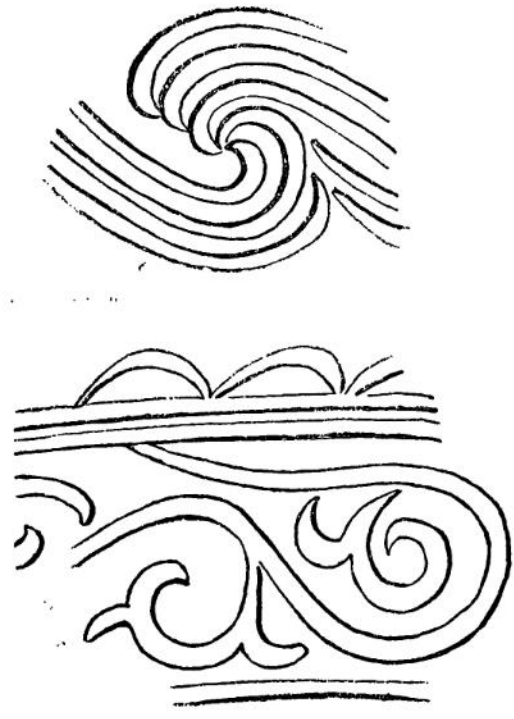

Рис. 115.

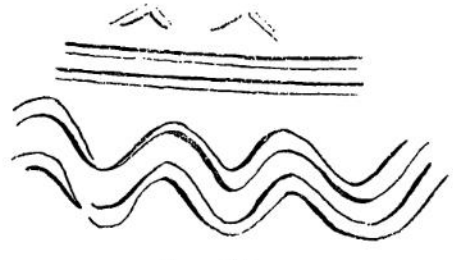

Рис. 116.

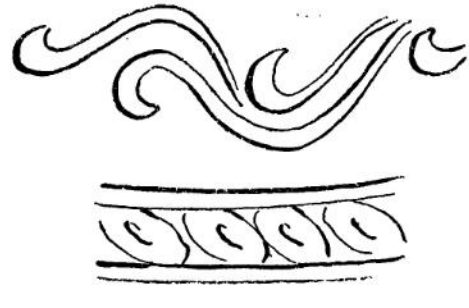
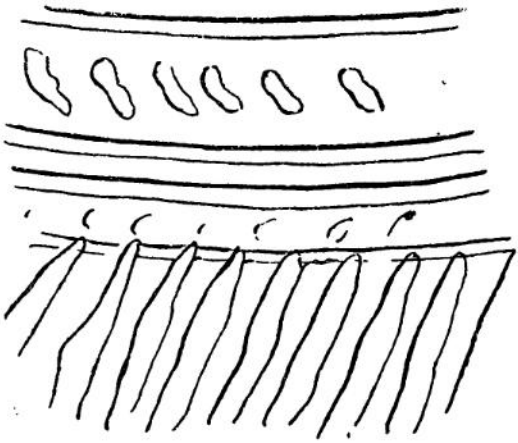

Рис. 117.

Рис. 115—117. **Образцы орнаментов на булгарской посуде.**

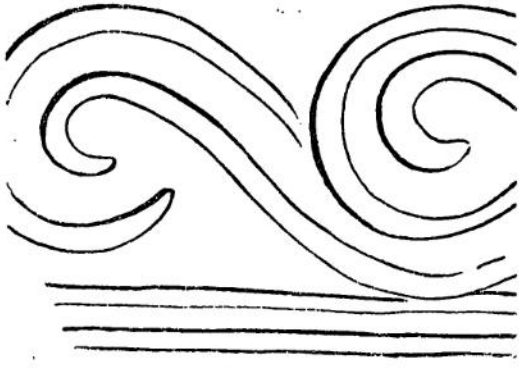

Рис. 118.

Рис. 119.

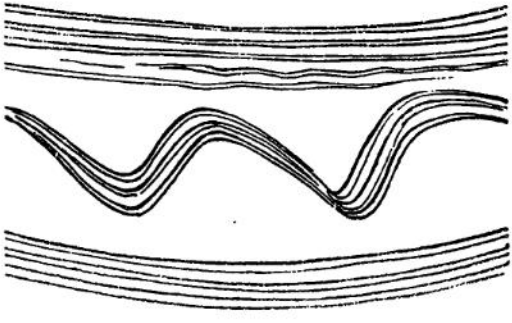

Рис. 120.

Рис. 118—120. Образцы орнаментов на булгарской посуде.

ности, так и по насыщенности находками. Покойное залегание слоя в восточной части раскопа (участки №№ 1—4, 11—26) нарушено постройками современного поселка и могильными ямами кладбища. Ямы, наполненные интенсивно-черным гумусом, прослойками сажи, древесного тлена, угля и скоплениями яркокрасной пережженной глины, характеризуют слой территории поселка. Этот слой пересекается могильными ямами, заполненными перемешанной песчано-глинистой почвой. Создается картина хаотического смешения гумуса, глины, песка.

При раскопках обнаружены две «грабительские» ямы. Одна из них нарушила погребение под каменным надгробием (участок № 16, погребение 20), а вторая на участке № 23.

Вещей в культурном слое оказалось немного, особенно в западной части раскопа. Несколько больше их было в восточной части, на территории поселка (участки №№ 1—4, 11—13, 21). Очевидно, городская жизнь в этих местах развивалась слабо.

Находки состояли преимущественно из керамики следующих групп: 1) керамика красная, хорошо обожженная, тонкостенная, иногда с резным орнаментом в виде горизонтальных или арочных линий; подобная керамика обычна для золотоордынских городов и встречена как в верхних, так и в нижних горизонтах слоя; 2) керамика коричневая, хорошо обожженная, тонкостенная, с лощением; 3) керамика серая, хорошо обожженная, встреченная в небольшом количестве; 4) керамика желтовато-серая, недостаточно обожженная, пористая, с примесью

песка, один черепок с гребенчатым орнаментом; встречена в небольшом количестве, главным образом в нижних горизонтах; 5) керамика ручной лепки, розовато-желтая, в профиле иногда дающая серую прослойку, пористая, с шероховатой поверхностью, с примесью к глине крупнозернистого песка или толченой извести, с орнаментом резным, линейным и гребенчатым, черепки довольно толстые (6—8 мм); 6) керамика ручной лепки, серая, тонкостенная, плохо обожженная, пористая, с примесью толченой раковины, встречена в небольшом количестве, главным образом в нижних горизонтах (рис. 115—120).

Интересен небольшой фрагмент поливного сосуда с зелеными и черными округлыми линиями, зелеными точками и синими пятнами по зеленовато-серому фону. Такой узор типичен для поливной золотоордынской керамики XIII—XIV вв. Следует отметить также находку сфероконуса из красной глины, в котором находилась медная золотоордынская монета с полустертым изображением животного, вероятно собаки. Найдена также одна серебряная золотоордынская монета с изображением тамги и пятилепестковой розетки; монета была обнаружена в нижнем горизонте слоя при зачистке котлована строения, в подстилающем слое сажи (участок № 1).

Кроме того, найдено небольшое количество металлических вещей: ключ и пружина от замка обычного булгарского типа, предмет неизвестного назначения в виде железного стержня до 7 см длиной, плоского, с заостренным концом и двумя круглыми завитками в верхней части, 13 железных гвоздей. Гвозди до 9—11 см длиной в виде четырехгранных железных стержней с заостренным концом и шляпкой неправильной круглой формы.

Содержание культурного слоя ясно показывает его возникновение и существование в татаро-булгарский период, точнее в XIII—XIV вв.

В северо-восточной части раскопа (участки №№ 1—4, 11 и 21) были обнаружены следы небольшого хозяйственного строения и жилого дома. На участках №№ 1—4, непосредственно под вторым (русским) слоем, на фоне бурого татаро-булгарского слоя открыто четырехугольное пятно интенсивно-черного гумуса размером 2 × 2 м. Вскрытие пятна при раскопках выявило яму до 30 см глубиной, заполненную интенсивно-черным гумусом с прослойками сажи, древесного тлена, кусков углей, обугленных сучьев. Под гумусом находился подстилающий слой сажи до 3—4 см толщиной. В саже прослежены обугленные зерна злаков и солома. По углам ямы оказались 4 круглых цилиндрических углубления до 35—40 см диаметром, видимо следы четырех вертикально стоявших столбов. Можно предполагать, что здесь находилось небольшое деревянное хозяйственное строение. Яма, углубляясь до 10 см в материковый песок, находится в толще третьего слоя, что позволяет относить время постройки и существования строения к периоду существования и дальнейшего нарастания этого слоя. Строение хорошо датируется по серебряной золотоордынской монете, найденной при зачистке.

В непосредственной близости, на расстоянии 1,5—2 м к юго-востоку, обнаружены следы деревянного жилого дома. Вскрытая поверхность культурного слоя пестрела серыми и красными пятнами гумуса и глины. Дальнейшая расчистка выявила прослойки гумуса и древесного тлена, среди которых встречались куски обугленного дерева и скопление пережженной, потерявшей пластичность глины с прослойками сажи до 2 см толщины. Несколько ниже и к югу зачисткой были

открыты следы двух лежавших под углом переводин. Эти остатки позволяют догадываться о том, что здесь стояла разрушенная впоследствии печь и деревянный жилой дом. Непосредственная близость жилого дома и упомянутого выше хозяйственного строения предполагают какую-то связь между ними. Эти строения принадлежат поселку, находившемуся за чертой города, вне городского вала, близ Греческой палаты.

Начатое в 1945 году исследование установило нахождение у Греческой палаты, несколько южнее ее, христианского армянского некрополя XIV века. Было найдено 113 погребений. Раскоп вскрыл основную площадь некрополя. Некрополь этот невелик. Можно думать, что в нем было не более 150 погребений [40].

Могильные ямы пересекают татаро-булгарский слой; они начинаются под русским слоем в верхней части татаро-булгарского. Таким образом культурный слой западного пригородного района наслоился и оформился до времени некрополя, возникшего позднее.

Каменные надгробия, о которых упоминает выпись 1712 года, на поверхности некрополя в настоящее время не сохранились, так как большая их часть, включая и армянские, была использована местным населением на хозяйственные нужды. Известны пять надгробий с армянскими эпитафиями, три из которых датированы 1308, 1321 и 1335 гг. Путешественники и исследователи XVIII и начала XIX века упоминают о плитах с армянскими надписями в фундаменте и на камнях пола местной Успенской церкви. При раскопках были обнаружены два надгробия (могилы №№ 20 и 29) из песчаника, размером 80 × 190 × 20 см. Поверхность плит обработана троянкой, надписей и орнамента нет. В ряде погребений (№№ 78, 86, 87, 92, 106, 110 и др.) открыты фрагменты надгробий, причем на двух обломках имеются арабские буквы. Арабские буквы на армянском надгробии 1335 года отмечает и Броссе [41]. Наличие арабских букв на армянских надгробиях является интересным свидетельством воздействия булгар, у которых был принят арабский шрифт, на население армянской колонии.

Характер погребений всюду единообразный — захоронения производились в могильные ямы в форме вытянутого четырехугольника с округлыми углами при соотношении сторон 2 м × 80 см, с прямыми стенками и плоским дном, ориентированные с востока на запад. Костяки лежат на глубине 90—100 см, головой на запад и лицом вверх, руки сложены на груди.

Погребения производились в деревянных досчатых гробах. Во многих могилах прослежены следы древесного тлена в виде характерных узких, до 1—1,5 см ширины, полос вдоль краев могильных пятен. Гвозди найдены почти во всех могилах (до 13 экз. в одной могиле). Гвозди железные, четырехгранные, со шляпками неправильно-круглой формы; длина гвоздей от 6—7 до 10—11 см. Расположение гвоздей позволило сделать вывод о форме досчатого прямоугольного гроба с крышкой из двух досок, соединенных под углом. Доски одного гроба были скреплены скобами и накладками. В могиле № 75 на 15 см выше костяка лежали в два параллельных ряда 13 скоб и 12 накладок на расстоянии 15—20 см одна от другой и в 20 см от краев могилы. Ниже костяка скрепы не обнаружены. Видимо, здесь гроб имел иную форму, возможно даже, что это была колода. Крепление гробов железными скобами было встречено и на Кубани, в станице Казанской, в курганах XIV века [42].

В могилах обнаружены остатки богатых шелковых тканей, расшитых золотыми и серебряными нитями, с вытканным на них стилизован-

ным растительным орнаментом и арабскими письменами, а также остатки тонкого шелкового покрывала (могилы №№ 25, 43, 82, 94). В некоторых женских и детских могилах (№№ 15, 21, 27, 32, 35, 64, 75, 88, 94, 100) найдены золотые и серебряные височные кольца, серьги, бусы. Однако в большей части могил никаких вещей не было.

Следует отметить богатое женское погребение в могиле № 94, где обнаружены остатки шелковой ткани, расшитой золотными нитками, и тонкое шелковое покрывало. В глазной впадине костяка лежало височное кольцо из толстой золотой проволоки, на пальце руки находилось пластинчатое серебряное кольцо, отделанное по краям сканью, а на запястье лежало пять зеленых стеклянных бусин. Височное кольцо, один конец которого налегает на другой, полуобвивая его, заставляет вспомнить распространенные у славян такие кольца с завязанными концами. Близкую форму завязыванья представляет кольцо из могильника XI—XII вв. близ д. Федово, Новгородской области [43], и кольца смоленских и тверских курганов XII—XIII вв.[44]. В кольце из могилы № 94 завязка упрощена, сведена к минимуму, представляя вырождение этого типа.

Большого внимания заслуживает кольцо из тонкой золотой проволоки с тремя позолоченными жемчужинами, найденное в могиле № 64 с правой стороны костяка, близ верхнего угла нижней челюсти. Две жемчужины надеты на кольцо, а одна на пересекающую кольцо золотую проволоку. Кольцо восходит к булгарским височным кольцам X—XII вв., более крупным, с тремя напускными бусинами и подвесками; некоторые из подобных колец имеют в центре утку с шариком в клюве. Кольца пышно украшены сканью и крупной зернью. Можно полагать, что кольцо с жемчужинами представляет крайнее упрощение и схематизацию кольца с уткой, восходящего, в свою очередь, к трехбусинным киевским височным кольцам X—XII вв.

Височные кольца из серебряной проволоки с концом, расплющенным в тонкую пластинку и загнутым спиралью, найдены в двух погребениях и при зачистке третьего участка, куда они, повидимому, были занесены зверьками из соседних погребений. Там же оказались две медные вызолоченные шаровидные пуговки с ушками. В булгарских древностях подобные кольца встречаются не впервые; их изображение мы находим в Археологическом атласе находок булгарских древностей А. Ф. Лихачева [45]. Подобное же кольцо найдено в кургане XI века Гнездовского могильника [46].

В погребении № 100 (детском) найдено пять колец, лежавших полукругом пониже черепа. Кольца сделаны из серебряной проволоки, несомкнутые; на одном конце серебряный кубик с срезанными углами, перед кубиком спиралька из более тонкой проволоки. Подобные кольца известны в древностях Кавказа. Так, в могильнике XII—XIV вв. близ аула Озорукова в Грозненской области найдено было бронзовое кольцо из толстой проволоки, один конец которого завершен подобным же кубиком [47]. Янтарная шестигранная бусина была найдена в могиле № 75 при зачистке.

В могиле № 35 с правой стороны черепа находилась золотая проволочная серьга со стерженьком из двух перевитых проволочек. Близкие по форме серьги, известные в булгарских древностях [48], встречены и на Кубани в станице Андрюковской, в курганах XIV—XV вв.[49]. Они имеют более пышную отделку стерженька с петелькой и спиралькой. Серьга из погребения № 35 представляет упрощенную форму.

Среди найденных в могилах некрополя близ Греческой палаты тканей (некоторые из них изданы художником-реставратором Е. С. Видоновой) нам хотелось бы отметить две вышивки: одну с изображением пантеры и вторую с двумя танцующими фигурами. Пантера представлена идущей влево, с повернутой на ¾ почти четырехугольной мордой. У нее заостренные уши, правая лапа с выпущенными когтями поднята вверх. Животное представлено на фоне дерева, от которого сохранились ветви и овальные листья. По общему облику, по рисунку морды, по ушам, по фону с деревьями, эта пантера напоминает изображения на сасанидском серебре, а по позе с поднятой лапой — зверя с подноса послесасанидского времени. Как неоднократно отмечали И. Орбели и К. Тревер, сасанидские традиции были весьма живучи и сохранялись до позднего средневековья не только на Востоке, но даже в отдаленных местах Европы. Совершенно естественно, что в волжской Булгарии, где сильна была струя восточной культуры, сасанидские традиции дожили до XIV—XV вв.

Вторая вышивка представляет две обрамленные рамкой человеческие фигуры также на фоне дерева. От первой фигуры сохранилась только нижняя часть, вторая же уцелела почти вся. Она стоит лицом к зрителю и держит в правой руке платок. На голове у нее шапочка с расширяющимся плоским верхом, которая завершается чем-то в виде стержня с перекладинами. На фигуре надет прямой кафтан, перехваченный поясом. Дополнительные стежки вышивки позволяют установить детали этого костюма, обшитого тесьмой по подолу и на рукавах. Эти детали кафтана, его покрой и шапка напоминают аналогичные одежды на иранских миниатюрах XIV—XV вв.[50] и на армянской фреске, изображающей Хутлу-Буги [51]. Эта последняя устанавливает лишний раз связь Булгарии с Востоком и в первую очередь с Арменией (табл. VIII, рис. 121).

Греческая палата

К северо-западу от могильника находятся развалины Греческой палаты. Уже к 1712 году, времени составления выписи дьяка Михайлова, при отведении земли под монастырь, палата лежала в развалинах. В этом отношении весьма показательно впечатление Свиньина, посетившего Болгары в начале XIX века, который записал: «Нет ни малейшего признака, по коему археолог мог бы угадать и подтверждать истину сего предания: развалины сии так обрушены рукою времени и так древни, что на них выросли уже толстые березы» [52].

К XX веку не сохранилось и тех жалких руин, которые можно было наблюдать раньше. Над землей уже не возвышалось стен и только основания их угадывались под землей. В 20-х годах расхищение коснулось и фундаментов. В. Ф. Смолин отметил, что при посещении палаты в 1925 году он уже не мог наблюдать того, что другие видели год тому назад [53]. В настоящее время на поверхности земли лежат четыре гряды камней, составляющие абрис палаты. Все это окружено оградой, хранящей руины этого замечательного архитектурного памятника.

Раскопки палаты ставили задачу открыть все здание достаточно широкой площадью, чтобы выяснить и окружающие постройки, в числе которых все документы XVIII—XIX вв., начиная с выписи 1712 года, отмечают столб. Однако близость края оврага, боязнь его разрушения, особенно учитывая быстрый процесс оврагообразования в тех местах, заставили нас отказаться от первоначальной мысли и ограничиться траншеями с внешней стороны, особенно узкими вдоль северной стены, чтобы не уничтожить кустарника, хорошо укрепившего склон и край высокого

берега. По той же причине был оставлен не вскрытым небольшой участок с южной стороны. Восточная и западная стороны открыты довольно широкими площадями, что дало возможность исследовать вход и детали устройства алтарной части. Внутренняя часть вскрыта последовательными участками на перевал, кроме одного небольшого, ранее раскопанного В. Ф. Смолиным.

Положение Греческой палаты, ее ориентировка по линии с востока на запад, на что в свое время обратил внимание Риттих, не оставляет сомнения в том, что мы имеем здесь дело с христианским храмом. И трудно согласиться с мнением Березина, считавшего, что «направление здания показывает, что это не была церковь, а, вероятно, здесь было складочное место для ценных товаров или жилище какого-нибудь богатого иностранного купца, постоянного жителя Булгара».

Раскопки дали небольшой датировочный материал в виде керамики и строительных обломков, найденных внутри здания. Первый фрагмент поливной керамики был обнаружен на глубине 1 м в северо-западном углу здания. Он представлял собою небольшой обломок чаши из белой глины, с одной стороны бирюзового, а с другой темносинего цвета. По аналогии с керамикой золотоордынских городов нижнего Поволжья, он может быть датирован XIV веком.

Другой предмет, дающий возможность судить о времени постройки здания,— кусок алебастрового раствора со следами кирпича, толщиной в 3,5 см, был найден на том же участке в забутовке стены. Кирпичи такого размера характерны для золотоордынской эпохи, как можно судить по материалу золотоордынских городов нижнего Поволжья и Сувара. Домонгольские слои дают кирпич более крупного размера.

Эти данные позволяют отнести годы построения Греческой палаты к золотоордынскому времени. Довольно точно можно определить дату и на основе анализа стратиграфии культурного слоя.

Раскоп № 1 и южные профили участков раскопа самой Греческой палаты дают возможность представить себе порядок культурных напластований, который в основном соответствует общей стратиграфии Болгарского городища, установленной раскопками 1938—1949 гг. и 1945 года у Британкина озера. Под первым поверхностным растительным слоем залегает слой № 2— русский, дающий материал XVI—XX вв. Ниже проходит, правда, не во всех местах, слой погребенной почвы, относящийся ко времени запустения городища — с конца XV до XVI века, а у Британкина озера — до XVIII века. Под ним лежит булгаро-татарский слой, который, как показывает материал раскопа № 1, относится к XIV веку.

У Греческой палаты верхний слой весьма мощен и содержит большое количество строительного мусора. Нижние культурные слои почти на всех участках раскопа палаты, в результате долголетних раскопок населения, не прекращающихся и доныне, и раскопок проф. В. Ф. Смолина, перемешаны и не позволяют определить последовательности культурных напластований. Исключение составляет участок № 1, примыкающий к южной стене здания, где на глубине 1,1 м было открыто погребение, обычного для некрополя Греческой палаты типа, т. е. головой на северо-запад, перекрытое непотревоженным русским слоем и слоем погребенной почвы. На южной стенке раскопа на указанном участке № 1 выделился булгаро-татарский слой, верхняя граница которого идет на глубине 35—40 см. Немного ниже, на глубине 50 см, проходит верхняя граница фундамента и начало регулярной кладки стены. Иными словами, соору-

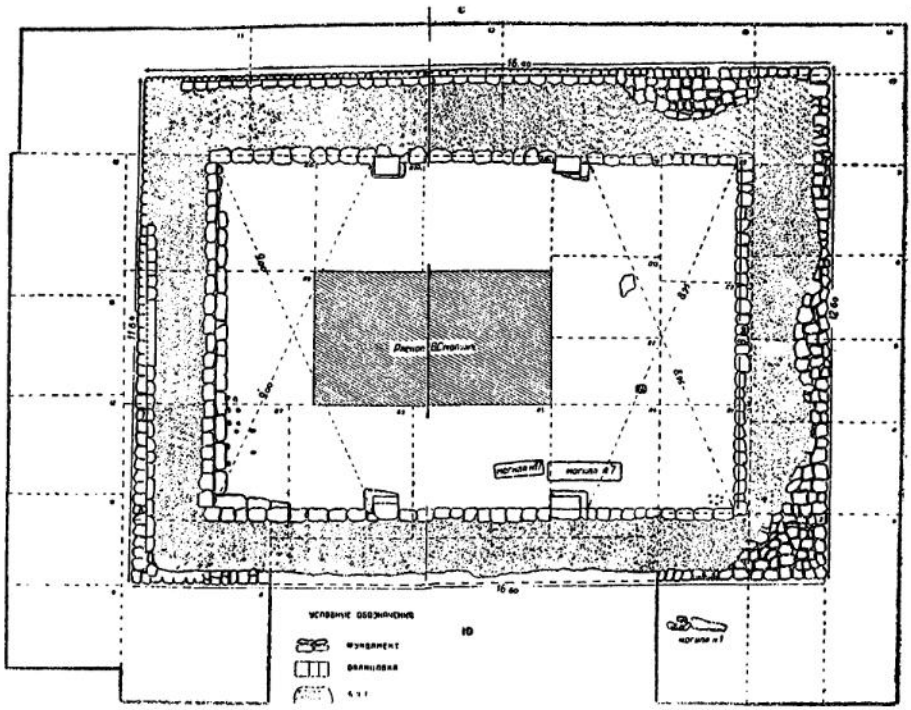

Рис. 122.

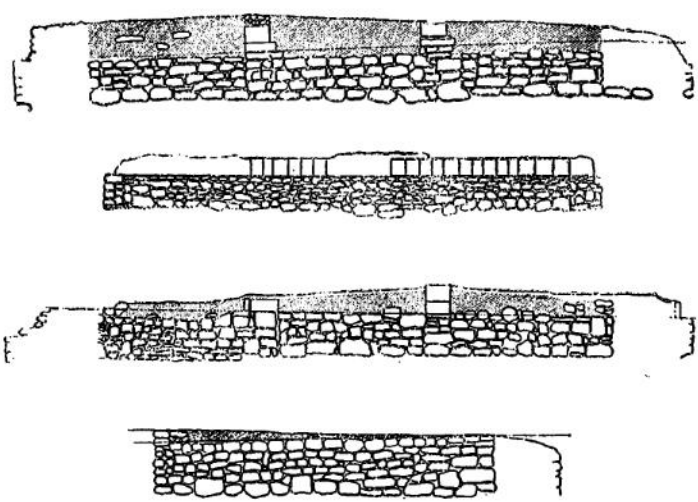

Рис. 124—127.

Рис. 122. План Греческой палаты в Болгарах.— *Рис. 124—127* (сверху вниз). Кладка фундамента и цоколя южной, западной, северной и восточной стен палаты.

жение относится ко времени четвертого культурного слоя, датируемого XIV веком.

Эта постройка (рис. 122) имеет вид прямоугольника с прямыми стенами, длиной с востока на запад 16,4 м при ширине с юга на север 12,6 м. Внутреннее помещение представляет комнату в 12,4 м длиной и 8,6 м шириной, с толстыми стенами (около 2 м), расчлененными двумя парами пилястр 60 см шириной на три почти равные части. Выступая от стены всего на 30 см, пилястры играли, повидимому, чисто декоративную роль. При постройке здания почти на краю высокого берега был вырыт котлован в виде траншей, в который укладывался фундамент. Ширина траншей 2,2—2,3 м, глубина 90 см — 1,1 м.

Фундамент выложен из нерегулярных камней плотного известняка и песчаника самого различного размера $40 \times 60 \times 30$, $60 \times 40 \times 52$, $30 \times 25 \times 20$ и $70 \times 80 \times 60$ см, положенных насухо, без связующего вещества. Внутренняя часть фундамента заполнена более мелкими камнями и обломками. Особенно крупные камни лежат с северной и восточной стороны. Фундамент выложен довольно ровно, без какого-либо расширения книзу.

Кладка стены здания (табл. VI, рис. 123), ровная и параллельная, начинается на глубине 55 см от современного уровня почвы (по юго-восточн. углу); погребенная почва проходит на глубине 30 см. Стена выложена отступя от наружного края фундамента на 10—20 см; с внутренней стороны она составляет одну плоскость с фундаментом, только в северо-восточном и юго-восточном углах здания прослежена небольшая бровка и отдельные камни первого ряда фундамента выступают там на 50 см. Стена, имеющая толщину в 1,95 м, состоит из двух облицовок с заполнением внутреннего пространства полубутовой кладкой.

Наружное зеркало стен состоит из хорошо обтесанных и подогнанных плит известкового туфа, высотой в первом ряду 43 см, а во втором 50 см. Толщина их колеблется от 10 до 30 см. Большинство этих плит так плотно подогнаны друг к другу, что швы едва заметны. Внутренняя часть стены была сложена из плохо и небрежно обтесанных разномерных камней; швы между камнями неровные и достигают 3—4 см.

Такая кладка предполагает штукатурку поверхности, которая закрывала неровности стены. Внутреннее пространство в стене было заполнено нерегулярными камнями разной величины и залито алебастровым раствором.

От стен сохранился по северной стороне первый ряд кладки и несколько камней второго ряда, а по западной стороне один первый ряд. Южная и восточная стены не сохранились (рис. 124—127).

Как видно по фундаменту, здание было прямоугольными и не имело выступающей абсиды.

Входа в здание в западной стене, о котором пишут путешественники XVIII—XIX вв. и В. Ф. Смолин, нам найти не удалось. Правда, в центре западной стены имеется разрыв во внешней облицовке, шириной в 1,35 м. Однако он не прорезает всей толщи стены и оставляет нетронутой полубутовую кладку и внутреннюю облицовку. Нужно сказать, что В. Ф. Смолин, отметивший в своем кратком опубликованном отчете наличие входа в западной стене, не указал его на рукописном плане, приложенном к материалам исследования Греческой палаты. Можно предполагать, что первые ряды кладки соответствуют цоколю здания, а самый вход был выше. На том же месте, где отсутствует облицовка, возможно, были ступени, по которым поднимались и входили в палату.

Пол здания не сохранился. Почти все внутреннее пространство перекопано и, повидимому, многократно. Как можно судить по отдельным участкам в разных частях здания, земля внутри при постройке была вынута на глубину 60 см, считая от уровня почвы, и в песок были забиты четырехгранные, заостренные на концах бруски различной толщины (5×5, 8×8, 20×20 см), высотой в 50—70 см. Следы свай были прослежены в юго-западном углу, вдоль западной стены, в юго-восточном углу и в центре здания. Эта деталь заставляет вспомнить здание Четырехугольника, где под полом также были обнаружены сваи.

На подготовленный таким образом песок строители положили слой глины в 35—40 см толщиной, а выше забутовку в 30—40 см, следы которой сохранились у восточной стены, и уже на эту забутовку укладывали плиты пола. Отдельные их экземпляры найдены при раскопках в выбросе. Плиты эти квадратной формы, размер их 56×56 см, толщина 10—12 см.

От архитектурного оформления здания сохранились только основания двух пар пилястр с южной и северной стороны, разделяющие все здание, как говорилось выше, на три части.

Обследованное сооружение, несомненно, было культовым христианским памятником, на что указывают захоронения под полом и расположенный рядом некрополь, в могильном инвентаре которого оказались крестики, а также восточная ориентировка здания.

Некоторые строительные приемы, как-то, прекрасная притеска квадров, составляющих внешнюю облицовку этого здания, полубутовое заполнение массивных стен и простое внутреннее пространство, все это заставляет вспомнить некоторые памятники армянского зодчества и маленькие церкви типа базилик, обычные для Кавказа [54]. Весьма близок по плану к этой постройке двухэтажный храм 1339 года в монастыре Нораванк в Армении, где наблюдаются те же размеры и те же пропорции, что и у Греческой палаты. Сближают также оба эти памятника массивные стены, отсутствие выступающей абсиды, прямая восточная стена нижнего этажа, пилястры, оживляющие южную и северную стены, и использование нижнего этажа в качестве склепа. Кроме того, весьма близки к Греческой палате старый храм в Феодосии XIV века и Сурпхач в Старом Крыму — постройки того же времени, где в прямой восточной стене имеются небольшие углубления, заменяющие абсиду.

Приведенные аналогии дают основание поставить Греческую палату в связь с существованием армянской колонии в Болгарах, что подтверждает и находка в XVIII веке в ее районе армянских надгробий.

Имя Греческой или «Грецкой» палаты было присвоено не только зданию около самого городища, но и другому, расположенному в лесу по дороге к Ага-Базару, приблизительно в 750 м от западной околицы села Болгара. Там сохранились бугры, как бы следы от разрушенной постройки. Траншея, заложенная поперек одного бугра, вскрыла остатки разобранного фундамента в виде кладки из нерегулярных камней и кусков алебастрового раствора, тут же были найдены и бытовые вещи. Остатки фундамента оказались столь невыразительными, что не удалось выяснить ни характер постройки, ни ее план. Найденные здесь несколько обломков булгарской керамики красного цвета с лощением заставляют ориентировочно отнести здание к золотоордынской эпохе. Развалины постройки, повидимому, принадлежат тому поселку, который был расположен между берегом Волги у Ага-Базара и Болгарским городищем.

Раскопки на территории городища

Большие раскопки в 1938—1940 гг. были произведены на берегу Меленки, на склоне городища. Стратиграфия культурного слоя здесь в основном совпадает с установленной на верхнем плато городища.

Культурные отложения залегают на слое желтого песка. Первого культурного слоя, аналогичного нижнему горизонту Коптелого бугра, с грубой керамикой, тут нет. Мощный золотоордынский слой толщиной до 2 м здесь, как и наверху, покрыт тонким слоем погребенной почвы, выше которой залегает русское наслоение толщиной около 1 м.

На значительной площади слой перерыт в XIX веке при кладоискательских раскопках и при добыче известкового камня, и в результате стратиграфия была нарушена. Культурное напластование в нижней части городища имеет одну особенность: в золотоордынской его части встречается значительное число ранней керамики и наблюдаются прослойки песка, как и в погребенной почве. Русский слой здесь содержит помимо вещей XVI—XIX вв. материал золотоордынского времени, попавший вниз в результате естественного разрушения и смыва слоев с верхней площади городища.

Русский слой непосредственно сливается с растительным и состоит из светлого гумуса с прослойками песка и глины, смытых с верхнего плато городища. В этом слое обнаружены различные ямы хозяйственного назначения и две деревянные бани XVIII—XIX вв., представлявшие собой срубы, углубленные в почву. Эти бани на значительной площади нарушили культурный слой и древние сооружения. На участках, где в XVI—XIX вв. производились кладоискательские раскопки, в верхнем слое попадается большое количество бута, кирпичей и обломков белого камня из нижних горизонтов. В русских слоях были найдены монеты XVIII—XIX вв., маленькая глиняная кукла с белой поливой и с черной окраской волос XIX века, обломки посуды желтого и серого цвета, до настоящего времени бытующей у населения края, большое количество черной простой и лощеной посуды XVII—XVIII вв. Характер лощения (в клетку) позволяет сопоставлять ее с керамикой Москвы того же времени. В этом же слое были найдены небольшой железный цилиндрический замок XVIII века, железные гвозди, скобы, остатки кожаной обуви, неполивной изразец с изображением медведя, идущего с опущенной головой и высунутым языком, а также обломки глиняных декоративных пятигранных колонок с поверхностью, покрытой каннелюрами; последние вещи могут датироваться XV и XVI вв. Найдено, кроме того, довольно значительное число обломков посуды, покрытой коричневой поливой, характерной для XVIII—XX вв., и куски кузнецовского фарфора.

Весь этот материал не оставляет никакого сомнения в датировке слоя. В неперемешанном виде он встречался только там, где позднее земляные работы не нарушили стратиграфии городища, в других же местах вещи золотоордынского и русского происхождения перемешаны.

Золотоордынский слой отделяется от русского небольшой прослойкой погребенной почвы голубовато-серого цвета в среднем 20 см толщины. В верхней его части, на границе с русским слоем, был найден упомянутый выше неполивной изразец с изображением медведя, датируемый XV—XVI вв. Эта находка позволяет отнести погребенную почву к XV веку, когда город Болгар лежал в развалинах.

В нижней части городища золотоордынский слой проходит над мостовой XIV века и развалинами бани и содержит в себе прослойки песка и

обломки золотоордынской керамики. В этом слое найдено много различных бытовых вещей, характеризующих культуру горожан XIV века. Среди находок около 300 монет Узбек-хана, Джанибек-хана, Хызр-хана и Бердибек-хана. Из них две монеты обнаружены в русском слое, в раскопе на берегу Меленки. Большинство монет медные и лишь несколько серебряных.

Изделия из кости представлены большим числом кусков кости со следами ударов топора, обстругивания ножом, а многие с ясными следами распила. Из готовых вещей найдены костяные рукоятки ножей, пластинки, навершия ножей, пуговицы с отполированной поверхностью, покрытой обычным для булгарской культуры циркульным орнаментом, и проколки.

Бронзовые вещи, весьма редкие в находках этой части городища, представлены одной медной сулеей (сосудом в виде чаши с носиком), изготовленной путем чеканки с последующей полировкой, половинкой замка в виде лошадки, покрытого циркульным орнаментом (подобные замки, обычные для городов Поволжья X—XIV вв., особенно большое распространение получили здесь в монгольскую эпоху), обломками от шкатулок и котелков небольшого размера, обломком бронзового сосуда цилиндрической формы с выпуклым узким поясом, отделяющим край сосуда, на котором выгравирован растительный орнамент. Орнамент этот, типичный для XIII—XIV вв., состоит из комбинаций трилистника, включенного в подобный же трилистник большего размера.

Из других бронзовых вещей заслуживает быть отмеченной часть подсвечника в виде изогнутого стержня с несохранившейся нижней частью; она завершена звериной стилизованной головкой с отогнутыми губами и одним рогом. Стержень заканчивается остроконечным выступом с кружком для насадки свечи.

Большой интерес представляет небольшая бронзовая матрица для изготовления перстней полушарной формы с орнаментом для штамповки щитонов, припаивавшихся затем к перстням.

Найдена также бронзовая небольшая пластинка с двумя ушками, украшенная растительным и точечным орнаментом; орнамент нанесен резцом. Подобный орнамент весьма часто встречается в вещах золотоордынского времени. Можно указать ряд аналогий таких розеток и пластинок, покрытых точечным орнаментом [55]. Пластинка представляет часть капторги, в которых носили амулеты или частички святынь. Богатые капторги известны в ряде кладов X века. Они имели широкое распространение в Золотой Орде в XIII—XIV вв.[56].

Из других украшений найдены обломки витого стеклянного браслета, несколько стеклянных синих и зеленых бус и проволочная серебряная серьга в виде вопросительного знака с небольшой жемчужной бусиной, нанизанной на стержень характерного для XIV века типа.

Железные вещи представлены обломками косы или горбуши, серпом, который ближе всего по типу подходит к серпам, определенным А. В. Арциховским как булгарские [57], кольчатые ножницы, обычные для Золотой Орды, два крючка для вязания в виде стержней 12 см длиной со слабо загнутым одним концом и утолщением на другом конце; по аналогии с этнографическим материалом эти крючки могли употребляться для вязания ковров.

Частыми находками были прямые черешковые ножи обычного типа, цилиндрические замки с ключами, кузнечные гвозди, пробои и ломы, обычные в находках городищ феодальной эпохи.

При раскопках было найдено значительное число обломков жерновов. Часть из них плоские, диаметром около 40—50 см, другие выпуклые, несколько конической формы, диаметром до 80 см, с большим отверстием в центре.

Главную часть находок, как обычно, составляют обломки посуды. Большая часть их принадлежит простым неполивным сосудам, выделанным на ручном гончарном круге. Находки некоторого количества днищ со следами среза ниткой указывают на применение и ножного гончарного круга. Однако встречается посуда, приготовленная вручную, с шероховатой поверхностью, характерная для городищ добулгарской эпохи.

Основную массу черепков составляют обломки толстостенной посуды до 1 см толщиной красного цвета, покрытой резным орнаментом — линейным или волнистым, фестонами или линиями, нанесенными гребнем. Эти черепки принадлежат крупным сосудам высокого обжига. Подобной же фактуры и с такого же рода орнаментом встречено много обломков тонкостенных, как правило, небольших сосудов. К этой группе, помимо орнаментированной, принадлежит много и неорнаментированной посуды, довольно обычной для городищ золотоордынской эпохи.

Найдено немало посуды коричневого цвета различных оттенков, что зависит от степени обжига, значительно более низкого, чем обжиг красной посуды, как можно об этом судить по темной прослойке в толще черепков. Почти все они имеют следы лощения в виде вертикальных полос или сетки. Верхнюю часть сосудов покрывает орнамент зубчатый, линейный или волнистый.

Следующую группу составляет керамика желтого цвета. В большинстве это фрагменты тонкостенных сосудов, сравнительно редко украшенных обычным линейным, волнистым и зубчатым орнаментом. Эта группа насчитывает значительное число обломков.

Посуды черного цвета сравнительно немного; среди нее встречаются обломки сосудов, изготовленных вручную. Интересно отметить наличие волнистого и линейного орнамента и на этой керамике.

Черепки посуды с примесью раковин представлены единицами.

Найденные обломки принадлежат горшкам с отогнутым венчиком, кувшинам с ручками, крынкам и амфоровидным сосудам с плоским дном; из мелких сосудов встречены лампочки и миски из черной, желтой и красной глины.

Ручки кувшинов, мисок и лампочек овальные в сечении. Иногда они украшены одним небольшим или двумя выступами, повидимому, представляющими пережиток сарматской эпохи, когда ручки делались в виде фигуры животного с ушами на голове. Как отмечено, обычным орнаментом для посуды является зубчатый, линейный и волнистый, причем орнаментальные мотивы встречаются в разных вариантах и нанесены или тонким, или широким резцом. Наряду с простыми, широко распространенными узорами, встречаются и более сложные, в виде заштрихованных квадратов или арок и фестонов.

Несколько особняком стоят сфероконические сосуды, изготовлявшиеся чаще всего из тех же сортов глины, что и обычная посуда. Цвет их красный, коричневый и желтый, некоторые носят следы лощения. Нередки сфероконические сосуды из голубой и серой глины, оттиснутые в формах с рельефным штампованным орнаментом в виде розеток, звездочек и полушарных выступов.

Поливных сосудов, лампочек, мисок и горшков найдено немного, число их не превышает 4—5% от общего количества керамики. Полив-

ные сосуды изготовлялись из глины красного или белого цвета. Наиболее распространенной являлась зеленая полива без узора или с растительным орнаментом черного или коричневого цвета. Такого же характера и голубая неорнаментированная посуда.

Немало встречено обломков посуды из красной глины, расписанной линейным и растительным орнаментом, нанесенным темной краской и покрытым прозрачной стекловидной поливой. Часть керамики, изготовленная из белой глины, расписана красками и сверху покрыта стекловидной поливой. В ряде случаев по белому фону нарисованы синие кружки и точки, серые линии, или же по голубому фону темносиние линии и точки. Наносился орнамент и зеленой краской. Особенно хороши обломки синего цвета, разрисованные черной краской. Пересекающиеся линии, круги, цветы и фигуры птиц покрыты толстым слоем стекловидной прозрачной поливы. Значительно реже встречались обломки сосудов, покрытые желтой поливой. Наконец, довольно большая часть керамики при однотонной окраске украшена разноцветными орнаментами.

Из других керамических поделок встречены прямоугольные пластинки величиною 4 × 2,5 см и детские игрушки. Одна из них имеет вид конька с обломанными головой и ногами и с длинной шеей, на которой выступами обозначена грива; вторая — круглый полый шар — погремушка, диаметром в 6,5 см с четырьмя отверстиями. Найдено также коническое навершие, покрытое голубой поливой. Следует отметить, что конек напоминает фигуру кабанчика, найденного в Камыш-Буруне в Крыму с материалом I—III вв. н. э.

Среди находок имеется несколько обломков китайского селадона, который экспортировался из Китая в XII—XIV вв. Его изготовляли из беловатой массы с большим количеством каолина и покрывали глазурью бледнозеленого, фисташкового тона. Найденные фрагменты принадлежат гладким неорнаментированным сосудам.

Если сравнить керамику из раскопок 1939—1940 гг. с материалами других памятников, то можно увидеть, что она ближе всего подходит к керамике золотоордынских городов нижнего Поволжья, где встречается, наряду с посудой высокого обжига, керамика низкого качества и сосуды, сделанные от руки. Тот же характер имеет и поливная посуда, отличающаяся от материала городов нижнего Поволжья только меньшим разнообразием орнамента и расцветки.

От домонгольской керамики булгарская посуда отличается, главным образом, иным соотношением типов. Красная, хорошо обожженная посуда, появившаяся в небольшом числе, повидимому, только в конце XII века, здесь встречается в большом количестве, хотя и сопровождается той же коричневой лощеной и желтой, характерной для булгарских городищ. В материале раскопок Болгара отсутствуют некоторые типы, обычные в материале Биляра и Сувара, как, например, крышки от сосудов с высокими ручками, особенно же резко отличается поливная посуда, находимая обычно единицами и представленная здесь иными типами. Эти сравнения позволяют говорить о золотоордынском характере керамики значительной части слоев Болгарского городища.

Предметы из стекла представлены только обломками круглых оконных стекол с загнутыми краями и с небольшим коническим выступом в центре.

Весь раскопанный материал — керамика, монеты, бронза, кость относится к концу XIII века, главным же образом к XIV веку.

Изучение сооружений, открытых в нижней части городища в различных горизонтах золотоордынского слоя, позволяет разбить этот слой на три части.

К первому, нижнему слою, состоящему из светлого гумуса и смытого песка, относится яма, представляющая подполье деревянного дома, только частично открытого раскопками, с частью пола и скоплением проса в отдельных местах. Эти остатки дома залегают ниже большого здания, от которого уцелел лишь фундамент, залегающий над ямой.

Второе сооружение того же времени — деревянный колодезь 2 м глубины, размерами 1,5 × 2,4 м. Стены его были обложены деревянными тесаными досками, связанными по углам в шип. Нижняя часть на высоту 40 см была выложена дубовыми досками, скрепленными впритык. Для лучшего крепления этот нижний сруб расклинен небольшими кусками досок, затесанными в виде клиньев. Пол на две трети выложен дубовыми досками. Этот колодезь существовал до начала XIV века, когда он был засыпан и над ним был проложен водопровод из гончарных труб. В засыпке колодца найден квадратный кирпич величиной 21 × 21 см с поверхностью, покрытой голубой поливой, типичной для XIV века, и обломки керамики золотоордынского времени. В верхних частях этого же слоя найдено 8 монет Узбек-хана (1312—1340 гг.).

К следующему периоду относится фундамент какого-то большого здания и нижняя мостовая. Мостовая сохранилась только на отдельных участках, так как большая ее часть была разрушена в XIX веке при кладоискательских работах. Сложена она из прямоугольных и треугольных плит разного размера. Плиты уложены в культурном слое на ряде участков с подсыпкой щебня. Мостовая эта производит впечатление весьма неаккуратной работы, что явилось результатом деформации, а отчасти и небрежности при постройке. Отдельные камни выступают над общим уровнем, самые камни грубо оббиты и плохо обработаны.

В юго-восточном углу обнаружен глубокий водосток, проложенный от небольшого водоема, сохранившегося лишь частично. Водосток сложен из ряда каменных блоков, имеет уклон к реке. Водоем прямоугольной формы, обложен внутри профилированными плитами, имеющими пазы для укрепления вертикальной ограды. Вода подавалась в водоем при помощи двух трубопроводов (рис. 128). Указанный выше водосток мог служить для отвода излишков воды из водоема.

На уровне мостовой, к западу от нее, найден фундамент из крупных, грубо обделанных нерегулярных блоков до 1 м в длину, 60 см в ширину и 70 см в высоту. Камни фундамента в два ряда сложены всухую, без раствора.

К южному концу фундамента с восточной стороны примыкает кладка из квадратных кирпичей размерами 25 × 22 × 6 см, скрепленных глиной и частично известью. Кирпичи уложены в культурном слое со щебнем в 10—20 см толщины. Кладка эта представляет собой прямоугольник с выступающими крыльями, длиной в 2 м, шириной с крыльями в 1,45 м. Возможно, что кирпичная кладка является частью входа в здание.

Под мостовой, на глубине 30—40 см, шел в разных направлениях водопровод, сложенный из разнотипных гончарных труб диаметром в 10—13 см и длиной 25—40 см каждая. Трубы лежат в ложе, образованном двумя параллельными рядами камней. С этим ложем трубы связаны при помощи алебастровой обмазки; ею же скреплены между собой и отдельные трубы. Трубы лежат не по прямой линии, а образуют зигзаги

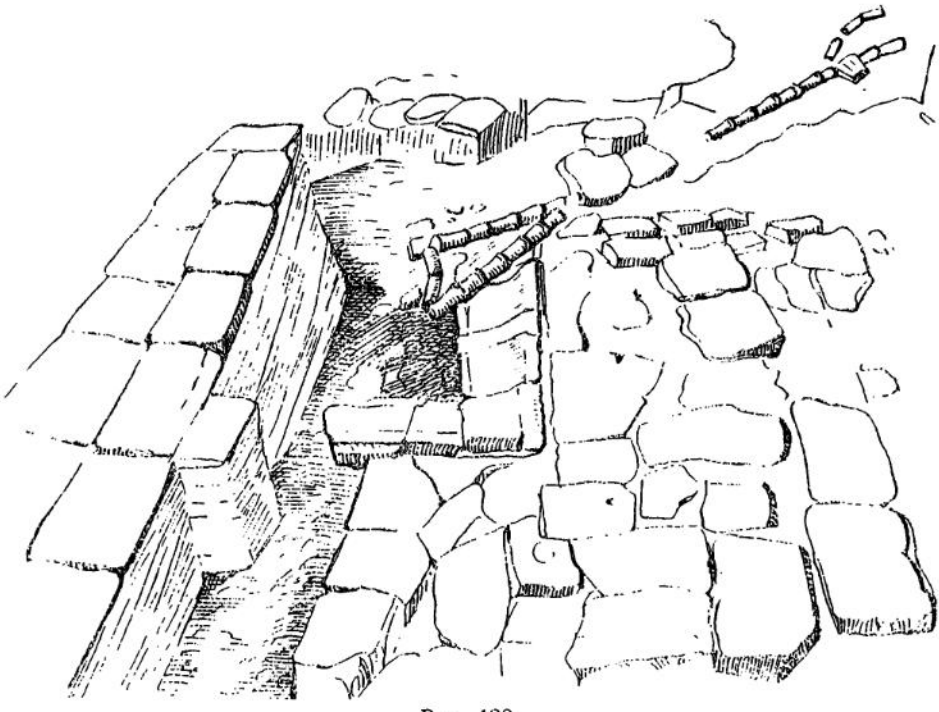

Рис. 128.

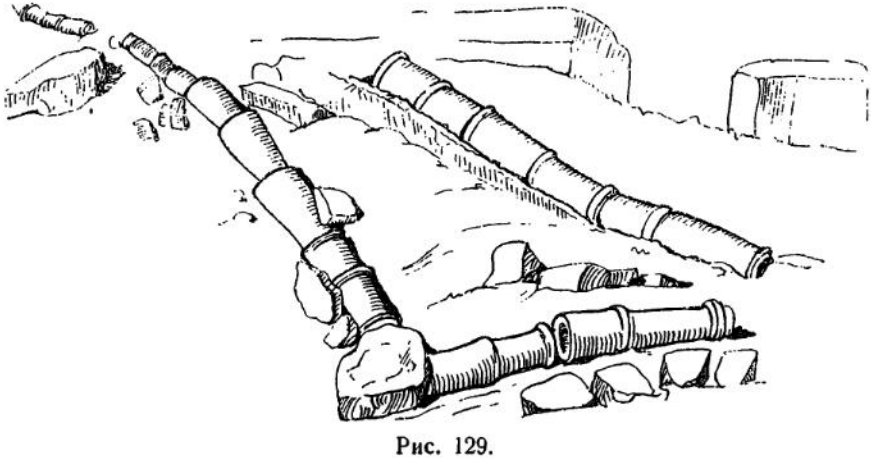

Рис. 129.

Рис. 128. Водоем на одной из улиц в Болгарах, относящийся к XIII веку.— *Рис. 129.* Остатки водопровода из гончарных труб в Болгарах.

Рис. 130. Часть древней мостовой XIV века, вскрытой при раскопках в Болгарах.

и извилины, поэтому на поворотах мы находим короткие трубы, а на прямой линии более длинные. Трубы этого водопровода представлены различными типами. Имеются боченкообразные, с небольшими утолщениями в средине; цилиндрические, с выступающим ребром в средине; в форме усеченного конуса. Трубы боченкообразные, как правило, самые короткие, а два последних типа представлены длинными трубами. На внутренней стороне их сохранились следы выделки с помощью ленточной техники (рис. 129).

Как было сказано выше, трубы соединялись между собой алебастровым раствором, причем в местах крутых поворотов строители применяли соединительную муфту из известняка с двумя вводными отверстиями, куда вставлялись трубы, закрепляемые алебастровым раствором. На мостовой найдены монеты ханов Джанибека (1340—1357 гг.) и Бердибека (1357—1359 гг.) и бронзовое зеркало, датируемое XIV веком.

Большое число найденных монет позволяет заключить, что мостовая существовала раньше средины XIV века.

На 70 см выше лежит верхняя мостовая, сохранившаяся в виде небольшого участка в юго-восточном углу раскопа (рис. 130). Эта мостовая сложена из прямоугольных камней разного размера, плотно подогнанных друг к другу, и покоится на культурном слое. Плиты хорошо обработаны и имеют ровную поверхность. На уровне этой мостовой и ниже были найдены монеты ханов Золотой Орды, начиная с Узбек-хана (1312—1340 гг.) и кончая Хызр-ханом.

Ко времени сооружения верхней мостовой необходимо отнести один трубопровод, пересекающий более ранний и оканчивающийся в центре раскопа распределительной муфтой с выводным отверстием, направленным кверху. Так как в этом месте трубопровод имеет подъем вверх, то его муфта, несомненно, соединялась с каким-то фонтаном или водоемом на уровне верхней мостовой.

На ее же уровне к востоку от раскопа открыты остатки бани. Над баней и над вымосткой верхней мостовой залегает слой погребенной почвы, которая, как сказано, соответствует времени запустения города в XV веке.

Описанные сооружения принадлежат трем эпохам. Верхняя мостовая относится к началу второй половины XIV века; она датируется монетами первой половины и начала второй половины XIV века, найденными в подстилающем слое. Такие же монеты были найдены и на ее поверхности. Очевидно, она сооружалась в то время, когда были в обращении эти деньги. Двести из найденных монет можно датировать довольно точно.

Нижняя мостовая с водопроводом и фундаментом большого здания относится ко времени хана Узбека и датируется началом XIV века. Основанием для этого служат следующие соображения. На мостовой найдены монеты хана Узбека, начиная с самых ранних. Вместе с тем в колодце, который был засыпан перед постройкой мостовой и водопровода, найден поливной кирпич голубого цвета XIV века. Все это и позволяет отнести нижнюю мостовую к началу этого века. В таком случае предшествующий ей колодезь и подполье деревянного дома, относящиеся к золотоордынскому слою, надо датировать концом XIII века.

При раскопках в центре города были открыты остатки домов. Из них к булгарскому времени относится довольно хорошо сохранившееся, благодаря обугленности дерева, одно деревянное здание. Стены его сложены из сосновых бревен до 30 см в диаметре. Уцелели неполных два венца сруба. К сожалению, углы не прослежены и о характере скреплений говорить нельзя. Размеры дома внутри 3,3 × 4,7 м, снаружи, вместе с пристройкой, 5 × 5 м. Длинными стенами дом ориентирован с северо-востока на юго-запад. Такое расположение, вероятно, объясняется общей планировкой этой части города (табл. VII, рис. 131).

У юго-восточной стены дома была пристройка в виде помоста из досок, шириной 1,2 м и длиной около 5 м. Внутри дома сохранились пол, остатки печи, рухнувшие и обуглившиеся при пожаре балки, части потолка.

Печь расположена у северо-западной стены, ближе к северному углу. Размеры печи 90 см × 1,2 м. Она дошла до нас в разрушенном уже виде, но по найденным здесь кускам полуобожженной глины, многие из которых имеют дугообразное очертание, можно заключить, что печь была сводчатая, высотой около 1 м. Перед печью, почти посредине дома,

открыто подполье, в которое провалилась часть разрушенной печи и половые доски. Многие доски пола и наружного помоста террасы сохранились. Доски тесаные (заметны следы обработки теслом), толщиной до 8 см, шириной до 35 см. Уложены они плотно, в направлении с юго-востока на северо-запад [58].

Близ восточного угла дома найден лошадиный череп, положенный в качестве «оберега», тщательно зарытый в ямку и прикрытый каменной плитой, величиной и формой соответствующей черепу. Обычай класть лошадиную голову под углом постройки сохранялся и позднее среди местного татарского населения.

Внутри дома и вообще в слое № 4 собрана масса культурных остатков, датирующих этот слой XIV веком. Сюда относятся, помимо массы раздробленных костей домашних животных — овец, коров, лошадей, черепки гончарной посуды хорошего обжига с разнообразной орнаментацией; обломки глазурованной посуды с голубой и синей поливой, с различными подглазурными и надглазурными орнаментами; обломки люстровой серой и красной штампованной стеклянной посуды; железные ножи, замки, гвозди, железные и медные шлаки; бронзовые и медные зеркала, бляхи, пряжки; осколки китайской форфоровой посуды (селадон); бусы пастовые, стеклянные и янтарные; куски необработанного янтаря; костяные рукоятки ножей; глиняные напрясла; обломки стеклянных витых браслет и др.

Наиболее поздними являются остатки кирпичного здания, открытого в верхнем горизонте золотоордынского слоя. Остался лишь пол, уходящий в южную стенку раскопа, собранный из кирпичных плит (размер его не установлен). Он положен на служившую фундаментом площадку из сырцового кирпича. Сырцовый кирпич изготовлен из глины с примесью культурного слоя и имеет размеры 19 × 19 и 25 × 25 см при толщине 4—5 см. Фундамент выложен на глине при толщине раствора 3—7 см. Промер в одном месте, где лежат наиболее ровные слои, дал 21 ряд кирпича и 20 рядов раствора общей мощностью 1,7 м. Ниже фундамента находятся остатки заброшенных сыродутных горнов более раннего времени.

Эти развалины служили полом какого-то кирпичного здания, относившегося к числу хотя и богатых, но рядовых построек. Аналогичные дома известны в Селитренном городке, где открыты здания площадью 3,5 × 3,5 м с кирпичным полом и печкой в правом углу; стены их кирпичные, иногда сырцовые. Подобные же здания исследованы в Старом Сарае, где система отопления устроена не под полом, а в канах (лежанках), имеющих около 60 см высоты [59], в Мечетном, в Увеке [60] и в Маджарах, где раскопками В. А. Городцова в 1907 году был открыт ряд домов с полами на подстилающем слое, в некоторых случаях до 18 см толщиной [61].

Все аналогии показывают, что данный дом входит в серию домов с глинобитным полом, лежащем на подсыпке, как в Маджарах, или на сырцовом кирпиче, как в Болгарах. Трудно судить о системе отопления этого дома, но так как под полом не было замечено никаких следов каналов, то нужно думать, что дом отапливался при помощ системы труб под лежанками, как это широко применялось в городах нижнего Поволжья в XIII—XIV вв.

Описанное здание имеет черты, связывающие его с более ранними постройками домонгольской эпохи. Такой чертой является устройство фундамента в виде подушки из сырцового кирпича. Этот прием наблю-

дался в Суваре, куда он, повидимому, был занесен из Средней Азии, где это вызывалось антисейсмическими соображениями. Дом вероятно принадлежал богатому человеку, может быть ремесленнику.

Засыпанные горны под фундаментом здания ничем не связаны с ним и относятся к предшествующей эпохе.

К тому же XIV веку, а, может быть, к концу XIII века относится ряд деревянных зданий, по своему характеру напоминающих постройки более раннего времени. К сожалению, современные постройки (раскопки производились на улице деревни) ограничили возможности расширения раскопа и древние постройки были исследованы лишь частично.

Все дома были выстроены из соснового дерева в виде срубов; сохранились остатки их деревянных полов из толстых досок, положенных на переводины. Под полом устраивались довольно значительные подполья с зерновыми ямами в виде цилиндрических или боченкообразных углублений. Открытые здесь дома могут служить иллюстрацией к сообщениям восточных путешественников X—XII вв., отмечавших, что булгары строят деревянные дома из сосны. Эти постройки, сохранившиеся лишь частично, аналогичны дому, описанному выше, и другим домам, изученным в Суваре.

Интересной чертой этих домов является их ориентировка в длину с юго-запада на северо-восток. Из них два дома расположены почти по одной линии, третий стоит по другой линии, на расстоянии 10 м к востоку, приблизительно на одной линии с домом, открытым отрядом Н. Ф. Калинина в 1946 году. Встает вопрос о том, не является ли эта линия древней городской улицей конца XIII — начала XIV века? В начале XV века ее уже не было, так как на этом месте был выстроен дом с кирпичным фундаментом.

Сохранившиеся памятники архитектуры

Город Великие Болгары является единственным булгарским городом, где сохранились памятники архитектуры. Среди них два гражданских общественных здания — бани, остальные культовые, датируемые XIV веком.

Одно из них, так называемый Четырехугольник, представляет собой остатки Соборной мечети (рис. 132). Анализу этого памятника посвящено исследование А. С. Башкирова [62]. Здание прямоугольной формы, с многогранными башнями по углам, имеет 44 м длины и 40 м ширины и ориентировано с севера на юг. Северный фасад сохранил остатки портала (пиштака) шириной в 8 м, основание которого отстоит от углов на 2 м. Вход в здание, шириной 2,2 м, обрамлен был прямоугольными выступами $2 \times 1{,}5$ м; аналогичные выступы находились по бокам входов с восточной и западной стороны. Гладь южной стены оживлялась тремя подобными же выступами размерами $2{,}5 \times 2$ м. Центр среднего выступа этой стены совпадает с центральной линией здания. Двери в восточной и западной стенах были разного размера и профиля и имели лестницы, ведущие внутрь. У углов на этих фасадах сохранились незначительные остатки окон.

Угловые башни представляют одно целое со всем зданием. Наружная поверхность их была разбита на десять граней. Башни северного фасада значительно меньше южных. Диаметр первых 7,5 м, вторых 9 м. Здание было сооружено из известняковых, хорошо пригнанных плит, с забутовкой внутренности стен щебнем, залитым алебастровым раствором. Фундаментом служил бут, мощностью под стенами от

85 см до 1 м и до 2,4 м под выступами и угловыми башнями. Бутовый фундамент был укреплен забитыми в почву дубовыми сваями.

Внутри здания находилось 20 восьмигранных колонн, поставленных в четыре ряда с юга на север. Каждая колонна имела свой фундамент и кубовидную базу из тесаных камней, сложенных на извести. Верхние углы баз были срезаны. Восьмигранный фуст колонны с треугольным срезом в нижней части нес капители в форме усеченной опрокинутой пирамиды со срезанными нижними углами, покрытые лиственным орнаментом (табл. VIII, рис. 133).

Кровля здания была плоской, на что указывает находка большого числа обгорелых стропил, упавших при пожаре на поверхность пола.

Как мы видим, Четырехугольник повторяет один из типов ипостильных зал средневекового Востока. Ближе всего болгарский Четырехугольник подходит к восточным памятникам XIV века. В качестве аналогии можно указать на мечеть Амру в Старом Каире, перестроенную в 30-х годах XIV века. Там зал разделен колоннами на несколько нефов. Колонны поддерживают на себе килевидные арки, несущие деревянное плоское перекрытие.

Особенно близки Четырехугольнику памятники сельджукской Турции, например мечеть Кай-Кабада I (1220 г.), где зал с колоннами имеет плоское покрытие, и мечеть Улу-Джами (XIV—XV вв.), имеющая пропорции, весьма близкие к болгарскому Четырехугольнику. Плоское покрытие подерживают там четыре ряда колонн по пять колонн в каждом. И, наконец, самой близкой по типу является медрессе — мечеть в Старом Крыму.

А. С. Башкиров [63] убедительно доказал связь Четырехугольника с сельджукским искусством. Об этом говорят и стены здания (известняк), и характер их обработки, и тип восьмигранных колонн, известных по памятникам XII—XIV вв., особенно близких колоннам медрессе Старого Крыма, и орнаментация отдельных частей здания.

Время постройки этого памятника, по аналогии с медрессе Старого Крыма, надо отнести к эпохе хана Узбека.

Рядом с Четырехугольником находился Большой минарет, упавший в 1841 году. Этому памятнику посвящено интересное исследование названного автора [64]. Минарет представлял собой цилиндр около 24 м высоты, слегка съуживающийся кверху, с кубическим основанием (5 × 5 м), переходящим в восьмигранник. На поверхности цилиндра находились окна, расположенные по три в ряд, по двум вертикальным линиям противоположных сторон. В верхней части цилиндр охватывал узкую площадку. Вход был с южной стороны.

Большой минарет довольно типичен для сооружений подобного рода на Востоке. Аналогичные постройки известны в Иране и в Хорезме. Наиболее близкую аналогию дают минареты Шихово-Биби-Эйбат, в 50 км от Баку (XII век) [65] и Дарваг в Дербентском округе Дагестана (XIV век) [66].

Подобен Большому и сохранившийся до наших дней к юго-востоку от Четырехугольника Малый минарет (табл. IX и X, рис. 134—135). Он также представляет собой цилиндр, поставленный на куб, соединенный с восьмигранником при помощи откосов. В верхней части на цилиндр поставлен второй цилиндр меньшего диаметра, благодаря чему образуется небольшая галерея. На поверхности цилиндра видны несколько узких окон, расположенных в разных горизонтах. Места соприкосновения углов восьмигранника с цилиндром украшают трехлепестные пальметки.

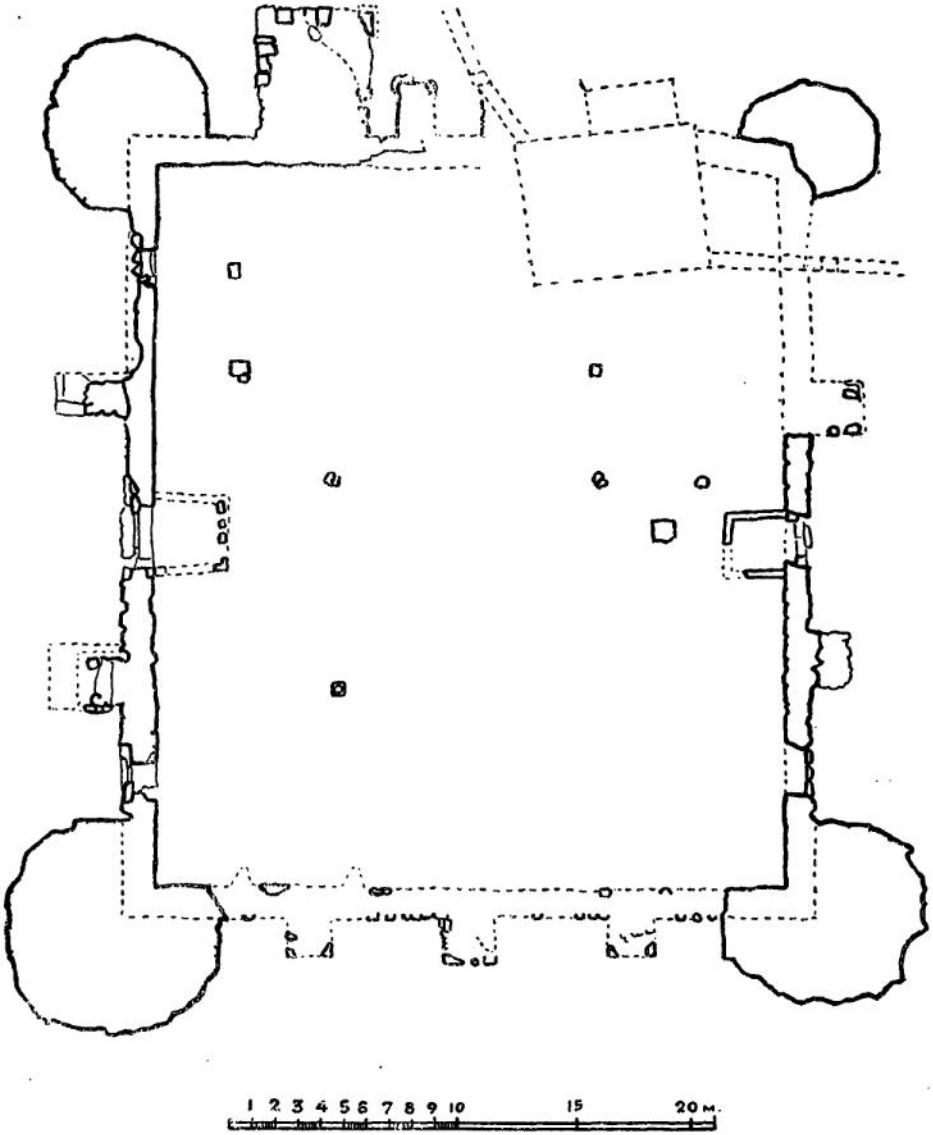

Рис. 132. План соборной мечети (Четырехугольника) в Болгарах.

Вход в минарет устроен с северной стороны на высоте около одного метра от земли. Он имеет полукруглый верх и обрамлен жгутом и неширокой полосой полустертого растительного орнамента. С западной стороны на высоте двери сделана полукруглая ниша, окаймленная двумя арками; первая, стрельчатая, обрамляет орнаментальное поле и килевидную арку, вторая окружает неглубокую нишу. Украшение ниши представляет собой чередование двух мотивов стилизованного расти-

тельного орнамента, а украшение малой ниши — орнаментальную полосу и два круга. Орнаментальная полоса, в свою очередь, образует сложный узор в виде стилизованного растительного орнамента. Под нею по бокам арки расположены два круга, включающие восемь пересекающихся стрельчатых арок, внутренняя часть которых заполнена стилизованными скульптурными изображениями растений.

Орнаментация Малого минарета напоминает собою орнаментальные пояса ряда памятников IX—XI вв. в Средней Азии и Иране, но наиболее близки ей украшения на глиняных и металлических предметах из Болгара, в частности круг с включенными восемью пересекающимися стрельчатыми арками, что являлось излюбленным мотивом булгарских ремесленников XII—XIV вв. (табл. XI, рис. 136).

К ритуальным сооружениям относится также лучший из сохранившихся до нашего времени памятников булгарской архитектуры — Черная палата, служившая, повидимому, мечетью (табл. X, рис. 137).

Здание это, квадратное в плане (7 × 7 м), в основе имеет кубическую форму, затем переходит в восьмигранник и заканчивается уплощенным, неправильной формы, полусферическим куполом с отверстием посредине. Вся постройка выполнена из туфа и только в отдельных местах, в частности, на углах, применялся известняк. Весь кирпич, который виден кое-где в стенах сооружения, был применен позже, при реставрациях.

Кубическая часть палаты расчленена на три яруса. Первый ярус имел с северной стороны вход, заканчивающийся стрельчатой аркой, высотой около 1,5 м. Стены расширялись к основанию, образуя цоколь; этот ярус служил подземной усыпальницей (криптой). Толщина стен цоколя более 2 м. Нижний ярус отделялся от верхнего полом, для настила которого был выложен плоский выступ.

На второй ярус вели четыре двери со стрельчатыми арками той же формы, как и окна южной стороны.

На кубе первого и второго ярусов стоит четырехгранник с несколько меньшим основанием, отделяющийся внутри от основного куба выступающим карнизом. Этот ярус имел четыре окна и тромпы по углам, сохранившие до наших дней следы штукатурки и деления поверхности на крупные ячейки.

Еще выше стоит восьмигранник с восемью килевидными арками, обрамляющими окна с полукруглым верхом. В одном из окон на северной стороне сохранилась гипсовая доска с круглыми ячейками для стекол Восьмигранник переходит в купол. Поверхность стен и купола была оштукатурена. В некоторых местах заметна лепка — небольшие колонки, розетки, звезды.

В настоящем своем виде здание искажено реставрацией. При реставрационных работах были заделаны все двери во втором ярусе и вместо стрельчатых арок выложены полуциркульные. Не были восстановлены контрфорсы и галерен, шедшие вокруг здания.

Орнаментация здания почти совершенно не сохранилась за исключением отдельных редких мест.

Черная палата, состоящая в настоящее время из одного помещения, первоначально имела два — нижнее, соответствующее цоколю здания, и верхнее, отделенное от нижнего полом и заканчивавшееся вверху полусферическим куполом с отверстием в нем. Внутри здание было оштукатурено и покрыто лепными украшениями. Снаружи в гладких стенах были проделаны входы и окна, обрамленные орнаментальными полосами.

К ритуальным памятникам булгарской истории принадлежат также три дюрбе (усыпальницы).

Наиболее богатой была Ханская усыпальница (табл. XI, рис. 138) близ Малого минарета. В настоящее время она представляет собою груду развалин и три остатка стены центральной камеры. Ханская усыпальница первоначально являлась квадратным в плане зданием, имевшим размеры 8,5 × 8,5 м. Основной куб посредством откосов снаружи и тромпов внутри превращался в восьмигранник, а последний, путем удвоения сторон, переходил в шестнадцатигранник и полусферический купол. Внутренняя поверхность здания была оштукатурена. Некоторые части, может быть, карнизы и наличники, были отделаны поливными изразцами темносинего, белого и голубого цвета с геометрическим и растительным орнаментом, переплетавшимся с куфическим письмом. В стену этой комнаты была заделана могильная плита 1309 года, что заставляет отнести сооружение к XIV веку. К зданию усыпальницы были приделаны две пристройки с западной и восточной стороны, одинаковые по плану и, повидимому, по объему и отделке.

Несколько иного характера другое дюрбе, известное под названием церкви св. Николая (табл. XII, рис. 139), с конструкцией, аналогичной конструкции усыпальницы. Здание снаружи и внутри было оштукатурено; гладь стен восьмигранника оживлялась неглубокими нишами прямоугольной формы со вписанными в них более узкими нишами со стрельчатой аркой. В углах под сводами вделаны голосники в виде сосудов.

Аналогичное устройство имело и дюрбе Монастырский погреб, перед которым сохранилось основание небольшого коридора. Судя по аналогичным дюрбе в Башкирской АССР, этот коридор имел коробовое покрытие. Входы в оба последние дюрбе, обрамленные стрельчатыми арками из хорошо подогнанных плит известняка, были с южной стороны. В остальных стенах были окна с такими же стрельчатыми арками.

К описанным сооружениям близки по характеру дюрбе Увека и Старого и Нового Сарая, сложенные из кирпича и украшенные поливными изразцами.

Из гражданских общественных сооружений города Болгара мы знаем Белую и Красную палаты, служившие банями. Первая разрушилась в 50-х годах XIX века, но благодаря записям и зарисовкам ряда исследователей и археологическим раскопкам мы можем составить себе представление об этом интересном сооружении [67].

Это была квадратная постройка размером 12 × 12 м, с крестообразной центральной комнатой и небольшими квадратными помещениями по углам. К основному квадрату с юга и с севера примыкали комнаты. Центральная постройка и южная комната были сложены из известковых отесанных камней с зубутовкой внутренности стен щебнем. Северная пристройка из двух комнат была сложена из плоских квадратных кирпичей, имевших распространение в Поволжье с X века. Покрытие Белой палаты, как можно судить по рисунку Палласа, было двускатное над кирпичной постройкой с фронтоном с северной стороны, и пятикупольное над каменным помещением. В центре купола имелись световые восьмигранные отверстия, а в большой комнате дополнительно четыре окна по бокам. Верх здания по восточному фасаду был украшен пятью треугольными фронтонами. Эти фронтоны у кирпичного помещения сливались с гладью стены, а у каменного отделялись узким карнизом.

В кирпичную пристройку вела с восточного фасада дверь с полуциркульной аркой. Кроме того, в этой стене были два окна с перекрыти-

ем в виде фронтонов. Первые две комнаты кирпичного помещения имели плоский потолок. Вторая комната соединялась с крестообразным помещением посредством двери, перекрытой уплощенной аркой. Крестовый зал был покрыт центральным полусферическим куполом, поддерживаемым треугольниками парусов и столбами, которые образовывали стрельчатые арки с архивольтами, выполненными в штукатурке. Узкие двери в углах столбов служили для входа в угловые квадратные помещения.

Художники Г. Г. и Н. Г. Чернецовы зарисовали детали купола северо-западной комнаты. Этот купол в нижней своей части был окантован фризом, состоящим из ниш со стрельчатыми арками, лежащими на пилястрах с капителями. Как купол, так и орнаментация были выполнены из штучного камня. Купол отделялся от устоев карнизом. Центр крестового зала был покрыт куполом, а четыре его конца имели покрытие стрельчатой формы. Стены внутри Белой палаты были оштукатурены. Под каменным полом проходили в разных направлениях каналы, имевшие около 40 см ширины и 70 см глубины. Во многих местах заметны следы лежавших здесь водопроводных труб, в частности железных. В полу обнаружены стоки в виде углублений.

В здании Белой палаты были найдены различные архитектурные обломки и каменные бассейны, покрытые интересной резьбой. Здание являлось баней и было выстроено по плану, широко известному на Востоке.

Первая, северная комната служила раздевальней и местом отдыха. Посредине ее помещался водоем или фонтан, так как к центру комнаты шла водопроводная труба. За следующей комнатой, которая была проходной, находилось крестообразное помещение, служившее мыльней, сюда же выходили двери кабинок. В последнем, южном помещении были устроены резервуар для горячей воды и печь (табл. XII, рис. 140).

Аналогична Белой палате и вторая баня, открытая в Болгарах в 1938—1940 гг. Эта баня, названная по ее внутренней окраске Красной палатой, была обнаружена на северном склоне городища. Впервые об ней узнали крестьяне села Болгары при добыче ими строительного камня в 1898—1899 гг. Часть здания владельцем участка Сидоршиным была тогда же разрушена и пережжена на известь (табл. XIII, рис. 141).

Об этом здании был собран материал, доложенный на собрании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете 23 сентября 1899 года. В докладе сообщалось, что на месте хищнических раскопок на северном склоне верхней террасы села, близ подножия ее, вправо от дороги, которая идет с площади, застроенной так называемым Монастырским погребом, Четырехугольником и церковью, был заложен раскоп. Рытвины и ямы с остатками каменной кладки перемежались с яблоневыми деревьями, которыми засажено это место. Обращал на себя внимание глубокий ров, длиной более 7 саж. (15 м), тянувшийся вдоль подножия горы. Здесь, по словам крестьян, раньше стояла сплошная каменная стена, что представляется вполне правдоподобным, так как иначе совсем нельзя было бы объяснить строго прямолинейное направление рва. Все остатки здания расположены по одну сторону этого рва, в сторону горы; направление стен каменной кладки идет или параллельно или перпендикулярно указанному рву. В западном углу рва, на глубине менее сажени (2 м), была видна часть бутовой кладки из очень крупных камней, связанных цементом; в другом месте рва было обнаружено начало пошатнувшейся кирпичной стены, перпендикулярной рву, которая терялась в земле, но была прослежена в другом месте

на расстоянии около 3 саж. (6,5 м) от наружной линии рва. Другая кирпичная стена проходила, повидимому, параллельно главному рву, теряясь в оставшейся нераскопанной части сада. Две лежавшие горизонтально глиняные трубы были найдены по линии, параллельной рву, а третья лежала в густом слое твердого цемента, перпендикулярно рву. Все эти скудные остатки здания были покрыты толстым слоем самого разнообразного мусора — кусками цемента, камня и обломками кирпича, над которым лежал слой черной земли, очевидно образовавшийся из отбросов, сваленных когда-то под гору.

Осмотр остатков сооружения дал очень немного: он позволил только определить направление здания и его размеры — более 5 саж. (10,8 м) по одной стороне и более 3 саж. (6,6 м) — по другой.

Больше сведений о характере здания дали материалы, разбросанные по месту раскопок и вырытые из земли, еще не использованные крестьянами. В большом количестве валялись широкие и тонкие кирпичи квадратной формы. В общем их размер вполне подходил к господствующему в болгарских и билярских постройках размеру 22 см по сторонам квадрата при 4,5 см в толщину. В. А. Казаринов [68] придавал размерам и форме кирпича значение хронологического показателя для местных сооружений; данный размер он признал, хотя и без достаточных доводов, как свидетельство значительной древности постройки. Встречались также тесаные плиты из белого камня, которые могли служить для облицовки стен или для настилки пола. Из водоемов, вскрытых при хищнических раскопках, сохранился только один массивный каменный, знакомого по музейным собраниям типа — 10 верш. (45 см) высотой, трехгранный по лицевой стороне, без орнамента, вместимостью около двух ведер. Извлеченные из кладки глиняные трубы были невелики размером (25 см и более) и имели коническую форму с кольцеобразным утолщением на узком конце; этим концом одна труба вставлялась в другую и плотно закреплялась твердым цементом; труб было найдено значительное количество. Обращала на себя внимание какая-то черная масса, вынутая, по словам крестьян, из недр раскопанного здания; повидимому, это была сажа, смешавшаяся с землей. Это заставило поверить рассказам крестьян о «топках» из камней, найденных ими в глубине здания и снова засыпанных.

Время сооружения этой бани хорошо определяется по стратиграфии культурного слоя. Она находится на верхней площади, открытой раскопками, которая точно датируется половиной XIV века. Следовательно, баня была построена в начале второй половины этого века. Развалины бани покрывает слой погребенной почвы, относящийся, как уже было сказано, к началу XV века. Таким образом, гибель здания совпала по времени с гибелью города, которую можно отнести к военным действиям войск московского князя в 1431 году.

После некоторого запустения города в XVI веке местность старого городища была заселена русскими и над баней отложился довольно мощный слой, закрывший древние развалины. В XVIII веке, а, может быть, и в начале XIX века здесь были выстроены две деревенские бани-полуземлянки со срубами, углубленными в почву. Это и привело к тому, что в двух местах древняя постройка была разрушена.

После Сидоршина, в самом конце XIX века, житель с. Успенского (Болгары) Афанасий Суходоев, добывая белый камень для обжига извести, в свою очередь разрушил значительную часть древней бани. При раскопках он обнаружил водоемы, которые, повидимому, и были исполь-

зованы им для обжига. Сын Афанасия Суходоева Григорий, участник этого разрушения, довольно подробно рассказал о характере открытых его отцом построек. Ими были вскрыты три комнаты, разделенные стенами в 70 см — 1 м толщиной. В комнатах под полом и в стенах были проведены гончарные трубы. В углах стояли «ступы», т. е. водоемы, к которым шли эти трубы. Некоторые трубы тянулись в направлении к реке. Под полом находилось отопление, на что указывает наличие сажи на стенах подполья. Стены были сложены из плохо обработанных камней, а пол из гладких; хорошо отполированных плит и поливных цветных кирпичей найдено не было. Раскопки пришлось приостановить из-за обвала, повлекшего за собой человеческие жертвы.

Рассказ Г. А. Суходоева полностью подтвердился раскопками 1938—1940 гг. В здании бани, в западном и северном концах ее центральной комнаты и в северо-западной угловой камере были обнаружены пробитые стены, где крестьяне, добывавшие известняк, выбрали весь белый камень, не тронув ненужных им кирпичных частей входа, вынули водоемы и, пробив пол, обнаружили здесь сажу.

Полученные экспедицией 1938—1940 гг. сведения в значительной степени определили направление дальнейших работ. Был раскрыт участок к востоку от площади крестьянского раскопа и обнаружены развалины большого здания, о назначении которого говорило большое число бассейнов и водостоков, после чего не осталось больше сомнений в том, что открытая постройка являлась общественной баней.

Здание стояло на склоне горы, на специально приготовленной площадке. Строители вертикально срезали часть склона и сравняли горизонтальную площадку, удалив ее неровности и засыпав углубления. Сохранившаяся часть здания представляла из себя постройку в форме буквы Г. Она состояла из двух соединенных друг с другом прямоугольников, короткого и длинного, и делилась на три части — западную комнату, центральный зал с четырьмя угловыми комнатками, и восточную часть со служебными помещениями. При возведении бани вырыли котлован, отдельно для западной стены в виде уступа, с заглубленной до 1,2 м центральной частью, и отдельно для центральной и восточной частей до 1,5 м глубины. В котлован были уложены фундаменты стен и столбы для отопительных каналов из белого камня и квадратного кирпича. Возведенные на фундаменте стены несколько сужаются на поверхности, образуя выступ для укладки плит пола. Отопительные каналы закрыты сверху хорошо утрамбованной цемянкой, на которой лежали точно подогнанные одномерные прямоугольные плиты пола. На этих плитах во многих местах сохранились признаки обработки теслом с рабочим краем шириной в 1,5 см, и троянкой, следы которой в виде штрихов ясно видны на поверхности. Плиты лежали плотно и мельчайшие щели между ними были заполнены цемянкой. Толщина плит пола колеблется от 10 до 30 см. Различна и толщина слоя цемянки, достигающая 30 см.

Стены здания возведены из уложенных в два параллельных ряда размерных известняковых, песчаниковых и туфовых, грубо обработанных камней. Пространство между этими стенками заполнялось крупными и мелкими камнями и заливалось раствором алебастра. Поверхность стен получилась грубая и неровная и потребовала штукатурки. Части стен, имевшие основное конструктивное значение, как углы у входа, пиштак — арка над входом в баню, и углы комнат, на которых покоится центральный купол, карнизы, своды и купола выложены были из

квадратного кирпича размером от 20 × 20 до 25 × 25 см при толщине от 4 до 6 см. Неравномерность кирпича определила толщину алебастрового слоя, в отдельных местах достигавшего толщины кирпича. В среднем шесть рядов кирпича и пять швов алебастра составляют 39 см.

Здание выходило своим фасадом на открытую площадь, в центре которой находился, повидимому, фонтан или водоем, о чем можно судить, как уже говорилось, по наличию трубопровода с известняковой муфтой для установки здесь вертикальной трубы. Фасад постройки сохранился очень плохо и прослежен только в южной ее половине. Значительная часть здания была уничтожена при добыче камня. Фасад сложен из белых, грубо обработанных камней довольно правильной формы размерами 30 × 20 и 40 × 20 см. Пространство между некоторыми блоками заполнено мелкими камнями и скреплено известковым раствором. Толщина стен достигает 2 м. Небольшая часть внешней облицовки (около 1 м) сохранилась хорошо. На уровне мостовой имеется небольшой цоколь, шириной в 10—12 см. Стены снаружи была покрыта белой штукатуркой, сохранившейся в некоторых местах до сих пор.

Вход в баню оформляла арка, от которой остались невысокие кирпичные площадки. Южная из них, размерами 1,37 × 60 см, примыкает короткой стороной к стене здания. На расстоянии 4 м находится вторая подобная же площадка. Обе площадки сложены из квадратных кирпичей обычной формы, размерами 20 × 20 и 22 × 22 см при толщине 4—5 см, выложены на глине и являлись основанием четырехметровой арки, имевшей, повидимому, стрельчатую форму. В стороне от центра арки, на расстоянии 2 м от южной площадки, находился вход, шириной в 80 см. Вход был выложен кирпичем и оштукатурен розовой штукатуркой (от примеси толченой керамики), окрашенной затем в красный цвет. Следы дверей не обнаружены, однако можно полагать, что два небольшие уступа на правой стороне входа, шириной и глубиной в 15 см, один у внешней линии стены, а другой в проходе, на расстоянии 80 см от первого, могли быть местами дверных колод.

Первая комната (табл. XIV, рис. 142) неправильной прямоугольной формы, вытянутая с севера на юг, имеет в длину 7,6 и в ширину 4,2 м. Стены ее сложены из белого камня и оштукатурены. Вдоль трех стен—западной, южной и восточной шли лежанки, облицованные по краю туфом и белым камнем; изнутри они заполнены щебнем на цементирующем растворе. Высота лежанок — 45—60 см, ширина восточной — 80 см, южной — 1,25 и западной — 1,2 м. Поверхность лежанок сглажена, вероятно они в свое время покрывались цыновками или коврами, боковые их стороны оштукатурены. Лежанки были сделаны одновременно с постройкой бани, на что указывает отсутствие штукатурки на стенах за ними, хотя боковые стенки самих лежанок оштукатурены.

В южной стене через отверстие, образовавшееся на месте выпавшего из кладки камня, видна гончарная труба, повидимому, дымогарная, обогревавшая комнату. В восточной стене проделаны два отверстия для труб с холодной и горячей водой.

Небольшой приступкой, высотой в 10 см, комната делится на две неравные части. Пол ее сделан из хорошо пригнанных плит, уложенных на слой забутовки из какого-то цементирующего состава коричневого цвета толщиной около 20 см, насыпанного на песке. В песке же проложены трубопроводы для стока воды. Пол первоначально был покрыт цементирующим составом, от которого на отдельных плитах сохранились небольшие фрагменты. На полу комнаты в центре и в северной ее

части среди прямоугольных плит видны плиты других размеров и неправильной формы, вероятно положенные позднее при ремонте. Вдоль северной стены проходит открытый водосток с цементированной поверхностью шириной в 18 и глубиной в 30 см. Этот водосток, начинаясь в центральном помещении бани, входит в комнату из-под двери и огибает ее северо-восточный угол.

В восточной стене, на расстоянии около 5 м от южного угла, в кирпичной кладке стены проделан вход в центральное помещение бани. Кирпичи сложены на известковом растворе таким образом, что швы рядов, лежащих выше или ниже, приходятся почти против середины кирпичей среднего ряда. Ширина входа 69 см. На стенках прохода не сохранилось никаких следов ни от крючьев двери, ни от дверной колоды.

На полу комнаты лежали упавшие вниз остатки потолка в виде слоя угля и горелого дерева, а под ним еще один слой рухнувшей штукатурки розового цвета, лежавшей довольно ровным слоем, со следами каких-то черных полос, вероятнее всего раскраски.

Из первой комнаты посетитель входит в крестообразный центральный зал с фонтаном в центре и с четырьмя комнатами по углам. Зал был перекрыт куполом и четырьмя коробовыми сводами. Один из них сохранился в восточном конце зала. Угловые комнаты перекрыты куполами. В этом помещении хорошо подогнанные прямоугольные плиты пола сохранили на своей поверхности и на боковых гранях следы обработки теслом и троянкой. Размеры плит (в среднем) 35 × 38, 55 × 55 и 38 × 28 см при толщине 6 —10 см. Они уложены на слой цемянки, в котором проходит водосток из труб длиной по 33—35 см каждая. Водосток шел от фонтана через первую комнату и служил для стока из него лишней воды. Первая труба имеет ложкообразное закругление. Когда все сооружение функционировало, эта труба была соединена с другой, устроенной по внутренней стенке фонтана. Назначением ее было регулировать уровень воды в фонтане.

Стены зала сложены из белого камня и кирпича. Кирпич употреблялся для возведения угловых столбов, в которых устроены проходы в комнаты. Ширина столбов кирпичной кладки 1,4—1,6 м внизу у пола и 90 см вверху. Кирпич обычной квадратной формы 21 × 21 и 22 × 22 см при толщине 4—6 см. Шесть слоев кирпича и пять алебастровых швов составляют 38,5 — 39 см. Как правило, кирпич в столбах укладывался таким образом, чтобы соединительные швы кладки приходились приблизительно на средине кирпичей верхнего и нижнего рядов. Кладка в целом производит довольно аккуратное впечатление. Остальное пространство стены в этом кирпичном каркасе до высоты карниза заполнено белым камнем (табл. XIV и XV, рис. 143—145).

Как уже было отмечено, стены выкладывались из грубо обтесанных камней разного размера, имеющих в длину до 55 см. Камни уложены в два ряда, шириной в 30 см, с заполнением внутреннего пространства бутом и алебастровым раствором. На высоте 1,5 м проходит карниз, сложенный из выступающих наружу рядов кирпичей, а над ним начинается кирпичная кладка верхней части.

На высоте 44—45 см от пола в некоторых стенах центрального зала сделаны углубления-ниши, имеющие высоту 58—60 см при ширине 30 см, с тремя рядами уложенных в них труб, из которых два предназначались для горячей и один для холодной воды. Здесь же лежал ряд широких труб с остатками нагара внутри, покрытых снаружи линейным орнаментом. В южном, восточном и северном концах крестообразной комнаты также открыты подобные ниши. В западном конце зала ниш в стенах нет,

но проделаны отверстия для труб, проведенных из соседних комнат. Ниши идут не по всей длине стен, а только до каменных водоемов, установленных по одному у каждой стены. Такие водоемы сохранились в пяти местах. Все они имеют различную, но простую отделку; богато орнаментированных водоемов нет. Помимо горизонтальных ниш в стенах обнаружены вертикальные отверстия со средним диаметром 20—25 см, соединяющие дымогарные трубы с подпольем и выводящие эти трубы вверх. Такие отверстия и выводные каналы вверх прослежены в западной и южной стенах западного крыла здания и в двух местах на пересечения стен южного крыла здания (рис. 145). Входы в угловые комнаты центрального зала пробиты в кирпичных столбах несколько в стороне от центральной оси.

Если провести перпендикуляры к стенам бани через фонтан (центральную точку зала) и разделить полученные прямые углы пополам, то проведенные линии пересекут входные пролеты не посредине, а сбоку. Так, у юго-западной комнаты эта линия пройдет по левой стенке, у юго-восточной — через левую стенку, у северо-восточной также по левой стенке, у северо-западной через правую стенку. Такое расположение входов не случайно и объясняется тем, что кирпичные столбы служили основной конструкцией, несущей покрытие здания. Поэтому ни в одном случае ни горизонтальные ниши, ни вертикальные дымоходы не проходят через эти столбы. Опасение ослабить конструктивное значение столбов заставило строителей устраивать входы несколько в стороне от центральных точек.

Все четыре входных отверстия сохранились довольно хорошо. Из них у входов в юго-западную и юго-восточную комнаты, не пострадавшие от кладоискательских раскопок XIX века, сохранились арки, у входов в две другие комнаты остались их основания. Ширина входов колеблется от 65 до 80 см, высота — около 1,7 м. Форма арок полуциркульная.

На стенах зала во многих местах уцелели наслоения штукатурки из нескольких слоев. Нижний слой, как и в первой комнате, составляет штукатурка розового цвета с примесью толченой керамики. На этом слое налегает другой тонкий слой белой штукатурки, окрашенной в красный цвет, а сверху идет третий — серый.

Угловые комнаты сохранились не все в одинаковой степени. Лучше дошли до нас юго-западная и юго-восточная комнаты.

Первая комната, почти квадратная в плане, имеет площадь в 3,2 × 3,4 м, с несколько покатым к выходу полом и ступенькой у входа высотой в 8 см. Стены комнаты, за исключением угла с входной аркой, выложенные из квадратного кирпича, сложены, как и в других помещениях, из белого, грубо обтесанного камня, покрытого штукатуркой. На высоте 1,6 м вдоль западной и восточной стены тянется карниз из выступающего вперед на 9 см ряда кирпичей. Выше карниза шла свалившаяся уже кирпичная кладка, от которой уцелело четыре ряда кирпичей. В юго-восточном углу над линией карниза сохранились в первоначальном виде четыре ряда кирпичей, выступающие один над другим и образующие сферическую поверхность. В западной, северной и южной стенах комнаты на высоте 50—60 см были ниши высотой в 30 см, в которых лежали три ряда труб — из них два для горячей и холодной воды и третий ряд дымогарных труб. В нише южной стены были пробиты сквозные отверстия в центральный зал и в первую комнату. Небольшие отверстия для двух труб проходили через западную стену в первую комнату и через север-

ную стену в центральный зал к водоему. У трех стен — северной, западной и южной стояли водоемы разного размера и формы. Интерес представляет южный водоем. В нем сделана выемка и в нее вставлен большой кран в виде трубки из медной пластинки, свернутой и спаянной по шву. Такой кран должен был запираться затычкой. На стенах в разных местах, главным образом в нижней их части, сохранились три слоя штукатурки: первый розовый с примесью толченой керамики, а второй и третий белого цвета, что свидетельствует о ремонтах. Юго-западный угол комнаты скошен кладкой из кирпичей обычной квадратной формы, положенных на ребро. Эта кладка представляет собой остатки очажка с трубой, пристроенного в углу. Очажок был поставлен дополнительно для обогревания.

Северо-западная комната, имевшая почти квадратную форму, площадью в 3,6 × 3,4 м, сохранилась частично, так как была в значительной мере разрушена при выборке камня. Стены ее из белого камня обычной кладки; угол со входом выложен из кирпича. В ее стенах—северной (внешней), западной и южной проходили трубы. В северной, как можно судить по фрагменту этой стены в северо-восточной комнате, шли две водопроводные трубы, уложенные в одной плоскости. Трубы в двух других стенах были заключены в обычные камеры, устроенные на высоте 60 см. В толще западной стены помещался ввод дымогарной трубы, проведенной в нишу южной стены, где существовал вывод вверх. Пол имел обычный наклон к выходу. У северной и западной стены стояли маленькие неорнаментированные водоемы. В нижней части всех стен замечено несколько слоев штукатурки; первый слой — розовая штукатурка с примесью толченой керамики, над ней еще два слоя, окрашенные в серый и красный цвета.

Юго-восточная комната, как и другие камеры центрального зала, была почти квадратной формы размером 3,2 × 3,4 м. Стены ее высотой до 2,45 м выложены из белого камня, а угол из квадратного кирпича; в этом углу находился вход шириной в 55 см.

На высоте 1,9 м по западной и восточной стене проходил карниз из одного ряда выступающих кирпичей. В юго-западном углу этот карниз сохранился с налепом штукатурки, благодаря чему можно установить профиль карниза из двух соприкасающихся дуг небольшого диаметра. Над карнизом начинается кирпичная кладка. В юго-западном углу уцелел фрагмент сферической поверхности, образованной слоем алебастрового раствора. Изучавший этот фрагмент Н. Ф. Калинин видит в нем остатки тромпа, посредством которого совершался переход от квадрата к восьмиграннику и куполу (рис. 146). В западной и южной стенах над карнизами замечены впадины как бы от кирпичей, поставленных на ребро. На высоте 45 см вдоль южной и восточной стен проходят ниши обычного типа, соединяющиеся между собой и с нишами стен южного и восточного конца центрального зала. В этих нишах лежали три ряда труб — две трубы для воды и одна дымогарная. У южной, восточной и северной стен около труб помещались водоемы, два из которых орнаментированы полукруглыми выступами, напоминающими по внешнему виду разделку бассейна-фонтана. К водоему, стоящему у северной стены, трубы были проведены из центрального зала. На стенах и здесь сохранились следы штукатурки — нижний слой розовый, а на нем слой серой штукатурки, окрашенной в темнокрасный цвет. Еще выше идет слой белой штукатурки, покрытой сначала светлокрасной, а потом серой краской. Пол комнаты такой же , как и в других помещениях. Он выложен из хорошо подогнанных плит, сохранивших следы обработки теслом

и тройкой. Там, где стоят водоемы, в плитах сделаны выемки, соответствующие форме водоемов. Для стока воды пол имеет незначительный уклон в сторону выхода.

Четвертая, северо-восточная комната пострадала больше всего от хищнической деятельности жителей с. Болгары. Как и другие комнаты, она имеет почти квадратную форму размером 3,4 × 3 м. К настоящему времени сохранилась лишь южная ее стена, угол со входом и весьма небольшая часть северной стены. У южной стены, как можно судить по отверстию для трубы, проведенной от ниши с противоположной стороны, стоял каменный водоем. В восточной стене была ниша, о чем можно судить по направлению труб в восточной стене, отгораживающей центральный зал от цистерны. В центре, поверх двух кирпичных столбов, сохранилась небольшая часть пола, уложенного на слое забутовки.

За восточной стеной центрального зала находились хозяйственные помещения: цистерны для воды и две печи, образующие прямоугольник, вытянутый в направлении с севера на юг. Длина этой части здания 18 м, ширина у южного края 3,2 м и у северного 3,8 м. Эта разница в размерениях здания объясняется некоторой его деформацией, установленной наблюдениями экспедиции. Так, часть северной стены получила некоторый уклон к северу и несколько изогнута вниз. Некоторый сдвиг в восточную сторону имеет и северная часть восточной стены. Деформация объясняется большими грабительскими работами, которые производились в XIX веке и нарушили древние слои на северо-восточном участке раскопа на глубину почти до 5 м (табл. XVI, XVII, рис. 141—148).

Эта часть бани претерпела в свое время большие перестройки, так что отдельные ее части носят следы трехкратного ремонта. В настоящем своем виде она состоит из южной камеры, составляющей совершенно замкнутое пространство площадью 3,2 × 2 м с тремя стенами, покрытыми слоем цементирующей обмазки, и четвертой, северной, не цементированной, сложенной из крупных булыжников и кусков белого камня. Цементная обмазка стен помещения переходит непосредственно в обмазку пола, имеющего некоторый уклон к северо-западу. Стены выложены из крупных, грубо оббитых известковых блоков, неровности которых в кладке сглажены цементирующим слоем. Южная стена сохранилась на высоту до 3 м и в верхней ее части, имеющей некоторый наклон к северу, ограничена полуциркульной дугой, обложенной по краю кирпичем. Конструкция этой стены позволяет утверждать, что служебные помещения в здании были перекрыты коробовым сводом. Восточная и западная стены, сохранившиеся на высоту до 1,8 м, заканчиваются двумя рядами кирпичной кладки, представляющей основание коробового свода. Изучение цементирующего слоя, имеющего белый цвет и крупнозернистое строение с серой поверхностью, получившего внизу близ пола темный налет от органических веществ, показало, что это помещение ремонтировалось два раза, о чем можно судить по двум слоям штукатурки. Его северная стена, шириной около 60 см, как отмечено, лишенная цементирующего слоя, сложена на небольшом постаменте в 80—85 см шириной и стоит на цементированном полу впритык к западной и восточной стенам, что указывает на более позднее ее устройство по сравнению с основным зданием. Эта перегородка была сделана позднее второго ремонта бани.

Следующее помещение, ограниченное тремя стенами,— западной, южной и восточной, с севера примыкает к центральной печи. Это цистерна прямоугольной формы, длиною 5,4 м и шириною 3 м. Стены ее,

выложенные, как и в других помещениях бани, из белого камня и сохранившиеся на высоту 1,6 м, покрыты цементирующим составом того же характера, как и в угловой комнате. На восточной стене ясно заметны два слоя из того же состава, однохарактерные по виду и строению. Нижний слой имеет на поверхности насечку из углублений треугольной формы, нанесенных для лучшего укрепления верхнего слоя. На западной стене прослежены следующие слои цементирующей обмазки: нижний, подстилающий слой, второй слой с желтоватой поверхностью, затем аналогичный по составу слой, покрытый насечками и, наконец, верхний слой. Западную стену на расстоянии трех метров от южного угла, на высоте 17 см от уровня пола, пересекает гончарная труба диаметром в 10 см, служившая для подачи воды в баню.

Пол цистерны покрыт тем же составом, каким покрыты и стены, с которыми пол незаметно сливается. В результате неоднократных ремонтных работ пол имеет несколько наслоений: верхний, толщиною в 2 см, состоит из белой массы с примесью угля и известковых крупиц; второй слой желтоватого цвета той же толщины; третий слой в 3 см аналогичен предыдущему; четвертый слой ноздреватый, твердый, желтоватого цвета в 6 см толщины; пятый слой, имеющий 5 см толщины, коричневого цвета со включением угля, мелких известковых зерен и толченого кирпича; шестой слой коричневый, рыхлый, в 5 см. Общая толщина всех шести слоев достигает 21 см. Ниже идет кирпичная кладка и известняковая кладка фундамента и дымоходов.

Описанная нами цистерна представляла первоначально единое помещение с угловой камерой, которое лишь позднее было разделено перегородкой. То обстоятельство, что перегородка со стороны угловой камеры не была оштукатурена и имеет облицовку с северной стороны, позволяет заключить, что угловая камера после разделения цистерны на две части оставалась неиспользованной. На это указывает и другое обстоятельство: при раскопках угловой камеры был открыт мощный слой песка с характерной слоистостью, указывающей на то, что песок намыт с верхнего плато городища. Песок заполнял более $^2/_3$ ширины камеры, а на небольшой части пространства у северной стены лежал насыпной песок, смешанный с культурным слоем. Граница намытого песка и засыпки ясно видна по профилю западной и восточной стен помещения. Присутствие намытого песка в цистернах может быть объяснено только разрушением бани и части водопровода, проведенного по склону: хлынувшая вода размыла часть холма и отложила песок на значительной части помещения. При ремонтных работах какая-то часть песка была удалена, а остаток его решили не выбрасывать, отгородив стенкой. Поэтому обратную сторону этой перегородки, выходившей в южную камеру, не покрыли цементирующим составом, а каменную кладку оставили открытой, засыпав мусором пространство между перегородкой и песком.

За центральной печью находилась часть цистерны, претерпевшая значительные изменения за время существования бани. В настоящее время здесь можно выделить небольшой фрагмент цистерны размером 1,4 × 1 м, примыкающий к центральной печи с северной стороны. Уровень его несколько выше уровня цистерны, находящейся к югу от печи. С запада и с севера сохранился один ряд кирпичной кладки, ограждавшей эту часть цистерны. Возможно, что эта кладка была связана с котлом, находившимся над печью и служившим для нагрева воды.

Следующая часть постройки также служила цистерной. Она ограничена с юга стеной из камня, от которой сохранилась только часть,

толщиной в 60 см. Восточная и западная стенки этой цистерны являются наружными стенами здания. С севера цистерна граничит со второй печью; центральная ее часть расположена несколько ниже боковых сторон. Как показало исследование пола, цистерна ремонтировалась несколько раз. Нижняя часть состоит из слоя кирпича, поверх которого проходит слой цементированной обмазки коричневого цвета, напоминающей по своему составу пятый слой южной цистерны. Как и в описанных выше цистернах, цементировка пола незаметно сливается со стенкой, где следы ее сохранились на северной стенке. Выше залегает масса глины, известковые плиты и бут, прикрытые белым цементирующим составом. Этот слой составлял дно цистерны с несколько приподнятыми сторонами. На этом уровне была поставлена кирпичная стенка толщиной в один кирпич и высотой в семь кирпичей. К стенке примыкает третий слой, состоящий из известковой забутовки с кусками туфа и песчаника; он утолщается к северу, где доходит до печи. На всем своем протяжении он покрыт с поверхности цементной прослойкой до 15 см толщины. В западной части слой цементировки доходит до южной стенки. Остатки цистерны прослежены на площади 3 × 2,6 м.

В этой же части здания помещались две печи, выстроеные, как показало обследование развалин, в разное время. Первая печь находилась почти в центре здания, будучи немного смещена к северу от центральной линии. Печь имела форму цилиндра, слегка овального в плане, служившего для укрепления в нем медного котла, о чем можно судить по обломкам котла и заклепкам, найденым на дне печи. Указанная часть сооружения, построенная из квадратного кирпича обычного размера, сложенного на глиняном растворе, имеет четыре отверстия, из которых три соединяются с каналами подпольного отопления, а четвертое, идущее в восточную сторону, соединяет этот цилиндр, диаметром в 1,4 × 1,3 м, с топкой.

Ширина этой топки 1,5 м, глубина около 80 см и высота до 1,4 м. Топка ограничена аркой, сделанной из каменных продолговатых блоков, имеющих до 60 см длины и 20—25 см ширины. К настоящему времени от арки сохранились только боковые камни кладки. Подобная же арка оформляла печь в другой болгарской бане XIV века, в так называемой Белой палате, на южном фасаде которой хорошо виден полузасыпанный верх печи. Та печь, о которой здесь идет речь, была устроена значительно ниже уровня земли. Перед ней находилась обложенная деревом яма, в которую вела лестница. Размер ямы 2,4 × 3 м. Дно цилиндрической печи и топки покрыто каким-то цементирующим составом. Дно имеет незначительный уклон в сторону чела. Три проема соединяют печь с отопительным каналом. Первый, юго-восточный, проходит вдоль восточной стены здания под цистерной, идет до нижней стены, уклоняется здесь к западу и, проходя вдоль западной стенки цистерны, поворачивает к северу и соединяется с каналом второго проема печи. Другой канал, южный, проложен вдоль западной стенки цистерны. Соединившись с встречным первым каналом, он уходит к западу, пересекая фундамент западной цистерны, после чего раздваивается и идет по двум направлениям к западу. Третий, западный канал проложен под северо-восточной комнатой вдоль фундамента ее южной стены. Пересекая западный фундамент цистерны, канал проходит под аркой полуциркульной формы, сложенной из песчаника и обрамленной сверху кирпичной кладкой. Высота арки 60 см, ширина 40 см. Пол этого дымохода имеет значительный уклон к западу.

Описанные здесь проемы были, повидимому, покрыты кирпичными арками, на что указывает наклонное положение верхних кирпичей. Это подтверждает и описанная ранее арка западного канала.

В кладку северной стенки цилиндра упираются два заложенные отопительные канала, идущие в направлении к северу. Наличие этих каналов подтверждается засыпкой более позднего характера и присутствием нагара и сажи на стенках когда-то существовавших здесь каналов. Первый из них проходил к северу вдоль восточной стены здания, затем вдоль северной, а после поворота — вдоль западной стены. О втором засыпанном канале также напоминает присутствие мусора и следов нагара и сажи на восточной его стенке; западная стенка канала не сохранилась. Этот дымоход в свое время соединялся с восточным и проходил к западу под северо-восточной комнатой центрального зала.

Под центральным залом бани и угловыми комнатами проведены с востока на запад шесть продольных каналов и с севера на юг шесть поперечных. Они разделены столбами, сложенными из белого песчаника, а в отдельных частях — из туфа. Пять столбов под угловыми комнатами сложены из кирпича. Все столбы разного размера и неправильной формы. Пространство между ними колеблется от 65 до 80 см. В четырех пунктах в специальных нишах сделаны отводы вверх для соединения с дымогарными трубами, идущими в стенах здания. В трех местах замечены выводы наружу — на крышу бани. Такова была система отопления бани, широко известная на Востоке.

Изучение фактуры кирпичей центральной печи позволило установить наличие более старой и более новой кладки, органически связанных с системой отопления. Из старого кирпича сложены дымоходы и последние ряды стенок печи, из более нового — ее цилиндр. Повидимому, первоначально центральная печь находилась между двумя цистернами, расположенными к югу и к северу от нее. При помощи пяти проемов печь соединялась с пятью отопительными каналами, обогревавшими цистерны и выходившими тремя каналами к центральному залу бани, где эти каналы соединялись с дымоходными каналами зала.

Позднее была выстроена вторая печь, остатки которой находятся в северной части постройки. Она такой же формы, что и центральная, но сложена не из кирпича, а из четырех рядов песчаника и двух рядов дугообразно подтесанного туфа.

Диаметр этой печи — 1,2 м. Основание ее, несколько покатое к востоку, сложено из песчаниковых плит, покрытых сверху слоем цемянки до 15 см толщиной. От печи сохранилась только западная и южная части, северная ее стенка сместилась, а восточная разрушена, поэтому изучить печь в целом не представилось возможности. В западной части сохранился проем в 40 см ширины, соединяющийся через отверстие в стене с постройкой, расположенной к западу от служебного помещения, где открыты остатки столбов таких же отопительных каналов. Расчистка здания на этом месте позволила установить, что северная часть каналов отгорожена плитой, соединяющейся с западной стенкой печи; после сооружения этой второй топки первая система каналов была заброшена. Теперь мы знаем, что жар и дым из печи шли через западный проем по каналу в стене через дымоходы, проложенные к северу от зала бани и, кроме того, налево к югу по каналу, являвшемуся частью использованного старого дымохода. Жар проходил через второй канал в стене рядом с фундаментом северной стены северо-восточной комнаты бани.

Судя по тому, что печь в северной части здания была закончена постройкой несколько позднее первоначального здания бани и предназначалась для обогрева пристройки, можно сказать, что последняя является позднейшей частью сооружения. Она не сохранилась и была основательно разрушена еще до кладоискательских раскопок XIX века, о чем можно судить как по характеру культурных напластований, так и по остаткам купола центрального здания, обвалившегося впоследствии на ее развалины.

Помимо древнего разрушения, которое можно связать с военным разгромом города, этот участок сооружения весьма сильно пострадал в XIX веке.

Стенами описываемого сравнительно небольшого помещения служили северная стена центрального зала и западная стенка цистерны. Остальные две стены, повидимому, не сохранились. Четыре канала, шириной от 30 до 55 см, ориентированы с востока на запад и разделены тремя рядами кладки, сложенной на забутовке из мелких известняковых камней и на кирпичах. Поперек, с юга на север, прослеживаются два канала, первоначальный же канал в более позднее время был выключен из эксплоатации. Это можно предполагать на том основании, что близ фундамента на одном участке кладки был замечен слой угля и сажи. При устройстве двух новых каналов сняли часть кладки старого, но оставили его основание. Новые поперечные каналы имели в ширину около 65 см при высоте кладки до 30 см. Плиты покрытия дымоходов, как и в других частях здания, клались на столбы. Ввиду отсутствия соответствующего выступа у западной стенки цистерны, для укрепления потолка дымоходов (пола комнаты) была сделана кирпичная приступочка; такая же приступочка, повидимому, была сделана и у северной стены центрального зала, но до нашего времени она не сохранилась, так как была уничтожена при выборке камня в XIX веке. Вторая печь обогревала эту новую постройку и одновременно согревала воду в котле и цистерне.

Сооружение нового помещения заставило несколько переделать западную стенку цистерны. Порвоначально этот ее участок не содержал водопроводных труб и представлял собой сплошную каменную кладку. В связи с сооружением дополнительного помещения пришлось устроить там трубопровод для подачи воды. Для этого была устроена небольшая ниша с двумя углублениями между камнями для труб, заложенная кирпичем. Она отличается по устройству от ниш других стен бани, так как приходилось приспосабливаться к имевшимся условиям и вкладывать два ряда труб в старую стену.

Вопрос о водоснабжении бани освещен раскопками довольно полно. Вода хранилась в цистернах, расположенных в восточной части здания. Пол этих цистерн был значительно выше уровня пола бани. Из южной цистерны выходила гончарная труба, которая через распределительную камеру в восточной стене центрального зала шла по всей бане. В цистернах держали холодную, слегка подогретую воду; горячая вода нагревалась в медных котлах, помещавшихся в цистернах и вделанных своими основаниями в цилиндрические печи. Устройство этих нагревательных приборов выяснить не удалось, так как кроме небольших обломков медных листов от котла, толщиной в 9 мм, ничего не сохранилось. Вода подавалась в цистерны через не сохранившиеся вводы, устроенные в верхней части стен, так как нигде в других частях цистерн такие вводы не обнаружены.

Аналогией в таком устройстве бани может служить цистерна анийской дворцовой бани, исследованной академиком Н. Я. Марром. Там ввод водопроводных труб находился в верхней части цистерны [69]. Вода в северную пристройку бани подавалась из этих же цистерн. В цистерны вода поступала самотеком с верхнего плато городища, где в древности на площади самого города было много озер.

У северо-восточного угла раскопа при исследовании бани был обнаружен колодезь, значительная часть которого осталась вне раскопа. Стены его выложены из скрепленных в пазы дубовых досок, толщиной до 10 см и шириной около 40 см. Значительная часть пола в колодце была досчатая. Глубина изученной части сооружения — 1,5 м, а от уровня современной почвы — 5 м. Верхняя, не сохранившаяся часть колодца, как можно полагать, была облицована бревнами около 10 см толщиной, рублеными в обло; от этих бревен сохранился один ряд кладки.

Колодезь прорезает четвертый слой, уходящий под здание бани, что однако не дает никаких оснований датировать этим временем постройку колодца, так как более верхние слои были нарушены хищническим раскопом XIX века и уничтожены, поэтому возраст колодца нельзя было установить. По устройству он напоминает колодезь, открытый на соседнем раскопе под площадью XIV века, и с большой долей вероятия может быть отнесен к древним сооружениям. Чрезмерная его близость к стенам постройки заставляет думать, что колодезь был заброшен еще до постройки бани, так как вряд ли строители стали бы возводить стены цистерны без достаточного фундамента рядом с ямой, поскольку это грозило оползнем и деформацией стен.

Полученный при раскопках материал позволяет довольно полно проследить историю сооружения. Как уже сказано, баня была выстроена в средине XIV века после перепланировки площади на берегу р. Меленки, открытой раскопками в 1938 г.

Эта эпоха — время правления Джанибек-хана — является периодом расцвета Золотой Орды. Именно к этому периоду относится большая строительная деятельность в городах Золотой Орды и в Болгарах. Выстроенная в Болгарах баня представляла здание с крестообразным залом, оштукатуренным и покрашенным внутри темнокрасной краской, положенной на слой сырой штукатурки по принципу фресковой росписи. Входы были оформлены арками.

Арки стрельчатых сводов были выложены блоками, отлитыми из алебастра в дугообразной форме. Внутри блоков проходили отверстия для штырей. Такое оформление арок напоминает кладку арок сводов Белой палаты, о чем можно судить по рисункам Н. и Г. Чернецовых [70].

Спустя некоторое время баня ремонтировалась. Трудно сказать, что заставило произвести ремонт; можно думать, что он не был особенно большим и дело ограничилось новой штукатуркой, покраской стен и исправлением цистерны. В это время перегородки между угловой цистерной и следующей за нею еще не было. Так как второй слой цементировки уходит под кладку перегородки, это позволяет утверждать, что перегородка поставлена несколько позднее. Второй ремонт носил такой же характер. Третий ремонт был следствием значительного разрушения бани в конце XIV века, когда неурядицы в Золотой Орде, ослабившие в значительной мере ее мощь, способствовали усилению набегов русских на Болгары. Только результатами военного погрома можно объяснить нарушение кладки пола в комнате отдыха. Повидимому, в это время были сбиты арки, возможно, что тогда же были разбиты и водоемы, заме-

ненные впоследствии другими водоемами различного размера, а также упали карнизы, лишь частично дошедшие до нашего времени. Разрушение коснулось и восточной части бани, где пострадали цистерны и водопровод, подававший воду в баню. В результате хлынувшая в цистерну через стенку вода намыла значительное количество песка. Характер повреждений свидетельствует о преднамеренных разрушениях.

При этом ремонте была поставлена перегородка, отделившая нерасчищенную часть цистерны, переложена центральная печь в северной части постройки, относящаяся к одному времени с верхним полом цистерны, и расширена сама баня путем пристройки к северной ее стене. В центральной комнате бани арки были покрыты слоем белой штукатурки, а стены заново окрашены в серый цвет. Окраска купола в белый тон с полихромной росписью относится, повидимому, к этому же времени.

Во второй половине XIV века булгары испытали несколько тяжелых военных неудач. В 1360 году новгородцы опустошили Жукотин [71], а в следующем году Булак-Темир взял Болгары [72]. Возможно, что первый ремонт потребовался в результате разрушений, нанесенных городу в это время. Набег новгородских ушкуйников в 1366 году, судя по летописному тексту, не сопровождался взятием города [73], а в 1374 году булгары откупились от нападавших данью в 300 рублей [74].

С большой долей вероятия разгром можно связать с походом великого князя московского Василия Дмитриевича, когда русские разорили ряд городов, в том числе и Болгары. «Слышав же сіа князь велики Василей Дмитреевичь Московский и после брата своего князя Юрья Дмитреевечя, с силою многою, ратью на Казань; они же, шедше, взяша град Болгары, и Жукотинь...» [75].

Вполне вероятно, что поражения булгар в это время носили жестокий характер, а захват их столицы в 1396 году был одним из последних этапов долголетней борьбы с русскими. В 1431 году войска князя Федора Давыдовича Пестрова [76] окончательно захватили город, после чего он уже больше не возродился. К этому времени и следует отнести полное разрушение бани. Развалины ее покрыл мощный слой остатков позднейшего русского периода.

Повидимому, такой же рядовой баней являлось здание, открытое в усадьбе Солдатова в сев.-вост. части городища близ дороги в Куйбышев Татарский. В этом здании был найден фонтан в виде чаши, украшенный продольными зарубками, вместимостью от 10 до 15 ведер. Как и фонтан бани, открытый в 1939 году, чаша имела внизу отверстие и стояла на камне цилиндрической формы, имевшем в центре канал, отвечавший размерам и отверстию чаши; нижнее отверстие выходило вбок. Здесь были найден также водоем в виде плоской колоды размером 72 × 72 см вместимостью на 3—4 ведра, и каменная доска с двумя отверстиями для холодной и горячей воды [77]. Все оборудование говорит о том, что здесь находилась баня.

Трудно теперь сказать, были ли известны Белая палата и баня на усадьбе Солдатова арабскому писателю Абуль-Феда, но бесспорно, что открытая в 1939 году Красная палата не могла попасть в число трех бань, упоминаемых этим автором, так как его география была им закончена в 1321 году, а баня могла быть выстроена не ранее средины XIV века.

Баня на усадьбе Солдатова осталась в значительной ее части нераскрытой, раскапывалась хищнически, и мы не знаем ее устройства. Лучше нам известна Белая палата, раскопанная в 1877 году Глинским,

хотя и эти раскопки производились без соблюдения должной фиксации. Многие из его наблюдений остались неясными и вызвали споры.

Сравнение Белой палаты с Красной позволяет ответить на спорные вопросы. Основой плана Белой палаты является крестообразная комната с угловыми камерами-служебными помещениями с одной ее стороны и с двумя комнатами-раздевальнями с другой. Здание было сложено из квадратного кирпича и белого камня. Кафтанников, осматривавший памятник в 1809, 1812 и 1829 гг., сделал ряд наблюдений, позволяющих говорить о большом сходстве обеих бань.

Результаты исследований Глинского, опубликованные В. Казариновым [78], показали, что центральные залы обеих бань отапливались при помощи подпольной системы отопления. Пол первых комнат отдыха лежал прямо на грунте и не имел подвального отопления. Подпольная система топки соединялась в обеих банях с дымоходами в стенах здания, выходившими на крышу близ куполов. Такую трубу Кафтанников видел в западной стене юго-западной камеры. В обеих банях стояли водоемы. Их следы в Белой палате наблюдал Кафтанников в юго-восточной камере близ северо-восточного угла [79]. Устройство печей, топки, арок, ограничивавших число печей, совершенно одинаково в обеих палатах [80]. Служебные помещения южной части бани располагались несколько выше, чем центральный зал и не сообщались с ним. Их покрытием служил коробовый свод.

Точно так же, как и в бане, открытой в 1939 году, в Белой палате угловые комнаты были покрыты сферическими куполами, поставленными на восьмигранники, образованные при помощи тромп над квадратными комнатами [81].

Все отмеченные здесь черты сходства свидетельствуют о том, что в Болгарах, как и всюду на Востоке, был принят один тип бань. Некоторое различие наблюдается лишь в устройстве передбанников. Так, в Белой палате он состоял из двух комнат, причем в одной из них был фонтан. Только в этом, повидимому, и заключается основное отличие Белой палаты от бани, открытой в 1939 году,

Аналогичные бани известны также в Крыму, где в качестве примера можно указать Биюк-хамам в Карасу-Базаре. Там мы имеем соединение двух крестообразных зал с соответствующими помещениями: угловыми комнатами, раздевальней и цистерной с печью [82]. Такой же характер имела баня, открытая в северо-восточной части города Ани [83]. Здесь крестообразный зал с четырьмя угловыми комнатами и купольным покрытием имеет подобную же систему отопления и водоснабжения. Иногда здание бань осложняется рядом дополнительных пристроек, но основа плана и характер устройства каждой бани остаются одинаковыми как в Средней Азии и в Закавказье, так и в армянских городах Ани и Анберде, в Малой Азии и в Крыму. Они были известны еще в X веке н. э., но их продолжали строить и значительно позднее. В Бруссе (Малая Азия) известна такая же баня XVI века [84]. Существуют этого типа бани и в настоящее время, чему в качестве примера можно привести бани Эрзерума и Каира.

Сравнение булгарских бань с подобными же памятниками других мест заставляет искать прототипы их на Кавказе или в Крыму, а не в Хорезме, хотя последний и сыграл огромную культурную роль в жизни Булгарского государства.

Архитектурные памятники Болгара известны с X века. Тогда в их строительстве приняли участие мастера, приехавшие с посольством ха-

лифа Муктадира в 20-х годах X века. Эти постройки, как можно судить по раскопкам Биляра [85] и Сувара [86], возводились из кирпича квадратной формы. Но наряду с ними в Булгарии известны и постройки из камня. Камень применялся в те времена в качестве строительного материала в Закавказье, Крыму и Хорезме, и можно полагать, что способ постройки бань в основном пришел к булгарам из Закавказья и Крыма, на что указывает применение булгарами некоторых архитектурных форм и строительных приемов, обычных для тех мест. Первыми строителями таких бань вероятно явились армяне, у которых была своя колония в городе Болгаре.

Изучая булгарскую архитектуру, нетрудно уловить в ней некоторые мотивы сельджукской школы. На этот факт первым обратил внимание А. С. Башкиров при анализе болгарской мечети, так называемого Четырехугольника [87]. Это влияние сказывается и в многогранных пирамидальных покрытиях мусульманских мавзолеев Приуралья [88] и Булгарии, особенно характерных для сельджукской архитектуры [89]. Тип мусульманских бань возник на основе бань византийских и античных, откуда идет система отопления и характер штукатурки, и где мы встречаем в некоторых памятниках даже применение крестообразного плана. Так, в термах Каракаллы центральный зал — тепидариум — построен в форме креста [90], как и центральный зал в термах Тита [91]. Античные бани были известны в Закавказье, чему примером служат бани, открытые в последние годы в Мцхете. Там мы встречаем планировку, обычную для римских бань, известную по археологическому материалу и описанию Витрувия, довольно подробно останавливающегося на планировке, системе отопления и на применении сообщающихся баков для горячей, теплой и холодной воды. Точно так же, как и в Риме, на столбы, высотой около 76 см, укладывается покрытие и пол бани; даже высота столбов булгарских бань (70 см) очень близка к указанной Витрувием. Весьма похожа и система нагрева воды, применяемая до сих пор в турецких банях [92] и известная в древних банях Закавказья, где она достаточно хорошо прослежена в бане Дманиси (Армения). В ней открыта цистерна, в дне которой находился медный котел, нижней своей частью глубоко посаженный в топку. Котел имел, очевидно, высокие стенки, выступавшие над этим гнездом, но остававшиеся ниже поверхности воды. Кроме того, в верхней части котла в нескольких местах были пробиты небольшие отверстия [93]. В булгарских банях котлы также помещались в воде цистерны. Нагретая вода шла из котла по трубам в комнаты, а на ее место вливалась теплая вода из окружающей бак цистерны. Такая система давала возможность автоматически пополнять бак подогретой водой из цистерны. Кроме того, дно цистерны согревалось двумя дымоходами.

Таким же античным наследием является состав штукатурки, которую Витрувий рекомендовал делать для сырых помещений с примесью толченой черепицы [94]. Первая штукатурка Красной палаты, положенная на стены, содержала значительную примесь толченой керамики и поэтому имела розовую окраску. Подобная же штукатурка известна в Закавказье и в Крыму, но она отсутствует в Средней Азии.

Кроме античной традиции, ясно прослеживаемой в булгарских банях и связывающей эти бани с раннесредневековыми памятниками Крыма и Закавказья, имеются еще и другие черты, указывающие на влияние нашего юга. Такой чертой является применение металлических труб. В бане, открытой в 1939 году, был найден медный кран в виде трубочки,

а в Белой палате открыты остатки железных труб диаметром в 2—3 дм.[95]. Такие же трубы применялись в средние века в Армении, где они открыты в Ани [96] и Анберде [97]. Техника их изготовления одна и та же — они свертывались из листов железа. Чтобы продолжить черты сходства, можно отметить, что окрашенные стены болгарской бани производят впечатление отполированных, как и в армянских банях [98], да и цвет стен там и здесь красный [99] (табл. XVII, рис. 149).

Несмотря на довольно широкие хронологические рамки существования этого типа бань, все же имеется ряд деталей, позволяющих довольно точно датировать постройки и помимо данных стратиграфии. Этими данными являются монеты, найденные под полом в слое сажи под северо-западной комнатой. Среди них четыре анонимных пула XIV века, без указания города и года, и один чеканенный в Болгаре в 734 году Хиджры (1339—1340 гг.). На это же время указывает и орнаментация водоема у северной стенки восточного крыла центрального зала; она состоит из ряда небольших ниш, напоминающих сталактиты парусов зданий. Этот мотив широко применялся именно в XIV веке. в частности был очень развит в орнаментике зданий городов нижнего Поволжья [100]. Наконец, роспись парусов и других частей здания по белому фону черной, красной и желтой краской совпадает по расцветке с росписью зданий городов нижнего Поволжья [101], а самый узор напоминает орнаментику металлических украшений из могильников Северного Кавказа XIV века. Зигзаговая линия и стилизованные ветви росписи паруса близки мотивам орнаментики судакской мечети начала XV века. Ту же дату подтверждает характер бассейна центрального фонтана, обработка которого вертикальными полукруглыми выступами часто встречается на арабском Востоке. В качестве аналогии можно также привести стилизованное изображение на иранской миниатюре 1430 года, иллюстрирующей Шах-Намэ [102]. С некоторыми изменениями этот тип сохранился и позднее [103]. Подобные фонтаны известны и в арабских постройках Испании. Все приведенные аналогии подтверждают датировку памятника.

Назначение открытого сооружения вполне определенное, об этом достаточно убедительно свидетельствует характер здания и его оборудование. Однако спор, который в свое время шел вокруг назначения Белой палаты, продолжается и в наши дни, что заставляет еще раз остановиться на этом вопросе.

Открытая раскопками Красная палата, как отмечено было выше, является зданием одного типа с Белой палатой. Значительная нарядность, несколько выделяющая эти постройки из ряда обычных деревянных зданий, которые нам известны по сообщениям арабских писателей и по раскопкам другого булгарского города Сувара, заставляет видеть в них общественные здания.

Первым описавший в 1712 году Белую палату дьяк Михайлов никаких соображений о назначении этого здания не высказал, хотя в его время сохранность постройки позволяла это сделать лучше, чем всем последующим исследователям. В 1768 году академик П. С. Паллас, посетивший Болгары, отметил и Белую палату. При описании он сравнил ее с касимовской мечетью: «Подо всем главным строением (Белая палата — *А. С.)* простирается погреб со сводами, под южной стеной которого сделан был так, как и в Касимове, ход в землю, куда ставили тела умерших... Кажется, что не погрешу, если скажу, что сие строение сходно с находящимися в городе Ташкенте старинными строениями, в которых отчасти были школы, а отчасти ставили тела умерших».

В 20-х годах XIX столетия Фр. Эрдман дал подробное описание палаты и высказал мнение, что здание было баней. Эрдман допустил только ту ошибку, что рассматривал всю сложную систему каналов под полом как канализационную систему бани.

В 1819 году за такое назначение палаты высказался Кафтанников.

В 1823 году описал и зарисовал этот памятник П. П. Свиньин. Касаясь его назначения, он писал: ...Чрезвычайно трудно определить, для какой цели воздвигнуто сие здание. Был ли это греческий храм или мусульманская мечеть или баня, как полагают разногласно ученые путешественники». Полемизируя с Палласом и Эрдманом, Свиньин вносит новое определение: «Здание сие ближе подходит к индийским погодам... и построено было еще в то время, когда, может быть, деятельные в торговле индейцы (индусы — *А. С.*) имели свои храмы в Болгарах».

Другую точку зрения высказал В. Флоринский, считавший Белую палату христианским храмом. Основанием для этого заключения ему послужил крестообразный план здания.

А. С. Башкиров в своей работе по архитектуре булгар, вышедшей в 1929 году, убедительно обосновал назначение Белой палаты в качестве восточной бани и привел в подтверждение этой точки зрения сравнительный материал.

В. Ф. Смолин, не оспаривая мнения о возможности использования Белой палаты в качестве бани, все же более склонен был видеть в этом памятнике богатый дом или загородную дачу [104].

В итоге можно констатировать полное расхождение мнений о назначении здания.

Как видно, ряд авторов считал Белую палату культовым зданием. Но это мнение могло появиться только потому, что памятник дошел до нас в полуразрушенном состоянии, а отсутствие сведений о его оборудовании открывало возможность различных предположений. Основное возражение, которое можно выдвинуть против сторонников культового характера Белой и Красной палат, это отсутствие строгой ориентировки обоих зданий. Белая палата ориентирована в длину с юга на север, а Красная палата с запада на восток. Таким образом, первая не могла быть христианским храмом, а вторая мечетью. Это основное возражение, не считая того, что ни христианский храм, ни мечеть не требуют такого огромного числа водоемов. Как известно, в мечетях водоемы помещаются у входа или во дворе.

И Белая палата, и открытое в 1939 году здание, были банями; их сравнительная роскошь объясняется тем значением, какое имели и имеют бани в общественной жизни на мусульманском Востоке. Там бани столь же необходимы, как и мечеть, и играют в жизни населения не меньшую роль, чем последняя. В бани ходят не только для того, чтобы вымыться, но и для ритуальных омовений. В банях собираются и проводят иногда целые дни, делясь новостями, заключая торговые сделки. Для мусульманских женщин баня была единственным местом, где они могли встречаться и без помехи проводить время. Известно, что женщины часто нанимали баню на целый день, устраивали там небольшие пирушки, танцовали, пели, вели беседу.

Поэтому не случайно, что баня, как место действия, нашла отражение в искусстве. Она упоминается в «Тысяча и одной ночи», в поэме Руставели, в персидской поэме XI века «Вис и Рамин», и во многих других поэтических произведениях. Баню изображали на книжных миниатюрах, примером чему могут служить иллюстрации из предис-

ловия к Шах-Намэ, где Фирдоуси дважды изображен в бане [105]. На этих рисунках привлекает внимание облик бани: отчетливо видны пять куполов и первая комната отдыха с лежанкой; посреди комнаты изображен водоем, вверху развешены полотенца.

Общественный характер бани, как и многие стороны ее устройства, были заимствованы Востоком из Византии, которая восприняла их от Рима, где бани (термы) служили местом отдыха, собраний, бесед, выступлений политических деятелей. В императорском Риме было огромное число бань, среди которых роскошью выделялись такие, как термы Диоклетиана, Каракаллы, Тита и другие. По сравнениею с иранскими или турецкими банями известные нам булгарские бани являются довольно скромными зданиями, выделяющимися только на фоне деревянных домов города.

Все исследования, производившиеся на территории городища Болгар, дали в основном материал золотоордынского времени. Коллекции, собранные на площади этого городища, резко отличаются от предметов из Биляра и Сувара, и это давало основание археологам датировать Болгары более поздним временем по сравнению с Биляром.

Многовековые наслоения за длительное время жизни города нарушили на большом пространстве более древние напластования. Поэтому в слоях XIII—XIV вв. (4-й слой) находятся иногда вещи более раннего времени, а в нижних слоях X—XI вв. (6-й слой) встречаются предметы позднейших эпох.

Незначительные раскопки досоветского периода, производившиеся на этой территории, не дали указаний на существование здесь домонгольского слоя. В. Ф. Смолин тогда отметил: «Напрасно на его территории мы стали бы искать следов болгарской архитектуры более древнего времени. По крайне мере до сего времени их найдено повидимому не было, и описываемые развалины являются памятником камско-волжской Булгарии татарской эпохи [106].

Те же выводы могли быть сделаны и по материалу, полученному работами П. И. Кротова и А. А. Штукенберга, которые производились в конце XIX столетия. Более крупные раскопки 1912 года П. И. Кротова и М. М. Хомякова коснулись развалин зданий и Бабьего бугра. В 1914 году раскопки вел С. И. Покровский при участии архитектора Покрышкина к северо-западу от Малого минарета. Стратиграфия слоев на месте раскопок была следующей: под тонким черноземным растительным покровом лежал слой строительного мусора, ниже его второй слой, состоявший из чернозема и суглинка, внизу — суглинок. Заложенный за пределами раскопа контрольный шурф дал аналогичные слои: растительный (рыхлый) — культурный — глина — материковый песок.

Полученный вещевой материал состоял из архитектурных обломков и бытовых вещей. Первые относились к XIV веку, вторые состояли из простой и поливной керамики золотоордынского времени [107], обломков китайского фарфора-селадона, датируемого XII—XIV вв., и трех [108] железных вещей (в погребениях) того же золотоордынского времени. Все сохранившиеся архитектурные памятники также датировались XIII—XIV вв. Только исследования последних лет доказали значительно более раннее существование города Болгара и выяснили, что расцвет его относится к XIII—XIV вв.

Археологические работы нашего времени вполне точно доказали, что город существовал с IX века, но занимал вначале небольшое простран-

ство, как об этом говорят и арабские источники (Эль-Балхи, Эль-Бекри). Неоднократно разоряемый в X—XI вв., он уступил в XII веке свое место новой столице Булгарского царства Великому городу — Биляру. Период XIII—XIV вв. был периодом вторичного расцвета Болгара. Недаром Фергат-Нано называл его тогда «золотым городом» — Алтун-тахт.

Биляр

Город Биляр принадлежит к числу древнейших городов волжской Булгарии. Он сыграл большую роль в исторической жизни этой страны в начале XIII века. В XII веке он длительное время был столицей царства.

На территории развалин этого города производились разведочные раскопки и собран большой вещевой материал, по своему характеру напоминающий суварские находки. Однако планомерных археологических исследований здесь не велось, как не были изучены и архитектурные памятники городища, развалины которых были видны на его поверхности еще в XVIII веке.

Город Биляр занимал обширную территорию четырехугольной формы, окруженную рядами валов. Внешний вал, длиной свыше 10 км, охватывает площадь около 6 кв. км. В северо-западном углу городища течет р. Билярка, пересекающая внешний и средний валы и уходящая далее на север, где она впадает в р. Малый Черемшан. Внутренняя поверхность городища покрыта буграми, хранящими остатки зданий. В северо-западном углу расположен древний могильник.

Еще в XVIII веке на поверхности городища видны были развалины архитектурных памятников. Об них писали Татищев [109] и Рычков. Позднее сведения об этих развалинах поместил в своем сводном труде С. М. Шпилевский [110].

Все исследования, проведенные до 1919 года, не дали материала для характеристики культурного слоя городища. Было лишь твердо установлено, что городище в основном принадлежит к домонгольской эпохе.

После монгольского погрома 1236 года Биляр довольно быстро оправился. Раскопки А. С. Башкирова показывают, что непосредственно над булгарскими слоями идут слои золотоордынской эпохи. Ни в одном случае не замечено стерильного слоя, который говорил бы о периоде запустения. Правда, город потерял за это время свое прежнее значение и поздние культурные слои невелики и бедны находками.

Столица волжских булгар XII века, Биляр, упоминаемая русскими летописями под именем Великого города, отошла в конце своего существования на второй план, однако разрушенные ее укрепления были подновлены, как об этом можно судить по исследованиям укреплений, произведенным А. С. Башкировым [111]. Раскопки вала по берегу реки Елшанки дали картину, указывающую на его восстановление.

Под дерновым слоем в насыпи были обнаружены разбитые и целые кости животных и керамические фрагменты типично булгарской посуды. На глубине 45—50 см отмечена тонкая полоса в 2—4 см, характеризующая остатки погребенной почвы; под нею лежал слой насыпной материковой глины на глубину до 80 см — 1 м от современной поверхности вала. Не останавливаясь на деталях устройства вала, можно указать на совершенно ясную вторичную его подсыпку, сделанную из культурного слоя булгарской эпохи. Эта подправка может относиться ко времени, когда уже успел отложиться культурный слой достаточной мощ-

ности [112]. Подправку отмечает исследователь и для внутреннего вала. «Весьма интересно и то, — пишет он,— что первоначальный вал подвергался ряду присыпок, что замечается в ряде прослоек его вершины» [113].

Устраивая новые укрепления, строители не охватили всей старой территории города. Исследование укреплений в урочище Шишки показало, что линия вала идет по заброшенным местам поселения. В верхних слоях рва были встречены куски кирпича и мелкого известняка, фрагменты посуды, костей. Вал в этой части городища насыпан из культурного слоя. В насыпи встречены: битый строительный мусор, обожженный и сырцовый кирпич, мелкий, в округленных формах, известняк, куски раствора глины с песком и др., кости животных и темнокрасные черепки. «Насыпь, состоящая из перемешанной глины с культурно-почвенной землей, имеет серый цвет от присутствия золы и угля. Она взята с мест разрушенного и давно покинутого поселения» — пишет Башкиров [114].

За линией вала у урочища Шишки находится площадка в виде треугольника, игравшая роль укрепленного пункта, своего рода форта. Этот укрепленный пункт был создан на месте когда-то существовавшего могильника. Все семь открытых там погребений относятся к булгарской эпохе. Они открыты на глубине 80 см—1,3 м. Костяки лежали на спине, головой на северо-восток. Инвентарь погребений бедный и состоит из обломков местной посуды [115].

На той же площади укрепленного пункта под южным валом были найдены остатки кирпичного здания, относящегося к домонгольской эпохе [116]. Здание было выложено из квадратных кирпичей на глиняном растворе.

Находки на площади городища относятся к двум эпохам — булгарской и золотоордынской. Верхние слои дали керамику красной глины, хорошо обожженную в закрытом горне. Посуда покрыта орнаментом, состоящим из тонких пучков горизонтальных прямых, волнистых и зигзаговых параллельных линий. Эта керамика, обычная для городищ нижнего Поволжья XII—XIV вв., здесь одновременно встречается с более грубой посудой. Нижние слои содержат другую керамику из глины красной, желтой, серой, часто плохо обожженной. Верхний слой, как отмечает А. С. Башкиров, невелик.

Материал, полученный экспедицией Башкирова, дает право сделать следующие выводы. Разрушенный при монгольском нашествии Биляр был восстановлен. Были подправлены валы, причем новая линия укреплений не охватывала всей старой территории города, на что указывает проведение рва и вала у урочища Шишки по разрушенным зданиям домонгольского периода. Новый город жил не столь интенсивной жизнью, как в XI—XII вв., когда Биляр был столицей царства, на что указывает незначительный, по сравнению с домонгольским слоем, культурный слой, отложившийся за столь же длительный срок, как и первый.

Сувар

Одним из главных городов Булгарского государства, племенным центром савиров, был Сувар или Сивар, упоминаемый арабскими писателями X, XII, XIII и XIV вв. Древнейшее из этих сообщений принадлежит перу Эль-Балхи (935—951 гг.): «Булгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город, Сивар, где также

находится главная мечеть. Мусульманский проповедник булгар сказал, что число жителей обоих этих городов простирается до 10 000 человек, что там короткие дни и долгие ночи. Дома деревянные и служат зимними жилищами, летом же жители расходятся по войлочным юртам». То же повторяют составитель Восточной географии и ибн-Хаукаль [117].

К половине X века относится краткое упоминание о Суваре в ответном письме хазарского царя Иосифа (по пространной редакции): «Ты еще настойчиво спрашивал меня касательно моей страны и каково протяжение моего владения. Я тебе сообщаю, что я живу у реки по имени Итиль, в конце реки Г—р—гана. Начало этой реки обращено к востоку на протяжении 4 месяцев пути. У этой реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных (стенами) городах. Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тр, С-в-р, С-л-вина. Каждый народ не поддается точному расследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань» [118].

К самому концу X века относится свидетельство Шемседина Абу-Абдаллаха Мухаммеда ибн-Ахмеда, известного под именем Аль-Мукаддеси, который, упомянув о городе Суваре, отметил, что город лежит на Волге, что тамошние строения суть войлочные юрты, и что у жителей много полей и имущества [119].

От XI века известно свидетельство Махмуда Кашгарского, который в словаре тюркского языка и на карте, приложенной к тексту, упоминает Сувар, помещая его недалеко от Каспийского моря, на западном берегу р. Итиль. На восточном берегу автор помещает Болгар, а к западу от Сувара — кыпчаков. В ряде мест им отмечено сходство языка кыпчаков, гузов и суварцев [120].

От XII века мы имеем свидетельство Эдриси, который в своей географии упоминает Сувар, относя его к буртасам. География Эдриси переведена Жобером. «Буртасы,— пишет Эдриси,— народы этой страны, соседи хазар. Они имеют деревянные дома и войлочные юрты, их города в числе двух Бартас и Саван» [121].

Из авторов XIII века о Суваре упоминают Якут, составитель большого словаря, и Казвини, автор географического словаря, пользовавшийся сведениями ибн-Фадлана [122].

Последние упоминания этого города относятся к XIV веку. О нем пишет Хамдулла в своем сочинении «Наслаждение сердец». Упоминает о Суваре и Ферхег: «В этом вилаете (округе) суть три больших города: один Булгар, второй Сивар, третий Асбал (Эсбел)». Более поздних сведений о Суваре нет. Русские источники о нем совсем не упоминают.

Знакомясь со сведениями, которые приводят арабы, легко заметить, что некоторые более поздние авторы, например, составитель Восточной географии и ибн-Хаукаль повторяют своих предшественников. Для нас это обстоятельство не имеет значения, так как все данные относятся к одной эпохе и разница во времени составляет менее 50 лет. Другие сведения страдают неточностью. Так, Мукаддеси помещает Сувар на Волге, хотя и нельзя сказать, что это большая ошибка: Сувар, находящийся от Волги в 40—50 км, по существу, конечно, связан в этой рекой.

Более поздние сведения XIV века не являются повторением старых сообщений и если в перечислении городов встречается Сувар, то это дает уже право утверждать о жизни города с X по XIV век.

Ценный материал, доказывающий существование древнего Сувара, дает нумизматика. Ряд монет, чеканенных в Суваре,— лучшее свидетель-

ство большого значения этого крупного города. Все известные нам монеты относятся к X веку. Первая принадлежит Нарс-бен-Ахмед-Сувар и датирована 319 годом Хиджры, другая чеканена в 338 году Хиджры (949 г.) при Талибе сыне Ахмеда, и третья в 366 году Хиджры (976 г.) при Мумине, сыне Ахмеда. С. М. Шпилевский указывает, что к этому же году относится монета с именем Мумина, сына Ахмеда, чеканенная в Болгарах [123]. Наконец, сохранились монеты ибн-Ахмеда от 337, 338, 341 и 347 гг. Хиджры и монеты Мумина ибн-Ахмеда от 366 года Хиджры [124].

Этот немногочисленный монетный материал большей частью относится к первой половине X века. Имена ханов на монетах: Наср, Талиб, и позднее Мумин, сын Ахмеда; Талиб и Мумин — братья [125]. Булгарские монеты, чеканенные в других городах царства, неизвестны. Это обстоятельство, наряду с другими историческими сведениями, доказывает, что главными городами княжества являлись Сувар и Болгар. Вполне понятна поэтому борьба между ними.

Можно однако полагать, что в половине X века произошло объединение Болгара и Сувара под властью одного хана. Восточные писатели этого времени, начиная с Эль-Балхи, а позднее составитель Восточной географии и ибн-Хаукаль дают суммарную характеристику этих городов: «Мусульманский проповедник булгар сказал (автору), что число жителей обоих городов простирается до 10000 человек», пишет Эль-Балхи. Это объединение областей произошло в эпоху между царствованиями Насра и Талиба, вероятнее всего при отце последнего Ахмеде, после которого эти области были поделены между его сыновьями Талибом и Мумином. Мысль о том, что Талиб и Мумин были братьями, не нова, она была высказана А. Френом и принята Шпилевским [126]. Вражда между этими городами в 366 (976) г. снова привела к войне и потере Суваром политической самостоятельности, о чем свидетельствуют монеты Мумина, чеканенные в Болгарах и Суваре как раз в этом году. Такова ранняя история Сувара.

Вопрос о местонахождении Сувара долгое время оставался нерешенным и следы Сувара считались утерянными. С. М. Шпилевский, вслед за Френом [127], отмечает: «На основании имеющихся источников невозможно представить точно местонахождение этого города; не помогает при этом и подробное знакомство с существующими ныне географическими названиями местностей бывшего Болгарского царства,— между ними не встречается названия, подобного Сувару» [128].

Некоторые исследователи пытались путем сопоставления наименований определить место Сувара. Так, Савельев пишет: «Имя последнего из этих городов Френ читает: Сувар или Сивар, но можно допустить и чтение Суваз, т. е. Связ, Свяж или Свяжок, от реки Свияги, текущей в пределах бывшей Булгарии» [129]. Это мнение вызвало возражения со стороны Шпилевского и Артемьева, признавших филологические построения Савельева не выдерживающими критики [130].

Вторая догадка была высказана исходя из сопоставления нынешнего Спасска с древним Суваром. Шпилевский, подробно разобрав это предположение, отверг и его, как и предыдущее [131].

Третье предположение, которое в настоящее время принимается всеми, было высказано Ахмаровым [132]. Им установлено, что место около деревни Кузнечихи и сама деревня, находящаяся в пределах Татарской АССР в Кузнечихинском районе по течению р. Утки, называется у татар и у чуваш Суваром. Между Кузнечихой и Даниловкой лежит громадное

городище около 4,5 км в окружности, где находили в большом количестве вещи булгаро-татарской эпохи [133]. Впервые это городище упоминается в работе С. М. Шпилевского: «Заметки указывают в $^1/_4$ версты от этой деревни городище на ровном месте, около болота, кругообразной формы, в окружности 2 версты, вал и ров сохранились с северной, восточной и южной сторон, с западной же городок окружен болотом. Длина вала и рва — около 1 200 саж., ширина вала 3 саж., ширина рва 10 саж. В этом городке были находимы человеческие кости». Позднее Износков нанес это городище на археологическую карту края.

В послереволюционную эпоху городище обследовано было в рекогносцировочном порядке В. Ф. Смолиным, которым были куплены у крестьян некоторые вещи и заложен шурф в 1 × 1 м у деревни Татарский городок. К сожалению, кроме коллекций, хранящихся в Государственном музее ТАССР, никакие другие следы работы В. Ф. Смолина не сохранились. С 1933 по 1937 год Государственная Академия истории материальной культуры (Московское отделение) и Государственный Исторический музей совместно проводили раскопки развалин этого города [134]. Раскопки носили рекогносцировочный характер и не преследовали задачи вскрытия больших площадей. Только в центре города, в связи с необходимостью закончить исследование развалин кирпичного здания, раскопки были расширены.

Городище это четырехугольной формы, расположено на равнине в 4 км к западу от д. Кузнечихи и в 0,5 км к юго-востоку от д. Даниловки, по левому берегу Утки. С трех сторон — северо-восточной, юго-западной и южной городище окружено валами и рвами, имеющими в настоящее время до 10 м глубины. С северной стороны на берегу р. Утки следы укреплений почти не сохранились и только в северо-восточном углу уцелели остатки основания башни четырехугольной формы, площадью 12 × 12 м.

При устройстве укреплений строители широко использовали рельеф местности. Северо-западная сторона города примыкала непосредственно к реке, западная к ручью шириной от 30 до 35 м, от которого в настоящее время осталось, как и от р. Утки, только песчаное дно; с южной стороны городище было укреплено двумя искусственными валами и рвом, образованным путем подправки естественного оврага; овраги использованы частично и с восточной стороны.

Площадь городища распахивается. Несмотря на это, здесь сохранились небольшие холмы различной формы (круг, овал), высотой до 75 см. Холмы, покрытые обломками строительных материалов, представляют собою остатки построек. Между валами городища с восточной и южной стороны находятся площадки неправильной формы, как бы укрепленные пригороды. К востоку за линией укреплений, между городищем и деревней Кузнечихой, на протяжении около 4 км в древности был пригород.

Весь облик городища, его размеры и большой пригород заставляют видеть в этом памятнике один из крупных городских центров Булгарского царства. Об этом говорит и большое число находок, собранных на городище и упоминаемых Ахмаровым.

Экспедиция за время с 1933 по 1937 год изучила укрепления и холмы в центре городища, где можно было рассчитывать открыть развалины мечети, о которой говорят арабские писатели. Представляли интерес и окраины города, давшие материал, характеризующий быт рядовых горожан.

Укрепления городища сохранились не во всех своих частях одинаково хорошо. Наиболее четкие очертания валов и рвов можно наблюдать лишь в южной и восточной части.

Четыре разрыва в укреплениях, один с восточной стороны и два с южной, через которые проходят дороги в дер. Новый Баран, и один в западной части, не сохранили внешних признаков, позволивших бы без раскопок считать их местами древних ворот. Из деталей, заслуживающих внимания, отмечу сохранившиеся по всей южной окружности городища небольшие канавки до 1 м глубиной, расположенные перпендикулярно к ней, приблизительно на равном расстоянии друг от друга. Длина канавок до 3 м, расстояние между ними — около 18 м.

Место для раскопок было выбрано в южной части, около одного из разрывов линии вала, у дороги в дер. Новый Баран.

Раскопки на территории городища

Для изучения конструкции вала была заложена поперечная траншея, прорезавшая первый вал, ров и второй вал. Траншея дала профиль вала и рва, а две дополнительные, одна по гребню вала и другая параллельно ей по склону рва, позволили получить полную картину укреплений.

Вал этой части городища насыпан на слое погребенного чернозема, что дает право говорить о возникновении города не на старом поселении, а на новом месте. За время существования города вал подправляли не менее двух раз, о чем свидетельствует его профиль. Высота вала на месте раскопа достигает 2 м над слоем погребенного чернозема. Насыпь состоит из глины, смешанной с черноземом и кусками глиняной обмазки. Вся эта масса плотно утрамбована и трудно поддается кирке и лому.

В массиве вала встречались остатки дерева. Так, на участках 4, 5 и 6 перпендикулярно к оси вала лежал кусок бревна. Для изучения положения деревянных частей была заложена траншея вдоль вала, которая дала следующую картину. На глубине 40 см обнаружился четырехугольный сруб, от которого с юго-восточной стороны сохранилось бревно 30 см в диаметре, пересеченное двумя другими бревнами, с расстоянием между ними в 25 см. Северо-западная стенка сруба сохранилась плохо, частично она пострадала от распашки и представляла чернобурую массу из остатков сгнившего дерева. На расстоянии около 5 м от северо-восточной стенки было найдено еще одно бревно, являвшееся частью другой стенки сруба. Чтобы определить высоту сруба, была заложена узкая траншея, прорезавшая раскоп по продольной линии. Полученные профили выяснили, что сруб идет до подстилающего чернозема. Итак, вал сохранил в себе остатки деревянной стены из ряда срубов, поставленных впритык один к другому по окружности города; срубы были засыпаны изнутри глиной и черноземом, смешанным с кусками глиняной обмазки, обломками кирпичей и шлаков. Вскрытая площадь дала границу двух срубов, из которых один был крайним, так как бревна следующего сруба не прослежены. Ширина сруба от 3,5 до 4 м при длине около 5 м. Повидимому, подобную же конструкцию имели валы Билярского [135] и Болгарского городищ, где были открыты такие же деревянные конструкции.

Булгарский город Ошель, судя по летописным данным, имел аналогичное укрепление: «Бе же острог утвержден около града крепок, тын дубов, а затем два оплота и межи има вал ссыпан» [136]. Такого же характера были оборонительные сооружения русских городов, о чем можно су-

дить по летописным сведениям [137] и археологическими раскопками [138], а также и укрепления городов Западной Европы того времени [139]. Даже к северу от Камы, где культурный уровень жизни был значительно ниже, на одном из крупных городищ Чепецкого края, Идна-Кар, мы встречаем подобную систему обороны.

Вокруг городища шел ров. В настоящее время глубина его в разных местах различна, в частности на месте раскопок она достигает теперь 4 м. Однако траншея, прорезавшая ров, выяснила первоначальную глубину его — она равнялась 5 м. Ров выкопан в песчаном грунте и это, повидимому, потребовало крепления его стенок деревянными слегами 15 см и кольями 4 см в диаметре; слеги покрывали верхнюю часть обоих склонов и прослежены на участках 8, 9, 11, 12 траншеи II; в нижней части рва они лежали реже, чем в верхней. Расстояние между слегами равнялось примерно 40 — 60 см. Колья, закреплявшие слеги, стояли на расстоянии 20—30 см друг от друга. Такая система креплений предохраняла стенки рва от осыпания. Аналогичная обшивка была сделана в рвах Билярского городища [140].

Траншея III, проведенная вдоль склона вала, и траншея II, прорезавшая вал, открыли с внешней его стороны следы четырех ям, находившихся под укреплением. Между этими ямами в дне траншеи III найдены следы вертикальных столбов 10—22 см толщиной. Поскольку на этом месте в укреплении городища имеется разрыв, и поскольку сруб, открытый раскопом, является, как указано, крайним, это наводит на мысль, что столбы, стоявшие здесь, были остатками въездного моста, переброшенного через ров. По другую сторону прорыва в траншее II найдены остатки другого сруба; расстояние между этими срубами равно 5 м. Исходя из сказанного выше, можно полагать, что прорыв, вероятно, находится на месте древних ворот.

Тот же характер носят укрепления, возведенные со стороны реки, хотя сохранились они значительно хуже. Это заставило заложить траншею в этом пункте 12 м длины и 2 м ширины, разделив ее на четыре участка. Здесь в первом слое были встречены следы дерева, а в четвертом примесь золы. Остатки дерева, найденные в более нижних слоях, сохранились значительно лучше. Повидимому, они являются частью срубов, составлявших стену города. К бревну, открытому в нижнем слое, вплотную примыкает глиняный пласт, залегающий непосредственно под перепаханным слоем и занимающий площадь шириной около 6 м. Вал лежит на культурном слое до 10 см толщины. Обилие дерева в верхних слоях раскопа заставляет предполагать, что и с этой стороны город был окружен деревянной стеной из срубов.

В нижней части стены обнаружены остатки сгоревшего многоугольного сооружения из трех венцов дубовых бревен по 20—22 см в поперечнике, соединенных между собой в обло. Судя по расположению бревен, их можно считать частью крепостной стены, имевшей ширину около 3 м, и башни, выступавшей перед стеной. Если длина бревен составляла около 1, 25 м, то поперечник башни равнялся 3 м. Незначительные размеры башни объясняются ее расположением на линии стены. Остатки другой более крупной башни были обнаружены при разведке 1933 года в северном углу городища.

С внешней стороны вал защищался рвом, следы которого заметны до сих пор в виде впадины до 1 м глубиной и 10 м шириной; за ним проходит небольшой валик высотой в 50 см, опоясывающий с несколькими перерывами городище со стороны реки. Повидимому, это остатки второ-

го вала, которые прослеживаются особенно хорошо в юго-западной части городища. Перерывы в валу служили для соединения рвов городища с р. Уткой. Второй вал, судя по его размерам, мог быть укреплен только незначительным тыном.

Изучение двух наслоений вала позволяет приурочить время уничтожения нижнего укрепления с восьмигранной башней к нашествию Субутая в 1236 году, когда в числе других булгарских городов был разрушен и Сувар. Позднее укрепления его были восстановлены, но незначительная мощность глиняного массива (до 60 см) позволяет утверждать, что новые сооружения были невысоки.

Вал по другую сторону рва был, вероятно, другой конструкции, так как в его профиле не сохранилось никаких следов срубов; самое большее, что можно предполагать, это тын на его гребне. Второй вал, насыпанный ниже первого, играл роль переднего внешнего препятствия для нападающего врага. В настоящее время его высота с южной стороны достигает 1 м. Вал насыпали в то время, когда кругом успел уже отложиться культурный слой. Поэтому в некоторых местах второй вал стоит на более древних сооружениях, о чем можно судить по профилю северо-восточной стенки, где под валом оказалась древняя зерновая яма № 31. Определить время постройки второго вала за отсутствием датирующего материала — нельзя. По той же причине мы не можем судить и о времени сооружения второго рва, окружающего местность, называемую теперь по ее внешнему виду «Лодкой». Вероятнее всего, он возник позднее второго вала.

Раскопки дали возможность изучить культурный слой в четырех местах городища: в юго-западной части, в южной части около внутренней стороны вала, между валами в местности, называемой «Лодкой», и в центре городища. Только в одном пункте между валами, где находилось кладбище и где слой был перекопан при устройстве могил, наслоение однородно по всей глубине и культурный слой достигает одного метра мощности, а ниже находится погребенный чернозем и подстилающий песок.

Другую картину дают профили раскопов внутри городища. Редко можно наблюдать картину спокойного слоя, а чаще слой прерывается более поздними сооружениями, выбросами, ямами, что дает картину хаоса, который можно объяснить лишь постоянными перестройками, характерными для больших городов.

Культурный слой Сувара в ряде мест отличается весьма интенсивной окраской нижних горизонтов. В нем встречаются прослойки и отдельные куски сырой глины, не потерявшей пластичности, и наряду с этим куски обожженной глины, местами получившей карминную окраску; в последнем случае пласты глины сопровождаются слоями золы. Обнаружены также прослойки сгнившего дерева, причем только в редких случаях дерево сохранилось более или менее удовлетворительно, в большинстве же случаев оно прослеживается в виде незначительных следов, получивших уже коричневую окраску.

Профиль раскопов дал картину слоя и прослоек угля, остатков дерева, разрушенных ям, причем нередко более поздние ямы пересекают более древние; в таких случаях профиль становиться сильно запутанным; примерами могут служить яма № 13, открытая на участках 6 и 7 раскопа I, углубление № 16, представляющее комплекс ям, и яма №12 в том же первом раскопе. В некоторых случаях более поздние сооружения врезаются в древние только частично и можно разделить постройки,

основываясь на разнице высот, как это, например, сделано для ям №№ 5 и 6 в раскопе V. То же можно сказать об остатках деревянных построек.

Общий характер культурного слоя не дает иногда возможности стратиграфически отделить более древние слои от поздних. В силу этих причин более древние вещи при стройке, при рытье ям и т. п. легко могли попасть наверх, и наоборот. Этим объясняется, почему керамика из нижних и верхних слоев часто оказывается одинаковой.

В местах ненарушенных верхний культурный слой золотоордынской эпохи (от 20 до 70 см) выделяется светлой окраской, а нижний слой булгарской эпохи имеет темную окраску. В некоторых местах он сам разделяется на прослойки, причем нижняя часть отличается интенсивной окраской; мощность его достигает 1—1,55 м.

Такой характер памятника позволяет датировать его только исходя из анализа всего культурного наслоения. Однако датировка отдельных сооружений вполне возможна, если они не искажены более поздними переслойками. А такие нетронутые сооружения на городище были открыты и их инвентарь легко можно выделить.

Отсутствие естественных обнажений культурного слоя, где можно было бы изучить стратиграфию городища, заставило начать раскопки при помощи рекогносцировочных траншей с последующим развертыванием их в большую или меньшую площадь, используя получающийся профиль. Там, где одного профиля оказывалось недостаточно, приходилось прибегать к добавочным. Это дало возможность изучить планы жилищ и хозяйственных построек.

Жилища в Суваре

Жилища, открытые в Суваре, принадлежат к двум типам: это или глинобитные дома или деревянные срубы. Первые найдены в юго-западной части городища, где культурный слой на участках №№ 8—12 резко понижается.

В северо-западной части заложенного здесь раскопа площадью в 10 × 11 м, на глубине 54 см были открыты остатки дома в виде прослойки глины с лежавшим под нею слоем древесного тлена. При зачистке последнего в некоторых местах раскопа, например, на участке № 7, обнаружились следы досок или горбылей, шириной в 25 см, лежавших по направлению с северо-запада на юго-восток (рис. 150).

Зачисткой на участках №№ 2 и 3 были открыты остатки печи в виде пепла и кусков обожженной глины. По снятии их на участках №№ 2, 3, 7 и 8 обнаружились следы небольших столбов диаметром в 10—15 см, вертикально забитых в почву. На столбах второго и третьего участков когда-то лежали переводины настила, от которого сохранился отмеченный выше тлен.

Остатками печи являются два слоя красной глины, потерявшей пластичность, между которыми лежал слой пепла. Печь, занимавшая площадь около 1 × 1,5 м, была устроена со сводчатым перекрытием. Такие же печи найдены и в других местах городища.

Для изучения размеров дома были проведены две дополнительные траншеи, открывшие под полом яму длиной в 7,1 м; за ее краями никаких следов древесного тлена не оказалось и это дает право заключить, что границы дома совпадают с подпольем. Интересно, что подполья под печью не было, печь стояла непосредственно на черноземе, в который были забиты колья на уровне пола в качестве фундамента для печи.

При зачистке подполья на глубине 70 см помимо обломков бытовых вещей были обнаружены куски глиняной обмазки, следы древесного тлена, а в самом дне открыты цилиндрические ямы, в которых были найдены остатки когда-то хранившихся здесь зерен культурных злаков. Большая часть ям ничем не связана с жилищами, под которыми они были обнаружены и относятся к более раннему времени, чем дома. Об этом говорит то обстоятельство, что слой тлена, составляющий остатки

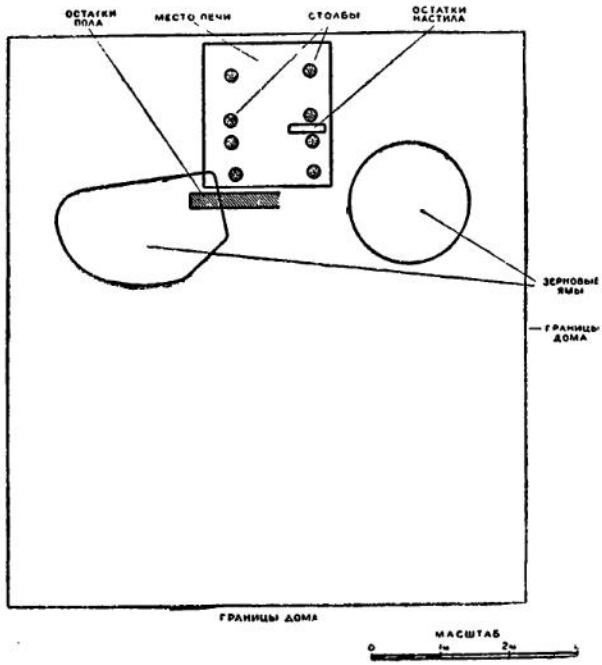

Рис. 150. **План дома, вскрытого при раскопках в Суваре.**

пола, нигде не нарушен, а некоторые ямы, например, №№ 10, 14 и 26 отчасти находятся под жилищем, а отчасти за его пределами. Из всех ям только две можно связать с определенным домом — это ямы №№ 23 и 27. Одна из них имеет правильную цилиндрическую форму, другая неправильную; последняя, повидимому, была вырыта на месте ранее существовавшей. Слои земли, прослеженные по линии печи, показывают, что одна часть печи свалилась в яму № 23, а другая в яму № 27. Это значит, что ямы уже существовали до разрушения дома.

На основании собранных материалов мы можем реконструировать следующий тип постройки дома: это было сооружение общей площадью 7,1 × 7,16 м, с деревянным полом и с подпольем глубиной около 70 см. Пол клали на переводины, а последние на балки; близ стены ставили печь, а по бокам ее отрывали в подполье две ямы для хранения зерна; повидимому, здесь же у печи находился лаз в подполье; стены дома делались плетеные, обмазанные с обеих сторон глиной. Куски такой обмазки найдены в большом количестве, часть их имеет одну сторону заглаженную, а обратная сторона хранит отпечатки прутьев. Труднее говорить о крыше, но можно полагать, судя по находке кусков глиняного карниза с небольшой частью крыши, что она была плоской. О таких же построй-

ках говорит вскрытие траншеи I на участках №№ 1, 2, 15, 16 и 17. Аналогичные постройки обнаружены по профилю в раскопе V. Плетеные постройки наблюдали у булгар и арабские путешественники. Аль-Мукаддеси писал, что «строения там из дерева и камыша».

Остатки дома другого типа, имевшего в основе деревянный сруб, были обнаружены на площади участков №№ 6 и 7 центрального раскопа.

Найденная часть такого дома (два венца) представляет угол здания, сложенного из бревен 30 см в диаметре, со следами пола в виде древесного тлена. Бревенчатые дома, повидимому, во всех случаях имели подполье, хотя при раскопках этот факт мог быть установлен только для шестого сооружения, с которым связана яма № 40 (раскопки 1936 г.). Взаимная связь этих двух сооружений прослежена и доказана на основании профиля первого и второго участка северо-западной стенки раскопа VII. На этих участках видно по профилю, что деревянный настил частично провалился в яму. Дом этот, судя по обугленным кускам дерева, погиб от пожара.

Сооружения №№ 45, 50, 53 (раскопки 1935 г.), найденные в верхних частях культурного слоя и имевшие в толще того же слоя подпольные ямы, не дали столь ясной картины, как дом № 40 из раскопок 1935 г., поскольку большая часть их остатков сохранилась в весьма неудовлетворительном состоянии.

О деревянных домах булгар говорит ряд арабских путешественников, в частности Аль-Мукаддеси и ибн-Хаукаль [141]. Имеется также свидетельство Абу-Хамида эль-Андалуси, который записал: «Булгар большой город, дома которого выстроены из соснового дерева и стены из дубового» [142]. Автор XIII века Якут говорит то же самое: «Булгары строят свои дома только из дерева, одно бревно кладут на другое и соединяют их крепкими, тоже деревянными гвоздями» [143].

Помимо отмеченных уже остатков сводчатых печей, при раскопках 1935—1936 гг. были обнаружены в развалинах домов печи в виде цилиндров. Они сделаны из глины и часто имеют в основании и по верхнему борту обломки кирпичей. По образцам печей, найденных в относительной сохранности, можно говорить о их размерах: 70 см высоты при диаметре 67 — 70 см и толщине стенок 2,2—3,5 см. На дне всех цилиндров найден слой угля и пепла до 10 см толщиной. Кое-где глина стенок с внешней стороны не потеряла своей пластичности, с внутренней же она имеет средний обжиг. Так, в сооружении № 59 (раскопки 1935 г.) [144] толщина стенок печи достигает 2,2 см; внешняя сторона обмазки на толщину 1,6 см почти не потеряла пластичности, а внутренняя, толщиною 6 см, имеет средний обжиг. В сооружении № 55 (1935 г.) стенка печи, имеющая толщину 3,5 см, хорошо обожжена. Повидимому, эти цилиндрические печи-очаги стояли ниже площадки пола. При их устройстве вырывалась яма цилиндрической формы, стенки которой обмазывались глиной, а затем обжигались изнутри. Допустить, что эти цилиндры были печами, стоявшими на поверхности, нельзя; тогда неизбежно мы нашли бы остатки печей с хорошо обожженными стенками не только изнутри, но и снаружи.

На подпольный характер этих печей указывают также условия, при которых обнаружены цилиндры №№ 46 и 55. Оба они были открыты в одном пункте. Цилиндр № 55 стратиграфически относится к более раннему времени; цилиндр № 46 его пересекает таким образом, что одна половина того цилиндра осталась в стороне, а другая была уничтожена при сооружении второй печи. Если бы это были поверхностные

сооружения, то постройка 46-го цилиндра не коснулась бы 55-го цилиндра, лежавшего несколько ниже, и если бы 46-й цилиндр строили на месте 55-го, то, естественно, последний был бы уничтожен совершенно. В действительности мы имеем совершенно другую картину: 55-й цилиндр был полуразрушен и засыпан землей; когда рыли яму для новой печи, то натолкнулись на часть 55-го цилиндра и уничтожили ее, не тронув остальной части, не попавшей на площадку нового сооружения. Яму обмазали глиной и пользовались ею некоторое время, а затем она была заброшена.

Изучая эти сооружения мы имели возможность в одном случае, при исследовании остатков дома № 53 и деревянного его настила, установить, что глиняные цилиндры служили очагами в жилых домах, чем они напоминают среднеазиатские тануры.

Датируются эти печи стратиграфически. Так, 44-е сооружение было обнаружено на глубине 45 см, 10-е на глубине 6 см. За исключением 55-го цилиндра, который почти весь оказался разрушенным, все другие цилиндры залегали на небольшой глубине. Если к этому добавить, что верхние части их были полуразбиты, то можно смело сказать, что цилиндрические печи относятся к верхним слоям городища.

Эта мысль подтверждается упомянутым выше 53-м сооружением, открытым на глубине 65 см и относящимся к золотоордынскому слою. В него входят деревянный настил, от которого сохранились тлен и остатки бревен когда-то существовавшего деревянного дома; с ним связан танур № 53. Эта печь по своему положению в культурном слое может считаться самой древней.

Произвести датировку открытых жилищ и хозяйственных сооружений по вещественному материалу удается не часто. В силу этого трудно датировать сооружения, вскрытые в 1933 году в юго-западной части городища. Несомненно только, что открытый тогда жилой дом (раскоп I, 1933 г.) принадлежит к поздней стадии существования города.

Развалины дома № 53 из раскопок 1935 года относятся к XIII—XIV вв. Приблизительно к этому же времени можно отнести 50-е сооружение, от которого сохранился тлен досок на площади 1-го и 2-го участков раскопа IX, где в восточной части настила хорошо прослежены две доски пластов обожженной глины со слоем пепла и угля между ними. Ознакомиться более детально с конструкцией печи не удалось вследствие плохой ее сохранности. Такие же печи были открыты на этом городище в 1933 г. в нижних слоях, датируемых домонгольской эпохой.

К группе жилых сооружений принадлежат и две ямы №№ 43 и 48, которые можно считать подпольями домов. К сожалению, они исследованы только частично. Первая из них, судя по профилю юго-западной стенки раскопа V, относится к домонгольской эпохе и представляет собой остатки двух сооружений, из которых одно, повидимому, более позднее, захватывало внутреннюю часть более древнего; остатки деревянной облицовки довольно неясно намечают его границы. Вещественные остатки из второй ямы представлены обломками сфероконического сосуда из голубой глины, украшенного орнаментом из овальных ямок, обломком стеклянного сосуда и фрагментами посуды из темной и желтой глины.

На площадке раскопа VII находится только незначительная часть ямы № 48. Связь с деревянным настилом устанавливается по профилю его юго-восточной стенки. Яма тянется вдоль юго-западной стенки раскопа и пересекается ямой № 49, расположенной вдоль северо-западной

стенки. Изучение профилей этих стенок позволяет считать яму № 49 более поздней. В профиле юго-западной стенки четко видна граница ямы, вырытой в слое ямы № 7 и в грунте. В яме № 7 были найдены: опиленный рог коровы, просверленный альчик барана, обломок кирпича со следами шлифовки, фрагменты керамики из светлой желтой глины с широким линейным орнаментом, несколько черепков лощеных пестрых и коричневых, несколько кусков черной керамики и обломков от крышек сосудов. Все эти предметы не дают четкой датировки, но и не противоречат тому, чтобы отнести сооружение к ранней стадии городища.

Значительно хуже обстоит дело с датировкой построек, открытых в 1937 году к северо-востоку от дворца. Работами, связанными с многочисленными переделками этого дворца, культурный слой был основательно разрушен. Сооружение № 76, представляющее остатки небольшой ограды, было обнаружено на глубине 1,5 м; ширина его — 40 см, а высота 30 см. Эта ограда была сложена из обломков кирпича в 4; 4,5 и 5 см толщиной на культурном слое; судя по глубине залегания, она относится ко времени не позднее XII века.

Сооружение № 77 (раскопки 1937 г.), открытое на глубине 1,9 м, представляет деревянный настил шириной 1,5 м и длиной 2,75 м, и является остатками дома. Относится оно ко времени до XII века. Ниже, в тринадцатом слое, на глубине 2,05 м было открыто пятно тлена, в центре его лежали остатки глинобитной печи.

Зернохранилищ в подпольях домов в Суваре обнаружено довольно много. Открытые в количестве 90 ям они имеют различные формы — цилиндрическую, коническую, усеченного конуса, усеченной пирамиды. Некоторые из них пересекают одна другую, создавая причудливые очертания на фоне погребенного чернозема. Определение форм и размеров ям в таких случаях велось по их различиям в глубине. В иных случаях, например, при исследовании ям №№ 70—74 (1935 г.), определение их формы (усеченный конус) производилось путем обмера дна и сохранившейся части стенок. В некоторых ямах были найдены остатки дубового тлена, которые говорят о том, что дно ям, а может быть и их стены были обложены дубовыми досками. Размеры ям колеблются незначительно: имеются ямы диаметром 1,4 м при глубине 90 см или диаметром 1,1 м при глубине 40 см; в отдельных случаях глубина достигает 1,5—2 м. В некоторых ямах на дне сохранились органические остатки и зерна злаков.

Ям цилиндрической формы открыто всего четыре: №№ 42, 54, 58 и 68. Яма № 42 находилась на участке раскопа VI. Диаметр ее 2 м, глубина от поверхности 1,55 м. Первоначальная глубина ямы была установлена по профилю северо-восточной стенки траншеи. Слои на этом участке следующие: сверху перепаханный слой 25 см, ниже наклонные слои. Это свидетельствует о том, что за пределами раскопа VI в юго-восточной стороне находится ямное сооружение. Ниже проходит горизонтальный слой в 20 см, имеющий довольно светлую окраску, а еще ниже — отложение интенсивно-черного цвета с характерным падением слоев, заполняющее яму; глубина ямы от этого уровня составляет 55 см. Яма № 42, как и яма № 43, пересекающая ее в южной части, судя по находкам, относится к первому периоду существования города. Здесь было найдено железное кресало и 6 обломков глиняной посуды из серой и желтой глины, сделанной на кругу. Куски кирпичей, обнаруженные здесь в значительном количестве, дошли до нас в виде мелких обломков и не могут помочь в датировке.

Вторая яма цилиндрической формы № 54 имеет в диаметре 80 см при значительной глубине. Изучение профиля юго-западной стенки раскопа IX показало, что линия падения культурного слоя проходит на глубине 60 см, причем стенки идут вертикально до самого низа. Промеряя линию от точки падения слоя до дна, получаем первоначальную глубину ямы в 3,45 м. Данные стратиграфии указывают на позднее ее происхождение — приблизительно в XII—XIV вв. Находки в яме подтверждают эту дату. В ней оказались: целый сосуд в форме кринки с ручкой красного цвета высокого обжига с сглаженной поверхностью: фигурная ручка от сосуда с волютой в верхней части; глиняная лампочка; обломки глиняной посуды, среди которых встречаются черепки коричневого цвета со сглаженной поверхностью; еще десять черных и три пестрых обломка; три цилиндрические ручки от крышек сосудов, характерные для ранней стадии культуры; обломки посуды красного цвета высокого обжига; черепки из пестрой глины с черной полированной поверхностью, покрытые зубчатым орнаментом в виде косых отрезков. Найдены также отдельные черепки с орнаментом из рядов линий и фестонов, обломки посуды, покрытой золотистой стекловидной поливой и куски стеклянного блюдечка. Из железных вещей в яме оказался костыль. Среди перечисленных предметов находятся вещи несомненно более позднего происхождения, например, поливная зеленая керамика, которой и определяется время засыпки ямы — не ранее XIII века. То обстоятельство, что среди найденных предметов имеются безусловно ранние вещи, объясняется просто: при земляных работах всякие остатки вещей выбрасывались наверх, смешивались и при засыпке ямы более поздние изделия могли попасть вниз. Несмотря на то, что в яме не было найдено органических остатков, ее нужно отнести, судя по форме, к группе зернохранилищ.

Яма № 58 находится на участке № 2 раскопа VII на средине последнего. Из-за отсутствия профилей и датирующих находок точное определение возраста ямы затруднительно. При расчистке в ней были найдены: янтарная печатка; два обломка цилиндрической массивной рукоятки; дно сосуда с клеймами; два обломка черной посуды и два желтой. Все эти находки типичны для ранней стадии культуры. Отмечу, что яма № 57, пересекающая яму № 58, дала обломки посуды черного и желтого цвета, четыре черепка сферических сосудов из желтой глины местного производства и три обломка лампочек. Отсутствие поздних вещей позволяет отнести яму с янтарной печатью к ранней эпохе городища.

Яма № 68 находится в центре, около котлована кирпичного здания и частично пересекается последним. В ней найдено горло от кувшина и несколько невыразительных обломков керамики. Эту яму следует отнести ко времени, предшествовавшему сооружению кирпичного здания.

Разнообразие вещевого материала позволяет утверждать, что ямы цилиндрической формы характерны как для ранней, так и для поздней эпохи существования городища.

Яма конической формы открыта только одна — № 67; она найдена на площадке раскопов VII и IX. Установить дату возникновения ямы по ее довольно нечеткому профилю было трудно и остался один путь датировки — по вещевому материалу. Но и с этой стороны дело сложилось довольно неблагоприятно, так как ее пересекает яма № 70, и, кроме того, вещи в ней перемешаны. В яме № 67 найдены: обломок кирпича длиной в 37 см; обломок поливной керамики темнозеленого и светлозе-

леного цвета, аналогии которой можно указать среди керамики Рейского городища (материалы из сев. Ирана в Музее восточных культур в Москве); два обломка глиняной посуды желтого цвета; два лощила, изготовленные из челюстей собаки, и стеклянная бусина зеленого цвета.

Ям в форме усеченного конуса обнаружено три — №№ 57, 61 и 67а. В первой из них не нашлось явно поздних вещей и возможно, что она относится к раннему периоду существования городища. Яма № 61 находится на площадке раскопов VII, VIII и X. Ее можно было датировать по профилю северо-западной стенки раскопа VII. Линия падения культурного слоя начинается на глубине 1 м от поверхности культурного слоя; общая глубина 2,2 м. На полу ямы обнаружен тлен от дубовых досок, на котором лежал слой органических остатков, что заставляет считать яму зернохранилищем. В яме найдены четыре обломка глиняной посуды черного цвета с примесью в ее массе толченых раковин. Посуда была сделана вручную, причем на одних черепках виден характерный орнамент из ряда полос от веревочки и зигзаговых линий зубчатого чекана, а на других орнамент состоит из линий, нанесенных резцом. Кроме того, здесь же найдено семь цилиндрических глиняных ручек от крышек сосудов; обломок глиняной лампочки; несколько черепков желтой керамики; обломок сферического сосуда из голубоватой глины и второй обломок такого же сосуда из желтой глины местного производства с орнаментом из овальных ямок; крышка от небольшого сосудика; два обломка красной лощеной керамики, украшенной рядом широких полос линейного орнамента, а также орнамента, расположенного гирляндами; черепок с линейным орнаментом в виде широких полос и черепок с белой поливой и коричневым рисунком. Большинство найденных вещей относится к раннему времени; таковы цилиндрические ручки, керамика типа камско-вятских городищ, изготовленная без гончарного круга, черепок с белой поливой. Несколько понижает дату черепок красной лощеной керамики с орнаментом в виде гирлянд и с линейным орнаментом. Однако говорить о монгольской эпохе нет оснований. Напомню, что В. В. Гольмстен при раскопках на булгарских городищах Самарской луки нашла лощеную керамику из красной глины. Это сопоставление позволяет датировать яму № 51 более ранним временем XI — XII в.

Третья яма № 67а открыта не вся и большей своей частью уходит в юго-восточную стенку раскопа IX. Датировка ее может быть установлена по профилю юго-восточной стенки; линия падения культурного слоя начинается на глубине 95 см от поверхности почвы; первоначальная глубина ямы 1,35 м. Учитывая, что золотоордынский слой идет до глубины 70 см, можно датировать яму временем не позднее XII века.

Из ям других типов интересна яма № 60 в форме усеченной пирамиды. Яма открыта на участках №№ 2 и 3 раскопа X на фоне погребенного чернозема. Яма имеет прямоугольную форму, размер ее 2,45 × 1,45 м, глубина 1,6 м; площадь дна 1 × 1 м. В южном углу ясно сохранился закругленный выступ диаметром в 40 см, что несомненно является следом ямы от столба. Определить дату ямы по статиграфическим данным затруднительно, это можно сделать только путем сопоставления с лежащими выше сооружениями. Над ямой, на глубине 50 см, были обнаружены остатки деревянного дома № 53, относящегося к XIII—XIV вв. Яма лежит ниже дома и, следовательно, относится ко времени не позднее XIII века. Найденный в яме материал не противоречит этой дате. Керамика представлена обломками черной лощеной посуды, изготовленной без гончарного круга из глины с примесью раковин; черепками коричне-

вой посуды различного обжига; фрагментами светложелтой и красной лощеной керамики. Орнаментированная посуда представлена несколькими обломками из черной глины с примесью раковин, с нанесенным на ней веревочным узором; на обломках посуды, сделанной на кругу, нанесен чешуйчатый линейный орнамент.

К числу других находок, сделанных в этой яме, относится: цилиндрическая рукоятка; обломок сферического сосуда из голубой глины; обломок плоского стекла и обломок миски; три напрясла обычной формы; три просверленных астрагала барана; стеклянный флакон и небольшая чашечка, покрытая темнозеленой поливой. Этот материал не дает права отодвинуть дату ямы вглубь. Поливная зеленая посуда может относиться ко времени около XII—XIII вв., посуда из красной глины близка к тому же времени. Эти соображения подтверждают датировку ямы XII—XIII вв.

Встречается еще один тип ям, отличающихся неправильной четырехугольной формой, это ямы за №№ 62, 63, 69. Яма № 62 в своем плане имеет трапециевидную форму, расположена она на площадке раскопов VII—X, под зданием № 53 и, следовательно, относится ко времени, предшествующему постройке этого дома, т. е. может быть датирована не позднее XII века. Из вещевого материала в яме найдена ручка цилиндрической формы от крышки глиняного сосуда и несколько нетипичных обломков посуды. Конечно, этого материала недостаточно для более точной датировки.

Яма № 63 находится на первом участке раскопа VII. Длина ее 2 м, ширина 80 см, глубина от поверхности грунта 15 см. Яма залегает ниже сооружения № 6, обнаруженного на глубине 1,3 м. Следовательно, исходя из стратиграфических указаний, яма относится к X—XI вв. Из вещевого материала в яме найдены обломки посуды и кирпича, не позволяющие уточнить дату.

Яма № 69, открытая около котлована кирпичного здания, существовала до сооружения последнего. В яме найден обломок железного предмета неопределенной формы и два обломка, один черного, другой красного цвета, и около 300 мелких кусков кирпича. С большой долей вероятности можно отнести керамику из ямы не к X веку, а к более позднему времени; вероятнее всего керамика попала в яму позднее.

Из ям, имеющих правильную форму, выделяется овальная яма № 66; ее диаметры 85 и 75 см, а глубина от подошвы культурного слоя 23 см. Она была отрыта еще в домонгольскую эпоху, так как над нею в более позднее время были построены две глиняные цилиндрические печи. В яме найдены три обломка желтой керамики и 43 куска кирпичей.

В особую группу мы относим ямы №№ 70—74, представляющие комплекс ям, пересекающих одна другую и заходящих под площадь, занимаемую вторым слоем кирпичной пристройки. При зачистке грунта во время раскопок было обнаружено пятно неправильной формы, насыщенное строительным мусором; при расчистке дна сооружения удалось определить, что все эти четыре ямы имели форму усеченного конуса.

Благодаря тому, что площадь ям вскрывалась одновременно, все находки учитывались суммарно. Стратиграфически ямы датируются домонгольской эпохой. Найденный вещевой материал составляют напрясла из просверленного астрагала, два обломка бронзовой пуговицы, обломки медной пластинки и водопроводной трубы, куски посуды черного, желтого, коричневого и красного цветов, частью полированной, и 1350

обломков кирпичей (между ними имеется один размером 27,2 × 27,5 см и обломки толщиной в 4,5, 3,5 и 5,4 см). Как показывают вещественные остатки, в частности обломки белой глазурованной посуды, эти ямы существовали с X—XI вв.

Такие же ямы, открытые на площадке раскопа XI, стратиграфически относятся к домонгольской эпохе, точнее — ко времени до первого восстановления кирпичной постройки. В числе находок, сделанных на этих участках, имеются предметы безусловно ранние, в том числе белый черепок, покрытый прозрачной поливой, X—XI вв.

Ямы №№ 64, 65 и 60, так же как и круглую ямку в южном углу сооружения № 60, судя по их незначительным размерам, следует считать ямками от столбов.

Приведенными данными исчерпываются возможности датировать сооружения, открытые в 1935 году.

Раскопками 1936 года был обнаружен ряд сооружений в северо-восточном пригороде, и в их числе яма № 2, содержавшая пружину от железного замка цилиндрической формы и обломки посуды из желтой глины; яма датируется X—XII вв. Яма № 3 по профилю ее юго-западной стенки относится к верхнему слою; в ней были найдены только обломки коричневой лощеной посуды. Дата ям №№ 4 и 5 стратиграфически не может быть установлена; в них найдена керамика с веревочным орнаментом, лепленная от руки, и обычная булгарская керамика из желтой глины. Ямы №№ 6 и 7 были выкопаны в домонгольскую эпоху. В пользу такого заключения говорит найденное здесь железное ушко от котла, наконечник стрелы бипирамидальной формы, железный пробойник и обломок керамики, изготовленной из желтой глины низкого обжига.

Из ямы № 8 извлечены обломки посуды черного цвета, украшенные веревочным орнаментом, и ключ от замка.

Сооружение № 78 было открыто на глубине 1,8 м на площади участков №№ 5, 6 и 17. Оно представляет комплекс ям А и Б. Первая из них цилиндрической формы и только частично входит в раскоп, а большая ее часть выходит за линию юго-восточной стенки раскопа; радиус этой ямы 80 см, глубина от поверхности 2,8 м. Яма Б более поздняя; при ее сооружении затронута была часть ямы А; подобно первой, большая часть и этой ямы находится за границами раскопа; глубина ямы 1,4 м от поверхности. Эта яма относится к верхнему слою городища, что видно на северо-восточной стенке раскопа.

Яма № 79 (раскопки 1937 г.) открыта на участке № 20. Она пересекает яму № 80 и относится по сравнению с последней к более позднему времени. Она обнаружна на участках №№ 18 и 19; форма ее коническая, радиус 2,25 м, глубина от основания культурного слоя 1,3 м. Стенки выложены досками, прослеженными по тлену.

Сооружение № 81 представляет комплекс ям, открытых на глубине 2,2 м. При разработке следов этих ям на фоне погребенного чернозема удалось определить ямы А, В, С, Д и Е, частично уходящие под фундамент кирпичного здания. Время их сооружения относится к домогольской эпохе.

Яма № 82 открыта на участках №№ 3, 4, 11, 13 и 14. Она представляет собой выемку, откуда выбирали строительный материал при переделке дворца. Стратиграфически яма принадлежит к последнему периоду существования города.

Сооружение № 83, являющееся частью дома, открытое на глубине 1,55 м, возникло в домонгольскую эпоху. Еще раньше строительных ра-

бот, проводившихся в XIII веке, она была засыпана. Эта яма, представляющая в своем плане прямоугольник размером 4 × 3,5 м, уходит отчасти под упомянутое выше здание. Она вырыта в домонгольскую эпоху. Ее стены были облицованы дубовыми бревнами 15 см в диаметре. В засыпке не было предметов, характерных для XIII—XIV вв., в частности нет поливной керамики и изразцов.

Комплекс богатого дома

В центре городища, на пересечении двух дорог, в 1934 году был открыт сложный архитектурный комплекс. Эти остатки древнего сооружения выступали на поверхности городища в виде холма неправильной формы до одного метра высотой. Холм имеет в среднем около 25—30 м в диаметре. На нем, лет 30 тому назад, когда началась его распашка местным населением, находили обломки кирпичей.

Для получения профиля холм был прорезан траншеей V, развернутой затем в площадь. На участках №№ 8 и 9 в верхних слоях были открыты остатки непотревоженной кладки. Дальнейшее исследование здания производилось широкой площадью. Открытые в раскопе V другие сооружения были исследованы лишь в той части, которая была охвачена раскопками. Точное нанесение архитектурных остатков на план и установка пикетов дали возможность вести исследование частями в продолжении трех лет.

Этот архитектурный комплекс представляет собой фундамент и цокольную часть здания, состоявшего из центрального помещения с полом и подпольным отоплением, из башни и площади, примыкающих к зданию с северо-западной стороны, и с небольшой пристройкой с юго-востока. Здание, повидимому, было двухэтажное, в форме прямоугольника, с несколькими пристройками кубической формы и башней. Оно существовало весьма долгое время и неоднократно перестраивалось. Здание сложено из обожженного и сырцового кирпича нескольких размеров: 35,5 × 36 × 5; 25,5 × 25,5 × 5; 25 × 20 × 5 и 25 × 25 × 5 см. Толщина кладки из 5 кирпичей и 5 швов равняется 30 см. Встречаются в кладке и половинные кирпичи.

Из сырцового кирпича выполнены фундамент и подина печей, часть стен и вымостка двора. Лестница, сделанная из прекрасно обожженных плит, покрыта сверху цементирующим составом. Своды дымохода и большая часть стен выложены из обожженного кирпича. Сырцовый кирпич сложен на глине, как и некоторые участки стен из обожженного кирпича. В других частях стены, особенно в верхних рядах, обожженный кирпич положен на алебастровом растворе, равно как плиты нижней площадки. Стены были покрыты штукатуркой, которая сохранилась в фрагментарном состоянии. Следы ее заметны на стенах башни в тех местах, где башня соединяется со стеной здания. Штукатурка найдена также в виде отдельных кусков разной величины на площадке всего сооружения; на некоторых кусках заметны следы голубой краски.

Для определения мощности фундамента здания были заложены глубокие шурфы до грунта. Выяснено, что фундамент, сложенный из сырцового кирпича на глине, доходил на одних участках до глубины одного метра, а около башни до глубины двух метров, что объясняется, повидимому, необходимостью лучше укрепить башню.

Здание было окружено стеной в 70 см толщины со входом с восточной стороны. От стены сохранилось восемь рядов кладки из кирпичей двух размеров: 30 × 30 × 5 и 25 × 25 × 5 см, сложенных на алебастре.

Кладка лежит непосредственно на черноземе (материк) на глубине одного кирпича. С той же восточной стороны, на уровне первого кирпича, начинается вымостка двора из сырцового кирпича, покрытая цементом.

Между оградой и зданием посреди раскопа обнаружены четыре прямоугольные ямки с остатками сгоревшего дерева. Вероятно здесь стояли столбы какого-то навеса.

Здание сильно пострадало от разрушений и от времени, что видно по деформации некоторых его частей. Изучение кладки позволило установить следы трех строительных периодов, между которыми прошел, по-видимому, значительный срок. Эти строительные периоды различаются между собой по типу кирпича, по технике кладки и стратиграфическим данным.

Начнем описание здания с его западного угла. Здесь стояла башня с основанием на фундаменте из сырцового кирпича в 2 м высотой; на нем залегает забутовка из алебастра, смешанного с кирпичным щебнем; наружный слой кладки не сохранился.

К югу от башни идет стена самого здания; при кладке верхней ее части употреблялся преимущественно квадратный кирпич мелкого размера, а в нижней части более крупный. Верхняя часть стены была выложена с отступом от наружного края первоначальной стены на 90 см. Нижняя часть здания сложена из кирпичей разного размера, преимущественно крупных ($28 \times 28{,}6$; $28 \times 28 \times 6$; $30 \times 30 \times 5$ см), как из целых, так и из обломков; это обстоятельство придает стене небрежный, неровный вид. Обломки кирпичей особенно часто встречаются во внутренней части кладки. Нижний ярус стены покоится на сырцовом фундаменте, заложенном в специально вырытом котловане, граница которого проходит на 40 см от линии стены, достигая глубины 1 м. Длина этой части сооружения, включая башню, составляет 10 м; затем следует угол и стена длиной в 1,5 м. Стена нижнего яруса на расстоянии 1,25 м от западного угла (у башни) имеет выступ в 26 см толщиной и 1 м длиной. Выступ лежит на культурном слое; он сложен из кирпичей в 4—5 см толщиной и имеет разрывы с кладкой стены в 22—28 см. Почти на таком же расстоянии от южного угла находится разрыв в стене, достигающий в длину 75 см. Сходство этих двух разрывов заставляет предполагать, что на месте второго разрыва был такой же выступ, напоминающий пилон, от которого в настоящее время ничего не осталось.

Верхняя часть здания сложена из более мелких кирпичей размера $24 \times 24 \times 5$; $24 \times 24 \times 4$; $23 \times 23 \times 5$; $22 \times 22 \times 5$ см. Стена имеет разную толщину, составляя в среднем 75 см. Верхняя кладка проходит прямой линией по первому ярусу постройки, выходит за ее юго-восточную стенку и тянется далее на 7 м, после чего образует угол и выступ длиной 1,85 и шириной 2,25 м. Верхний ярус кладки своей северо-западной частью непосредственно лежит на кладке нижнего яруса, и в этой части по краям к нему примыкают две полуколонны, сложенные из кирпича того же размера; от полуколонны сохранились в настоящее время едва заметные фрагменты. Юго-восточная часть стены верхнего яруса не имеет фундамента и возведена непосредственно на культурном слое. Только южный ее угол был укреплен алебастровой забутовкой, как наиболее ответственный в конструктивном отношении. На остальном протяжении стены в культурном слое почвы был вырыт неглубокий котлован, судя по уровню алебастровой забутовки, до 25 — 30 см глубиной, куда и клался кирпич. Второй ярус постройки отличается более аккуратной кладкой; кирпичи здесь отлично подогнаны друг к другу и только на юж-

ном участке стены небрежность кладки напоминает внешний вид нижнего яруса. Этот участок следует отнести к третьему строительному периоду сооружения. В одном пункте прекрасно видно место, где над кладкой второго строительного периода легли ряды небрежно уложенных кирпичей третьего периода. Время этого периода может быть определено исходя из однотипности кирпича (форма и размер), вероятнее всего XIV веком.

Северо-восточная часть постройки была исследована в 1937 году. Здесь фасад представляет ломанную линию длиной около 16 м с полукруглым выступом для вертикального дымохода. Сюда же надо отнести, хотя и не связанную непосредственно со зданием, кладку № 76, открытую во втором слое на глубине 30 см на участке № 33, и кладку № 77 третьего слоя на глубине 45 см. Две другие кладки — № 85 на глубине 1,5 м и № 8 — в третьем слое, не имеют непосредственного отношения к зданию; первая является частью ограды, современной первой эпохе существования дворца, а вторая представляет фрагмент упавшей стены и, судя по положению, отвечает времени второго строительного периода.

Северо-восточная стена в разных местах сохранилась неодинаково. Начиная с юго-восточного угла, часть ее высотой в 75 см лежит на культурном слое, насыщенном строительным мусором, и сложена большей частью из битого кирпича в 4,5; 5,6 и 6,7 см толщиной и 24, 25, 26 и 27 см длиной. Кирпичи эти квадратной формы. Кладка сделана на глиняном растворе, но местами заметны следы извести, известковая облицовка сохранилась только в верхних слоях. Кладка стены весьма небрежная, как и на соответствующем участке с противоположной юго-западной стороны, и сильно деформирована. Осадка достигает 30 см, что можно объяснить отсутствием фундамента.

Следующая часть стены (4—8 м от угла) сильно разрушена, имеются разрывы, заполненные в настоящее время культурным слоем. Эта часть здания сильно отличается от предыдущей аккуратностью кладки и одномерностью кирпичей, имеющих в длину 24—25 см при толщине 4,5—5,5 см; кладка гладкая и ровная, сделана на глине. На стене и здесь сохранились следы алебастровой облицовки. Под стеной заложен основательный фундамент на глубине до 1,7 м, с выступом на 23 см, сложенным, как и верхняя часть стены, из ровного кирпича. Нижняя часть фундамента представляет собой бут из обломков кирпича на глиняном растворе. На расстоянии 7 м от юго-восточного угла уже весь фундамент становится бутовым из глиняного теста с включением большой доли битого кирпича. Толщина стены в этом месте 70 см. На расстоянии 8 м от угла к стене примыкает дугообразный выступ, образующий полуциркульную дугу радиусом около 3,5 м, вмещающий вертикальный дымоход; он сложен на глиняном растворе из кирпича толщиной в 5—5,5 и 4—4,5 см и длиной 23 и 24 см. От этой части стены сохранились три ряда кирпича, выложенные на более ранней стене, выступающей наружу своей торцовой частью и идущей параллельно описанной выше. Стена здесь сделана из большемерного квадратного кирпича, цельного и половинок, длиной в 25, 28, 30, 31 см и толщиной в 4,5—7 см. Кладка довольно небрежная и не имеет следов алебастровой облицовки на поверхности. Пространство между этой стенкой и описанной выше заполнено бутом в виде обломков кирпича в глиняном растворе.

Выступ с вертикальным дымоходом и фундаментом достигает высоты 4,2 м и имеет следующие ярусы, считая снизу вверх: I — битый и

цельный в глиняном растворе кирпич на высоту 80 см, II — забутовка без раствора, мощностью 1,7 м; III — кирпичная кладка, мощностью 1,7 м.

На одной линии с фундаментом, в разных слоях,— втором, третьем и восьмом, находятся остатки кирпичной стенки, составляющей продолжение фундамента. Непосредственно к выступу с северной стороны примыкает участок с незначительными остатками кирпичной кладки.

Эта кладка уцелела в виде двух небольших фрагментов из кирпичей толщиной в 5—5,5 и 6—7 см и длиной в 21 см, сложенных на глиняном растворе; они лежат на культурном слое примерно в 45 см толщиной и представляют собою продолжение стенки, открытой у северного угла башни в 1934 году, также лежащей на культурном слое. Описанная часть постройки залегает выше ямы № 6, граница которой проходит рядом с вымосткой, обнаруженной на слое погребенного чернозема в 1934 году.

Вход в здание вел с восточной стороны и начинался площадкой 1,5 × 1,5 м, сложенной из квадратных кирпичей размерами 25 × 35 × × 5 и 30 × 30 × 5 см. За площадкой шла ступенька лестницы в 10 см высотой и 25 см шириной. За этой ступенькой к юго-востоку лежала обвалившаяся часть лестницы, а за нею на высоте 43 см над уровнем второй площадки была открыта отстоящая от нее на 2,5 м третья площадка. Подобно первым двум она сложена из квадратных кирпичных плит и сверху цементирована. Верхняя площадка была ограничена с двух сторон стенками, из которых левая сложена из половинок кирпича, размера 30 × 15 × 5 см, а правая из квадратных плит 25 × 25 × 5 см. Эта площадка длиной до 1,4 м упирается в поперечную стенку, близ которой сохранились остатки ступенек лестницы, которая вела наверх, на второй этаж.

Рядом с лестницей, с юго-восточной стороны, мы находим остатки башни неправильный четырехугольной формы с сохранившимся полом. В некоторых местах стены ее были покрыты цементной облицовкой. Пол сложен из кирпичей размером 25 × 25 × 5 см, а сохранившийся массив башни высотой около 1,5 м состоит из бута, содержащего в себе обломки кирпича, куски железного шлака, стекловидной массы и черепки, связанные алебастровым раствором. Бут представляет собою весьма крепко спаявшуюся массу, которая плохо поддается даже кирке. Высота слоя забутовки 70 см. Нижняя часть башни имеет цоколь, выступающий на 15 см. С юго-западной стороны на нем сохранились следы известковой штукатурки.

В массиве основания башни с сев.-зап. стороны открыты две прямоугольные ямы, разделенные между собой одним рядом кирпича. Ямы, имея глубину в 1 м от поверхности, доходят до слоя забутовки. Размеры первой ямы — 90 × 90 см, второй — 90 см × 1 м. Обе ямы были заполнены культурным слоем, в котором найдены бытовые вещи.

К башне, как сказано выше, примыкает помещение, отгороженное стенкой (толщина ее 50 см) из квадратных кирпичей размером в 25 × 25 × 5 см. Внутри этой части здания были обнаружены полуразвалившиеся дымоходы, идущие горизонтально в два ряда под полом и отделенные от пола одним слоем кирпичных плит. Первый дымоход примыкает к башне и представляет длинный узкий канал в 20 см шириной и 80 см высотой; стенки его были покрыты густым налетом сажи. На расстоянии 2,2 м от своего начала дымоход поворачивает и идет дальше перпендикулярно к плоскости стены башни. В этой части постройки следы дымохода угадываются только по наличию сажи

на кирпичах. Дымоход имеет ряд разветвлений, идущих параллельно каналу, примыкающему к башне. Один из каналов заканчивается выводным отверстием в вертикальную трубу, устроенную во внутренней стенке; размеры его 25 × 30 см. Этот дымоход имеет ложный свод, образуемый выступами кирпичей стенок и замковым кирпичем, входящим в облицовку пола помещения. Следующие каналы дымоходов проходят на том же уровне и имеют в ширину 22 см. Сохранившаяся их высота 50 см, а предполагаемая первоначальная высота до уровня пола, который на этой площадке в значительной мере разрушен, достигала 80 см. Дымоходы упираются одними концами в наружные стены, а другими выходят в общий дымоход.

На 40 см ниже проходит еще один ряд дымоходов, образующих сложную систему пересекающихся и соединяющихся между собой каналов. Эти ходы были обнаружены благодаря обвалам на двух участках 10 и 14. Основание дымохода, выходящего в топку на участке 10, находится на глубине 2,2 м от уровня пола. Дымоход этот шириной в 40 см и высотой в 1,15 м, как и верхние дымоходы, сложен из обожженного кирпича. Низ его сделан из сырцового кирпича, верх сводчатый. Одним концом дымоход выходит в канал, лежащий под верхней третьей площадкой, описанной выше. В этой части он пересекается еще одним дымоходом, отстоящим от крайнего на 50 см, Северо-западным концом, разделенным на два хода шириной 20—22,5 см, он соединяется с дымоходом, идущим параллельно ему вдоль стены башни; ширина последнего — 12 см. Все дымоходы, кроме верхнего, покрытого сводом, и нижнего, над которым устроен стрельчатый свод, имеют плоский верх из квадратных плит. Топочная часть нижнего широкого дымохода не сохранилась.

В северо-восточной части здания обнаружена вертикальная дымоходная труба, имеющая 70 × 80 см в поперечнике, и соединенная с нижней системой дымоходов.

Открытое раскопками здание по своему характеру напоминает сооружения мусульманской эпохи в Средней Азии. Форма кирпича, его фактура, связывающий материал для кладки, система отопления — все это теснейшим образом роднит суварскую постройку со средниазиатскими. Совпадение, прослеживаемое в технических строительных приемах и характере строительного материала может служить доказательством участия в постройке этих сооружений среднеазиатских мастеров. Напомню, что ибн-Фадлан, писавший в 20-х годах X века, отмечал приезд в волжскую Булгарию мастеров-строителей из халифата. О том, что в домонгольскую эпоху в Булгарии действительно широко развернулась строительная деятельность восточных мастеров, говорит и открытое в 1928 году в Биляре сооружение. К сожалению, изучение этой постройки не дает еще ответа на вопрос о ее назначении, так как пока вскрыта только небольшая ее часть [145].

Основанием для датировки сооружения служат данные стратиграфии, вещевые находки на площадке сооружения и строительный материал, однако решение вопроса осложняется продолжительностью существования здания и его неоднократными переделками после значительных разрушений.

Стратиграфические данные таковы. Горизонт двора внутри ограды находится на уровне погребенного чернозема. Хорошо сохранившаяся ограда имеет внешнюю стену и угол входа. Так как горизонт двора не может быть ниже или выше уровня почвы, то это обстоятельство и ре-

шает вопрос о времени постройки. Письменные материалы определяют время существования города с X до XIV века, что подтверждается и данными археологическими. Отсюда дата постройки кирпичного здания может быть отнесена приблизительно к концу X — началу XI века. Найденные на его территории вещи укладываются в рамки X—XIV вв. Из них отмечу обломки стеклянных сосудов, аналогичных восточным; сферические сосуды, датируемые X—XV вв.; бусы и другие подобные изделия и керамику, обычную для булгарских городищ.

Важным основанием для датировки является строительный материал. Постройка сложена из квадратного кирпича разной величины. Встречаются кирпичи таких размеров: 25 × 36 × 5 см; 25 × 25,5 × × 5 см; 26 × 26 × 5 см; 25 × 25 × 5 см; 22 × 22 см; 20 × 20 см; 21 × 21 см. Кроме того, хотя и редко, встречались кирпичи и половинных размеров. Мы знаем, что форма, размеры кирпичей и большое их разнообразие обычны для построек домонгольской эпохи [146], причем более крупные кирпичи характерны для более древних построек. Так, Рабат-малик, постройка XI века, сложен из кирпича 28 × 28 × 5 см и 24 × 24 × × 4 см [147]. Мечеть Санджара на городище Старый Мерв, которая относится к первой половине XII века, построена из кирпича 28,9 × 28,1 × × 4,5 см. На том же городище здание, известное под именем Замка Девицы (Кыз-кала), сложено из кирпича 32 × 32 × 5 см и датируется серединой XII века [148].

Несколько другую картину дают кирпичные постройки монгольской эпохи. Например, в г. Маджарах (Сев. Кавказ), где найдены вещи и монеты XIII—XIV вв., и который упоминается в письменных источниках с XIII века [149], находят кирпичи следующих размеров: 22,2 × 22,2 × 4 см; 21,65 × 21,65 × 4,4 см; 22,25 × 22,25 × 4,45 см; 23,85 × 23,85 × 4,43 см; 23,85 × 23,85 × 4,4 см; 24,4 × 24,4 × 5,5 см [150].

На Бодянском городище, в пределах Саратовской области, датируемом находкой монет 1335—1338, 1334—1345, 1348, 1349, 1353—1354, 1363 и 1364—1365 гг. и вещами того же времени, обычны кирпичи в 22 × × 22 × 4,5 см [151].

Увекское городище, датируемое монетами XIV века, дает кирпичи 20 × 35,6 × 8,9 и 24,4 × 46,6 × 13,3 см [152]. А. А. Кротков при раскопках городища в Увеке нашел кирпичи следующих размеров: 26,7 × 22,2 × × 5,5 см; 26,7 × 13,3 × 6,5 см; 17,8 × 17,8 × 2,2 см; 13,3 × 13,2 × × 4,5 см; 17,8 × 13,3 × 8,9 см [153].

В памятниках татарского времени Средней Азии мы видим ту же картину. Так, например, дворец Шах-Рисяба, называемый Ак-сарай (1385—1400 гг.), построен из кирпича в 23,5 × 24 × 6,5 см [154]. Мервская плотина, сооруженная в X веке и существовавшая весьма долго, сложена в нижних слоях из кирпича в 35,6 × 35,6 × 6 см, а в верхних слоях в 22,2 × 22 × 4,4 см [155].

Эти материалы хотя и не показывают резкой разницы в размерах кирпича домонгольской и монгольской эпох, все же дают основание для вывода о том, что кирпичи нижних частей суварского дворца близко стоят к строительному материалу домонгольской эпохи и не имеют аналогии в материалах городов золотоордынского периода.

Приведенных доказательств, конечно, недостаточно, чтобы установить точно время постройки здания. Основными для решения вопроса являются стратиграфические данные.

Как было выше отмечено, кладка дворца делится на ряд ярусов, из которых каждый имеет свои особенности и в материале, и в строи-

тельной технике, причем на здании сохранились следы трех периодов строительства.

К первому нужно отнести сооружение западной башни, вымостку из больших плит, открытую в 1934 году, нижний ярус юго-западной стены с полуразрушенными выступами, которые, как можно предполагать, являлись пилонами, и выступающую торцовую часть стены с северо-восточной стороны. Эта часть постройки возведена на подушке из сырцового кирпича — строительный прием, довольно обычный в архитектуре Средней Азии. В качестве аналогии можно указать мавзолей Чупан-Ата [156] под Самаркандом, выстроенный на каменной горе того же наименования, где строители вырыли в скале для фундамента яму на глубину 2,5 м и наполнили ее лессом; на эту подушку и был поставлен мавзолей. Здесь мы имеем пример конструкции фундамента, защищавшего здания от подземных толчков [157].

К тому же строительному периоду нужно отнести пол, открытый в раскопе V в 1934 году на уровне погребенного чернозема, и вымостку двора около угла нижнего яруса. Кирпич, из которого сложен нижний ярус, более крупный, чем материал верхнего яруса, и имеет аналогии в материале Средней Азии X—XII вв. Самая кладка небрежная, на глиняном растворе. Следов кладки на алебастровом растворе (за исключением башни) проследить не удалось, хотя при отделочных работах в те времена алебастр применялся достаточно широко. И опять находим аналогии в строительной технике Средней Азии, которая знает разделение процесса сооружения зданий на два этапа: первый, когда возводят стену и перекрытия, и второй — период тщательной отделки. В X—XI вв. существовали даже два рода каменщиков: одни выполняли черную, конструктивную работу, а другие декоративную, отделочную [158]. Думаю, что небрежность кладки нижнего яруса суварского здания объясняется своеобразием технических приемов среднеазиатских мастеров. Такое деление строительства на два этапа можно встретить лишь в Средней Азии, где оно связано с характером строительного материала — кирпича и алебастра. Это опять-таки подтверждает предположение о работе на билярской стройке среднеазиатских ремесленников-строителей, о которых писал ибн-Фадлан.

Об оформлении здания в X—XI вв. судить невозможно, так как в раскопках не найдено соответствующего материала. Но необходимо отметить наличие пилонов, которые должны были оживлять гладь стены и которые, весьма возможно, в верхней части заканчивались стрельчатой аркой декоративного характера.

После сооружения здания истекло какое-то время и наступил момент, когда оно было разрушено. Затем началось восстановление. Между первым и вторым строительными периодами прошел еще неизвестный нам срок. Но слои 8—7—6 содержат громадное количество строительного мусора и я склонен считать, что они синхроничны времени гибели первого здания. Когда прошло еще некоторое время, на развалинах возникло новое здание, фундаментом для которого послужила нижняя часть стен первого. Характер постройки верхнего яруса заставляет предполагать, что здание первого строительного периода не было разрушено до конца и некоторые его части, например, башня, в значительной степени тогда еще существовали.

Ни постройки нижнего яруса, ни остатки от сооружений второго строительного периода не оставляют впечатления симметрии в юго-западном и северо-восточном фасадах здания. Гладь юго-западной стены

первого строительного периода оживлялась двумя пилястрами — прием довольно обычный в среднеазиатской архитектуре. В качестве примера можно указать на мавзолей султана Исмаила в Старой Бухаре [159], находящийся на большой караванной дороге из Бухары в Самарканд, датируемый второй половиной XI века; гладь стен здесь также разбита рядом полуколонн, связанных арочками. Применение полуколонн встречается в зодчестве ислама и в домонгольскую эпоху, главным образом в круглых башенных мавзолеях Хорасана и в круглых минаретах [160]. Что в данном случае мы имеем дело с полуколоннами, а не с контрфорсами, доказывается незначительным их диаметром, всего в 8 см, и их расположением. Контрфорсы можно было бы встретить на углах или в частях стен, лишенных солидного фундамента, где скорее всего следовало ожидать деформации сооружения, а полуколонны необходимо было ставить на фундаменте, придавая им общее основание со стенами, достаточно прочное, чтобы избежать влияния неравномерной осадки. Этим, может быть, объясняется, что полуколонны оказались только в части стены, имевшей солидный фундамент в виде остатков стены нижнего яруса с ее основанием из сырцового кирпича.

Изучая остатки верхней и нижней кладки, даже на глаз можно видеть значительное смещение и деформацию стены. Особенно большая деформация нижнего яруса заметна на участке от западного угла до первого пилона и в верхнем ярусе в юго-восточном углу; в остальных частях она выделяется менее. Эта неравномерность объясняется свойством глины, применявшейся в качестве скрепляющего вещества.

К третьему строительному периоду относится, как было отмечено выше, юго-западная часть постройки.

Суммируя все свои наблюдения, мы можем сказать, что здание построено в X или в начале XI века. Оно представляло четырехугольную постройку площадью в 7×4 м, с башней в 4×3,5 м, и имело вход с северо-западной стороны, от которого уцелел только настил, поднимающийся уступами. Судя по наличию вымостки вокруг каменного здания и следов деревянных столбов, можно думать, что его окружали постройки и двор. Здание имело отопительную систему, переделанную в более позднюю эпоху. К этому же времени необходимо отнести ограду, открытую с северо-западной стороны в раскопе А. Сооружение ее датируется XI—XII вв., судя по возведению ее на гумусном слое.

Слои с 10-го по 6-й хранят в себе следы разрушения здания: куски кирпича и алебастра, крупные фрагменты стен и обугленные бревна. По вещевым памятникам эти слои могут быть отнесены к XII—XIII вв. и, вероятнее всего, связаны с разгромом булгарских городов армией Субудая.

Второй строительный период отличается аккуратной кладкой, с правильно подогнанными рядами кирпичей и незначительным слоем скрепляющего вещества. Эта последняя датель сильно отличает технику кладки описываемого слоя от нижнего, где мы видим большие прослойки глиняного раствора или алебастра (в западной башне), достигающие 20—25% толщины кирпича, что можно объяснить отчасти значительной разномерностью отдельных кирпичей [161] и аналогией с строительной техникой Средней Азии того же времени [162].

При восстановлении здания строители использовали юго-западную стену древнего сооружения, сложив на ней новую, с полуколоннами. Северо-восточная часть сохранилась хуже. Здесь строители могли воспользоваться только небольшим участком старых развалин и поэтому они за-

сыпали яму № 9 и на этой площадке возвели новую стену сооружения. Старая система отопления была подновлена и, повидимому, дополнена. К этому времени относится и часть постройки с вертикальным дымоходом и полуциркульным выступом. С той же стороны здания был вырыт фундамент (яма № 7), время которого датируется находкой поливной посуды зеленого цвета с темными полосами XIII—XIV вв.; этот фундамент отличается от раннего (X—XI вв.), хотя при сооружении его был использован и старый крупный кирпич, часть которого найдена в сильно пережженном виде — еще одно доказательство гибели здания X—XI вв. от пожара.

Остатки сооружений второго строительного периода могут быть датированы не только временем упомянутой выше поливной керамики, найденной в яме № 7, но и исходя из других соображений. Вокруг этого здания существовал ряд хозяйственных построек, в частности зерновых ям, которые неоднократно засыпались и отрывались заново. Об этом можно судить по характеру исследованной в 1935 году ямы № 29 и других, открытых на площадке раскопа XI. Они пересекают друг друга и относятся к разному времени, но существовали до первого восстановления дворца, так как большинство их уходит под его фундамент.

Второй период строительства можно отнести к средине XIII века, так как горизонт его кладки совпадает стратиграфически с наслоением городища того времени. Кирпич второго яруса более мелкого размера и аналогичен образцам золотоордынских построек Поволжья. Техника кладки не представляет чего-нибудь специфически среднеазиатского — так строили в XIII—XIV вв. по всему Поволжью. Если проследить по слоям раскопов VI, VIII и XII, то можно убедиться, что более крупные кирпичи лежат в нижних слоях, а более мелкие в верхних. Это наблюдение лишний раз подчеркивает существование данной кирпичной постройки с X—XI по XII—XIV вв.

Здание второго строительного периода представляло собой сооружение неправильной формы, имевшее вид трех прямоугольников. К первому, длиной в 8 м и шириной около 6 м, с юго-востока примыкала башня, а с северо-востока второй прямоугольник размером в 5 × 6 м. Первый прямоугольник, судя по солидному фундаменту и стенам в 75 см толщиной, имел не менее двух этажей. Это здание было разрушено, как и предшествующее; в одновременных ему слоях открыто много обломков строительных материалов. Так как город существовал до XIV века включительно (более поздних вещей не найдено), то можно отнести разрушенные здания или к самому концу XIII или к началу XIV века. Вероятнее всего здание пострадало при взятии города во время смут, возникших в XIV веке в Золотой Орде.

После этого разрушения постройка была восстановлена в третий раз. С юго-востока была сделана к ней небольшая пристройка с выступом для входа. Тогда же была разобрана северо-восточная прямоугольная часть, от которой сохранился только остаток выступа с трубой и фундамент, а также небольшая часть кладки в верхних слоях раскопа А.

Из старого кирпича была сложена тогда юго-восточная пристройка, на что указывает чрезмерная разнотипность кирпича и множество использованных обломков. Неоднородность строительного материала привела к тому, что масса связывающего вещества составила приблизительно одну четверть всего объема кладки. О выборке материала говорит также профиль северо-западной стенки участков №№ 4, 13 и 20 раскопа А. Линия засыпки показывает, что выборка производилась в

последнее время существования города. О более поздней дате юго-восточной пристройки помимо характера кладки свидетельствует и линия стенки второго периода, на которую легла третья кладка.

Среди найденных в большом числе остатков строительного материала, кроме немногочисленных кусков водопроводных труб разного диаметра, привлекают особое внимание архитектурные обломки, в частности угол карниза из двух кирпичей, выступающих один над другим, и несколько квадратных плоских кирпичей с поверхностью, покрытой слоем цементирующего состава. Толщина этих кирпичей 5,2—6 см, толщина цементирующего состава 4—4,5 см. Необходимо отметить также кирпичи с закругленным краем, которые, быть может, являлись частями плоской крыши. Было найдено кроме того много кусков цементирующего состава, алебастра, раскрашенной голубой и розовой штукатурки. Весьма немногочисленны находки мелких поливных кирпичей зеленого и голубого цвета, из которых была сделана внешняя облицовка здания. Облицовочные кирпичи крепились на алебастровом растворе; следы его сохранились во многих местах на поверхности стен. Этот прием украшения зданий, весьма распространенный в Средней Азии в XIII—XIV вв.[162], широко применялся и в золотоордынских городах Поволжья[163], примером чего могут служить постройки Нового Сарая.

Найденные при раскопках материалы дают возможность восстановить облик постройки третьего периода. Это было здание, имевшее вид прямоугольника вытянутой формы, со входом в юго-восточной стене и с башней на северо-западном углу. Гладь юго-западной стены оживлялась двумя полуколоннами. Северо-восточная стена имела полукруглый выступ. Стены были покрыты изразцами, скрывавшими небрежную и разнотипную кладку здания. Постройка в той ее части, где был фундамент, имела два этажа, как часто строили тогда в золотоордынских городах Поволжья. Крыша была плоской, и лишь над башней можно предположить сферическое покрытие, исходя из аналогии с Черной палатой в городе Болгары, относящейся также к этому времени. Вход был обработан в форме стрельчатой арки, широко распространенной в мусульманской архитектуре. Реконструируя таким образом, мы получаем башню и два куба с плоской крышей.

Вопрос о назначении здания решает наличие отопления и находки бытовых вещей и обломков водопроводных труб. Повидимому, это был богатый жилой дом-дворец.

Большинство построек Сувара, насколько мы можем о них судить по материалу раскопок, были деревянные и этот дворец — единственное известное нам здание X века, построенное в этом городе из кирпича.

Дата разрушения дворца может быть установлена также по данным стратиграфии. Обвалившиеся его стены лежат в верхних слоях городища и в пятом раскопе, покрывая остатки домов и зерновые ямы. Наибольшее количество строительного мусора содержат первые слои. Разрушение дворца, очевидно, произошло одновременно с прекращением жизни города, так как нет никаких признаков, указывающих на позднейшее восстановление города. На территории дворца найдены два человеческих черепа, другие части скелетов отсутствовали. Эти черепа могли принадлежать защитникам дворца, убитым при штурме.

При исследовании городища были произведены раскопки двух могильников, одного в южной части городища, за линией вала, в местности, известной у населения под названием «Лодка», и второго на правом берегу р. Утка, в пригороде Сувара. Оба они относятся к XII—XIV вв.

Могильники

Первый могильник был открыт при работах, связанных с исследованием укрепления. В раскопе II, при продолжении его за линию второго вала, было обнаружено древнее кладбище. Могилы оказались вырытыми в культурном слое и в черноземе на глубине от 35 до 60 см, благодаря чему культурный слой был перемешан с черноземом и форма могильных ям осталась невыясненной. Все костяки лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад, северо-запад-запад или юг. Руки были вытянуты или сложены на костях таза. Вещей в погребениях не найдено, за исключением могилы № 7, где у левого плеча костяка обнаружен был железный гвоздь и костяная стрела, а около костяков №№ 2 и 3 кости овцы и лошади.

Отсутствие вещей в погребениях не дает возможности датировать кладбище. Его возникновение относится ко времени, когда город уже сложился, успели вырасти пригороды и образовался культурный слой. Эти данные стратиграфии позволяют датировать кладбище не X—XI вв., а значительно более поздним временем. По обряду захоронения суварское кладбище аналогично могильникам других золотоордынских городов. Нужно заметить, что в этих городах лица, принадлежавшие к зажиточному слою, нередко погребались в склепах или мавзолеях. Суварский могильник дал погребения с той же ориентировкой и положениями костяков, но они отличаются бо́льшей простотой. Это обстоятельство, а также местоположение кладбища за чертой города, заставляет считать его кладбищем беднейшего населения.

Второе кладбище расположено в заречной части и точно так же принадлежало беднейшему населению. Раскопками был открыт культурный слой, представляющий однородную массу без прослоек и остатков сооружений. Несмотря на то, что современные нам крестьяне при земляных работах в этом районе неоднократно находили человеческие кости с вещами, при раскопках кладбища было найдено только одно потревоженное погребение без вещей на глубине 30 см. Время этого могильника определяется захоронением в культурном слое, который датируется домонгольской эпохой. Дата устанавливается по керамике коричневого и желтого цветов, лощеной и простой. Но кладбище могло возникнуть только после запустения местности, т. е. не ранее XIII века.

Кроме этих двух кладбищ было открыто одно случайное погребение при исследовании укреплений в приречной части. Это было полуразрушенное детское погребение на глубине около 40 см, ориентированное головой на север. Оно относится к периоду, следующему за разрушением верхней стены, т. е. к концу XIV — началу XV века.

Находки в культурном слое

При исследовании городища добыт большой вещественный материал: орудия труда, украшения, предметы быта. Наиболее крупный раздел находок составляет керамика.

Рассматривая условия находок керамики, можно нарисовать следующую картину. В верхних слоях, чаще чем в нижних, встречается керамика (довольно обычная для золотоордынских городов) красного цвета и высокого обжига, полученного в закрытом горне. Эта керамика представлена фрагментами толстостенной (0,75—1 см) и тонкостенной посуды. Большая часть фрагментов лишена орнамента, который встре-

чается только по верху сосудов и далеко не на всех экземплярах. Самым обычным узором являются параллельные линии, проходящие зонами по шейке сосуда. Обычны также волнистые линии, причем черепков, украшенных волнистыми линиями, образующими острые углы (свойственно поздним городищам края), почти не найдено [164]. Узоры линейный и волнистый нанесены то острым, то довольно широким резцом, благодаря чему встречаются две разновидности этих типов. Довольно часто применялся зубчатый орнамент (табл. XVIII, рис. 151—154).

Тонкостенные сосуды часто украшены рядами линий, волн и гирляндами. Иногда встречаются комбинированные орнаменты. Большинство такой посуды изготовлено на ручном гончарном круге. Фрагменты красной лощеной керамики принадлежат крупным и мелким сосудам, кринкам с высоким горлом и ручкой, кувшинам, мискам, лампочкам. Отдельные ручки из красной глины найдены: овальные и круглые в сечении, простые и украшенные, с небольшими выступами в верхней части; фигурные с круглыми отверстиями, имитирующие петушиную голову. Интересны налепы по краям чаш, напоминающие гладкие ручки бронзовых котлов. Общее количество такой керамики составляет приблизительно 10—15% всех найденных обломков посуды. Появление этой группы керамики нужно отнести еще к домонгольской эпохе. Материалы раскопок показывают, что в XII веке она уже была в употреблении, что устанавливается находками ее в раскопанных сооружениях, относящихся к домонгольской эпохе; так, ее фрагменты найдены в ямах №№ 25, 18 и 19 (раскопки 1935 г.), лежавших ниже сооружений XIII—XIV вв.

Остальную посуду можно разделить на несколько групп:

1. Керамика из желтой глины, приготовленная на круге (встречаются черепки с красным оттенком).

2. Керамика из глины с примесью песка, изготовленная на круге; цвет черепков коричневый, внутренняя сторона нередко черного цвета, глина пористая. Орнаментирована только часть сосудов.

3. Керамика, сделанная на круге; цвет черный, часть фрагментов покрыта орнаментом обычных типов. Интересны несколько фрагментов керамики черного цвета, изготовленной на гончарном круге, с поверхностью, сглаженной гребенкой и украшенной по верху сосуда косыми насечками; найдены они в разных слоях.

4. Керамика, вылепленная от руки, без помощи гончарного круга. Орнамент зубчатый, в комбинации с линейным; волнистый встречается реже и отличается от волнистого орнамента сосудов, сделанных на гончарном круге, нечеткостью и неуверенностью. Общее количество черепков этого типа составляет около 10% всех фрагментов.

5. Керамика, лепленная от руки из желтой глины с примесью дресвы; черепок в разломе черного цвета. Орнамент грубый, ямочный (сделанный как бы при помощи пальцев), ямочный овальный и зубчатый; редко бывает линейный. Этот тип керамики весьма древний; он встречается в поздних слоях добулгарских городищ и имеет аналогию в поздней дьяковской керамике; описываемые фрагменты составляют около 10% всего количества обнаруженных обломков посуды.

Из других типов найдено около 70 обломков черной посуды, лепленной без гончарного круга из глины с примесью толченых раковин, с обычным для этого рода керамики орнаментом веревочным и зубчатым; узор располагается по верхней части сосуда в виде нескольких рядов оттисков веревок или зонами из парных линий. Веревочный орнамент оттиснут простой веревочкой или плетенкой, образующей узор, напоминающий

елочку, или зубчатый в виде косых зигзаговых линий или же в виде ромбов; последний узор при небрежном выполнении дает ряды пересекающихся линий. Имеются также разные комбинации этих элементов.

Орнамент на коричневых и желтых лощеных сосудах, встречаемый значительно реже, состоит из комбинации широкого линейного с арками и мелкими овальными ямками. В общем, за исключением отдельных сложных узоров, орнамент весьма простой и сводится к линейному, волнистому и зубчатому в разных комбинациях.

Одной из интересных находок 1935 года является целый сосуд баночной формы с широкими отворотами горла, близко напоминающий керамику групповых могильников типа кошибеевского, но не являющийся копией; с другой стороны, он близко напоминает и позднюю дьяковскую посуду.

Форма найденных сосудов весьма разнообразна. Это широкие чашки с диаметром в 15 см, с одной ручкой и плоским дном; колоколообразные сосуды с высоким прямым горлом; кувшины с округленным туловом; сосуды в форме невысоких кринок с одной ручкой; горшки без ручек; горшки, снабженные небольшими ручками на плечиках; кувшины с небольшой шейкой; большие сосуды высотой до 80 см с горлом, имеющим диаметр в 20 см; плошки и лампочки в форме круглых или овальных открытых плошечек с ручкой и носиком, хранящие нередко следы нагара. Встречаются высокие сосуды, напоминающие амфоры, с узким горлом и плоским дном.

Довольно обычными являются глиняные круги, повидимому, крышки от сосудов, с цилиндрическими ручками, заканчивающимися нешироким раструбом с коническим углублением. По краю кружка идет волнистый рельефный орнамент. Все найденные экземпляры имеют в диаметре от 25 до 30 см при высоте цилиндрика 20—25 см.

Среди обломков посуды, как правило, плоскодонной, встречен сосуд в форме чаши с уплощенно-закругленным дном, украшенный по шейке линейным орнаментом; изготовлен он на ручном гончарном круге. Этот сосуд, напоминая по форме своей посуду северного Прикамья, одновременно сохраняет черты орнаментики и техники приготовления, характерные для булгарской культуры.

Среди большого числа плоских днищ встречено несколько с клеймами мастеров; клейма эти слабо заметны. Некоторые клейма похожи на буквы Т, А и другие; на двух клеймах мы видим как бы углы четырехугольника, вообще же клейма на булгарских сосудах встречаются реже, чем у славян.

Интересны поддоны, приделанные к кувшинам, повидимому, после их формовки на гончарном круге. Отмечу также ряд пластинок разной толщины, сделанных из обломков керамики.

Особое место занимают сферические сосуды. Большинство из них представляют почти круглые по форме и гладкие сосуды с узким горлом; глина их (голубоватая или серая) прекрасно отмучена; обжиг произведен в закрытом горне. Обломки дают возможность говорить о технике изготовления. Повидимому, сначала делали низ сосуда в форме полушара при помощи ленточной техники (внутри заметны следы пальцев, сглаживавших поверхность), после этого нижнюю часть вытягивали, причем низ сосуда получался более массивным, а затем делали горло и соединяли его с туловом. На такой способ изготовления сосудов указывает то обстоятельство, что они обычно разбивались именно по линии соединения.

Среди найденных на Суваре сосудов есть орнаментированные мелкими углублениями, сделанными как бы при помощи пальцев, и сосуды, украшенные четырьмя поясами широких лент. Особый интерес вызывает необожженный сфероконический сосуд из голубой глины. Эта находка решает вопрос о местном производстве этой группы сосудов (передан в Музей Татарской АССР). Однако часть сосудов, отличающихся особо высокой техникой изготовления, нужно считать привозными, так как в местной керамике подобных им нет. Их относим к X—XV веку.

Последнюю категорию керамических находок составляют немногочисленные обломки поливной посуды. По аналогии со среднеазиатскими находками эти черепки можно отнести к двум эпохам. Первая группа — обломки чашек из желтой глины, расписанных внутри коричневой краской по белой ангобе и снаружи покрытых равномерным слоем поливы, относится к эпохе сасанидов; размеры черепков невелики и не дают возможности определить характер орнамента. Вторая группа относится уже к монгольской эпохе; их полива голубая, коричневая (гладкая), темно-и светлозеленая; есть несколько черепков с коричневым орнаментом по зеленому фону и с стекловидной золотистой поливой. Незначительное число подобных черепков может служить доказательством импорта поливной посуды. Сходство суварских черепков со среднеазиатскими дает основание считать их привозными из Средней Азии.

В культурном слое обломки поливной посуды встречаются не во всех горизонтах в одинаковом количестве. Большинство такой посуды было найдено в верхних слоях городищ и связано с монгольской эпохой, однако зеленую поливную посуду можно отнести к несколько более раннему времени, так как отдельные такие же черепки были найдены в сооружениях, относящихся к домонгольской эпохе, приблизительно к XII веку. Отмечу, что среди рейской керамики (этот город был разрушен в 1229 г.) также встречаются черепки, покрытые зеленой поливой; такая посуда известна и из Херсонеса.

Общая характеристика суварской керамики следующая. Небольшая часть ее имеет много сходных черт с посудой из булгарских городищ Самарской луки. Сравнивая суварскую керамику с билярской, можно отметить полную их тождественность — в суварском материале намечается тот же путь развития этой отрасли производства. Наиболее древней нужно считать керамику из черной и коричневой глины, более поздней — из желтой и желто-красной глины [165]; к самому позднему времени относится посуда из прекрасной, тонко отмученной глины, обожженная в закрытых горнах; татарской эпохой датируется незначительное число поливной посуды, особенно обычной в татарских слоях.

Раскопки в Суваре вообще дали новый материал для истории керамического производства в Булгарии. Можно теперь говорить, что в XII веке здесь вошел в употребление закрытый горн. Гончарный ножной круг появился приблизительно с конца XII или в начале XIII века, хотя и не получил еще широкого применения и не вытеснил окончательно лепку от руки.

Из орудий керамического производства найден инструмент, сделанный из плоской кости барана. На закругленном его конце нанесены поперечные зарубки для выдавливания зубчатого орнамента. Короткий зубчатый орнамент, как отмечено выше, характерен не только для Сувара, но и для керамики других городищ Булгарского царства.

Несколько особняком стоит случайная находка на Суваре глиняной булавы неправильной сферической формы коричневого цвета, перехо-

дящего в черный, с поверхностью, покрытой орнаментом в виде широких полос, положенных в разных направлениях, как бы мотив шахматного поля. Ширина четырехугольников совершенно одинакова, как и расстояния между линиями. Очевидно, инструментом для нанесения узора служило орудие, напоминающее гребенку с широкими зубьями. Подобная техника встречается на ряде сосудов Сувара.

Кроме посуды были найдены, главным образом в центральной части городища, керамические строительные материалы — кирпичи и трубы. Кирпичи различного размера изготовлялись в формах; на их поверхности с трех сторон сохранились ясные отпечатки формы, а с четвертой, плоской, следы сглаживания руками. Водопроводные трубы найдены в виде небольших обломков, лишь один из них достигает длины в 11,5 см. Большинство этих труб толстостенные, с толщиною стенок в 2,5 см; реже попадаются более тонкие, с толщиною стенок в 1,25, 1 и 0,9 см. Различен и диаметр труб: попадаются с отверстиями в 18; 16; 12,5; 11; 10; 7; 4 и 1,5 см. Судя по обломкам, они имели форму усеченного конуса; узкий конец одной трубы входил в широкий конец другой, как в раструб. Из остальных керамических находок отмечу несколько экземпляров напрясел из шифера. Интересна сделанная из красной глины пробка для сосуда в форме птичьей головы. Она относится, повидимому, к золотоордынской эпохе.

В Суваре найдены также обломки стеклянной посуды, которая, как и сфероконические сосуды, имела ограниченную сферу распространения, преимущественно в быту господствующих классов. Их обломки отличаются незначительными размерами и только в редких случаях дают представление о форме сосудов. Стекло тонкое, бесцветное, иногда зеленоватое, изредка попадается белое и голубое; встречаются обломки белого стекла с линейными прожилками голубого цвета. Некоторые обломки представляют части пузырьков и небольших бутылочек цилиндрической формы. Интересна одна тонкая трубка. Следует отметить еще обломки блюдечка, два флакона и большое количество осколков оконного стекла; последнее имело вид тонких кругов с выпуклостью в центре и с загнутыми краями диаметром в 10—11,5—15 см; одни из этих стекол гладкие, другие с гофрированной поверхностью. Все найденные стеклянные вещи имеют аналогии в среднеазиатском материале.

Орудия труда составляют небольшой процент от общего количества всех находок на городище. Из земледельческих орудий найдены в большом числе обломки жерновов с конусовидным углублением к центру и плоские, диаметр их доходит до 80 см.

В числе кузнечных орудий найдены обломок каменного сверленого молота с плоским рабочим концом, употреблявшегося в качестве кувалды при обработке криц; зубило около 5 см длины и 1 см ширины; железный пробойник 0,9 см в диаметре и 8,5 см длины; обломок литейной формы для отливки монетообразной привески, украшенной по окружности орнаментом в виде повторяющейся буквы Т; две литейные формы, вырезанные из опоки, для отливки металлических напрясел; обычной формы льячки и кусок свинца конической формы в 3 см высотой, диаметром основания в 0,5 см. В коллекции Лихачева в Казани аналогичные конические слитки различной величины и разного веса имеются в большом количестве. Вероятнее всего они являлись заготовками для отливки мелких вещей. Из других остатков литейного дела много обломков тиглей, шлаков и кусков кричного железа.

Интересна находка в насыпи вала нескольких кирпичей необычной величины в 6 × 11 см, с шлакированной поверхностью. Эти кирпичи весьма высокого обжига, не похожи на кирпичи суварского дворца и не имеют аналогий в строительном материале среднеазиатских или золотоордынских городов. Высокий обжиг и накипь шлака на их поверхности заставляют сказать, что эти кирпичи шли на устройство сыродутных горнов. Известно, что такие горны по окончании процесса выплавки разламывали. Вероятно часть таких горновых кирпичей вместе со шлаком и пошла на строительство городской стены.

Из орудий для обработки дерева найдены: топор удлиненной формы со щековицами и проухом,— тип, имевший широкое распространение в X—XI вв., в частности нередко встречающийся в грунтовых мордовских могильниках. Найдено также неширокое тесло со слегка загнутыми краями, распространенное в городищах начала II тысячелетия н. э.

Довольно обычны в находках гвозди 8—10 см длиной, четырехгранные, с широкой плоской шляпкой (найдено около 70 штук), железные обоймы с заклепкой, пробой, костыли, крючки от запоров и крючки обычной формы.

Орудия обработки кости представлены одним весьма ценным инструментом — пилкой в 10,5 см длины и 3 см ширины, по одному краю которой нанесены мелкие зубчики; такая же пилка известна из находок на Болгарском городище. Среди костей встречаются обломки с явными следами распила.

Из вещей, рисующих деятельность каменотесов, назовем один обломок четырехугольной колонки или наличника.

К предметам вооружения относятся два небольшие обрывка кольчужной ткани (один является случайной находкой, а другой был обнаружен в яме № 16). Датировать точно эти обрывки не представляется возможным.

Найденные металлические наконечники стрел представлены тремя типами: 1) стрелы прямые и узкие, дающие в сечении ромб; 2) стрелы черешковые с перехватами, с небольшим боевым концом в форме четырехгранной пирамиды. Эти два типа стрел, характерные для памятников домонгольской эпохи, прекрасно датированы в погребениях X—XII вв. Примером могут служить мордовские могильники этого времени; 3) черешковые ромбоидальные, обычные для погребений XIII— — XIV вв. Аналогии им известны хотя бы из золотоордынских погребений с Северного Кавказа.

К предметам вооружения следует отнести костяную пластинку с четырьмя отверстиями, зашлифованную с двух сторон; такие пластинки прикреплялись к колчану и в широкое центральное отверстие их продевался шнурок с кистью.

Костяные изделия представлены стрелами, лощилами, рукоятками от ножей, просверленными пластинками и альчиками для игры; интересен один биток, спаянный из двух альчиков. Костяных стрел найдено две: одна — биконическая, с тупым концом, другая — коническая; подобные стрелы весьма обычны в булгарской культуре. Аналогичные им найдены В. А. Городцовым в раскопках Старо-Рязанского городища; довольно редко встречаются подобные стрелы в Прикамье. Значительный интерес представляют лощила. Два из них выделаны из ребер коровы, одно из ребра лошади; рабочий край сильно обработан. Назову еще прямую, овальную в сечении рукоятку ножа с гладкой неорнаментированной поверхностью.

Из других предметов домашнего обихода найдены железные ножи разных размеров, начиная от длинных с широкими лезвиями и срезом у конца, и кончая ножами небольших размеров; у одного ножа сохранилась плоская костяная рукоятка, прекрасно отполированная и покрытая циркульным орнаментом, весьма характерным для костяных изделий булгарской культуры.

В числе находок имеются пластинки и кружки с циркульным орнаментом, железные пряжки, медные дужки от металлических сосудов, оковки ларцов в виде бронзовых и железных пластинок, среди которых выделяется одна с изображением головы петушка; железные замки в виде цилиндров, целые и в обломках, равно как и ключи от них. Замечено, что фигурных замков в виде баранов и лошадей, столь обычных среди находок в Болгаре и Биляре, здесь не найдено. Следует упомянуть о железной расческе для войлока, о кресалах разных типов, калачевидных и овальных, и одного в виде железной пластинки с закругленным концом, о кремнях для огнив и точильных камнях. Интересен железный вогнутый предмет в виде круга со срезанным сегментом, имеющий на внешней стороне три шипа, расплющенных с внутренней стороны.

Из предметов, связанных с торговлей, можно назвать железную гирьку в форме кубика — предмет, который довольно часто встречается среди находок на булгарских городищах.

В большинстве перечисленные вещи не являются характерными для булгар, они встречаются на большом пространстве и бытуют значительное время. Специфической для данного района является только костяная рукоятка с циркульным орнаментом. Железные цилиндрические замки надо вероятно датировать X—XI вв., учитывая форму пружины и ключа, которые позднее, в XII—XIII вв., получили другую форму.

Личные украшения были найдены в незначительном количестве и часть их относится к случайным приобретениям; среди них бусы сердоликовые, стеклянные, из горного хрусталя и глиняные.

Сердоликовые бусины представлены разными типами: плоская, овальная, многогранная (12 граней), бипирамидальная и круглая; эти типы относятся к довольно узким хронологическим границам. Судя по аланским погребениям Северного Кавказа, Салтовскому могильнику, по материалу Прикамья и славянским погребениям, их можно датировать IX—XI вв., а бипирамидальную бусину отнести к XI—XII вв. Круглые сердоликовые бусы были широко распространены в Средней Азии, на Кавказе и в Крыму в сармато-готских могильниках VI—IX вв., но они встречаются и позднее, например, в славянских погребениях до XIV века.

Из стеклянных бусин при раскопках встречаются круглые с желтыми глазками из зеленого стекла, синие круглые, желтые глазчатые цилиндрические и темнокоричневые с желтыми глазками. Эти типы были широко распространены в X—XIII вв., но их находят в могильниках Прикамья X—XI вв. и в аланских погребениях до XV века. Позднее эти бусы не встречаются. Есть также желтые бисерные бусы, обычные для славянских и мордовских могильников X—XII вв. Бусы из горного хрусталя, круглые и овальные, плоские, как и глиняные шарообразные, датируются XI—XIV вв.

К тому же времени относится сердоликовая привеска ромбической формы, обычная для булгарских городищ, и зеленая глазчатая бусина, имеющая аналогии в памятниках Крыма и Северного Кавказа VII—IX вв. и в могильниках X—XI вв. в Прикамье.

Найдено несколько экземпляров стеклянных браслетов, известных в большом числе в византийском Херсонесе, Новгороде, Киеве, Старой Рязани и в других городах, где они доходят до XIV века.

Интересна находка, довольно обычная на булгарских городищах,— янтарный и костяной привесок в виде треугольника. Найдены и куски янтаря, некоторые со следами незаконченной обработки, что указывает на местное производство.

Найдены двух типов бубенчики, обычные для славянских курганов и мордовских могильников: первый — шаровидный, однопрорезной, с псяском, второй шаровидный, но слегка вытянутый, с крестовидным прорезом и орнаментированными лопастями.

Поясной набор представлен железными кольцами и железной бляшкой с кольцами типа, обычного в мордовских могильниках X—XI вв. Из бронзовых наборов встречены: бляшка бронзовая сердцевидная, также обычная для того времени, пряжка бронзовая с пластинкой, орнаментированной сильно стилизованным растительным узором; кольцо этой пряжки представляет одно целое с пластинкой, к которой прикреплялся ремень. Подобные пряжки охватывают довольно широкие хронологические границы. В качестве аналогии им можно указать пряжки Салтовского могильника и аланских погребений на Северном Кавказе. Характер стилизации орнамента позволяет отнести данный экземпляр вероятнее всего к XI—XII вв.

Сюльгам найден только один — железный, проволочный, обмотанный тонкой проволокой с загнутыми концами в виде пластинок, украшенных круглыми штампованными выступами.

К случайным находкам принадлежат височные кольца из медной проволоки, обмотанной золотой филигранной проволокой, на кольце две филигранные бусины овальной формы. На одной из них сохранилось колечко для прикрепления цепочки с привеской. Подобные височные кольца были широко распространены в X веке.

Особое место в находках занимают: серебряная монетная гривна овальной формы булгарского типа, татарская монета, к сожалению, стертая, и янтарная печать-привеска пирамидальной формы с надписью на основании в одну строчку из пяти знаков с зигзаговым орнаментом по краю и с арабской надписью «Арслан» [166] (табл. XVIII, рис. 155).

Печать найдена в сооружении № 16, которое относится к ранней поре существования города. Интересен кружок, служивший подвеской к украшению и представляющий собой неумелое подражание серебряному диргему. На нем нельзя прочитать ни одного слова и определить образец, которому подражали.

Датировка городища не представляет большой трудности, так как среди найденных на нем вещей имеются отдельные экземпляры с характерными хронологическими границами, укладывающиеся в рамки X—XIV вв. Из украшений к X веку относится височное кольцо, аналогичные которому неоднократно находили с монетами X века, поясные бляшки IX—X вв., бусы IX — XI вв., причем по могильным комплексам Прикамья их можно датировать точнее X—XI вв. Железные замки относятся к X—XI вв. Стрелы найдены нескольких типов. Одни из них были широко распространены в X—XII, другие в XIII—XIV вв. К X—XI вв. относится и длинный узкий топор с проухом между щековицами; позднее топоры этого типа сменяются другими. Суварская керамика принадлежит главным образом к домонгольской эпохе; количество татарской, свойственной золотоордынским городам, невелико. Сфероконические

сосуды датируются X—XIV вв., а стеклянная посуда дает право датировать городище IX—XIV вв. Вещей более поздних, относящихся к XV веку, на городище нет. Эта дата, устанавливаемая по вещественным памятникам, целиком совпадает с данными арабских путешественников, упоминающих этот город до XIV века включительно.

Материал, найденный на городище, позволяет отнести большинство вещей к домонгольской эпохе. Булгарская керамика раннего типа, черная и коричневая, преобладает над более современной посудой из желтой глины, которую не только здесь, но и по материалам других городищ можно отнести к более позднему времени; красная керамика высокого обжига найдена в очень небольшом количестве (10% всех керамических находок). Поливной посуды, характерной для золотоордынских городов, обнаружено очень мало. Стекло, как показывают находки на среднеазиатских городищах, было известно с весьма раннего времени и употреблялось уже в эпоху сасанидов. Большинство других вещей также относится к домонгольской эпохе. Все это показывает, что расцвет жизни города падает на домонгольскую эпоху, но и после 1236 года Сувар продолжал существовать, хотя и утратил прежнее экономическое значение.

Упадок Сувара в XIII—XIV вв. может быть объяснен монгольским нашествием и перемещением торговых путей. В раннюю эпоху существования Болгара, в IX—X вв., торговым монополистом на юге было Хазарское царство. Об этом можно судить по сведениям ибн-Хордадбе, писавшего в 70-х годах IX века [167]. Тогда же существовал караванный путь, по которому шло, в частности, посольство халифа Муктадира. Эти условия определили большое значение Сувара, стоявшего на пути между Средней Азией и городом Болгары.

После монгольского завоевания основным торговым путем Поволжья становится Волга. На ее берегах возникает ряд крупных и мелких городов Золотой Орды: Сарай, Увек, Мечетное, Бодянское, Терновское; все эти пункты расположены по линии торгового пути. Естественно возросла роль Болгара, а Сувар, лежавший в стороне от Волги, потерял свое значение. Последний удар Сувару, после которого город окончательно запустел, был нанесен в конце XIV века.

Рассматривая материалы, добытые раскопками, можно убедиться в том, что Сувар не представлял исключения из обычного типа городов средневековья, являвшихся местными центрами ремесленной и торговой деятельности.

Однако в качестве подсобных занятий жители здесь занимались и полеводством, и разведением скота. Раскопки дали большой материал по скотоводству: найдены кости лошадей, коров, овец, свиней, кур, собак. Судя по предварительным данным, наибольшее число костей в кухонных остатках принадлежит овце, затем корове и лошади; кости остальных животных встречаются редко.

Находка при археологических раскопках на городище Сувара конической втульчатой стрелы с тупым концом, подобной применявшимся у народов Сибири еще в XIX веке для охоты на мелкого лесного зверя, указывает, что пушная охота, может быть лишь как подспорье, существовала и у булгар, тем более, что торговля ценными мехами с Востоком велась, конечно, не только привозными с севера, но и местными.

Керамический материал содержит несколько интересных вещей, которые хотя и встречаются в памятниках булгарской культуры, но не типичны для нее, а являются привнесенными со стороны. Я имею в

виду обломки посуды черного цвета из глины с примесью дробленых раковин, лепленой от руки без гончарного круга и украшенной веревочным и зубчатым орнаментом, и обломок чаши, сделанной на круге, но имеющей закругленное дно и украшенной линейным орнаментом, типичным для Закамья.

Представляет также интерес сосуд баночной формы с грубой от примеси крупнозернистого песка поверхностью и с широким отогнутым венчиком; он имеет близкие аналогии в керамике мордовских могильников и в поздней дьяковской культуре. Такая посуда время от времени встречается на территории Болгара, Биляра, Сувара и на булгарских городищах Самарской луки. Находки ее обломков доказывают, что в булгарских городах жили также пришельцы из области мордвы и из Закамья.

Ошель (Ашлы)

Город Ошель принадлежит к числу древнейших булгарских городов. Он упоминается русскими летописями в связи с событиями 1220 года, когда этого город, центр западных районов волжской Булгарии, был разрушен. Он, может быть, являлся главным городом в области Эсегел, как уже говорилось ранее.

Исследованиями Георги и Татищева была установлена связь города Ошеля с городищем, расположенным у с. Кирельского. Ему посвящено исследование П. А. Пономарева «Ошель и его следы» [168], в котором дано описание этого памятника.

«Городище находится в полуверсте к северу от с. Кирельского, на самой окраине средней террасы, в углу, образуемом заливными долинами Волги и Кирелки, и возвышается над ним сажени на три. Очертание городища почти прямоугольное, но с закругленными слегка углами. Поверхность его ровная и обнесена валом высотой около сажени [169], за которым с внутренней стороны находится такой же глубины ров. Но этого укрепления, служившего значительной преградой только со стороны заливных долин, жителям городка казалось, должно быть, недостаточно для обороны двух остальных сторон — северной и западной, где площадь городка находится на одном уровне с окрестными полями. По крайней мере здесь, внутри первой ограды, был насыпан еще один вал несколько выше наружного, а за ним выкопан ров глубиной в сажень, считая от площади городка, к которой он непосредственно примыкает.

Наружный вал со стороны Волги и Кирелки, подмываемый весенними разливами, разрушился к настоящему времени почти на всем протяжении, но все укрепления с прочих сторон сохранились вполне и имеют в длину 65 саж. на севере и 85 на западе. Разрезы в валах и соответствующие перерывы во рвах указывают на существование двух ворот: одни находились в середине северной стороны, а другие — в юго-западном углу» [170].

Культурный слой на территории городка очень тонок, не глубже чем 18—35 см, и памятников древнего быта содержит очень немного. Значительная раскопка, произведенная по всей волжской его окраине, где осыпающийся культурный слой представляет наибольшую мощность, ничего не дала кроме обломков глиняной посуды и кухонных остатков в виде мелко раздробленных костей животных. Пробные раскопки в других местах дали те же результаты. На пашне за валами, по направлению к д. Капердиной и д. Мельситовой, черепки и кости почти не встречаются.

Характер укреплений кирельского городища — прямолинейных, тщательно отделанных и снабженных разрезами в валах и перерывами во рвах для выезда,— совершенно аналогичен с оборонительными сооружениями прочих булгарских городов.

Ту же аналогию представляют и те многочисленные ямы, которые до раскопок покрывали площадь городища и о форме которых у местных крестьян сохранилось вполне определенное представление. Подобные ямы обыкновенно сопровождают булгарские городища. Форма их квадратная, длина до четырех метров, глубина около полутора метров. На одной из сторон всегда имеется дополнительная выемка, напоминающая вход в русскую баню-землянку. Ямки располагаются очень близко друг к другу и нередко тянутся правильной улицей. Если подобные ямки считать следами неприхотливых булгарских жилищ-землянок, то по числу их можно составить хотя бы приблизительно понятие о численности жителей древнего поселка.

Несмотря на огромный интерес, кирельское городище остается до сих пор неизученным. Мы не знаем его системы обороны, которая могла бы быть сопоставлена с данными летописи, ни его жилищ, от которых сохранились ямы, определяемые некоторыми исследованиями как землянки, но, вероятнее всего, являвшиеся подпольями домов. А между тем раскопки этого городища могли бы дать материал для выяснения характерных черт культуры этого района.

Жукотин

Жукотин был крупнейшим городом золотоордынской Булгарии. Его истории П. А. Пономарев посвятил работу «Владения Липовогорских князей» [171]. Им доказано, что городище у гор. Чистополя является развалинами древнего Жукотина.

Город возник еще в домонгольскую эпоху. Он упоминается Татищевым в числе городов, взятых Батыем при завоевании Булгарии: «Пришли татаре на великих Болгар, всю землю их попленили, град Великий и Жукотин, по жестоких боях взяв, всех мужей и жен порубили, а младых попленили и все земли их обладали» [172].

Есть все основания полагать, что Жукотин до XIII века был малым, незаметным городом, и что расцвет его начался с конца XIII в. К сожалению, в археологическом отношении городище пока еще остается неизученным. На его территории производились только небольшие разведочные раскопки. Но даже и тот, по большей части случайный материал, который собран, говорит о Жукотине, как о богатом городе, не без основания привлекавшем к себе внимание ушкуйников.

Возвышение Жукотина может быть объяснено только политическими причинами. Этот город объединил в свое время ряд мелких княжеств и русские летописи упоминают нескольких жукотинских князей.

Исследование окрестностей Чистополя привело к открытию в его соседстве ряда древних населенных пунктов.

Совсем близко, в 5—6 км от Чистополя, близ деревень Данауровки и Жукотина, находилось булгарское поселение. Около сел. Жукотино расположено другое городище небольшого размера, имеющее в окружности около 795 м. Вокруг него в древности находился посад, от которого сохранились ямы и остатки землянок [173]. Находки на поверхности земли в этих местах черепков посуды говорят о том, что поселения здесь тянулись одно за другим на протяжении двух километров.

На противоположной стороне оврага находилось древнее кладбище с могильными плитами, значительная часть которых была расхищена потом местным населением.

К востоку от сел. Жукотино, в долине р. Ерыкачи, расположено городище, часть которого занимает село Змиево, а километрах в пяти на восток от Змиева, на берегу р. Грязнухи, известно другое небольшое городище площадью около 300 кв. м. На полкилометра к востоку от сел. Жукотино есть еще одно городище, занимающее мыс и защищенное с напольной стороны валом. Подобное городище имеется и против с. Байтерянова на круче правого берега р. Бахты.

Исследования Жукотинского городища, произведенные П. А. Пономаревым и более поздними исследователями, дают в общем один и тот же материал — керамику булгарской культуры с обычным орнаментом, хотя с одной особенностью, характерной только для поздней эпохи: волнистый орнамент на посуде имеет очень крутые волны, отличающиеся от довольно пологих волн более ранней булгарской керамики. П. А. Пономарев приобрел у крестьян из их находок на месте городища одиннадцать монет; три монеты без имени ханов и даты (одна из них чеканена в городе Болгары и одна в Новом Сарае), три монеты Хызр-хана (две чеканены в Новом Сарае и одна в Гюльстане в 762 году Хиджры (1360 г.), три монеты Джанибек-хана, отчеканенные в Новом Сарае в 752 году Хиджры (1351 г.), одна монета Узбек-хана, булгарский пул с печатью Соломона и тамгой от 734 года Хиджры (1333—1334 гг.) и еще одна, выпущенная в Болгаре при Батые от имени Менгу-хана верховного [174]. Крупной находкой является известный клад драгоценных вещей из Джукетау, относящийся к концу XIV века. Его ценность подчеркивает большое богатство города.

К тому же времени относится городище, расположенное в долине р. Ерыкачи у села Змиево; оно датируется найденным там надгробием с арабской надписью, прочтенной Готвальдом и отнесенной им к XIV веку: «Он живой, который не умирает. Это могила... Да помилует ее Бог своим милосердием обширным» [175].

Так же датируется и городище в долине р. Грязнухи, где был найден камень с надписью, от которой сохранилась только верхняя часть с орнаментом в виде звезды. Эта надпись относится также к XIV веку.

Все эти городища тесно связаны с Джукетау и представляют поселения, непосредственно входившие в княжество.

Тубулгатау

К золотоордынской эпохе относится небольшой городок Тубулгатау, упоминаемый в «Таварих Булгарие». Изучению его была посвящены работы некоторых исследователей Поволжья: Артемьева, Вельяминова-Зернова, Шпилевского, Износкова, Казаринова, Пономарева. Казаринов и Пономарев убедительно доказали на основании топонимических даных, что Тубулгатау находился на место городища близ дер. Верхне-Никитской, у долины р. Шешмы. С северо-западной стороны городок был защищен сложной системой обороны из пяти валов и четырех рвов. Площадь городища составляет всего около 500 м в окружности.

Сведения «Таварих Булгарие» не сообщают ничего замечательного об этом городе за исключением разве того, что на его территории были погребены какие-то проповедники ислама.

Тубулгатау, надо полагать, не случайно привлекал к себе внимание ревнителей мусульманства. Археологические исследования показали, что в районе, прилегающем к устью р. Кичу, расположено несколько городищ и селищ. Так, Артемьевым открыто между деревнями Городище и Кармалы древнее городище с пригородом булгаро-татарской эпохи. Еще одно городище было открыто им в другом месте. Около с. Елантова найден крестьянами клад, содержавший монеты 1360—1362 гг. В 1,5 км от городища находится еще одно селище то же культуры [176].

Заселен был и правый нагорный берег р. Шешмы к юго-востоку от Елантова. На урочище, называемом Джилянтау (Змеиная гора), были найдены железные стрелы и удила.

В полукилометре от д. Кулмаксы сохранились развалины небольшой княжеской усадьбы, где в 1879 году была найдена кольчуга. Окружность городища составляет 450 м, вал и ров с напольной стороны имеют в длину 60 м.

Повидимому, Тубулгатау был центром небольшой области и это княжество не играло сколько-нибудь значительной роли в экономической и политической жизни страны.

Керменчук

Город Керменчук, называемый Рашид-Эддином «Кернек», был разрушен монголами в 1236 году одновременно со столицей царства, Великим городом, Биляром. Этот пункт, по мнению С. М. Шпилевского, находился на крайнем северо-востоке Булгарского царства.

Исследование развалин Керменчука производил Е. Т. Соловьев. Городище находится на р. Кермен, близ с. Русские Кирмени, в 11 км от Камы и занимает площадь в 400 × 1000 м. Территория городища распахивается уже около 100 лет.

Прежде на его поверхности виднелись развалины каменных сооружений, в настоящее же время встречаются только обломки керамики из синей глины местного производства. Точная ее датировка, к сожалению, невозможна. Археологические раскопки на площади городища не производились и мы вынуждены ограничиться только перечислением случайных находок — копий, стрел, мечей, кольчуг и др., сделанных крестьянами. По отзыву Е. Т. Соловьева, найденные на городище мечи «имели совершенно тот же вид, который известен нам в употреблении при вооружении русских воинов XIV века» [177]. Большое значение для датировки городища имеет открытое кладбище с могильными надписями, относящимися к XIV веку [178].

У местного населения сохранились предания о битве русских с татарами, которые Соловьев правильно сопоставляет с походом русских в 1396 году.

Отсутствие археологических материалов заставляет в вопросах датировки опираться на исторические сведения.

Упоминание города Кернек в истории Рашид-Эддина позволяет утверждать, что перед завоеванием Булгарии армией Субудая этот город представлял собою довольно крупное поселение, известное монголам, куда они и отправили свои войска для завоевания. Да и размеры городища заставляют отнести его к числу значительных булгарских городов. Разрушенный монголами, он был восстановлен в XIII веке и к XIV веку достиг расцвета, о чем свидетельствует наличие кладбища с могильными плитами XIV—XV вв.

Казань

Казань возникла еще в домонгольскую эпоху. Когда в XII веке русские окончательно отрезали булгарам путь на запад, последние приступили к освоению Закамья. Тогда и могла здесь возникнуть крепость — будущая Казань. Этой области булгары придавали большое значение. Несомненно, через нее шел поход булгар на Великий Устюг, организованный ими в 1218 году [179].

Земли по р. Казанке подчинялись непосредственно болгарскому князю, и этим, может быть, объясняется некоторая путаница в представлении летописца, называющего жителей Казани то булгарами, то казанцами. Значительно большее значение имел этот край в золотоордынскую эпоху. Разгром Булгарии Батыем безусловно заставил часть ее коренного населения уйти с насиженных мест в Прикамье. К сожалению, полная неисследованность мест новых булгарских поселений не позволяет датировать большинство из них, не говоря уже о выявлении других обстоятельств, которые могли бы пролить свет на историю края.

Пока анонимными остаются городище на Каме в 8,5 км от Лаишева [180] и неукрепленное поселение между устьем Камы и ее притоком Брыссой, где находили стрелы, керамику, монеты [181]. То же можно сказать и о памятниках, расположенных по р. Меше и ее притокам.

Множество известных здесь поселений и могильников говорит о большой заселенности края в древности. На берегу р. Нырсы, притока Меши, на расстоянии около 4 км от д. Бигуриной, обнаружена на кладбище могильная плита XV века с надписью: «Во имя Бога премилостивого и милосердного. Всякая душа вкусит... потом вы к нам возвратитесь. Сказал пророк, да будет над ним мир. Могила есть или один из садов райских или одна из пропастей геенны. Летосчисление 847 (1442). В первый день месяца сафара Юсуф ибн-Шейх переправился из сего тленного селения в селение вечное. До отпустит ему Бог все грехи его».

Старая Казань исследована плохо, хотя этому городу и посвящены работы Рычкова, Георги, Рыбушкина, Малова и Хомякова [182]. Со Старой Казанью связывается городище, расположенное на берегу Казанки, около д. Князь-Камаево. Городище занимает высокий уступ в 30 м над уровнем реки. Площадь его достигает 1000 кв. м. Около городища кладбище с могильными памятниками XV—XVI вв. Городище у татар называется Исык-Казань.

На площади городища при обработке земли неоднократно находили монеты. По определению Савельева, среди них имеются принадлежащие хану Пуладу 801—815 гг. Хиджры (1398—1412 гг.), джучидские монеты ханов от Шади-бека до Ахмеда, частью чеканенные в Болгаре. Монета, купленная Рыбушкиным, по определению Эрдмана, чеканена в Новом Сарае при хане Кульпе в 1378 году, вторая при Хыдр-хане в 1380 году.

Все археологические материалы, которыми располагает археология, дают только условную дату городища Исык-Казань: XIV—XV вв.

Старые поселения известны и у Новой Казани. В летописи, при описании осады Казани в 1552 году, упоминается старое городище: «...верх по Казани у старого городища...»

В Закамье, освоенном булгарами в XII веке, было построено в XII и XIV вв. немало городищ, большинство которых составляли ханские замки.

Разбор материала, собранного на территории наиболее известных городищ, несмотря на крайнюю его фрагментарность, показывает, что через некоторое время после монгольского нашествия города снова зажили своей жизнью.

Кашан

Город Кашан на Каме, фигурировавший в русских летописях иногда под именем Казани [183], стал известен только в золотоордынскую эпоху. Русские летописи упоминают о нем при перечислении других булгарских городов под 1391 годом. Татарские легенды сообщают о разрушении его Тимуром. Письменные и фольклорные источники свидетельствуют, таким образом, о существовании города со второй половины XIV века.

П. А. Пономарев посвятил городу Кашану отдельную работу [184].

Вещевой материал, собранный при разведках и местными крестьянами, состоит из черепков глиняной посуды и медных котлов, из цепей, ножей, замков, железных наконечников копий и стрел, рогулек, золотых и серебряных колец, медных и серебряных золотоордынских монет.

Для датировки городища имеют значение монеты, часть которых относится к 1363 году, и золотое кольцо с печатью, напоминающей тамгу Менгу-Тимура (1266—1280 гг.).

Отдельные находки могут быть датированы несколько более ранним временем, в их числе керамика из желтой глины и два железные замка. Город возник, повидимому, еще в домонгольскую эпоху, но развитие получил позднее, в XIII—XIV вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Необходимо согласиться с мнением С. М. Шпилевского, высказанным им в работе «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губ.» (Казань, 1877, стр. 123), что под Бряхимовым должно разуметь город Болгар на том основании, что татарская рукопись, переведенная Георги, относит к Бряхимову то, что другие татарские источники говорят о Болгаре, например, рассказ о разорении этого города Тимуром, после чего спасшиеся сыновья владетеля города сделались основателями Казани.

[2] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губ. Казань, 1877, стр. 124.

[3] Там же, стр. 139.

[4] Труды IV Археол. съезда, т. I, Казань, 1881, стр. CXXXIX.

[5] В. Казаринов. Развалины древних зданий при селе Болгарах. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. VI, в. 2, Казань, 1888, стр. 17.

[6] Отчет Археол. комиссии за 1892 г., СПб., 1894, стр. 67—69.

[7] Отчет Археол. комиссин за 1893 г. СПб., 1895, стр. 95—101.

[8] Приложение к протоколам заседаний О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив. за 1914 г. Известия О-ва, т. XXIX, в. 4, Казань, 1916, стр. 30—31.

[9] В. Ф. Смолин. Отчет об археол. раскопках в Болгарах в июне 1915 г. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXX, в. 1, Казань, 1917, стр. 67—73.

[10] Там же, стр. 113—116.

[11] Атлас к Трудам IV Археол. съезда в Казани. Казань, 1899, табл. Б.

[12] Кафтанников. Болгары или развалины столицы сего народа. «Заволжский муравей», Казань, 1832.

[13] А. Ф. Риттих. Материалы для этнографии России. Казанская губ., ч. 1, Казань, 1870.

[14] В. Ф. Смолин. Отчет об археол. раскопках в Болгарах в июне 1915 г. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXX, в. 1, Казань, 1917, стр. 67—73.

[15] В. Ф. Смолин. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926, стр. 73—75; М. М. Хомяков. Протоколы О-ва естествоиспыт. за 1913 г., № 294.

[16] В. Ф. Смолин. По развалинам древнего Булгара, стр. 72.

[17] С. И. Порфирьев. Об одной из подгородных палат села Болгары. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XVI, в. 4—6, Казань, 1900, Проток., стр. 12.

[18] Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 71.

[19] Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда-бен-Омар-ибн-Даста, СПб., 1869, стр. 84.

[20] П. П. Свиньин. Картины России и быт разноплеменных ее народов. СПб., 1839, стр. 190, прим. 1.

[21] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губ. Казань, 1877, стр. 26.

[22] Там же, стр. 5.

[23] В. М. Флоринский. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Томск, 1894, стр. 263.

[24] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 163.

[25] A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov musee national de Finlande a Helsingfors, т. I, 1916, стр. 14.

[26] Описание Н. Ф. Калинина, руководителя отряда в экспедиции А. П. Смирнова.

[27] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1871, стр. 275—276.

[28] Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 77.

[29] Известия Археол. комиссии, в. 15, СПб., 1905, стр. 139, рис. 140. Отчет А. М. Еремеевой.

[30] Там же, стр. 92.

[31] Там же, стр. 114.

[32] Kunst der Spatantique im Mittelmeer. Berlin, 1939, табл. 19, рис. 48—50.

[33] Ср. аналогичные розетки на ткани в книге de Morgan «Mission Scientifique en Perse», Paris, 1892, стр. 531.

[34] Archeologie hungarica, т. VIII, Budapest, 1932, табл. XXXI.

[35] В. Ржига. Очерки из истории быта домонгольской Руси. М., 1929, таблицы.

[36] В. Ф. Смолин. Краткий отчет о раскопках в Болгарах летом 1916 г. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз.унив., т. XXX, в. 1, Казань, 1919, стр. 113.

[37] Архив Казанского унив., дело № 1531.

[38] В. Ф. Смолин. Указ. соч., стр. 114.

[39] Руководила этой работой в экспедиции А. П. Смирнова зав. историческим отделом Казанского музея А. М. Ефимова.

[40] Заимствовано из отчета о раскопках А. М. Ефимовой.

[41] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарскне памятники. Казань, 1877, стр. 251.

[42] Отчет Археол. комиссии за 1901 г., СПб., 1902, стр. 80. Раскопки Веселовского на Кубани.

[43] А. А. Спицын. Старейшие русские могильники в Новгородской обл. Известия Археол. комиссии за 1905 г., в 15, стр. 3.

[44] А. А. Спицын. Владимирские курганы. Там же.

[45] Археологический атлас А. Ф. Лихачева, табл. 9, Казань, 1923.

[46] А. А. Спицын. Гнездовские курганы. Известия Археол. комиссии за 1905 г., в. 15, стр. 56.

[47] Материалы по археол. Кавказа, М., 1888, т. I, в. 1, стр. 93—99.

[48] Археол. атлас А. Ф. Лихачева, табл. 9.

[49] Отчет Археол. комиссии за 1986 г., СПб., 1898. Раскопки Веселовского на Кубани, стр. 55.

[50] Б. П. Денике. Живопись Ирана. М., 1938, табл. 11, 13, 17.

[51] Н. Я. Марр. Ани. М., 1934, табл. XI, рис. 216.

[52] П. П. Свиньин. Картины России и быт ее разноплеменных народов. СПб., 1839, стр. 202.

[53] В. Ф. Смолин. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926, стр. 76.

[54] Материалы по археол. Кавказа, т. IV, 1894, стр. 91.

[55] Отчет Археол. комиссии за 1896 г., СПб., 1898, рис. 143.

[56] Г. Н. Арзютов. Памятники золотоордынской эпохи в Нижнем Поволжье по данным раскопок и разведок в 1924 г. Труды Нижневолжского обл. научн. о-ва краевед., в. 35, ч. 1, Саратов, 1926, рис. 5.

[57] А. В. Арциховский. К методике изучения серпов. Труды секции археол. РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 36.

[58] Из дневника Н. Ф. Калиннина, руководителя отряда в экспедиции А. П. Смирнова.
[59] Ф. Баллод. Старый и Новый Сарай. Казань, 1923, стр. 52, табл. 22, 23.
[60] Ф. Баллод. Приволжские Помпеи, М., 1923, стр. 30.
[61] Труды XIX Археол. съезда. М., 1911, стр. 181.
[62] А. С. Башкиров. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1928, стр. 25.
[63] Там же, стр. 50.
[64] Там же, стр. 66.
[65] Известия Азербайджанского архитек. ком., Баку, 1925.
[66] А. С. Башкиров. Указ. соч., стр. 75.
[67] Там же, стр. 77.
[68] В. А. Казаринов. Описание Билярских и Баранского городищ. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. III, Казань, 1884, стр. 97; Развалины древних зданий при с. Болгарах. Там же, т. VI, в. 2, стр. 34, Казань, 1888.
[69] Н. Я. Марр. Анн. М.—Л., 1934, стр. 58, табл. XXXII, рис. 112, 113.
[70] С. Порфирьев. Белая палата в Болгарах по рисункам альбома Черепцовых. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXIV, в. 1—3, Казань, 1918, стр. 86, табл. 2.
[71] ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 232.
[72] ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 7.
[73] ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 14.
[74] ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 21.
[75] ПРСЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 163—164.
[76] ПСРЛ, т. СПб., 1901, стр. 9.
[77] А. Штукенберг. Последние раскопки в с. Болгарах. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. X, в. 1, Казань, 1892, стр. 109.
[78] В. Казаринов. Развалины древних зданий при селе Болгарах. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. VI, в. 2, Казань, 1888, стр. 19.
[79] Там же, стр. 20.
[80] Там же, стр. 27.
[81] Там же, стр. 19.
[82] Б. Н. Засыпкин. Памятник архитектуры крымских татар. «Крым», № 2/4, М.—Л., 1927, стр. 160—163.
[83] Г. В. Абих. Ани. Труды V Археол. съезда в Тифлисе. Протоколы предварительного комитета, М., 1882, стр. 210.
[84] Saladin. Manuel d'art musulman L'architecture. Paris, 1907, стр. 70.
[85] А. С. Башкиров. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 г. Материалы по охране, ремонту и реставр. памятн. ТАССР, т. III, Казань, 1929, стр. 33—34.
[86] А. П. Смирнов. Сувар. Труды ГИМ, в. XVI, М., 1941.
[87] А. С. Башкиров. Указ. соч., стр. 65.
[88] А. А. Берс. Прошлое Урала. М., 1930, рис. 15; В. Н. Семенов-Тянь-шанский. «Россия», т. V, СПб., 1914, стр. 141.
[89] И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства. «Иранское искусство и археология», Л., 1939, стр. 150.
[90] В. Д. Блаватский. Архитектура древнего Рима. М., 1938, стр. 110.
[91] Там же, стр. 60.
[92] Gluck. Probleme des wolboungsbauers Die Bäder Konstantinopolis. Wien, 1921, стр. 18—19.
[93] Л. Мусхелишвили. Раскопки в Дманнси. «Советская археология», т. IV, М.—Л., 1940, стр. 275.
[94] Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре. Л., 1936, стр. 185.
[95] А. С. Башкиров. Указ. соч., стр. 84.
[96] Н. Я. Марр. Ани, Ереван, 1939, стр. 123—124.
[97] И. Орбели. Баня в скоморох XII века. Сборник «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, стр. 163.
[98] Там же, стр. 163.
[99] Там же.
[100] Н. Арзютов. Золотая Орда. Саратов, 1930, стр. 5; Ф. Баллод. Приволжские Помпеи. М., 1923, табл. 27, рис. 1.
[101] В. Ф. Баллод. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды, Казань, 1923, табл. 25 и 26.
[102] В. П. Денике. Указ. соч., табл. 28.
[103] Saladin. Указ. соч., стр. 170, рис. 117.
[104] В. Ф. Смолин. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926, стр. 31.

[105] Л. Г. Гюзальян и М. М. Дьяконов. Иранские миниатюры в рукописях Шах-Намэ ленинградских собраний. Л., 1935, табл. 28 и 30.
[106] В. Ф. Смолин. Указ. соч., стр. 3.
[107] Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXIX, в. 5—6, стр. 213.
[108] Э. Кверфельдт. Китайская керамика XII—XIV вв. на Кавказе. Сборник «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938, стр. 185.
[109] Н. М. Карамзин. История государства Российского с самых древнейших времен, ч. I, СПб., 1818, стр. 351.
[110] С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 352—353.
[111] Материалы по охране, ремонту и реставр. памятн. ТАССР, т. III, Казань, 1929, стр. 28.
[112] Там же, стр. 29.
[113] Там же, стр. 31.
[114] Там же, стр. 31—32.
[115] Там же, стр. 32.
[116] Там же, стр. 33—34. Автор статьи датирует здание монгольской эпохой, но в личной беседе он сказал мне, что это опечатка.
[117] Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, булгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда-бен-Омар-ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 82.
[118] Н. К. Коковцев. Еврейско-хозарская переписка в X веке, т. I, изд. АН СССР, 1932, стр. 98—99.
[119] Д. А. Хвольсон. Указ. соч., стр. 84.
[120] Сведения любезно предоставил мне проф. С. П. Толстов.
[121] Geographie d'Edrisi, Paris, 1840, т. II, стр. 404.
[122] С. М. Шпилевский. Указ. соч,. стр. 48.
[123] Там же, стр. 48.
[124] А. Фасмер. О монетах волжских булгар X века. Известия О-ва археол. ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXXIII, в. 1, Казань, 1926, стр. 1.
[125] А. Френ. О древнейшей монархии волжских булгар. СПб., 1816, стр. 204
[126] С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 43.
[127] А. Френ. Указ. соч., стр. 204.
[128] С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 49.
[129] П. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1890, стр. 49.
[130] С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 50.
[131] Там же, стр. 51—52.
[132] П. Ахмаров. Экскурсия на место древнего Сувара. Известия О-ва археол. ист. и этногр. при Каз. унив., т. XI, в. 5, Казань, 1893, стр. 474—481.
[133] Там же, стр. 481; Отчет Археол. комиссии за 1893 г., стр. 84.
[134] В работах по исследованию городища приняли участие Л. А. Евтюхова, С. Ф. Егорова, С. В. Киселев, Е. И. Крупнов, Д. Ф. Лодейщиков и А. П. Смирнов.
[135] Материалы по охране, ремонту и реставр. памятн. ТАССР, т. III, Казань, 1929, стр. 26.
[136] ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 83.
[137] Там же.
[138] Д. Н. Эдинг. Сарское городнще. Ростов — Яросл., 1928, стр. 25—26.
[139] Die Vorgeschichte, 1922, стр. 48—49.
[140] Материалы по охране, ремонту и реставр. памятн. ТАССР, т. III, Казань, 1929, стр. 29.
[141] Д. А. Хвольсон. Указ. соч., стр. 84.
[142] Там же, стр. 87.
[143] С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 13.
[144] Цилиндры №№ 44(3), 46(5), 10, 55(13) и 59(17) открыты в 1935 г.
[145] Материалы по охране, ремонту и реставр. памятн. ТАССР, т. III, Казань, 1929, стр. 33 и сл.
[146] «Вопросы реставрации», в. 1, М., 1926, стр. 137—178.
[147] Там же, в. 2, М., 1928, стр. 207.
[148] В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва. Материалы по археол. России, № 16, СПб., 1894.
[149] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. Труды XIV Археол. съезда, т. III, стр. 162—200.
[150] Там же, стр. 208—209.
[151] Ф. Баллод. Приволжские Помпеи. М., 1923, стр. 37.
[152] Там же, стр. 69.
[153] А. А. Кротков. Раскопки на Увеке в 1913 г. Саратов, 1914, стр. 35.
[154] «Вопросы реставрации», в. 2, М., 1928, стр. 207.
[155] Материалы археол. России, № 16, СПб., 1894, стр. 174.

[156] «Вопросы реставрации», в. 1, М., 1926, стр. 140—141.
[157] Там же, стр. 141.
[158] Там же, стр. 140.
[159] Там же, стр. 141.
[160] «Вопросы реставрации», в. 2, М., 1928, стр. 225.
[161] «Вопросы реставрации», в. 1, М., 1926, стр. 139.
[162] Там же, стр. 252.
[163] Ф. В. Баллод. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Казань, 1923, стр. 15, 24.
[164] Такой крупный волнистый орнамеит очень часто встречали на черепках из гор. Джукетау, расцвет которого относится к монгольской эпохе.
[165] В описании она дана под одним разделом, так как некоторая разница в цвете объясняется иным характером обжига.
[166] Н. И. Ашмарин. Словарь Чувашского языка, в. 2, Казань, 1929, стр. 71. В этом словаре Н. И. Ашмарин под словом «Арслан» пишет: «Арслан — имя мужчины, а также и название поля, которым он владел... Арслан — название поля, находящегося в полутора верстах от деревни Новой Тиньгешевой, Шуматовской вол., Ядринского у., получившего это название от имени некоего Арслана, который когда-то владел им».
[167] А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 49.
[168] Известия о-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. X, в. 3, Казань, 1892, стр. 273.
[169] У Георги высота вала показана в 2 саж., вероятно, считая со дна рва.
[170] Из этих измерений видно, что вся окружность городка — 650 м. В «Заметках» показано 362 саж. (780 м), вероятно, потому, что измерение производилось шагами.
[171] Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. X, стр. 6, Казань, 1892, стр. 467—486. В работе приведена библиография.
[172] В. И. Татищев. История Российская с самых древнейших времен... кн. 3, М., 1774, стр. 405.
[173] Там же, стр. 479.
[174] Там же.
[175] Там же, стр. 482.
[176] Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XI, в. 4, Казань, 1893, стр. 326.
[177] Е. Т. Соловьев. Где был булгарский древний город Керманчук. Известия О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. VII, Казань, 1889, стр 1—17.
[178] Е. Т. Соловьев. Топография древнего города около села Русские Кермени.
[179] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 126.
[180] С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 383.
[181] Там же, стр. 387.
[182] М. М. Хомяков. Где была старая Казань? Известиа О-ва археол., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXVI, в. 6, Казань, 1911, стр. 625.
[183] Разбору свидетельства Никоновской летописи по этому вопросу посвящена отдельная глава в книге С. М. Шпилевского «Древние города», Казань, 1877.
[184] П. А. Пономарев. Булгарский город Кашан. Казань, 1893.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение вещественных и письменных памятников по истории народов Поволжья и систематические раскопки существовавших в Поволжье средневековых городов, проведенные за советский период, дали основание заново пересмотреть историю волжской Булгарии, одного из ранних государств средневековой Европы, сыгравшего значительную роль в истории культуры некоторых народов Советского Союза. Эти исследования позволили выдвинуть новую точку зрения на этногенез волжских булгар, выявить значение пришлых аланских и местных племен и большую роль славянского компонента в этом процессе. Теперь можно считать установленным, что волжская Булгария оказала огромное влияние на консолидацию местных племен, на процесс этногенеза казанских татар и чуваш. И не случайно первые из них долгое время после падения Булгарского царства продолжали называть себя булгарами.

Изучение стратиграфии булгарских городищ помогло установить периодизацию булгарских памятников и на ее основе воссоздать этапы экономической и культурной истории волжских булгар.

Материал, полученный последними раскопками, дал возможность выяснить еще одну сторону взаимоотношений Руси с Булгарией, ранее ускользавшую от внимания историков — разрешить вопрос о культурных связях между ними и о большом влиянии Руси на волжскую Булгарию. Их тесные культурные взаимные связи, устанавливавшиеся в булгарский период, несомненно послужили основой того влияния, которое оказывала Московская Русь на политическую жизнь возникшего впоследствии Казанского ханства.

ТАБЛИЦЫ

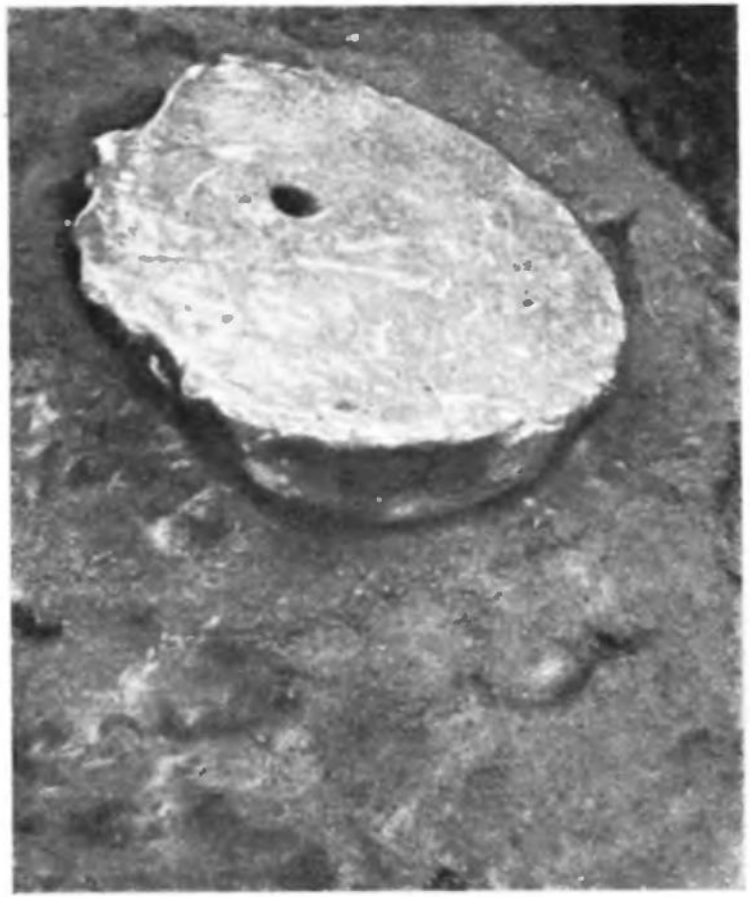

Рис. 1 (слева). Жернов от ручной мельницы из раскопок Болгарского городища.—*Рис. 10* (справа). Одна из башен Чортова городища близ Елабуги.

Рис. 28.

Рис. 41.

Рис. 140.

Рис. 28. Кричный горн из раскопок Болгарского городища.—*Рис. 41.* Остатки литейной печи для выплавки чугуна, открытой в Болгарах.—*Рис. 140.* Один из водоемов в Белой палате в Болгарах.

Рис. 46.

Рис. 47—49.

Рис. 50.

Рис. 51.

Рис. 13.

Рис. 65—66.

Рис. 13. Парадный военный топорик с серебряной насечкой.—*Рис. 46—51.* Булгарские зеркала.—*Рис. 65—66.* Формы для отливки украшений.

Рис. 67—69.

Рис. 70.

Рис. 71.

Рис. 80.

Рис. 79.

Рис. 67—69. Височные кольца.—*Рис. 70.* Привеска золотая.—*Рис. 71.* Капторга (ладанка) серебряная.—*Рис. 79.* Сасанидское блюдо.—*Рис. 80.* Серьга золотая.

Рис. 72.

Рис. 73–74.

Рис. 75—76.

Рис. 78.

Рис. 77.

Рис. 72. Височное кольцо. —*Рис. 73—74.* Серебряные плетеные браслеты. *Рис. 75—76.* Щитки от перстней.—*Рис. 77—78.* Нагрудное украшение и браслет из Рязанского клада.

Рис. 123.

Рис. 112.

Рис. 113.

Рис. 112. Фрагмент сосуда из Сувара.—*Рис. 113.* Сарматский сосуд из кубанских раскопок.—*Рис. 123.* Кладка западной стены Греческой палаты в Болгарах.

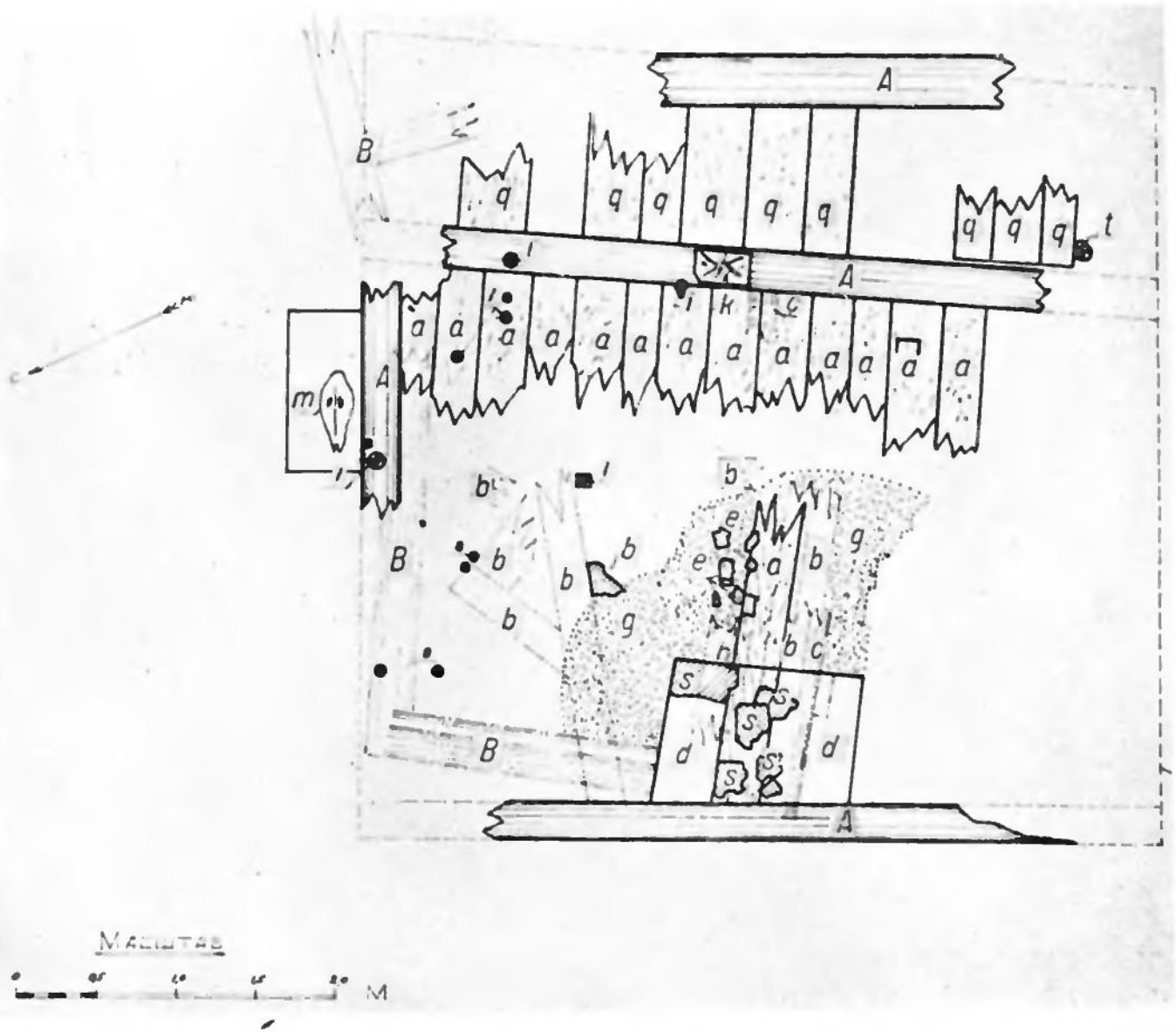

Рис. 131. План дома XIII века в Болгарах

Обозначения на плане:

A — куски бревен, из которых были сложены стены,
B — бревна верхних венцов,
a — доски пола,
b — доски потолка,
c — балки покрытия,
d — место, где стояла печь,
g — развал печи,
s — сохранившиеся кирпичи от печи,
i — колья, вбитые в землю под полом и стенами дома,
k — обрубок бревна под стеной,
q — доски наружного помоста,
t — обрубок столба под помостом,
m — конский череп.

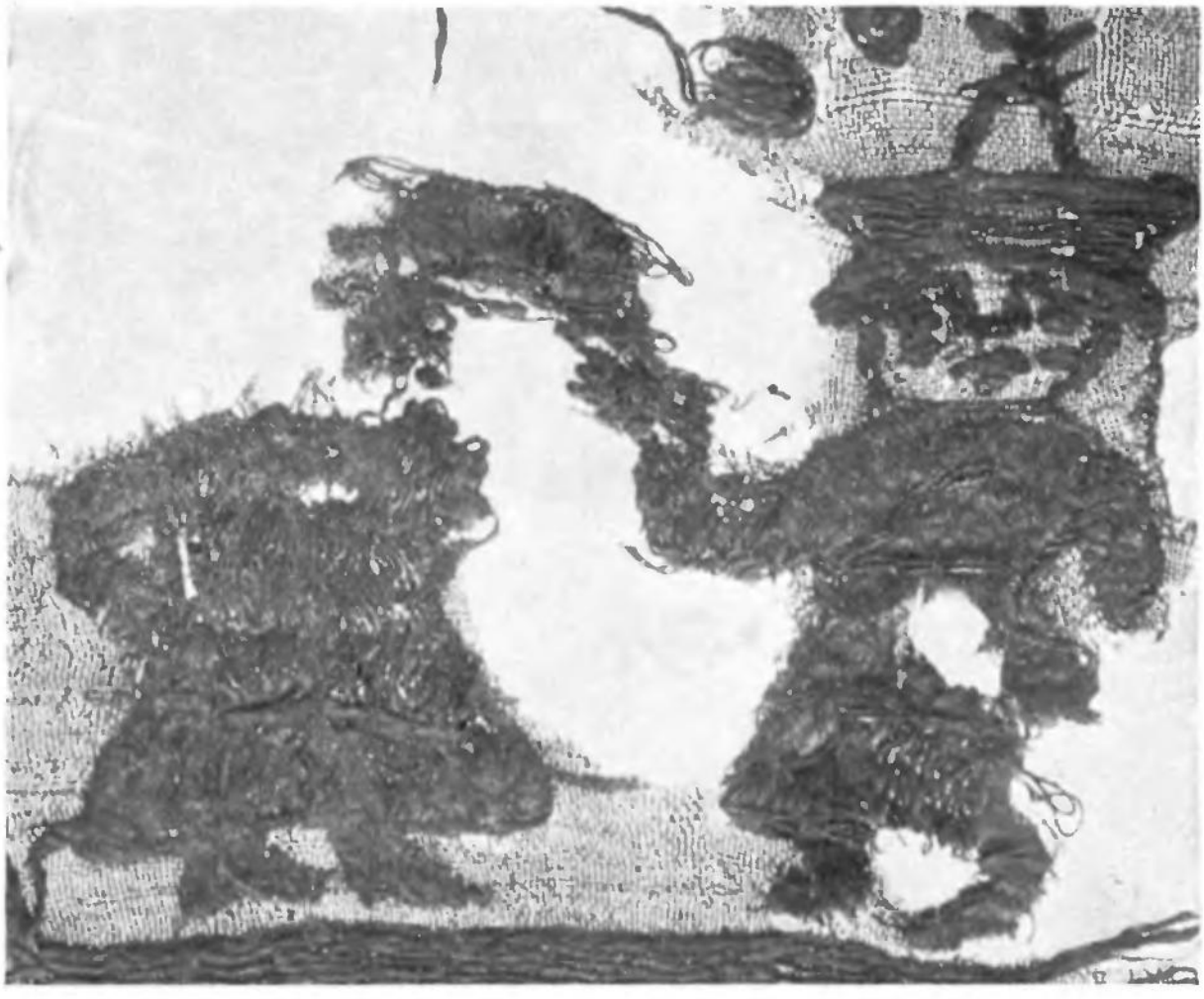

Рис. 121.

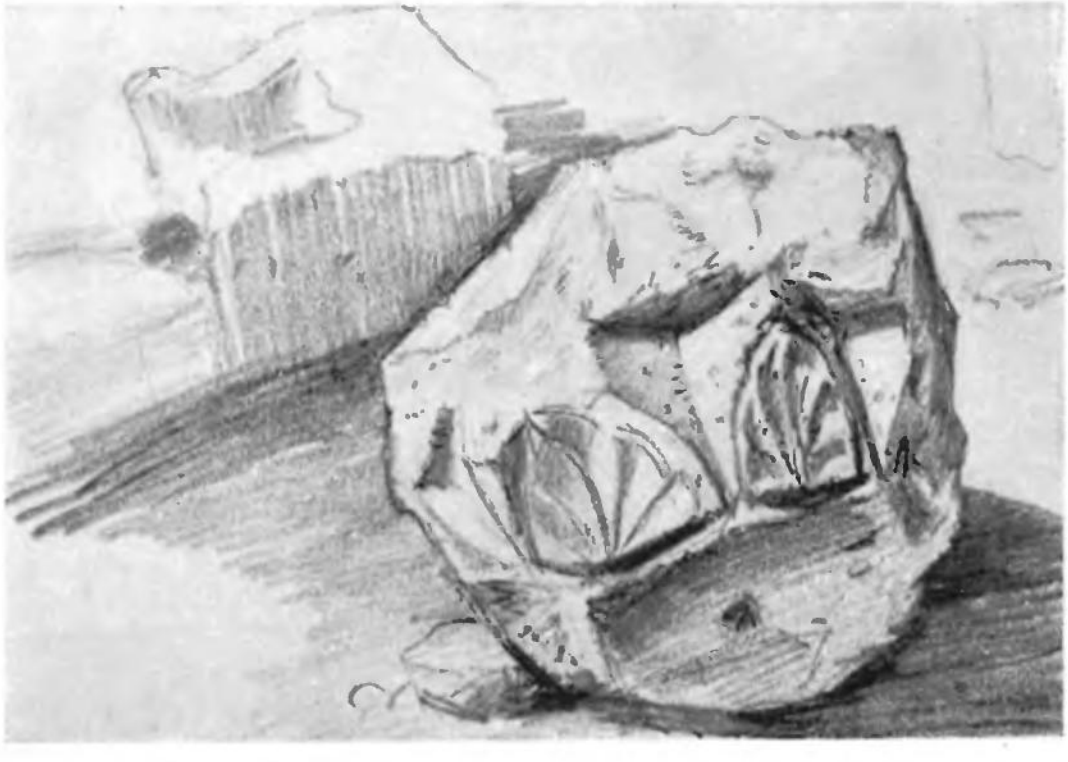

Рис. 133

Рис. 121. Древняя вышивка. — *Рис. 133.* Капитель от колонны Соборной мечети (Четырехугольника) в Болгарах.

Рис. 134. Малый минарет в Болгарах.

Рис. 135 Декоративная пальметка на углу Малого минарета в Болгарах.

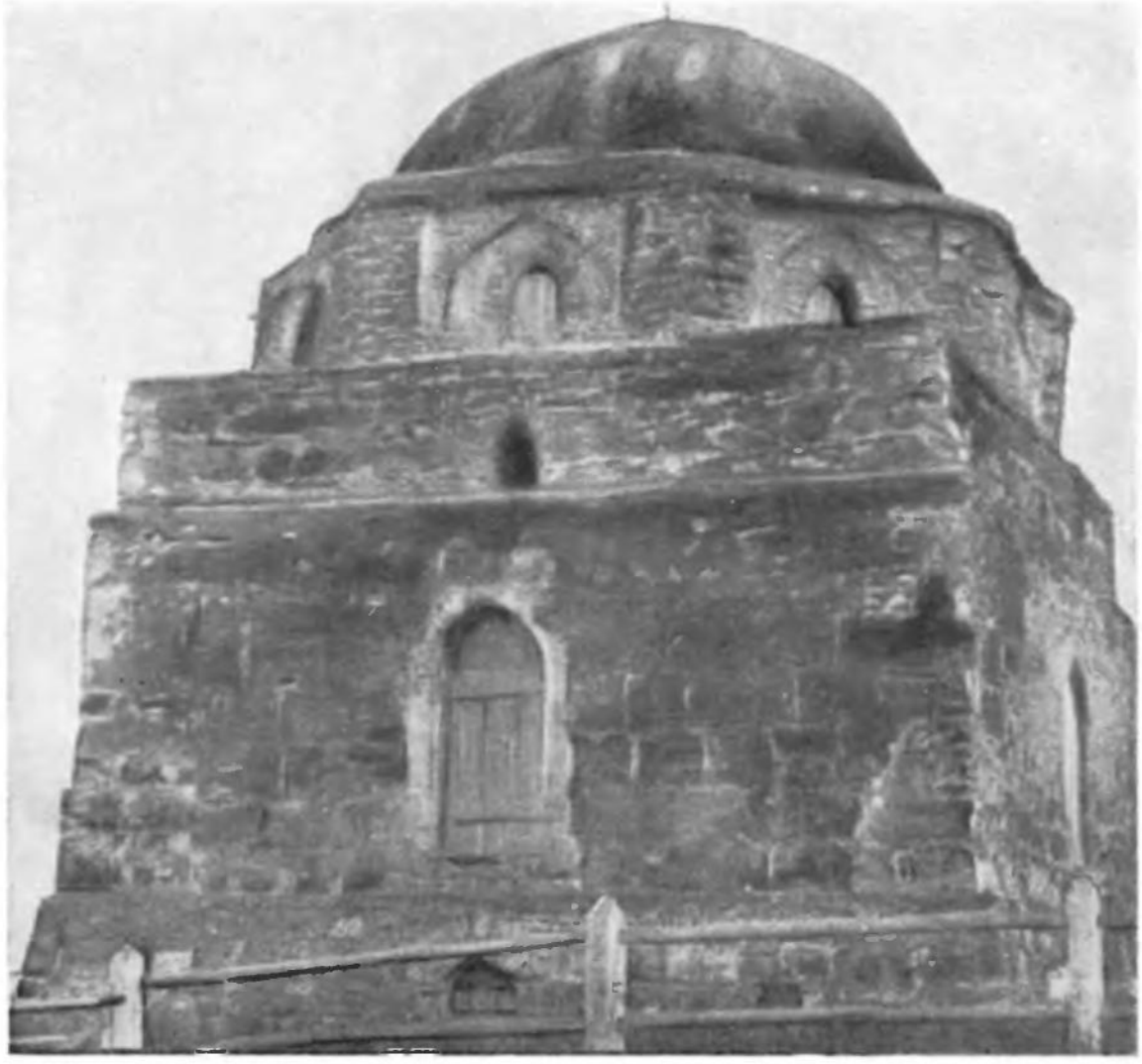

Рис. 137. Здание Соборной мечети (Четырехугольника) в Болгарах.

Рис. 138.

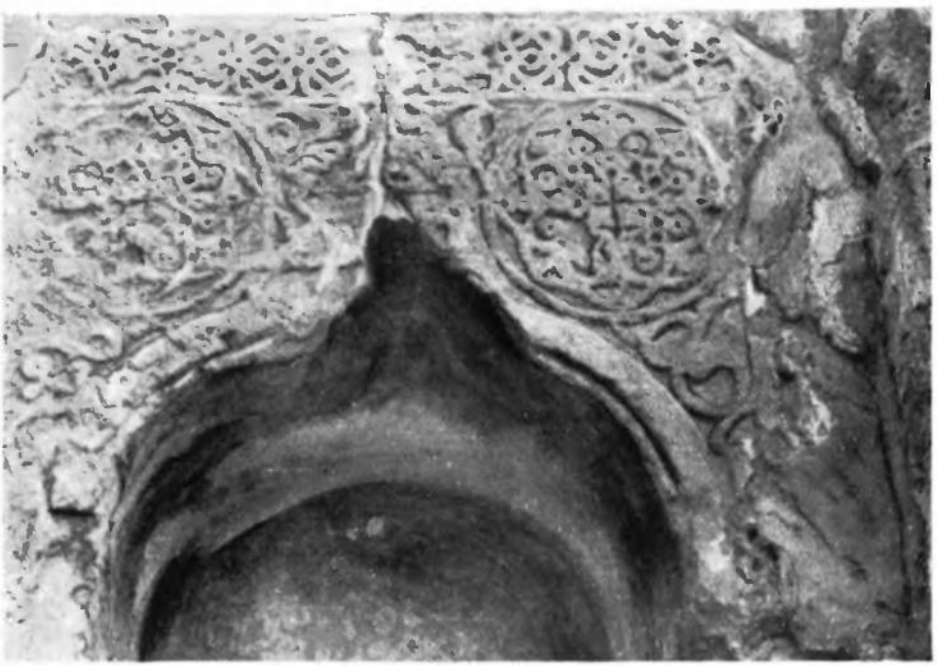

Рис. 136.

Рис. 138. Дюрбе—Ханская усыпальница в Болгарах.—*Рис. 136.* Орнамент над нишей Малого минарета в Болгарах.

Рис. 140. Один из водоемов Белой палаты в Болгарах.

Рис. 139. Дюрбе—церковь св. Николая в Болгарах.

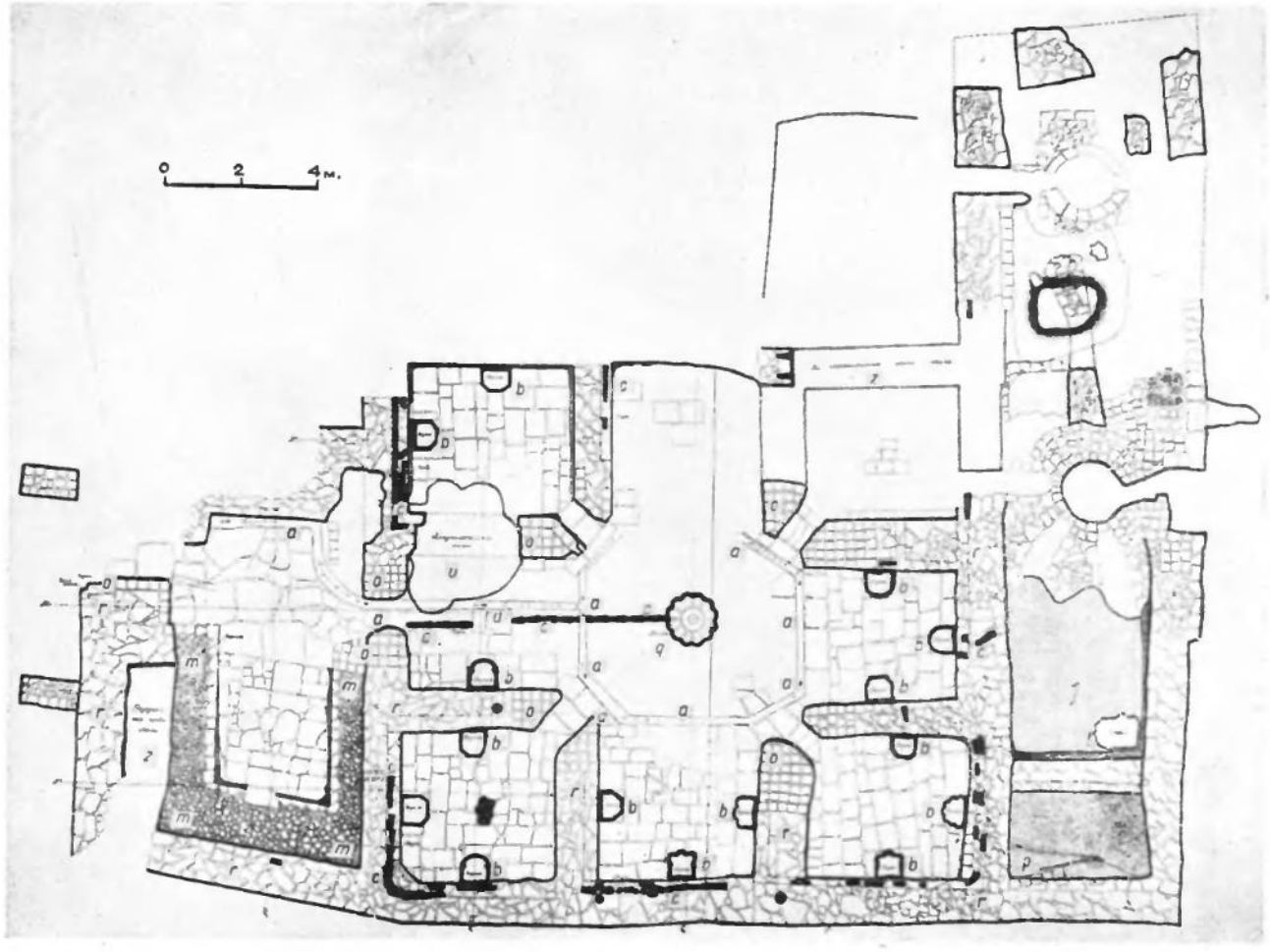

Рис. 141. План бани XIII в. (Красной палаты) в Болгарах.

Обозначения на плане: *a*—водостоки, *b*—водоемы, *c*—трубы, *m*—лежанки, *o*—кирпичная кладка углов, *r*—белокаменная кладка стен, *z*—разрушенные части стен, *l*—провал, *v*—кладоискательский раскоп.

Рис. 142—143. Баня (Красная палата) в Болгарах. Вверху—первая комната, внизу—центральная часть бани.

Рис. 144—145. Баня (Красная палата) в Болгарах. Вверху—вид из угловой комнаты на фонтан, внизу—восточная часть бани.

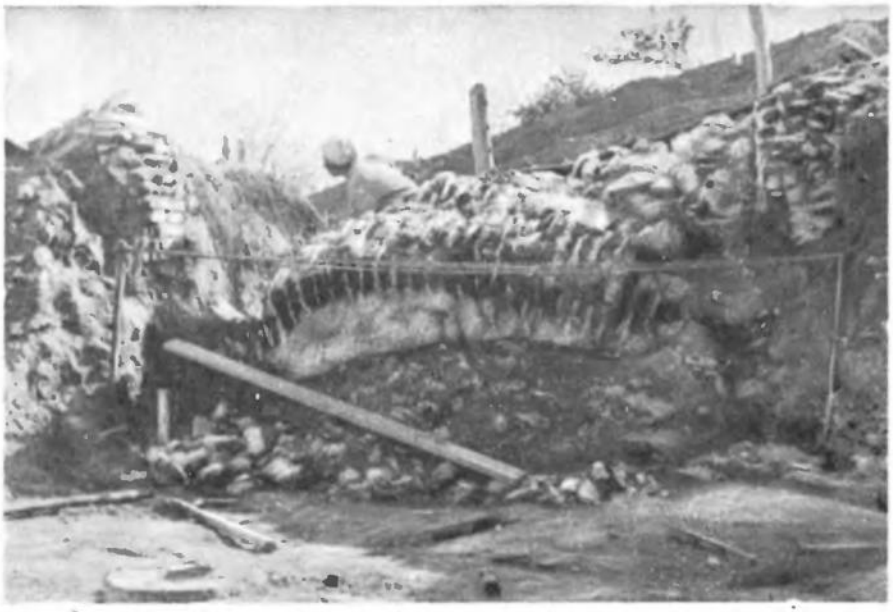

Рис. 146—147. Баня (Красная палата) в Болгарах. Вверху—обвалившийся свод в одной из комнат, внизу—сохранившаяся часть цистерны для воды.

Рис. 148—149. Баня (Красная палата) в Болгарах. Вверху — печь, внизу — каменный водоем с краном.

Рис. 151—154.

Рис. 155.

Рис. 151—154. Керамические изделия домонгольской эпохи, найденные при раскопках Суварского городища. — *Рис. 155.* Перстень с арабской надписью „Арслан", найденный в Суваре.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

I. Дофеодальный период 7

II. Феодальная Булгария. Домонгольский период 35

III. Золотоордынский период 53

IV. Пережитки булгарской культуры у казанских татар и чуваш 75

V. Военное искусство 87

VI. Ремесла и строительное дело 105

VII. Русский элемент в культуре булгар 153

VIII. Города волжских булгар 167
1. Великие Болгары 168
2. Биляр 229
3. Сувар 230
4. Ошель 265
5. Жукотин 266
6. Тубулгатау 267
7. Керменчук 268
8. Казань 269
9. Кашан 270

Заключение 275

Приложения:

а) Карта Восточной Европы XII—XIII вв.
б) Таблицы рисунков I—XVIII.

Техн. ред. Б. Н. Петров

Л167598. Подп. к печ. 30/XI 1950 г. печ. л. 17,5+18 табл.+1 карта. Тираж 4500 экз.

17-я тип. Главполиграфиздата. Москва, ул. 25 Октября, 5. Зак. 570.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
5	9 снизу	р. Урал	р. Урала	корректора
5	10 „	саксии	саксини	„
51	28 „	не могли стре-миться	не могли не стре-миться	„
53	4 „	Субадай-Богадура	Субудай-Багадура	„
70	16 „	кристианиськия	хрестианьския	„
130	10 „	сасанидского	саманидского	„
130	11 сверху	хозарским	хазарским	„
145	17 „	остановились	оставались	„
146	17 „	словян	славян	„
147	15 снизу	готов	можно	„
147	19 „	костных	костяных	„
табл. X	подпись под рис. 137	Здание Соборной мечети (Четырех-угольника) в Болгарах	Мечеть — Черная палата в Болгарах	„